

Н О В Ы Й
М И Р

Н О В Ы Й
М И Р

1960

11

1960

НОВОЫЙ И МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXVI

№ 11

Ноябрь, 1960 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ОГНИ. Переключка друзей. Андрей Малышко. Максиму Рыльскому. Перевел с украинского Николай Браун.— Максим Рыльский. Андрею Малышко. Перевела с украинского Мария Комиссарова.— Наири Зарьян. Максиму Рыльскому. Перевела с армянского Вера Звягинцева.— Петрусь Бровка. Сиянье братства, свет улыбок... Перевел с белорусского Яков Хелемский.— А. Прокофьев. Друг, твои слова мне как награда...	3
ВАЛЕНТИН ОВЕЧКИН — Время пожинать плоды... Пьеса в трех действиях, восьми картинах	9
Г. ГОРЕВ — На самых дальних улицах. Записки новосела	42
СИЛЬВА КАПУТИКЯН — Раздумья на полпути, поэма. Перевел с армянского Вл. Корнилов	52
А. М. ГОРЬКИЙ. О единице.— А. СЕМЕНОВ. На Капри у М. Горького.— Из переписки А. М. Горького и А. А. Семенова	57
В. ПОЗНЕР — Место казни. Перевел с французского К. Наумов	87
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ	
Н. К. КРУПСКАЯ — По градам и весям Советской Республики (Полтора месяца работы на литературно-агитационном пароходе ВЦИК «Красная звезда»):	113
Е. ГЕРАСИМОВ — Неслучайные встречи	131
ПУБЛИЦИСТИКА	
Б. ЯКОВЛЕВ — Боевое оружие. Новое издание ленинских «Тетрадей по империализму»	157
В МИРЕ НАУКИ	
В. ПЕТРОВ, кандидат технических наук, И. ОВЧИННИКОВ, инженер — Перед полетом человека в космос	165
ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ	
ВЕРА ИНБЕР — Эхо в горах	178
ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ — О собирателях редкостей	183
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Б. РУНИН — Спор необходимо продолжить	195
Б. МЕЙЛАХ — Уход и смерть Льва Толстого. Окончание	220

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
МИР — ЗНАМЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ (Публикация подготовлена кандидатом исторических наук В. Кондратьевым)	241
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
М. Блинкова. Саша Зеленин и его друзья.— А. Берзер. Путь ко второй книге.— И. Виноградов. Почему стало пусто в «каса маре»? — А. Кондратович. Слова и годы.— А. Турков. Книга о мастерстве Пушкина.— Д. Альшиц. Древнерусская проза в стихотворных переводах Н. В. Водовозова.	248
<i>Политика и наука</i>	
А. Байкова, кандидат исторических наук, К. Козырина. Новое о В. И. Ленине за рубежом.— В. Филиппов, кандидат экономических наук. По ленинскому пути.— М. Сидоров, кандидат философских наук. Новый труд по истории философии.— И. Ермашев. Воспоминания советского дипломата.	270
КОРОТКО О КНИГАХ	283
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

ОГНИ

Переключка друзей

★

АНДРЕЙ МАЛЫШКО

Максиму Рыльскому

В те дали ежедневно поезда
Отходят от столичного перрона.
Бери табак, стихи и, как всегда,
Хлеб-соль, тарани вялено-соленой,
Крючки, садок и удочек набор,
Еще нехитрых захвати наживок —
И в путь айда, ведь лето перед жнивом
Дни ясные выводит на простор.

Там белый домик между трав.

Он был
Шумлив, приветлив — вовсе не обитель,
И в нем когда-то друг мой милый жил,
Мудрец в речах, а в песне — мой учитель.

Короче говоря, я в том краю
Для песен душу открывал свою
С надеждами, с мечтами молодыми,
С порывами, горячими такими.
И день, иль ночь, иль завыванье вьюг,
А он все ждал меня, большой мой друг.

Бывало, упадет туман густой,
И ветер веткой машет золотой,
И в тот осенний поздний час, бывало,
Тебя встречает с поезда лесок,
И ты ступаешь на сырой песок,
Идешь-бредешь ты, как ребенок малый,
На огонек, что теплится сквозь ночь
В окне и, тени разгоняя прочь,
Зовет тебя, как звездочка над светом,
Теплом людским и тишиной-приветом.

А в доме том, лишь ступишь на порог,
Все то, что написал иль видеть мог,
Вложи подарком в разговор сердечный,
В Герасименка Костя смех беспечный
Иль в щедрую, как полная река,
Речь смелого Олексы Десняка.

Он был живее всех среди живых
В семье, и на охоте, и на сцене.

Пусть остаются в памяти людской
Певучий Шпорта — добрыми глазами,
Яновский — музыкальной строкой,
Пусть Копыленки страсть владеет нами.

Утрат, мой друг, не счесть нам на земле,
Бывает, сердце загрустит порою,—
Но в дружной с вами мы живем семье,
И этой дружбы не разлить водою!

Когда вечерний наплывет туман,
Чудесно за притихшею беседой
С Нагнибедою ладить мне таган,
Уху себе готовить для обеда.

Когда трещат поленья на огне,
Взметая искры, радостно при встрече
Обнять Платона Майбороду мне,
С Платоном Воронько пробыть весь вечер.

Как весело, как молодо шумит
Под древним дубом, в заповедном месте,
Как синеву вечернюю живит
Огонь поэзии с рыбацким вместе!

О, сколько в мире дружеских огней!
И в этом радость и моя и ваша...
Нам стал огонь поэзии светлей
От света, что зажег Прокофьев Саша!

Не раз мы слушали при свете том
Речь Ладоги, что льется без умолку,
Она, живым сверкая серебром,
Развеселила б сердце даже волку.

Мы слышим братский зов издалека —
С Петрусем Бровкой надо повстречаться,
Огнем согреться в доме Маршака
И с Тихоновым дружески обняться.

Нас дружеский огонь повсюду ждет,
Друзей объятья с каждым годом шире,
Там, где спокойный Янка Брыль живет,
Где пламенный живет Нарьян Заири.

Задумчивая тихая пора,
Леса в туманной предосенней рани,—
Мингрельские нам светят вечера,
Что звездами украсил Чиковани.

Но все ж не только света, что в окне
У этого, иного ли поэта!
Нам всюду радость в дружеском огне,
Уж, видно, такова у нас планета!

По винницким бродили мы местам —
Вы помните? — однажды летом с вами,
С какими мы людьми встречались там,
Полей, садов большими мастерами!

Вы помните — прудок в Сосенке был,
В долине, в зеленеющем приволье?
Вы помните, как мальчик был доволен,
Что карпа «пребольшущего» словил?

Когда ж вбежал он к матери вприпрыжку,
Какой в ее глазах зажегся свет!
Казалось, что ее счастливей нет:
«Ишь ты какой! Взгляните на мальчишку!»

Ему на память подарили вы
«Сатурн»¹ — зеленый и крючок «счастливый».
А карпа он поймал у старой ивы
При помощи такой, как он, «братвы».

Наверно, помнит он о встрече нашей —
Теперь он вырос, стал теперь не тот, —
Пускай ему везде во всем везет!
(В запасе есть, конечно, рифмы краше.)

С волнением всегда я вспоминал —
И мне воспоминанье грело душу, —
Как пели раз вы с неграми «Катюшу»,
Что русский, Исаковский, написал.

Примите, друг мой, братское посланье,
В погожие его прочтите дни!
Я крепко жму вам руку на прощанье...
Прекрасно, что на свете есть огни!

Перевела с украинского Мария Комиссарова.

НАИРИ ЗАРЬЯН

Максиму Рыльскому

...Горят сердца среди полей, предгорий,
Перекликаясь вспышками огней.
Различны мы, но наш единый корень —
Горение великих наших дней.

Костер один, а языков в нем много,
Мы все как птицы разного пера,
Так пусть же освещается дорога
Многоязыким пламенем костра!

¹ «Сатурн» — название особого сорта лески. — М. Р.

Иногда огонь вдруг затрепещет зыбко,
Но тут его поддержит друг, любя.
Ты Украины светишь мне улыбкой,
И по-армянски я пою тебя.

Когда враги топтали Украину,
Мне, армянину, слезы сердце жгли,
Звал братьями я Бажа́на, Тычину,
Да что там я,— народ моей земли!

Забуду ли, как ты сказал когда-то:
«Севан не только озеро, его
Храните, как зеницу ока, свято,
Любите сердце края своего».

В соревнованьи две сестры-столицы.
Как ни хорош мой Ереван сейчас,
У Киева он может поучиться
И зеленее стать во много раз.

А-я, Максим Фаддеевич, мечтаю
Брат у тебя уроки доброты,
Той доброты, с какой родному краю
И дома и в дороге служишь ты.

Сегодня братьям огненного слова
Ты в песне руку протянул свою,
Ты светом Украины светишь снова,
Я по-армянски о тебе пою!

Перевела с армянского Вера Звягинцева.

★

ПЕТРУСЬ БРОВКА

* * *

*Скрізь на землі є приязні вогні,
Така вже нам відпущена планета!*
Максим Рыльский.

Сиянье братства, свет улыбок,
Огни, огни по всей стране.
Максим Фаддеевич, спасибо,
Что вспомнил ты и обо мне.

Какую славную дорогу
Ты проторил к людским сердцам!
Нет, не один я... В Минске много
Твоих друзей, ты знаешь сам.

Мы в песенной семье слилися,
Душевной встрече каждый рад.
Где б ни был ты — в Москве, в Тбилиси,—
Ты всюду родич, всюду брат.

В любом творении поэта
Родства немеркнувшего след.
Мы светом верности согреты,
Все озаряет этот свет.

Он слил народы воедино,
Он с нами всюду и всегда,
Маяк — в ненастную годину
И солнце — в мирные года.

Он с нами в будни, с нами в праздник.
Хоть друг от друга мы вдали,
Живые очаги приятни
Горят во всех концах земли.

Им ветер вражеский не страшен.
В какую даль ни загляни,
Везде сердца пылают наши,
Как братства вечные огни.

Перевел с белорусского Яков Хелемский.

★

А. ПРОКОФЬЕВ

Друг, твои слова мне как награда...

Друг, твои слова мне как награда,
Пусть в моей душе горят они.
Мне с тобою встретиться бы надо —
Ярче прежнего разжечь огни!

...Украина, сердце Украина,
Всю тебя я вижу поутру,
Цвет вишневый или тополиный,
Алые штандарты на ветру.

Украина, свет мой Украина,
Я недаром сердце разбудил.
Встреть меня и проводи, как сына,
В пасынках твоих я не ходил!

Льется свет из глаз твоих лучистых,
Дивный свет сияет впереди...
Вот идут певцы твои, Отчизна,
Их огни горят в твоей груди!

ВАЛЕНТИН ОВЕЧКИН

★

ВРЕМЯ ПОЖИНАТЬ ПЛОДЫ...

Пьеса в 3 действиях, 8 картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА КРЫЛОВА
ВАРВАРА СЕМЕНОВНА
ВИКТОР
МАША
НИКОЛАЙ ГАЛЬЧЕНКО
ЗИНА
СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ
СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА
ОРЕСТ ФИЛИППОВИЧ
ШУРОЧКА
ИДЕЯ ПЕТРОВНА
АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ
МАРФА ИГНАТОВНА

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина первая

Квартира Крыловых. Наталья Павловна только что пришла с работы, сняла пальто, шляпку, причесалась перед зеркалом, выкладывает из сумки покупки. Звонок. Открыла дверь. Входит запыхавшаяся Варвара Семеновна.

Варвара Семеновна. Здравствуй, Наташа. Ну и быстро же ты ходишь! Не догнала тебя.

Крылова. Здравствуй. А что случилось?

Варвара Семеновна. Ничего не случилось. К тебе шла. Четыре дня не видалась. Соскучилась... Вижу — вышла из «Гастронома» и пошла, пошла! Ни разу не оглянулась.

Крылова. Окликнула бы.

Варвара Семеновна. Я тебя увидела аж от самой автобусной остановки. Кричать на всю улицу?

Крылова. Ну раздевайся. Сейчас сварю кофе... Порежь сыр, переложи масло вот сюда. Хорошо, что пришла. Я сегодня злая!..

Варвара Семеновна. А что у тебя?

Крылова. Да все то же. С Бурдюковым...

Варвара Семеновна. Говорю тебе: переходи в другую клинику. Такого хирурга, как ты, везде с радостью возьмут.

Крылова. Не от тебя, Варя, слышать мне такие советы. Уйди от зла и сотвори благо? Сама-то живешь не по евангельским законам.

Варвара Семеновна. Мое дело другое — производство. Там и поругаешься — ничего. А ты вот разволнуешься, и с расстроенными нервами надо идти человека оперировать... А в пакете что? Ветчина. И ветчины нарезать?

Крылова. Нарезь, если будешь есть. Я поздно пообедала.

Варвара Семеновна. Виктор дома?

Крылова. Нет его. И не сказал, что уйдет куда-то на вечер.

Варвара Семеновна. Дело молодое. Погулять пошел. Не все ж за учебниками сидеть. К Машеньке, может, пошел. Мы с тобой тоже не обо всем родителям докладывали.

Крылова. Он всегда говорит мне, куда уходит... И о Маше рассказывал сразу, не таясь. Мне кажется, у него нет секретов от меня.

Варвара Семеновна. Эту ветчину хорошо бы поджарить. Да пару яиц разбить.

Крылова. Яйца на кухне, в лукошке.

Варвара Семеновна уходит на кухню. Крылова, проходя по комнате, увидела на письменном столе в углу записку. Прочитала первые строчки, охнула, тяжело опустилась на стул. Дочитала записку до конца, уронила голову на руки, плачет.

Входит Варвара Семеновна.

Варвара Семеновна. А я от ваших коммунистов вот что слышала. Эта ваша сестра, с которой ты меня в театре познакомила, говорила мне: «Будет у нас в клинике отчетно-выборное собрание — изберем секретарем Наталью Павловну». Тебя там уважают. За то, что... *(Увидела, что Крылова плачет.)* Что с тобой? Что случилось?

Крылова. Уехал...

Варвара Семеновна. Кто?

Крылова. Он узнал все... Как я этого боялась!

Варвара Семеновна. Кто узнал? Что?

Крылова. Виктор... Уехал. Совсем...

Варвара Семеновна. Виктор уехал? Куда?.. Ничего не понимаю.

Крылова *(дает ей записку)*. Читай.

Варвара Семеновна *(Прочитала)*. Какое нехорошее письмо. Дрянной мальчишка! Так написать тебе! Ах, паршивец! Вот видишь, Наташа! Я всегда тебе говорила: лучше самой рассказать ему все... Но как же он узнал? Ведь кроме тебя и меня... Ты Машеньке не рассказывала?

Крылова. Никому никогда... Ты не все прочитала. *(Дает ей еще листок.)*

Варвара Семеновна *(прочитала)*. К брату поехал... О брате ты и мне ничего не говорила... Ну, если бы я знала, что у него есть брат, я бы тебя просто заставила рассказать! Или сама бы рассказала ему.

Крылова *(взяла себя в руки, читает письмо вслух)*. «Наталья Павловна!» Не назвал мамой... «Я освобождаю вас и себя (на «вы»!) от тяжелых минут встречи после всего, что я узнал. Уезжаю куда глаза глядят. Благодарю за все. Расходы по моему воспитанию я возьму на себя. Устроюсь на работу и буду присылать вам деньги ежемесячно». *(Читает другой листок.)* «Попытаюсь разыскать брата, с которым вы меня так бесцеречно разлучили»... Утром мы ушли вместе, он в институт, я в клинику. Значит, он приходил домой. А у меня сегодня были две трудные операции. Задержалась... С чем же он уехал? *(Открыла ящик стола.)* Здесь у нас деньги. Ничего не взял. *(Заглянула в шкаф, на вешалку.)* Ни белья не взял, ничего. В чем был. Сумасброд... Здесь чемоданчик его стоял. Только чемоданчик взял. Витя, Витя, мальчик мой!..

Варвара Семеновна. Ну не плачь! Этим теперь не поможешь... Но как ему стало известно? Ведь во всем городе ни одна душа, кроме нас...

Крылова. Не ты?

Варвара Семеновна. Боже упаси! Да я у вас и не была сегодня. А утром же, ты говоришь, ничего такого за ним не замечала?

Крылова. Ничего. Веселый был, шутил... Купил мне на улице букетик незабудок... Нет, не думаю, чтобы он уже знал. Он не умеет притворяться.

Варвара Семеновна. Может, получил от брата письмо? (*Перечитала записку.*) Нет. Вот он здесь пишет: «Попытаюсь разыскать брата». Значит, еще не знает, где он... И ты не знаешь, где его брат?

Крылова. Я после ничего не слыхала о нем. Не знаю даже, жив ли он.

Варвара Семеновна. Они вместе были в детдоме, когда ты брала Виктора?

Крылова. Да. Старший остался там.

Варвара Семеновна. А не могли Виктору написать из детдома? Если он и сейчас существует. Кому-то, может, захотелось проверить — как живут их бывшие воспитанники.

Крылова. Но я же не сообщала туда свой здешний адрес.

Варвара Семеновна. Ну это у нас умеют! Разыщут, если захотят. На моего мужа, когда он воевал под Ростовом, пришел в часть розыск из кутаисского военкомата, как на дезертира. Удрал из госпиталя на фронт, не долечившись. Дезертир! Да, так, должно быть, и случилось. Получил сегодня письмо. Когда пришел из института. И — сразу на вокзал. Он ведь у тебя такой взбалмошный. Горячая голова!

Крылова. Горячая голова...

Варвара Семеновна. Ах, Наташа, Наташа! Не послушала ты меня. Кто вам, таким дурехам, внушил это? Что ребенок меньше будет любить, если узнает, что она ему не родная мать.

Крылова. Но ведь так оно и случилось.

Варвара Семеновна. Совсем не так! Он не от тебя узнал.

Крылова. Как он меня обидел! «Возмещу расходы»... Нет, мальчик мой, ничем этого не возместить.

Варвара Семеновна. Если бы ты рассказала ему все-все, когда ему было еще лет десять—двенадцать...

Крылова. Ах, брось, Варя! К чему теперь? Поехал разыскивать брата. Родного брата. А я ему чужая...

Варвара Семеновна. После всего, что сделала для него, — чужая?

Крылова. Какое холодное письмо...

Варвара Семеновна. Не холодное — злое. Скверный мальчишка!

Крылова. Восемнадцать лет прожить со мной, так любить меня, как он любил... Ведь он меня любил... И так расстаться! «Наталья Павловна»...

Варвара Семеновна. Надо действовать! Напиши в детдом. Если он поехал разыскивать брата, то сначала заедет туда. Только там могут сказать, где его брат сейчас. Тебе из детдома сообщат, был ли Виктор там и куда поехал.

Крылова. Я напишу...

Варвара Семеновна. А его друзья ничего не знают? Михаил, Геннадий, Валерка? Как бы им позвонить?

Крылова. У них нет телефона.

Варвара Семеновна. А где живут, не знаешь?

Крылова. Геннадия адрес знаю.

Варвара Семеновна. А тех узнаем в институте. (*Посмотрела на часы.*) Еще не поздно. Там кто-нибудь есть в канцелярии.

Крылова. Да, верно. Может быть, он заходил к ребятам... Наступают экзамены. Что он наделал, Виктор! Бросил все...

Варвара Семеновна. А Машенька? Неужели он и ей ничего не сказал? Они не поссорились?

Крылова. Вчера он как раз спрашивал меня, можно ли Маше на этих днях переехать к нам совсем. Я сказала: можно.

Варвара Семеновна. Поедем! *(Набирает номер по телефону.)* Автостанция? Прошу, пожалуйста, такси. На улицу Черняховского, тридцать пять, второй подъезд от угла. Через пять минут? Хорошо, мы выходим.

Крылова. Какой ужасный день! И там — в клинике... Этот наш Бурдюков, преуспевающий чиновник. Я сегодня сказала ему, что он не советский человек. Это же не врач, а... Ах, не могу я сейчас об этом! Виктор, Виктор, что ты сделал! Как я буду жить одна?..

Варвара Семеновна. Ну не горюй! Он же не совсем пропал. Разыщем! *(Одевается, подает пальто Крыловой.)* Сейчас заедем на вокзал. Может, он еще никуда не уехал, ждет поезда. Эх вы, матери! Своих не рожали, берете готовеньких и то не умеете их воспитывать! Хоть бы слушались добрых советов. Поехали!

Уходят.

Картина вторая

Те же декорации. Вечер того же дня. Крылова сидит на диване взволнованная. Маша ходит по комнате.

Маша. Я его понимаю. Вдруг узнал, что у него есть брат. И вы это скрывали от него... Но все равно — плохо поступил с вами. Это письмо... Какой негодяй!

Крылова. Не называй его так, Машенька.

Маша. Я могу его так называть. Я его люблю...

Крылова. Николай старше Вити на восемь лет. Если он жив, сейчас ему под тридцать... Двух я не могла взять. Я работала в госпитале. Мы часто переезжали. Много раненых. Дни и ночи проводила в операционной. И с одним было трудно. Ох, как трудно! Наши женщины помогали мне. Вот Варвара Семеновна помогала. Она работала в прачечной при нашем госпитале... Не очень, видно, хотел Николай найти своего брата, если до сих пор не подавал о себе вестей.

Маша. Зачем вы так говорите? Вы, Наталья Павловна, просто ищете оправдания для себя. Может быть, этот Николай — очень хороший человек.

Крылова. Может быть. Не знаю... Вите, когда я взяла его, было три года. А Николаю — одиннадцать. У Виктора ничего не осталось в памяти, он забыл и мать, и брата, и детдом. А Николай не мог забыть.

Маша. Но почему вы не говорили Виктору, что у него есть брат? Это жестоко!

Крылова. Жестоко? Ох, Машенька! Рассказать о брате — значит рассказать все... Я откладывала такой разговор с года на год, со дня на день. Жестоко скрывать от ребенка, что у него есть брат? А не жестоко сказать ему, что у него нет матери?

Маша. Вы были ему матерью... Вот я сколько времени знаю вас — никогда бы не подумала, что вы ему не родная!

Крылова. В детдоме он прожил всего четыре месяца и за это время все забыл. Сказали ему: это твоя мама пришла за тобой. И он сразу стал звать меня мамой. И лишит ребенка этого? Отнять у него это слово — мама?.. Моя мать умерла, когда мне было семь лет. Помню, как я тоско-

вала. И как я завидовала детям с нашего двора, которым было кого назвать мамой... Потом отец женился. Мачеха была хорошая женщина, любила меня, ухаживала, как за родной дочерью, но я ни разу не сказала ей: мама. И это ее очень обижало. Но я не могла. Понимаешь, не могла чужую женщину звать мамой. Мне все казалось, что это очень огорчило бы ту, мою, родную. И тетей не называла. Никак.

М а ш а. Вы помнили родную мать.

К р ы л о в а. Это могло случиться и с Виктором. Узнай он все — вдруг какая-то вспышка памяти, и между нами встала бы та женщина... У него сердце не каменное. Может быть, мы еще встретимся. Он может и пожалеть о том, что сделал. Но вряд ли я услышу еще от него когда-нибудь: мама...

М а ш а. Что же нам делать? Где он сейчас?

К р ы л о в а. Я не знаю, где живет его брат. Может быть, тоже взяли в семью, а возможно, там и вырос, в детдоме. Если учился в институте, то уже давно закончил. Где-то работает. Варвара Семеновна советовала написать в детдом. Да, надо написать. Вот сейчас и напишу. *(Садится к столу, пишет.)*

М а ш а *(ходит по комнате)*. Долго будут идти письма туда-сюда. Если даже сразу ответят — пройдет с неделю.

К р ы л о в а *(оторвалась от письма)*. Восемнадцать лет. А здесь, в этом доме, четырнадцать... Мой муж сгорел в танке под Белгородом. А мы стояли тогда в Донбассе. Там я получила извещение. Мне стало так одиноко на свете. Детей у нас не было. Я сходила с ума от горя. Спасала работа. Но если я к концу дня не валилась с ног от усталости — вот это были страшные ночи... Однажды меня позвали в детдом. Его открыли в том же шахтерском городке, где стоял наш госпиталь. Туда взяли детей, подобранных на фронтовых дорогах. Надо было посмотреть больных ребят. Двух я взяла в госпиталь, оперировала. И там в детдоме мне показали Витю. Его нашли в поле у трупы матери. Николай испугался мертвой, убежал в деревню. А малыш ничего не понимал. Свернулся калачиком под боком у нее и спал на земле. Они собирали прошлогодние колосья. Какой-то «мессершмитт» выпустил в них последнюю обойму и убил женщину. У детей были зашиты в ладанках записки с их именами. Как у солдат — смертные медальоны. Мать позаботилась. А из документов, что были при женщине, узнали, откуда она пришла в Донбасс. С Западной Украины. Было у нее и извещение о гибели мужа, Андрея Гальченко, старшего лейтенанта... Когда я взяла Витю на руки, он так прижался ко мне, что я уже не могла, не в силах была уйти от него... Маленькое существо возле меня по ночам. Ровное детское дыхание. Ручонки, обнимающие меня за шею... Я доехала с ним до Кенигсберга. Там меня демобилизовали. Варвара Семеновна предложила ехать с нею на ее родину. Мне было все равно, куда ехать... Этот портрет мужа — вот все, что осталось у меня от прежней жизни. Даже письма его не сохранились. Сгорели с моими вещами, когда бомба попала в госпиталь... Когда Витя подрос, я стала ему говорить, что это его отец. Много рассказывала о нем. Из-за Вити я не вышла замуж. Он привык, что это его отец, и я не знаю, как отнесся бы к другому человеку в нашем доме. Может быть, как я к своей мачехе... Вот так и прошла жизнь — с ним и для него...

М а ш а. Мне всегда казалось, что Виктор — хороший парень.

К р ы л о в а. Я с тревогой присматривалась, какой из него растет человек, когда у него стал уже определяться характер. Незнакомые люди, чужая кровь. Кого я взяла в сыновья?.. Но все же я видела от него больше радости, чем горя и разочарования. Своенравный, вспыльчивый, но добрая и чистая душа.

М а ш а. При чем тут кровь? Это вы его таким и воспитали.

Крылова. Каким? Своевольным?

Маша. Нет. Добрым... Мне рассказывала Варвара Семеновна, что у вас было сегодня в клинике.

Крылова. А что? Я не могла отправить эту женщину в другую больницу. Она попала под трамвай перед нашими окнами. Что из того, что наша клиника — для своих, заводских? Человек погибает.

Маша. А ваш главврач кричал на вас: «Повышаете процент смертности! Зачем берете безнадежных?»

Крылова. Да. А я ему: для вас проценты и ваша карьера дороже всего! И еще там кой-чего наговорила ему...

Маша. Так, может, и вспыльчивость Виктора — от вашего воспитания?..

Крылова. Не знаю. А безнадежная ли она — это мы еще увидим. *(Подбила к телефону, набрала номер.)* Галочка? Это я, Наталья Павловна... Звонили мне? Я уезжала из дому... Так... Продолжаете?.. Так... Температура?.. Муж приехал? Можно допустить... Ну, благополучно вам дежурства, Галочка! *(Положила трубку.)*

Маша. Как? Хорошо себя чувствует?

Крылова. Ничего не чувствует. Без сознания. Утро покажет.

Маша *(опять заходила по комнате)*. Но что же нам делать? Где его искать?.. Вы не дописали письмо. Пишите. Буду идти — брошу в почтовый ящик.

Крылова *(садится к столу)*. Как ты можешь, Маша, называть его добрым, если он и с тобой поступил так плохо?

Маша. Это вы назвали его добрым.

Крылова. Уехал и ничего не сказал тебе.

Маша. А я не знаю, что с ним случилось... Может быть, он подумал, что и я в заговоре с вами? Все знала и не говорила ему.

Крылова. Маша! Что бы ни было с Виктором — ты переходи жить сюда, к нам. Ко мне... Мне Виктор говорил, что твоя подруга вернулась и вы сейчас в общежитии спите с нею на одной койке.

Маша. Спасибо: Катя худенькая, с нею не тесно на койке. И еще мы подставляем сбоку три чеходана. Вот только комендант гоняет. Нет мест — и меня там не прописывают. Приходится забираться к ним в комнату по пожарной лестнице.

Крылова. По пожарной лестнице? Да что ж это такое! И Виктор мне ничего не говорил.

Маша. Этого и он не знает. Когда он меня провожал, я ждала, пока он скроется за углом, и тогда уж лезла по лестнице.

Крылова. Отправляйся в общежитие, забирай свои вещички и — сюда. Слышишь?

Маша. Наталья Павловна, меня сейчас не это волнует — где я буду спать... Нет. Письмо — это очень долго. Надо ехать.

Крылова. Что?

Маша. Ехать, к нему.

Крылова. Куда?

Маша. По его следам. Начать с детдома... Ему сейчас нелегко, и в эти дни я должна быть с ним.

Крылова. Машенька! Как же ты поедешь? У вас сейчас экзамены.

Маша *(задумалась)*. Первый экзамен... восемнадцатого. Возьму учебники, буду в дороге подучивать. Успею вернуться.

Крылова. Подумай, Маша. Не унизишь ты этим себя? Поехала за ним...

Маша. Нет. Я сумею поговорить с ним как надо.

Крылова. Бросил невесту...

Маша. А! С этим мы разберемся!

Крылова. Серьезно — решила ехать?

Маша. Да. Напишите мне адрес детдома.

Крылова (*написала на клочке бумаги адрес, вынула из стола деньги, дает Маше*). Возьми, Маша.

Маша. Что это? Зачем?

Крылова. На дорогу.

Маша. Не надо.

Крылова. Как не надо? А на билеты? Не зайцем же будешь ездить.

Маша. Ездили и зайцем. Меня наши ребята, студенты, учили, как зайцем ездить. Зайди в вагон-ресторан — там билеты никогда не проверяют, — возьми бутылку нарзана и езжай столько, сколько высидишь за этой бутылкой. А потом — в другой поезд.

Крылова. Ну вот еще глупости!

Маша. Вы не знаете, Наталья Павловна, как мы живем. Вот приду сейчас, позову девчат и расскажу им все. И они скинутся, соберут мне денег. И Валерке расскажу. Тот для друга в лепешку расшибется. У нас всякие случаи бывают. Есть у нас такая команда: «Свистать всех наверх!» Это значит — кому-то надо помочь.

Крылова. Хорошая команда. Но деньги все же возьми.

Маша. Ну хорошо. (*Взяла деньги.*) Может, куда-то далеко придется ехать. Спасибо... Может быть, ночью и поеду. Я вам дам телеграмму откуда-нибудь. До свиданья! (*Обнимает Крылову.*)

Крылова. До свиданья, Машенька! Найди его. Счастливого тебе пути и удачи!.. А что ему сказать — ты сама знаешь.

Маша. Знаю. (*Уходит.*)

Крылова (*одна*). Неужели я за эту ошибку должна быть так жестоко наказана?.. Разлучила с братом... Жестокостью — за жестокость. (*Зазвонил телефон.*) Я слушаю... Да. Это вы, Галя? Слушаю... Что?.. (*Большая пауза. Вздохнула.*) Привезли еще больного? Что у него?.. А Никольский не сможет? Я так устала сегодня... Не дозвонились ему?.. Хорошо, я сейчас приеду. (*Положила трубку, надевает пальто.*) Да, Аркадий Васильич, вы не напрасно волновались. Летальный исход. Повысила процент смертности в вашей клинике. (*Вынула ключ из двери.*) Как же быть теперь с ключом?.. Положу на то же место. Может быть, вернется.

Ушла. Щелкнул замок в захлопнутой двери. Шаги в коридоре. Пустая комната.

Картина третья

Городская улица. Трех- и четырехэтажные дома. У подъезда одного дома стоит Виктор, сверяет название улицы и номер дома с записанным в блокноте адресом:

Виктор. Здесь... Подъезд второй, квартира семнадцать. (*Шагнул к дому.*)

Идет Маша.

Маша. Виктор!..

Виктор. Маша!.. Ты здесь? Откуда? Как ты здесь очутилась?

Маша. Приехала, вероятно, тем же поездом, что и ты. Я тебя высматривала на вокзале...

Виктор. Зачем ты приехала?

Маша. Поправить гвою оплошность. Ты же, уезжая, забыл со мною попрощаться. Вот тут и попрощаемся. И — поеду домой...

Виктор. Тысячу километров ехала, чтоб попрощаться?

Маша. Для милого дружка семь верст не околица.

Виктор. Как ты меня нашла здесь? Кто тебе сказал, что я сюда поеду?

Маша. Ну раз к брату, значит — сюда.

Виктор. И ты знала о моем брате? И знала, где он живет?..

Маша. Дурень! Так я и думала! Ничего я не знала до самого твоего бегства.

Виктор. Не знала? Это правда?

Маша. А когда я тебе врала? Только из твоей записки матери узнала все.

Виктор. Матери?..

Маша. Да, матери!.. Ты очень спешишь войти в этот дом? Да, конечно. Я тебя понимаю. Но, может, все-таки посидим немного, поговорим?

Виктор. Давай посидим.

Отошли в сквер, сели на скамейку.

Виктор. Где же твои вещи?

Маша. А твои?

Виктор. Я оставил чемодан в камере хранения.

Маша. А мои — вот. *(Показывает сверток.)* Зубная паста, щеточка, полотенце...

Виктор. Ты обедала?

Маша. Съела на перроне два пирожка с капустой и выпила стакан газировки. А ты?

Виктор. Тоже два пирожка. И кружку пива. Сразу, как вышел из вагона.

Маша. Ты в каком ехал?

Виктор. В первом вагоне.

Маша. А я в двенадцатом. Значит, в разных концах перрона обедали... А деньги у тебя еще есть?

Виктор. Тебе нужны? Дать?

Маша. Не надо. Могу тебе дать.

Виктор. Богачка какая! Не нужны мне деньги.

Маша. А на какие ж ты, собственно, капиталы сюда приехал?

Виктор. Продал часы. И готовальню.

Маша. Готовальню?

Виктор. А вчера, когда на Щёкино ждал пересадки, заработал на погрузке пятьдесят восемь рублей.

Маша. Пятьдесят восемь рублей заработал, а пиджак, который стоит триста, загубил. Вон как плечи запачкал! Снимать надо пиджак, когда мешки носишь.

Виктор. Не мешки — ящики носили с макаронами. А вагоны далеко от склада. Я снял было, повесил на забор возле склада, смотрю — один тип подошел, примеряет уже мой пиджак. Пришлось надеть... Кто ж тебе дал этот адрес?

Маша. Те же люди, что и тебе. И в Семеновском детдоме была. Ты был там утром, а я — в шесть вечера.

Виктор. Значит, по пятам?

Маша. По пятам... Трус! Даже к товарищам не зашел, никому ничего не сказал. Побоялся, что не одобряют?

Виктор. Это она послала тебя за мною?

Маша. Кто — она?

Виктор. Наталья Павловна... Ну — мать, если тебе так хочется.

Маша. Ух, какой ты! Чего ты так ожесточился? Нет, не она послала. Сама надумала.

Виктор. Постой! Но у тебя же сейчас экзамены? Как же так?

Маша. А у тебя?

Виктор. Мне все равно. Я туда уже не вернусь.

Маша. Я соврала Наталье Павловне, что первый экзамен восемнадцатого.

Виктор. Зря уехала.

Маша. А ты зачем уехал?

Виктор. Это — мое дело.

Маша. И мое... Вот сейчас расскажу все по порядку... Я приехала сюда не за тобой. То есть за тобой, но... Не затем приехала, чтоб напомнить о себе.

Виктор. Я о тебе не забывал...

Маша. Да?.. Не за тобой приехала... Я тебя люблю, но таким, каким всегда представляла себе. А если ты не такой...

Виктор. Прости меня, Маша. Я бы тебе написал отсюда. И мы бы всё решили — как нам быть. Может, ты доучилась бы там, а потом...

Маша. Я говорю не о себе. Как ты оплатил матери за все? Матери, да! Что ты ей написал? «Возмещу». Эх ты! Сердца у тебя нет, что ли?

Виктор. Она скрывала, что у меня есть брат. Столько лет скрывала!

Маша. Да. И горько кается теперь.

Виктор. Кается?.. Не знаю, Маша, что сейчас происходит со мной. Это так сразу обрушилось на меня! Не обижайся, что я и к тебе не зашел.

Маша. Разозлился? Подумал, что и я знала?

Виктор. Разозлился.

Маша. Тогда не обижаюсь.

Виктор. Пришло письмо из Семеновского детдома...

Маша. Так мы и догадались.

Виктор. На мое имя. Ее... Натальи Павловны не было дома. Я прочитал. Что ж это такое? Вся моя жизнь перевернулась... Портрет на стене. Человек, которого я так полюбил. Я, бывало, часами смотрел ему в глаза, сочинял сам себе всякие истории из его жизни, видел мысленно тот бой на Курской дуге, где он погиб. Я горевал о нем, ночами подушка была мокрая от слез. И гордился им, рассказывал ребятам, какой у меня был отец... Нет, не отец. Никогда он не держал меня на коленях и не гладил мои волосы. Всё — выдумки. Чужой человек. И она — не мать. И я им — чужой.

Маша. Ох! Говоришь вот сейчас — «чужой», и сам себя этим расстраиваешь. Такое жалкое слово — чужой. Сиротинушка! Плакать хочется, да?.. А по-моему, глупое слово. Никому ты не чужой!

Виктор. Ну как же!..

Маша. Вот Наталья Павловна сейчас осиротела... Это надо оценить, что она для тебя сделала. Родная мать воспитывает ребенка, потому что это ее ребенок. Она обязана. А когда тебя вот так взяла женщина и вырастила, как своего, — это же в сто раз дороже!

Виктор (*погружен в свои мысли*). Какое-то странное чувство. Как будто я — не я. Будто та жизнь, там, была прожита не мною. И только теперь узнаю, кто я... И не Крылов я, а Гальченко. И не Степанович, а Андреевич...

Маша. А мне совершенно безразлично, Степанович ты или Андреевич. Ты для меня тот же Виктор, которого я знала. Ничто в тебе не переменялось.

Виктор. Нет, переменялось... Я хожу как во сне. Нет, не то говорю. Будто то был сон. А сейчас — проснулся... Вдруг узнаю — у меня есть брат. Сын тех же отца и матери. Моих. Родной брат! Как будто частица меня самого... Брат, с которым меня разлучили! И меня так потянуло к нему! (*Встает, идет к дому.*) Вот в этом доме живет мой брат...

Маша (*встала*). Ну, до свиданья...

Виктор. Почему ты прощаешься?.. Пойдем туда вместе.

М а ш а. Зачем? Кто я тебе? Он — родной брат, а я — чужая. Как ты меня назовешь? Невестой? Не хочу.

В и к т о р. Не хочешь?..

М а ш а. Ты не в себе, Виктор, и я не знаю, чем это все кончится... До свиданья. Если хочешь, встретимся вечером. На вокзале. Приезжай туда часов... ну не знаю, когда вы наговоритесь с братом. Я буду на перроне. Видел там статую летчика? Возле нее буду сидеть.

В и к т о р. Хорошо... А где проведешь день? Что будешь делать?

М а ш а. Погуляю по городу. Что же еще?.. А все-таки интересно, какой у тебя брат. Нет, не пойду... Желаю, Витя, чтобы тебя хорошо приняли там.

В и к т о р. Не пойдешь?.. Ну что ж... До вечера! *(Идет в подъезд, взбегаєт вверх по лестнице.)*

М а ш а уходит.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина четвертая

Квартира Николая Гальченко. Гости в доме — по случаю новоселья. За столом — Николай, жена его Зина, Сергей Михайлович, Евгений Павлович, его жена Софья Николаевна, Орест Филиппович с женой Шурочкой и Идея Петровна.

З и н а. Вот горчица, вот перец. А может, кто любит холодное с уксусом? Сейчас принесу.

Е в г е н и й П а в л о в и ч. Да сидите! Какая беспокойная хозяйка! Довольно вам бегать на кухню. Слушайте анекдот.

С о ф ь я Н и к о л а е в н а. Да, да! Рассказывайте, Сергей Михалыч.

С е р г е й М и х а й л о в и ч. Да это не анекдот. Быль. Собственными ушами слышал. В Москве, на Новодевичьем. Смешные случаи и на кладбищах бывают... Хоронили одного деятеля искусств. Выходит какой-то представитель и держит речь. То ли выпивши был, то ли так ему написали в шаргалке. Говорит: «Перед нами в этом гробу лежит заслуженно скончавшийся скоропостижный деятель искусств. имярек»... и так далее...

Е в г е н и й П а в л о в и ч *(хохочет)*. Заслуженно скончался! Скоропостижный деятель!.. Хо-хо-хо! Сам придумал? А? Признайся!.. Кладезь неисчерпаемый! Когда меня приглашают в гости, я всегда беру его с собой. Сколько он знает этих всяких прибауток! Прямо сыплет ими. Никто не заскучает за столом. Только пересаливает иногда.

Ш у р о ч к а. Душа общества.

С о ф ь я Н и к о л а е в н а. Люблю остроумных мужчин.

О р е с т Ф и л и п п о в и ч. Попало ему однажды за его остроумие!..

С е р г е й М и х а й л о в и ч. Там я уже бросил! Воздерживаюсь. На собраниях хорошо состязаться в остроумии тому, кто сидит в президиуме, бросает реплики и имеет право на заключительное слово. Только и остается вот в такой компании, в неофициальной обстановке.

Ш у р о ч к а. Тут безопаснее...

С е р г е й М и х а й л о в и ч. А вы, Шурочка, язва.

О р е с т Ф и л и п п о в и ч *(поднимает рюмку)*. Ну, за что выпьем? За новоселье уже пили. За дам пили, за Евгения Палыча пили. За что еще?..

Ш у р о ч к а. За «что!» Ты считаешь дам и Евгения Палыча неодушевленными предметами?

Софья Николаевна. Как некультурно, Орест Филиппыч!

Сергей Михайлович. Учил меня мой родитель: никогда не пей, Сергей, последнюю. А которая именно последняя — не разъяснил точно.

Николай. До последней еще далеко. *(Убирает со стола пустые бутылки, ставит полные.)*

Орест Филиппович. Так за что?.. Николай Андреевич! Теперь за дачу. А?

Николай. Рано нам еще о даче думать.

Орест Филиппович. Почему рано? Вот пока молоды. Не в шестьдесят же лет начинать ее строить. Для кого тогда строить? Для потомков?

Шурочка. Коммунизм — для потомков, а дачу — для себя.

Сергей Михайлович. Шурочка! Двадцать копеек — вам!

Зина. Нет у нас сейчас на дачу денег. Вот надо теперь обставить квартиру, купить хорошую мебель.

Орест Филиппович. А я могу организовать дачку так, что она вам совсем недорого обойдется. Не нужно никаких этих типовых домиков. Хозяйственным способом... По Демидовскому шоссе. В Верхней роще, куда прошлым летом ездили по грибы. Какие там участки!.. Ну, как хотите, а я пью за вашу дачу.

Софья Николаевна. Сергей Михалыч! Что ж вы в обществе бываете всегда без жены? Почему вы ее нам не показываете?

Евгений Павлович *(Зине, тихо)*. Хватит того, что я ее показываю обществу.

Сергей Михайлович. Жена, жена... А что такое жена, Софья Николаевна? Жена — это когда человек добровольно надевает правый ботинок на левую ногу, а левый на правую, и так и ходит всю жизнь.

Софья Николаевна. Что? Зачем же правый на левую?.. Не дошло.

Идея Петровна. А я где-то читала про эти ботинки. Это вы не сами выдумали.

Сергей Михайлович. В наш век атома никто ничего принципиально нового выдумать уже не может. Все уже выдуманно... Вот, например, никто не сможет выдумать лучшей закуски под водку, чем эти маринованные грибки. Прелесть! *(Выпивает, закусывает.)*

Шурочка. Ну раз вы без жены — сядьте сюда, поухаживайте за Идеей Петровной.

Сергей Михайлович. Повинуюсь. *(Пересаживается.)* Идея Петровна, Идея Петровна... Вы в моем вкусе. Я люблю таких пышненьких. Единственный недостаток у вас — имя. У вас, вероятно, были шибко со знательные родители?

Идея Петровна. Почему были? Они и сейчас живы.

Сергей Михайлович. И вы не подаете на них в суд за такое имя?

Софья Николаевна. А разве за это можно что-нибудь высудить?

Сергей Михайлович. В Америке любой моральный или физический ущерб умеют оценивать в деньгах. Например, за изнасилование — штраф в пользу потерпевшей.

Шурочка. Да? Интересно. А какая сумма?

Софья Николаевна. Фи, какие гадости вы рассказываете!

Николай. Зина! Чего не хватает у нас на столе?

Евгений Павлович. Всего хватает. Сидите!

Зина *(оглядела стол)*. Ох! Соли нет! *(Побежала на кухню.)*

Сергей Михайлович. Идея, Идея... Где ты получаешь свой хлеб, оттуда берешь и свои идеи... Идея Петровна! Дайте, пожалуйста, кусочек хлеба. Черного. Спасибо... А я за это налью вам рюмочку коньяку. Можно?

Идея Петровна. Пожалуйста. Одну.

Сергей Михайлович. Ну конечно. Пока одну.

Софья Николаевна. Жека! Не ешь так много редиски. Положи обратно. Я вчера вечером съела две малюсенькие редиски, и всю ночь сосало вот здесь, под ложечкой.

Евгений Павлович. Софочка, ты забываешь, что сосало у тебя, а не у меня.

Софья Николаевна. Все равно. Положи себе вот этого салата под майонезом.

Евгений Павлович. Вот от майонеза-то у меня всегда бывает изжога.

Софья Николаевна. Ничего. Съешь. Это очень вкусно.

Орест Филиппович (*Николаю*). Вчера опять приходил ко мне этот, как вы его прозвали, Раздобудько. Берется сплавить ваши некомплектные аппараты.

Николай. Ох, этот Раздобудько! Не могу видеть его рожу!

Орест Филиппович. А что рожа? Тебе не замуж за него выходить... Всю заваль двинете в готовую продукцию!

Николай. А ему что за это?..

Орест Филиппович. Ну, я уже тебе говорил. Ты же знаешь их жалкое положение. Кустари. Промфинплан им дали, как порядочным людям, а сырем обеспечивают только на сорок процентов..

Евгений Павлович (*зажимает уши ладонями*). Я ничего не слышу. (*Тихо разговаривает с Зиной.*)

Сергей Михайлович. Орест, Арест... Тоже имечко!.. Орест Филиппыч! Ты не боишься жить на свете с таким именем? Звучит как-то зловеще: Орест, Арест...

Евгений Павлович. Остри, да знай меру, Сергей!

Сергей Михайлович. Вы же не слышите, Евгений Палыч!

Звонок. Николай подошел к двери, нерешительно постоял, глядя на гостей,— открывать ли? Открыл. Входит Виктор.

Виктор. Простите. Туда ли я попал?.. Это семнадцатая квартира?

Николай. Да. Кого вам нужно?

Виктор. Хозяина квартиры. Я был на улице Карла Маркса. По старому адресу. Там мне сказали, что Гальченко переехал сюда.

Николай. Да, сюда.

Виктор. Вы — Николай Андреевич?.. Коля. Ты?..

Николай. Да. А вы кто такой?

Виктор. Я твой брат, Коля. Виктор.

Николай. Что?.. Виктор?..

Голоса за столом: «Брат?», «Разве у него есть брат?», «Первый раз слышу», «Зина, кто это?», «Ты его знаешь?»

Виктор. Вы... ты помнишь меня?

Николай. Да, у меня был брат. Ему было года три... Погоди, погляжу на тебя. (*Поворачивает Виктора лицом к свету.*) Нет, не узнаю. Да я и не помню уже, какой он был... Как твоя фамилия?

Виктор. Крылов.

Николай. А я — Гальченко.

Виктор. Так это у меня другая фамилия. И отчество — по другому отцу. А на самом деле я — Виктор Андреевич Гальченко. Вот справка из Семеновского детдома. Ты жил в том детдоме?

Николай. Ну как же. (*Взял у Виктора бумажку, прочитал.*) Да, моего братишку взяла оттуда одна женщина, военврач, кажется... А этот детдом и сейчас существует? Его звали Виктором... Вроде все так... То за-

рищи! Вот какая штука. Брат у меня объявился. Ну, здравствуй, Витя! *(Обнял Виктора.)*

Орест Филиппович. За стол брата!

Виктор. Коля!.. Я все эти дни думал о тебе — какой ты... Да... Нет. Я думал, ты высокий, выше меня... У тебя ничего не осталось? Нет карточки мамы? Или отца. Какие они были?

Николай. Потом, потом. *(Ведет Виктора к столу.)* Поешь с дороги. Знакомьтесь. Это моя жена, Зина. Мои друзья.

Сергей Михайлович *(на Евгения Павловича)*. И старшие товарищи...

Все обменялись рукопожатиями. Зина усадила Виктора за стол.

Шурочка. Это же прямо киносценарий! Братья-беспризорники встречаются вновь!

Николай. Почему — беспризорники? Я знал, что тебя взяла та женщина. Но потом до нас в детдом дошли слухи, что ваш госпиталь разбомбило и все там погибли.

Виктор. Мама... Наталья Павловна рассказывала мне, что бомба попала как раз в нашу палатку во дворе, но она со мною была в то время в столовой.

Орест Филиппович наливает всем.

Орест Филиппович. Ну, за встречу!

Шурочка. За необыкновенную встречу! Невероятную! Зиночка! Вот у тебя теперь есть... как это называется — брат мужа?

Софья Николаевна. Деверь.

Шурочка. А ты, Зина, — девериха?

Идея Петровна. Она ему — невестка.

Николай. За встречу, браток! *(Обнимает Виктора.)*

Виктор. Как я рад, Коля!..

Софья Николаевна прослезилась.

Николай. Между прочим, Витя, это наш родной город. Здесь мы родились... Нет, это я здесь родился, а ты уже там, когда отца перевели на границу. Наш отец был кадровый офицер.

Виктор. А здесь в городе никого нет из тех, кто знал отца, мать?

Николай. Есть. Полковник в отставке, командир батальона, в котором служил отец. *(Ушел в другую комнату. вынес оттуда большой фото-портрет.)* Это отец. У полковника сохранилась групповая карточка. Я увеличил. А карточки матери нет.

Виктор *(долго смотрел на портрет)*. Ты немного похож на него. А я, кажется, нет.

Шурочка. Да, вы с Николаем Андреевичем совершенно не похожи друг на друга. *(К Идее Петровне.)* Верно?

Идея Петровна. Никакого сходства. Но если у него есть документы...

Евгений Павлович. А с отцом есть сходство небольшое и у того и у другого.

Софья Николаевна. Что ты говоришь, Жека! Если оба похожи на отца, то должны быть похожи и друг на друга.

Евгений Павлович. Должны? В обязательном порядке?.. Да ты присмотрись! Глаза и лоб — Николай. Губы и подбородок — вот он.

Николай. Меня тоже потянуло в этот город. Все-таки родина... Здесь я в школу пошел, в первый класс... Я-то помню все. И как с матерью пешком шли из Кременчуга в Донбасс. Мы с нею по очереди несли тебя. Я на спине нес, в рюкзаке. Тяжелый ты был!..

Виктор *(смотрит на портрет)*. Молодой какой!..

Николай. Здесь ему двадцать пять лет.

Зина. Кушайте, Витя!

Николай (*поставил портрет на письменный стол*). Ну вы уж давайте сразу на «ты». По-родственному.

Виктор. Я на вокзале съел два пирожка.

Николай. Что два пирожка для такого парня! Нажимай, нажимай!

Орест Филиппович. А вот это ему штрафная. (*Наливает.*)

Николай. Давай потяни! Мы уже тут немножко — тово...

Софья Николаевна. Значит, вы попали в культурную семью? Врачи?

Виктор. Она хирург. А муж ее тоже погиб на фронте.

Софья Николаевна. Ну, хирурги не очень богатые люди. Домашней практики у них нет.

Виктор. Ничего, не нуждались.

Софья Николаевна. Вот у моей двоюродной сестры муж — врач-гинеколог. Господи! Чего только нет у них в доме!

Евгений Павлович. Ох!.. А чего тебе не хватает в доме?..

Идея Петровна. Венерологи тоже большие деньги огребают.

Сергей Михайлович (*чуть отодвинулся, с опаской*). Откуда это вам известно?

Идея Петровна. А я работала раньше в горфинотделе.

Евгений Павлович. Завели разговорчики!

Орест Филиппович. Ну, а теперь — общую. (*Наливает всем.*) Будем здоровы!

Софья Николаевна. Странно! Пьют коньяк и говорят: будем здоровы. А все отлично знают, что спиртное вредно действует на организм. За здоровье надо пить кефир, а не коньяк.

Евгений Павлович. Да, да, Софочка! Именно — кефир!..

Виктор (*после выпитых рюмок осмелел, стал разговорчив*). Я уже все узнал про тебя, Коля. На той квартире. К соседям твоим бывшим заходил. И какой ты институт окончил и где работаешь. Но как же, слушай, получилось? Ты же сельскохозяйственный закончил. Инженер-механизатор. А попал на завод.

Николай. Так пришлось...

Виктор. Или у вас есть такой цех, где сельхозмашины делают?

Орест Филиппович. Какие там сельхоз!..

Сергей Михайлович. А хоть бы и делали. У него не та специальность. Ему не делать машины, а работать на них. В РТС или в колхозе.

Виктор. Как же тебя не послали в деревню? Молодой инженер. У нас столько повыуживали отовсюду и вашего брата, механизаторов, и агрономов. Был случай: один зоотехник с высшим образованием устроился в зоопарк, поваром на кухню, где пишу зверям готовят.

Орест Филиппович. Зоотехник — зоопарк. Там ему и работать.

Евгений Павлович. И ты, Орест, оказывается, умеешь острить.

Сергей Михайлович. Николая Андреевича красавица жена спасает.

Николай. Что?..

Орест Филиппович. Не вижу, Сергей, никакой логики в твоих предположениях. Если Зиночка кому-то приглянулась, то это же наилучший способ оставить ее одну в городе — сплавить мужа на село.

Николай. За такие шуточки, друзья, можно и по физиономии.

Сергей Михайлович. Ну, ну, потише!

Евгений Павлович. Николай!..

Шурочка. Он пьян.

Николай. Нет, я не пьян.

Зина (*смеется*). Ничего вы не понимаете! Я, не будь дура, сказала: не ждите, что я останусь в городе, если Николая пошлют в село. В тот же день уеду с ним! Я не из тех жен, что бросают мужей без присмотра. Ха-ха-ха! Если не хотите, чтобы и я уехала,— не трогайте его.

Сергей Михайлович (*Оресту Филипповичу*). Кто из нас слаб по части логики?..

Софья Николаевна. Да бросьте спорить! Дайте братьям поговорить.

Шурочка завела радиолу, танцует с Идеей Петровной.

Николай. Так ты чего приехал, Виктор?

Виктор. Как — чего? К тебе...

Николай. А чего раньше не приезжал? Чего не писал?

Виктор. Я только три дня назад узнал, что ты... что у меня... в общем, что ты есть.

Николай. А... Скрывали от тебя?

Виктор. Да.

Николай. Ну это хорошо, что ты приехал... Нашел меня.

Евгений Павлович и Зина отошли к окну, тихо разговаривают. Евгений Павлович жмет ее руку. Николай бросил взгляд в их сторону, нахмурился.

Зина отняла руку, пригласила Евгения Павловича на танец.

Виктор. Что это за люди, Коля?

Николай. Мои сослуживцы. Ничего народ, компанейский...

Сергей Михайлович. Слушайте!.. Знакомят меня вчера на технической конференции с одним солидным человеком. Ну, жмем руки, я называюсь: «Королев». Он: «Ноздрев». «О,— говорю,— знакомая фамилия!» — «Что, встречали Ноздревых? А мне за всю жизнь ни разу не встретился однофамилец». — «Как же,— говорю,— встречал. У Гоголя». — «Где?» — «В «Мертвых душах». — «Что вы говорите? В «Мертвых душах»? Интересно! Запишу. Надо проверить, надо проверить!» Ха-ха-ха! Слышите? Надо проверить, говорит!..

Николай. Так, говоришь, эта, которая тебя взяла,— ничего женщина? (*Виктор кивает головой*.) Детей, кроме тебя, нет? Она тебя официально усыновила?

Виктор. Да.

Николай. Учишься? На каком курсе?

Виктор. Учился. На третьем... А теперь — не знаю...

Николай. Что не знаешь?

Виктор. После расскажу... Музыка мешает... Я хочу на работу поступить.

Николай. Здесь? В нашем городе?..

Виктор. Да.

Николай. А как же институт?

Виктор. Коля, я, кажется, лишнего выпил... Этот коньяк такой крепкий... Мне нехорошо.

Николай (*показывает*). По коридору, вторая дверь направо.

Виктор. Нет... Я эту ночь не спал... Можно, я прилягу там на диване?

Николай. Ну, приляг. (*Отводит его к дивану*.) Сними туфли. Дать подушку? (*Виктор лег, закрыл глаза. Николай возвращается к столу*.) Прошу прощения. Брат провел ночь в дороге, не спал, разморило его.

Орест Филиппович. Пусть поспит.

Софья Николаевна. А у нас тут шум, музыка.

Сергей Михайлович. Сейчас над ним хоть из пушки стреляй — не услышит.

Николай. Зина! Не пора ли подавать горячее? И убери, пожалуйста, лишние тарелки.

Музыка прекратилась. Зина собирает посуду, уходит на кухню. Все садятся опять за стол.

Евгений Павлович. Пока принесут горячее, давайте еще под холодное.

Софья Николаевна. Жека! А не довольно ли? Если бы я выпила столько, как ты, у меня был бы уже инсульт.

Евгений Павлович. У тебя, у тебя, милая, но не у меня. Ты все забываешь, что это у тебя давление двести десять, а не у меня.

Софья Николаевна. Ты слишком много танцуешь сегодня.

Евгений Павлович. Я не виноват, что ты не умеешь танцевать. Я бы танцевал с тобой.

Между ними разгорается перебранка шепотом.

Сергей Михайлович. Классический пример единства противоположностей. Мужчина и женщина. Вечная грызня и вечная любовь. Диалектика!

Софья Николаевна. Что? При чем тут диалектика?.. Не дошло.

Орест Филиппович (*запевает*). «Ой, да ты, калинушка...»

Идея Петровна подтягивает ему, ужасно фальшивят. Евгений Павлович замахал на них. Пение оборвалось. Пошел беспорядочный пьяный разговор, перебивают друг друга, говорят разом.

Шурочка (*Идее Петровне*). Вы были бы совсем хорошенькой женщиной, если б одевались со вкусом.

Идея Петровна. Вкус у меня есть — денег нету.

Шурочка. Не говорите! Из этого же материала можно было сшить платье совсем иначе. Приходите ко мне в воскресенье, я покажу вам свои журналы. Мне Орестик привез из Польши.

Сергей Михайлович. Евгений Палыч! Можно излечить человека от глупости административным взысканием?

Евгений Павлович. От глупости? Нельзя.

Сергей Михайлович. А ты объявил Печенкину строгий выговор. Зачем?.. Французы говорят: если глуп, то это надолго.

Евгений Павлович. Это я вижу по собственной супруге.

Сергей Михайлович. Сократ был мудрейший человек. И то не справлялся со своей женой, не перевоспитал ее. Даже из ее рук принял чашу с ядом.

Евгений Павлович. Ну моя-то меня не отравит..

Сергей Михайлович. Но ты же все-таки и не Сократ.

Зина (*из кухни*). Борщ подавать? Будете кушать первое?

Орест Филиппович. Какой борщ?.. Отставить борщ!..

Сергей Михайлович. Сейчас бы чего-нибудь такого, освежающего. Шампанского, что ли.

Николай (*ставит на стол две бутылки шампанского*). Зина, давай фрукты. И завари чай покрепче.

Зина. Для кого же я обед готовила?..

Евгений Павлович (*затягивает во всю глотку*). «Накинув плащ, с гитарой под полою...»

Картина пятая

Те же декорации. Гости ушли. Николай в пижаме и Зина в халате наводят порядок в квартире, убирают посуду со стола, патефонные пластинки. Виктор спит в неосвещенном углу на диване, и о нем даже как бы забыли.

Зина. Мне все не верится, что мы наконец-таки получили приличную квартиру. С ванной, отдельным ходом, кухней. Ты рад?

Николай. Был бы совсем рад, если бы ты поменьше шушукалась с Евгением Палычем по темным углам.

Зина. О господи! Опять!.. Ты мне уши прожужжал своим Евгением Палычем!

Николай. Моим?..

Зина. Да брось ты! Знаешь, о чем мы разговаривали? Он рассказывал, как его Софочка ходила в косметический кабинет, чтоб подтянули ей кожу вот здесь, под подбородком. «Нельзя ли,— говорит,— сделать мне перетяжку?» Будто в сапожную мастерскую пришла! Ха-ха-ха! Перетяжку!..

Николай. При этом рассказе ему совсем не обязательно было жать тебе руки... И вообще, Зина, знаешь, мне надоело слушать разговоры, что я удержался на заводе благодаря тебе.

Зина. Надоело слушать? Ну поезжай в РТС... Ведь не поедешь же?.. Но не рассчитывай, что и я поеду с тобой в деревню. Это я сказала только для них. *(Сгрэбла со стола на блюдо объедки.)* Там за дверью — ведро с крышкой. Высыпь туда. *(Николай вышел на лестничную площадку, вернулся с пустым блюдом.)* Вот видишь, когда строили, говорили, что дом будет со всеми удобствами, а мусоропровода нет. И плохо, что квартира на первом этаже. Почему тебе не дали на втором?.. Шуркин бывший муж, он в уголовном розыске работает, говорил, что большинство ограблений квартир — на первом этаже, через форточки. Я не буду здесь спать спокойно, пока не сделаем внутренние ставни на все окна. А уйти в театр вдвоем? До двенадцати ночи в квартире — никого. И окна над самой землей. Представляешь?

Николай. Завтра позвоню Оресту, он закажет ставни в какой-нибудь артели.

Зина. И слесаря пришли. Над умывальником из крана все время капает. Не могу слышать это «кап, кап, кап». Раздражает. Инженер, а не умеешь починить обыкновенный водопроводный кран.

Николай. Опять кто-то пластинки подавил. О, черт! Две пластинки Лещенко.

Зина. Боже мой! Мои любимые! Где они лежали?

Николай. Вон там.

Зина. Это Идея раздавила! Она садилась в то кресло. Чтоб вас черти взяли, таких гостей!.. Ну зачем ты эту Идею позвал? Все пьют, веселятся, а она как истукан. Морда такая кислая. Не поймешь, не то компания наша ей не нравится, не то живот у нее болит.

Николай. Ничего ты не соображаешь. Она сидит у нас на кадрах... В нашу компанию-то она давно рвется. Просила меня познакомить ее с тобой, с Шурочкой.

Виктор застонал во сне, повернулся на другой бок.

Зина. Ах, твой брат!.. Мы и забыли о нем.

Николай. Я-то не забыл...

Зина *(потрогала Виктора за плечо)*. Как его зовут?.. *(Вспомнила.)* Витя! Витя! Крепко спит. Так чего он приехал?

Николай. Как чего? Ко мне.

Зина. Не хочет ли он остаться здесь жить? Ты говорил с ним?

Николай. Немного. Он сразу захмелел.

Зина. А у вас ума хватило — столько наливать ему! Если останется у нас на время, где же мы его поместим? Здесь и столовая и твой кабинет.

Николай. Ну, кабинет — это только название. Я дома не работаю.

Зина. А в кухне поставить ему койку — еще обидится. Да и неудобно. Не гигиенично. Там посуда, продукты... Он что, студент?

Николай. Да.

Зина. Как же он уехал? Сейчас во всех институтах экзамены.

Николай. Говорит, бросил учиться.

Зина. Что? Бросил? А может, выгнали? Ты его хорошенько проверь, Николай! Все ли у него благополучно. Не влипнуть бы с ним в какую историю.

Николай. Проверю...

Зина. А где он был прошлую ночь?

Николай. В дороге был.

Зина. Посмотри, пожалуйста, белье на нем чистое?

Николай (*растегнул на Викторе воротник, посмотрел*). Нижней рубахи совсем нет.

Зина. Что ж, не будем его будить? Пусть там и поспит. Дай ему хоть подушку. Не холодно ему будет? Накрой его своим плащом. Тем, что на рыбалку берешь.

Николай приносит подушку и плащ, укрывает Виктора. Звонки.

Николай (*подошел к двери*). Кто там?

Голос Маши за дверью: «Я».

Николай. Кто — я?

Зина (*подошла к двери*). Кто вы, это известно только вам, но не нам.

Голос Маши: «Это я, Кругликова Маша».

Николай. Это нам тоже ничего не объясняет.

Зина. В такое время по чужим квартирам уже не ходят. Первый час.

Голос Маши: «У вас Виктор Крылов... то есть Гальченко?»

Николай. А вы к нему?

Голос Маши: «Да».

Зина. Ну открой.

Николай открывает дверь. Входит Маша.

Маша. Простите... Здравствуйте... Я его ждала на вокзале... Он у вас?

Николай. Да. А зачем он вам? Кто вы такая?

Маша. Я с ним приехала.

Зина. С ним?..

Николай. Вон он лежит. Вряд ли удастся вам сейчас с ним поговорить. Спит. Крепко.

Маша. А... Ну, скажите ему завтра, когда проснется, что я уехала.

Николай. Куда?

Маша. Он знает.

Николай. Хорошо, скажем.

Маша (*постояла*). Я пришла к вам не ночлега просить. Мне есть где переночевать. (*Поглядела на Николая, Зину*). Он так радовался, что нашел брата. Ведь вы его брат?

Николай. Да. Как установлено,— брат.

Маша. Мне хотелось посмотреть на вас, какой вы. Сидела на вокзале, и так чего-то тревожно стало за Виктора — не заболел ли?..

Николай. Его болезнь к утру пройдет.

Маша. Зачем вы его так напоили? Он дома совсем не пил.

Николай (*указывает на пустые бутылки*). Не подумайте, что это мы вдвоем выпили. У нас были гости.

Маша. Я, может, сюда больше не приеду... (*Пошла к двери.*) А можете и не говорить, что я приходила... Нет, скажите. До свиданья. (*Уходит.*)

Николай. До свиданья. (*Запер дверь.*)

Зина (*проверила, до конца ли повернут ключ в двери*). Ну, знаешь, Николай, это уж совсем... И девушка с ним приехала. Девушка или жена...

Виктор (*проснулся, приподнялся*). Кто это приходил? Мне послышалось...

Зина (*тихо*). Не говори! А то еще побежит за нею да приведет сюда! Мы не знаем, что между ними и кто она. На порядочную не похожа. Этого еще недоставало!

Николай. Рассыльная с телеграфа. Телеграмму принесла.

Виктор. Кому?

Николай. Мне. Из треста.

Виктор. А... Я много выпил. Ничего не соображаю. А мне послышалось, она сказала: уезжаю.

Николай. Нет, не говорила.

Виктор. Ничего не соображаю... Посплю еще. Можно?

Николай. Можно. Вот тебе спички, если встанешь ночью. (*Кладет на стул возле дивана спички.*) Может, дать выпить чего-нибудь холодно-го? Квасу?

Виктор. Не хочу. (*Улегся.*)

Зина (*сложила стопкой последние тарелки со стола*). Да... Вот нам подарочек на новоселье. (*Уходит на кухню.*)

Николай. Спокойной ночи, Витя. (*Виктор заснул, не отвечает.*) Какое у него усталое лицо. (*Сдернул с Виктора грязный, в масляных пятнах плащ, принес из спальни байковое одеяло, укрыл его одеялом. Долго смотрит на Виктора.*) Брат...

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Картина шестая

Квартира Алексея Ивановича, полковника в отставке. В комнате Алексей Иванович, Марфа Игнатовна и Виктор.

Алексей Иванович. Вашего брата мы не видели давненько. Сколько? Да лет пять. Когда учился в институте, часто заходил к нам. Иногда оставался ночевать.

Марфа Игнатовна. Как свет погаснет, трамвай станет, так и оставался. У нас в городе тогда плохо было с электричеством.

Алексей Иванович. Предложить ему угол я не мог. Квартирка у нас, видите, небольшая. То — наша комнатуха, жена тогда еще была жива. Сейчас мы там с племянником помещаемся. Здесь — Марфа Игнатовна с девочками. Да он и не нуждался в жилье. У него была койка в общежитии... А как закончил институт — больше мы его и не видели.

Марфа Игнатовна. Как отрезал! Я уж тут нашу молодежь допрашивала: что случилось, может, кто из вас обидел его чем? Знаете же,

как у молодых да горячих, сами молодой. Соберутся — и спорят, и друг над дружкой подшучивают, и ссорятся, и мирятся. Нет, говорят, никто его не обижал.

Алексей Иванович. Мама! Ты бы нам дала чайку. А ему позавтракать. Будете? Мы-то уже завтракали. И все уехали в город. Кто куда — на выходной.

Марфа Игнатовна собирает на стол.

Алексей Иванович. Я полагал, что Николай уехал по назначению на работу. И удивлялся лишь, почему не пишет нам. А мама даже думала: может, какое несчастье с ним случилось.

Марфа Игнатовна. Да. Мало ли чего не бывает! Вот на нашей улице позавчера какой случай был. Женщина вытирала окно на втором этаже, оступилась и упала. И прямо на одного прохожего. На голову ему. Женщина — ничего, а тот человек помер в больнице. Позвонки свихнула ему. Да мужчина какой! Богатырь, толстый, вот такой в плечах! А женщина — маленькая, худенькая, как я. Шел человек по улице, ни об чем таком не мечтал, и — на тебе!

Алексей Иванович. В институте, когда я справлялся о нем, мне сказали, что он получил направление в Краснопольскую МТС. Тогда еще были МТС. Написал туда — письмо вернулось назад... Я не знал, что он туда не поехал. Это теперь кое-что проясняет... Мой сын побывал уже и на Амуре и в Забайкалье. Сейчас в Якутии работает. И девочки — куда скажут им, туда и поедут. Такой уговор в семье: от трудностей не бегать.

Марфа Игнатовна. Сварить тебе, Витя, сосиски? Или яичницу сделать?

Виктор. Все равно. Можно сосиски... Я тоже завтракал уже.

Алексей Иванович. Ничего! Солдат спит и ест про запас.

Марфа Игнатовна. Да. Обед на обед — не палка на палку. Можно вытерпеть.

Алексей Иванович. Я, может быть, виноват, что мало занимался Николаем, когда он к нам ходил. Но он мне казался таким порядочным мальчиком. Скромный, тихий, никаких заскоков. Учился неплохо.

Виктор. Сейчас он не очень тихий.

Алексей Иванович. Ну, самостоятельный человек. Оперился уже...

Виктор. Ругаются с женой. Как заведутся ночью — ухожу на кухню, чтоб не слушать. А утром уходит на работу — целуются!

Алексей Иванович. Это дело такое... Чего не бывает между мужем и женой.

Марфа Игнатовна. Может, из-за тебя ругаются? Стеснил их?

Виктор. Так я сказал им: с первого числа дают мне работу на авторемонтном. Уйду в заводское общежитие.

Марфа Игнатовна (*вздыхнула*). Столько лет не видались — это уж не та родня. Кабы вместе росли, воспитывались...

Виктор. Да нет, Николай ко мне хорошо относится. Он не гонит меня с квартиры. Дал денег на первое время.

Марфа Игнатовна. Дал денег? О!.. Насчет денег Коля аккуратист! Бывало, у тех студентов, что к нам ходили, не хватало стипендии до получки. А у него всегда четвертная — две в остатке. Но занимал ребятам неохотно.

Алексей Иванович. Николай не рассказывал вам, в какую семью был он взят из детдома?

Виктор. Говорил, что и он недолго оставался там после меня. А что за люди, не рассказывал... Только вот, когда я рассказал ему о себе, о

Наталье Павловне, что за человек она, как мы с нею жили, — вздохнул и говорит: «Ну, тебе, браток, повезло...»

Алексей Иванович. Это было где-то там, в тех краях, где ваш детдом. Трех ребят они взяли, из разных мест. В том числе и Николая. За другими ездили подальше. Взяли, но усыновлять их не торопились.

Марфа Игнатовна. Своя цель была у них!

Алексей Иванович. Да. Прославиться в городе и получить хорошую квартиру. А как получили особняк с усадьбой, стали этих ребят сживать со свету. Один ушел в ремесленное, на казенный кошт. И правильно сделал. Там, вероятно, воспитали из него человека. Другой сбегал, воровал, попал в колонию. А Николай все же дотянул у них до института. Несладкая была жизнь. Спал в чулане, на драном матрасе. Кормили, как батрачка, объедками. На усадьбе они выращивали в парниках ранние овощи, а его посылали на базар продавать эти огурцы, помидоры.

Виктор. Почему же он не ушел от них?

Алексей Иванович. Вот! И я ему это говорил! Пошел бы в горсовет, пожаловался. Может, отобрали бы особняк у этих мерзавцев. А его куда-нибудь пристроили бы.

Марфа Игнатовна. Да ведь дитё. Что оно смыслило? Куда там ему ходить по горсоветам!

Алексей Иванович. Ну вернулся бы в тот же детдом!.. Он не один год прожил у них. В пятнадцать-шестнадцать лет кой-чего уже смыслил... Боялся, вероятно, что из детдома попадет в трудовые резервы, а не в институт.

Виктор (*долго молчал*). Алексей Иваныч! Вот я уже неделю живу у Николая. Странные люди к нему ходят! Совсем не такие, как приходили к нам там... Другие разговоры, другие шутки. Если о работе говорят, то что-то непонятное. Как что-то скомбинировать, что-то присчитать, чтоб получилось перевыполнение.

Алексей Иванович (*усмехнулся*). Что же тут непонятного!..

Виктор. Ну, не о самой работе говорят, а все о таком... Острые над тем, что для нас самое дорогое. И про коммунизм у них всякие остроты и про войну. Один сказал: «На войне только дураки погибали». Я ему говорю: как же так, и наш отец там погиб, как же его назвать? Он видит, что у меня руки чешутся дать ему по зубам, — поправился: «Я хотел сказать — кто не маскировался, того скорее брала пуля...» Верят они во что-нибудь? И жены их какие-то... Такими глазками посмотрит — будто бутылку масла на тебя выльет. Противно с ними! А Николаю ничего. Вы знали нашего отца, Алексей Иваныч. Скажите, Николай чем-нибудь похож на него? Неужели и отец?..

Алексей Иванович. Нет. Даже внешне у него мало сходства с отцом. Вы больше похожи на отца.

Виктор. Зовите меня на «ты».

Алексей Иванович. Удивительно! Вот слышу твой голос, и будто Андрей Гальченко со мной. И вот эта манера смотреть прямо в глаза человеку...

Марфа Игнатовна. Совсем забыла! У меня же еще блинчики остались. С творогом. Будешь кушать?

Виктор. Давайте.

Марфа Игнатовна. Вот сметана. Клади побольше.

Алексей Иванович. С твоим отцом мы служили вместе в одном полку. Он был командиром роты в моем батальоне. В тридцать девятом нас перебросили в Западную Украину, там и остались, на границе. Хороший был офицер. Решительный, храбрый, образованный. Военную школу окончил с отличием. Очень серьезно готовился к войне. А что она не се-

годня-завтра грянет — это мы все чувствовали. Пройди он всю войну — в большом чине был бы сейчас. По крайней мере дивизией бы командовал. Но мало довелось ему повоевать. Всего часа три... Это никакая не случайность и не судьба. Так оно и бывает на войне. Одни погибают в первый день, а другие — в самые последние минуты, когда победа уже совсем близко. *(Указывает на протез.)* Мне руку оторвало одиннадцатого мая сорок пятого года, уже после капитуляции Германии. В Чехословакии, под Ледечем, когда добивали группу фельдмаршала Шернера, не признавшего капитуляцию.

Виктор. Вы сейчас на пенсии?

Алексей Иванович. Работаю... Перешел на гражданку. В тридцать шесть лет поступил в институт, в сорок один год закончил. Финансово-экономический. Сейчас работаю управляющим стройбанком.

Марфа Игнатовна. Алеша! Тебе чаю налить?

Алексей Иванович. Налей. Покрепче только.

Виктор. А мою маму вы знали?

Алексей Иванович. Ну как же... Нина Михайловна... Закадычные подруги были с моей женой. Мы в одном домике жили, там, на границе, в двухквартирном. Там ты и родился. Обе из тех боевых пограничников, что безропотно за мужьями-командирами хоть на Памир, хоть на Сахалин... Тебя я помню совсем маленьким. Только начинал ходить. Белый был, соломенные волосенки до плеч. Моя жена как раз за две недели перед войной поехала с детьми к своим родным в Воронеж. А Нина Михайловна оставалась там. Так они и расстались.

Марфа Игнатовна. А ты, Витя, совсем не помнишь родителей?

Виктор. Не помню. Но хочется знать, какие они были.

Алексей Иванович. Хорошие были люди — вот все, что тебе скажу.

Марфа Игнатовна. А эта женщина, твоя вторая-то мать, умерла?

Виктор. Как умерла? Кто вам сказал?..

Марфа Игнатовна. А что, нет? Это я так, подумала... Приехал сюда, хочешь здесь поселиться — что-то, значит, случилось.

Виктор. Нет, не умерла.

Марфа Игнатовна. Ну, сто лет будет жить! Ежели про живого сказали, что помер. Такая примета.

Алексей Иванович. А в самом деле, чего ж ты уехал от нее?

Виктор. Так... *(Занулся.)* К брату приехал. Погостить...

Алексей Иванович. Погостить, говоришь, а устраиваешься на авторемонтный?..

Виктор. Да вот думал... Поступлю здесь на работу, чтобы с братом в одном городе... И она, может, переедет сюда. Поменяет квартиру. Ей тоже здесь работа найдется. В какой-нибудь больнице. Она врач, вдова майора. Была на фронте. Всюду возила меня с собой, пока шла война. Она меня очень любит.

Алексей Иванович. Эх, матери!.. Вот я знал тоже такую женщину, которая и чужих любила, как своих родных. Это было под Орлом. Мы стояли там долго в обороне. Домик у самой дороги, на окраине поселка. Колодезь с журавлем. Большая фронтальная дорога. Днем пусто, а по ночам по ней беспрерывно туда-сюда — войска, машины, раненые, танки, пушки... *(Марфа Игнатовна отошла, села у окна, отвернувшись.)* Никто этого домика не миновал. Случалось и мне с маршевыми ротами останавливаться там. Принимал пополнение для нашей дивизии. Всё молодые ребята, моложе тебя. Зимний день короток. Приведешь их перед рассветом, дорвутся они до теплого угла, повалятся, как снопы, на полу и храпят до вечера. А хозяйка тем временем разует спящих, кто не снял сапоги, портянки отберет, постирает, высушит. Стемнеет — поднимаю

роту в поход, идти дальше. А у нее уже какой-то суп готов. «Не надо,— говорю,— спасибо, у нас свои продукты есть». — «Ничего. Ночь большая, холодно, проголодаетесь». Не очень густой суп, десяток картофелин на ведро, но все же — горячее. Перед дорогой. Как-то, слышу, муж говорит ей: «Картошки-то у нас осталось мешка два, не больше». — «Ну что ж,— говорит,— поменьше буду класть... А может, и наши где-то вот так идут, такими дорогами...» (*Марфа Игнатовна вышла в другую комнату.*) Три раза останавливался я у них. А ведь так было каждый день, всю зиму. Сколько солдат прошло! Сколько людей назвало ее матерью!.. После войны я съездил в Орловскую область, разыскал тот домик у дороги. Место, где он стоял. Домика уже не было, одни развалины. И мужа хозяйки не было в живых, убило его бомбой. Сыновья их погибли на фронте...

Марфа Игнатовна вошла, стала что-то делать у стола, вместо пустых тарелок убрала тарелку с хлебом.

Марфа Игнатовна. Что ж это я делаю? Хлеб убрала... На, на, кушай!.. Не надо, Алеша... Забывается, а как станешь рассказывать...

Алексей Иванович. Прости, мама...

Виктор, в большом волнении, встал, прошел по комнате.

Виктор. Алексей Иваныч! Почему я в том доме, у брата, так много их увидел?.. Сколько приходило людей за эти дни к Николаю — ни одного такого, чтобы чем-то мне понравился. Что их — больше?

Алексей Иванович. Больше? Не думаю. Не занимался такой статистикой. Но уверен, что их меньше. Гораздо меньше!.. Это тебе показалось, потому что увидел их в сборе. Что ж, это естественно. Человек к человеку тянется, и эти тоже жмутся в кучку. Рыбак рыбака... Они, может, вообще не способны ни на какие добрые чувства, ненавидят один другого, противно встречаться им, но нужно. По их жизни, хитрой, скользкой, им нужно быть вместе, тянуть, поддерживать друг дружку. Не расстраивайся, Виктор! Ты молод. Жизнь только открывается перед тобой. Всегда за наступающей армией тянутся следом и мародеры. Много еще увидишь такого, над чем крепко призадуматься. Но перебороть это все — в наших руках!..

Виктор увидел в окно идущую по другой стороне улицы Машу.

Виктор. Маша?.. Не может быть. Она же уехала?.. Она. Завернула за угол... Простите! Мне надо идти. Там девушка одна. Приехала ко мне... До свиданья! (*Убегает.*)

Картина седьмая

Виктори и Маша в сквере.

Виктор. Ты совсем не уезжала домой или приехала опять?

Маша. Не уезжала.

Виктор. Ох ты какая!..

Маша. Какая?

Виктор. Как я обрадовался, когда увидел тебя! Где же ты жила эти дни? Что делала?

Маша. Жила в гостинице. В Доме колхозника, на Петровском рынке.

Виктор. Почему же ты ни разу не зашла туда? К Николаю?

Маша. Так... Мне не очень там понравилось...

Виктор. Да? Почему? Что не понравилось?

М а ш а. Прости, Витя. Может, я тебя обижаю этим. Я не ревную тебя к нему. Не подумай! Мне очень хочется, чтобы у тебя с ним все было хорошо. Как можно! Человек нашел брата. Это такая радость... Ну, рассказывай, как ты живешь?

В и к т о р. С первого поступаю на работу. Перейду в общежитие.

М а ш а. Уйдешь в общежитие?

В и к т о р. Ну я же приехал не для того, чтобы у них на иждивении быть.

М а ш а. Что-то скрываешь от меня... Ты хоть домой за это время написал?

В и к т о р. Нет, не писал еще... Не знаю, что писать.

М а ш а. И мне не писал? Туда?

В и к т о р. Тебе написал. Ты к нам, оказывается, приходила? И меня не разбудили... Зачем же ты сказала, что уезжаешь? Я волосы на себе рвал!

М а ш а (*потрепала его чуб*). Вижу. Совсем лысый стал.

В и к т о р. Маша! Как ты исхудала! Ты не больна?

М а ш а. Нет.

В и к т о р. А ты-то чем жила это время? Погоди, у меня есть деньги. Пойдем в столовую, поешь.

М а ш а. Не хочу. Недавно ела. Я работаю здесь.

В и к т о р. Где?

М а ш а. Хожу на молокозавод, на поденщину. Кефирные бутылки мою.

В и к т о р. Сколько же ты там зарабатываешь?

М а ш а. Да пока не приловчилась — немного. На стройки требуются рабочие, но я же не совсем осталась здесь.

В и к т о р. Не понимаю... Если ты осталась, чтоб еще встретиться...

М а ш а. Да, хотела встретиться. Вот так, случайно, где-то на улице... Сегодня выходной, и я с самого утра гуляю по городу.

В и к т о р. Так мы целый год могли бы не встретиться!

М а ш а. Вот встретились...

По скверу идет Николай, увидел Виктора с Машей.

Н и к о л а й. Виктор! Вот ты где! Гуляешь? Далеко забрел. Здравствуйте! Кажется, та девушка? Та самая храбрая Маша Кругликова, которая по ночам ходит одна по незнакомому городу?

М а ш а. Здравствуйте. Не очень храбрая. Я тогда, пока выбралась с вашей улицы к автобусу, десять раз обмирала от страха.

Н и к о л а й. Чего ж вы толком не рассказали, кто вы и что? Мы бы вас где-нибудь приютили.

М а ш а. Не мне об этом рассказывать...

Н и к о л а й. А Виктор просто не успел. Столько нахлынуло на нас всяких воспоминаний!

М а ш а. На вас — может быть. А он-то что мог вспоминать?..

В и к т о р. Не выручай меня, Коля. Я тогда по-свински поступил.

Н и к о л а й. Самокритика — главная движущая сила нашего общества.

В и к т о р. Я думал, посплю немного, приду в себя и поеду на вокзал. Как договорились. И не проснулся!..

Н и к о л а й. А я, верно, всю ночь тогда глаз не сомкнул. Скажу честно, Витя. Когда ты вошел и даже когда я прочитал твои документы, у меня здесь (*показывает на грудь*) ничто не затрепетало. Давно ведь это было. Тебя я считал погибшим и совсем забыл... А потом я до утра не спал. Вспомнилось все. И что говорила мне мать, когда мы шли по Донбассу. «Если я умру (она была очень больна), береги нашего маленького». А что я мог для тебя сделать? Сам был ребенком... В детдоме я

однажды сделал тебе водяную мельницу из щепочек. Дождь прошел, и ты целый день возился с этой мельницей в ручейке. Не помнишь?

Виктор. Не помню...

Николай. Завидовал я тебе, что ты ничего не помнишь и не горюешь. А у меня и сейчас это в памяти — как налетел на нас «мессершмитт» и мама упала. Молча, даже не вскрикнула. А меня чуть царапнуло пулей по ноге... Наш маленький... Во какой вырос!.. Так вы что ж это, Маша, вторично уже приехали сюда?

Маша. Нет, я не уезжала. Передумала.

Николай. Я вас тогда и не рассмотрел как следует. (*Оглядел Машу с ног до головы.*) Я, кажется, одобряю твой выбор, братишка. Виктор мне говорил, как вы его любите.

Маша. Как я его люблю?.. А откуда он знает, как я его люблю?

Николай. Видимо, знает. Приехали сюда, к нему!

Маша. Ну и что ж такого?

Николай. За столько километров! С тремя пересадками!

Маша. Ничего особенного. Я просто иначе отношусь к дружбе, чем некоторые парни: знакомятся с девушкой и первым делом интересуется, где она живет, далеко ли придется провозжать домой.

Николай (*смеется*). Это он такой?

Маша. Нет, он-то не такой...

Николай. Не видели мою Зиночку? Не проходила здесь?

Виктор. Нет.

Николай. Поскандалили мы немножко. Не пустил ее на пикник. Собрались в Лужки, на озеро, всей бандой. А я сегодня дежурил до двенадцати. И ее не пустил одну, с теми пьяницами. Такую сцену мне закатали! Пришел домой — десять минут звонил, пока открыла дверь. Предложил ей сходить в кино — фыркнула и убежала. Ну, а я знаю, куда она закатилась. К своей портнихе. Здесь где-то, на этой улице, дом тридцать пять... Не женись, брат Виктор! Простите, Машенька! Это так. Шутка... Пойду разыщу ее. А потом сюда придем, погуляем вместе. (*Уходит.*)

Маша. Ты хвалился ему, что я тебя очень люблю?

Виктор. Я не хвалился... Это только и было у меня радости — рассказывать о тебе...

Маша. А, брось!.. Сегодня я уже не выдержала, написала тебе письмо (*показывает*) и хотела кинуть в почтовый ящик.

Виктор. Что ж ты мне написала? Покажи.

Маша. Не надо. Зачем теперь письмо, когда мы и так можем поговорить. (*Порвала письмо, бросила в урну.*) Там написано хуже, чем я думаю о тебе. Я была сегодня утром очень злая. У нас в общежитии, в Доме колхозника, искали какую-то карманницу. И у меня проверили документы, спрашивали, зачем я сюда приехала, чем занимаюсь, на какие средства живу.

Виктор. Маша! Мне сейчас тоже очень тяжело.

Маша. Да? Почему?

Виктор. Если бы мама... Наталья Павловна взяла нас обоих!..

Маша. А что?

Виктор. У Николая все по-другому пошло бы.

Маша. Легко сказать — обоих! В военное время!

Виктор. Ну после войны. Разыскала бы его.

Маша. Она же боялась, что все раскроется. Николай бы тебе рассказал.

Виктор. Ну и что же?

Маша. Что с Николаем?

Виктор. Плохо... Если бы и оставляли меня, не смог бы с ними жить... Я, может, совсем уеду отсюда.

Маша. Вот этого я и ждала.

Виктор. Чего? Чтобы я не поладил с ними?

Маша. Как ты можешь так гадко думать обо мне! Ждала, чтобы все выяснилось — что они за люди и как к тебе относятся.

Виктор. Маша! Уезжай домой! Еще не все потеряно с институтом. Один экзамен только пропустила. Перенесут, может, на осень. У меня есть деньги. Немного. Не хватит тебе на билет.. Пойдем сейчас на толкучку, продадим этот пиджак.

Маша. Какой добрый!..

Виктор. А я потом напишу тебе.

Маша. Что напишешь?

Виктор. Ну, куда поеду, где буду..

Маша. Поедешь ты домой.

Виктор. Нет.

Маша. Виктор, пойми! Может быть, она тебе уже и не нужна. Теперь, когда ты вырос. Но ты ей нужен! *(Виктор молчит.)* Ох! Неужели и у меня будут такие упрямые, бессердечные дети?

Идут Николай и Зина.

Николай *(смеется)*. Смотреть на вас издали — никак вы не похожи на влюбленных. Скорее на мужа с женой, и таких, что уже не первый год ругаются.

Маша. Лучше до свадьбы как следует поругаться, чем потом.

Николай. Ого! За словом в карман не лезет. *(Виктору.)* Вот бы кого напустить на нашего Сергея Михалыча!

Зина. Здравствуйте, Маша.

Маша. Здравствуйте.

Зина. Вам Николай уже говорил? Мы очень сожалеем, что так получилось тогда.

Маша. Ничего. Больше не получится так.

Зина. Ну конечно. Теперь мы вас будем знать. А где же вы живете?

Маша. Сейчас?.. Вот здесь.

Зина. Что? На бульваре?..

Виктор *(внимательно посмотрел на Машу, на ее сверток)*. Маша! Зачем ты носишь это?.. Тебя выставили из общежития?

Маша. Да. Сегодня утром. Нет командировочного удостоверения. И вообще подозрительная личность. В паспорте нет отметки о работе.

Виктор. Чего ж ты не сказала мне сразу?

Маша. А что бы ты сделал?..

Зина *(Николаю, тихо)*. Я не пойму их отношений, и вообще кто она. Мы могли бы пустить ее на время к себе, но чем это все кончится?..

Виктор *(улыбнулся)*. А я не пойму ваших отношений с Николаем!

Николай. Ну, ну, чего же сердиться! Без нервов. Все можно спокойно выяснить. Маша, вероятно, осталась затем, чтобы..

Маша. Ничего не надо выяснять. Я сегодня уеду.

Зина. Вы уже собирались однажды уехать.

Николай. Тш-ш!.. А какой сегодня чудесный денек! А? Ни тучки на небе. Но к вечеру, возможно, соберется дождь. Душно... Ты где был с утра, Витя? Все время с Машей гуляешь?

Виктор. Нет. У Алексея Иваныча был.

Николай. А!.. Ну как старик? Ты что-то зачастил к нему.

Виктор. Только сегодня застал его дома. Он уезжал в Москву.

Николай. Ну? Наговорились? Про отца, вероятно, рассказывал?

Виктор. И про отца... О тебе тоже говорили.

Николай. Да? Что ж вы обо мне говорили?

Виктор. Он обижается, почему ты не стал у них бывать. То приходил пообедать, переночевать. Когда был студентом. А потом как в воду канул.

Николай. Работа! У студента и то больше свободного времени остается, чем у меня.

Виктор. А Алексей Иваныч подозревает, Коля, что тебе стыдно появляться у них.

Николай. Стыдно? Почему?.. Я не клал у них в карман серебряные ложки. И за его дочками не ухаживал. Там такие рожи! Ты видел их?

Виктор. Дочки его собираются, кажется, на целину.

Зина. Только на целину таким и ехать! *(Смеется.)*

Виктор. Потому стыдно, что получил назначение в МТС, а остался в городе.

Николай *(постепенно закипая)*. Слушай, браток! Ты что — приехал сюда учить меня жить?

Виктор. Хотел у тебя поучиться...

Николай. Ты на Луну не записался?

Виктор. Нет пока.

Николай. А чего ж ты раздумываешь? Если уж искать трудностей — вот там-то они и есть!

Виктор. Мне на земле дела хватит.

Николай. Ишь ты, как рассуждает! А туда кому ж лететь?..

Виктор. Пошлют — полечу, не откажусь.. Брось, Коля! Давай серьезно говорить.

Николай. Давай серьезно. Почему я не поехал в деревню? Потому что почувствовал, что способен на большее. Я сейчас руковожу производством ценностей на сумму раз в двадцать больше, чем давал бы в какой-нибудь РТС на ремонте тракторов.

Виктор. Только поэтому не поехал?

Николай. Не только. И потому, что времена хождения в народ прошли. Меня могли бы и в колхоз загнать. А зачем? Сколько можно с людьми нянчиться? Вытягивать эти отстающие колхозы? Пусть каждый живет так, как того заслужил. А мне в городе лучше. Мне высшее образование досталось знаешь как? Камень, железо не вынесут того, что я, мальчишка, вынес! Я зубами вырвал у жизни свое! И закопать себя в деревне?..

Виктор. Так бы и говорил.

Николай. А кто из нас не хочет жить лучше? Вот ты небось тоже учился в средней школе, а не в ремесленном! В институт пошел, а не в армию!

Маша. Он первым прошел по конкурсу! Тридцать баллов набрал! Если с такими способностями не учиться в институтах, кому же там и учиться?

Николай. Ах, отличник! Паинька-мальчик!.. А может, его нареченная мамаша преподнесла подарочек декану?

Маша. Думаете — все взяточники?..

Николай. Не все, но недостатка в них, как говорится, пока не испытываем.

Виктор. Я не выбирал, что полегче. В горном учусь. Мне под землей работать. Не леденцы варить.

Зина. Учишься? А говорил нам — бросил.

Николай. Семь пятниц на неделе у него! То он собирается здесь поступать на работу, то об институте думает.

Виктор. Из-за тебя же это, Коля! Все бросил, летел к тебе, как на крыльях...

Николай (*мягче*). Ну что ж, браток, я не виноват, что тебе не нравится у меня. Я все вижу... Маша уговаривает тебя домой ехать, да?.. Принял я тебя по-родственному, обижаться не можешь. Устроил бы и на работу, при себе, не обязательно тебе идти на авторемонтный. Но я вижу — мы тебе не по духу... Что ж, живи так, как тебе нравится. Ты идеалист, Витя!..

Зина. Наши отцы достаточно страдали за то, чтобы нам сейчас жить хорошо! Жертвенность, трудности, лишения — да когда ж это кончится? Мой отец в войну был на очень тяжелой работе. Строил комбинат в красноярской тайге. В таком диком месте, где одни медведи да белки. И я там жила с родителями в бараке. До пяти лет жила в тайге. Хватит с меня!.. И вся молодежь сейчас такая. Реалисты. А вы, Маша, я не знаю... Вы какая-то не типичная. Таких девушек сейчас нет.

Маша. Нет?.. Ущипните себя — я же вам не приснилась.

Зина. Самолюбия у вас не хватает. Потащила за парнем в другой город!

Виктор. Насчет ее самолюбия — бросьте! Я ей в ноги должен поклониться!

Зина (*в сторону*). А может, догулялась, а теперь и бегаешь за ним...

Николай. Помолчи, Зина!.. (*К Виктору.*) Тебе не нравятся и те люди, что ко мне ходят. Что ж, не закрывать же мне двери перед ними из-за тебя. Ты — брат, но и они мне не чужие. Люди как люди. Не аскеты, не герои... А меня эти люди устраивают. Не дураки пожить. И я не хочу быть глупее других. Жизнь дается человеку один раз.

Виктор. Не кощунствуй! Чьи слова говоришь?

Николай. Кстати, и времена Павла Корчагина прошли. Она (*на Зину*) права. Надо трезво смотреть на вещи. Время пожинать плоды того, что было посеяно.

Виктор. Не твоей кровью политы те посевы!

Николай. Не моей, так кровью отца.

Виктор. И отца вспомнил!..

Николай. Да ты не кипятишься. Ты щенок еще. Ты просто слабо подкован теоретически. Надо верить в систему, в ее победу — и будешь жить спокойно. Ты видел каменщика за работой? Какие у него руки, когда он кладет кирпичи? Не очень чистенькие. Строит грязными руками, а какое великолепное здание вырастает! И у меня, может, руки не белоснежные. Вообще, ангелов у нас нет. Каждый, как умеет, что-то выгадывает для себя. Но все мы, каждый в отдельности и вместе взятые, делаем великое дело. Мы создаем огромные богатства, изобилие! Мы строим то, что рано или поздно до неузнаваемости изменит нашу жизнь, положит конец всем нездоровым явлениям в нашем обществе!

Виктор. Грязными руками — чистое дело?.. Не принимаю я такую теорию! Кто это из ваших остряков ее выдумал? Для успокоения совести придумали? Это теория мародеров, шкурников!

Николай. Советую прочитать Ленина.

Виктор. Не ври! У Ленина об ангелах совсем иначе сказано. Что люди, мол, у нас не святые, с пережитками, но с ними-то и придется нам строить социализм. А для мародеров он требовал расстрела!

Зина (*посмотрела на часы*). Николай! Тот магазин в три часа закрывается на перерыв. Сейчас без двадцати. Пойдем, а то не успеем.

Николай. Какой магазин? Я ничего не собирался покупать.

Зина. А мне надо кой-чего купить там.

Виктор. Я идеалист?.. А по-моему, в тебе от материалиста ничего нет!

Маша. Они-то материалисты, но какие!..

Виктор. На свой карман.

Зина. Пойдем!

Николай. Чего ты пристала? Куда пойдем?

Зина (*тихо*). От этих ненормальных... Чего вы завелись? Люди слышат.

Николай. Да, этот академический спор здесь, посреди улицы, ни к чему.

Зина. До свиданья, Маша! Заходите... Возможно, опять не уедете?

Маша. До свиданья.

Николай и Зина уходят.

Виктор (*прошелся по скверу взад-вперед*). Он к тому же еще и демагог! Ишь ты! Какую речь произнес! «И это положит конец всем нездоровым явлениям в нашем обществе!» Вот какой человек... (*Сел на скамейку. И Маша села.*) Что ж, твои вещи при тебе, а я за своим чемоданом заходить туда не буду. Черт с ним!

Маша (*как эхо*). Черт с ним!..

Виктор. Я ему остался должен. Двести рублей...

Маша. Подождет. Переведем почтой.

Виктор (*снял пиджак, свернул его, взял на руку*). Толкучка, вероятно, уже разошлась...

Маша. А у меня еще часы есть. Уцелели. (*Достала из свертка часики.*) Браслетка только порвалась. Продадим кому-нибудь на вокзале.

Виктор (*задумался*). Что же делать, Маша? Как с такими людьми бороться? Не знаю... Знаю одно — надо не быть такими, как они.

Маша. Да... Но этого мало.

Виктор. Мало... (*Долго молчал.*) Вот так мы встретились... Я за эти дни, Маша, многому научился. И устал, и боль такая, будто нарывает что-то здесь (*показывает на сердце*), и чувствую — силы прибавилось. Как в драке. От злости, что ли? Не веришь? Правду говорю.

Маша. Верю. Я сама однажды в детстве трем мальчишкам, побольше меня, ух как всыпала! От злости.

Виктор. Но одной злости мало.

Маша. Мало...

Виктор. Надо и уметь с ними драться! Он меня щенком назвал... У них, видишь, на все оправдания. Вот он сказал: «Время пожинать плоды». У меня в душе кипит, а как ему возразить — не знаю. Правильно, для того и сеют, чтобы жать. И вновь сеять... Но и он сам тоже на нашей земле вырос. Чертополох тоже плод! Из чего вырос?.. Время пожинать плоды. Да. Время и тому, чтоб такие не пакостили нашу землю. И он — плод. Время все пожинать. Всему время!..

Маша. Вот и возразил. А говоришь — не знаю, что ответить.

Помолчали.

Виктор. Поедем на вокзал.

Маша. И домой?..

Виктор. Ты — домой...

Маша. Виктор!..

Виктор. Мне стыдно, Маша, ехать сейчас туда. Я ее очень обидел... Как мне ей в глаза смотреть?

Маша. Сейчас тебе стыдно только за тот поступок. Но после тебе будет вдвойне стыдно! И вот за это, что сейчас ты делаешь! Ну что ты надумал? (*Виктор молчит.*) Ох, какой же ты осел! Как я буду с тобой жить, если мы поженимся?.. Ну, поедем на вокзал. Там еще поговорим... Только сначала в какую-нибудь столовую. Ужасно хочу есть!

Уходят.

Картина восьмая

Квартира Крыловых. Вечер. Наталья Павловна сидит за письменным столом, пишет. Звонок. Вздрыгнула, тяжело поднялась со стула, медленно идет к двери, открывает. Входит Варвара Семеновна.

Варвара Семеновна. Здравствуй, Наташа.
Крылова. Здравствуй... *(Возвращается к столу, пишет.)*

Варвара Семеновна увидела на обеденном столе посуду, отнесла ее на кухню, ножи, вилки убрала в буфет.

Варвара Семеновна. Ох, нож упал!..

Достала из принесенного свертка какое-то шитье, под села к швейной машинке, сняла с нее футляр, разглядывает шитье, что-то примеряет, подрезывает ножницами. Большая пауза.

Варвара Семеновна. От Маши ничего?

Крылова. Кроме того письма, ничего...

Варвара Семеновна. Ну узнала, где он, и то уже лучше... А может, написала бы его брату? Адрес теперь знаешь.

Крылова. Что мне писать ему?.. Виновата я перед ними обоими.

Варвара Семеновна. Что виновата, то виновата... Это хорошо, если Николай окажется дрянным человеком... Что я говорю? Глупости какие! Что ж тут хорошего? Я хотела сказать: если брат его такой же парень, как Виктор, и могли бы они жить душа в душу — тогда еще хуже... Опять не то говорю. В общем, тогда тебе терзаться всю жизнь. Поняла, что я намолола?

Крылова. Поняла...

Варвара Семеновна. А написать туда тебе все равно придется. Объяснить этому Николаю, почему ты так сделала. Обоих взять ты, конечно, не могла. И я могу приписать ему от себя. Знаю, как тебе там было трудно с Витькой. Да не ему ли и пишешь?

Крылова. Нет... К собранию готовлюсь.

Пауза.

Варвара Семеновна. Эх! С этими усыновлениями чего только не бывает! Моя соседка, в народных заседателях ходит, рассказывала — разбирали в суде одно дело. Женщина. Уборщица. В военное время взяла ребенка. Ее маленький помер, что ли. Ну, взяла чужого. Вырос — вот такая орясина! Бросил учиться, в ресторане на дудке играет. Ни копейки домой не приносит и ее деньги пропивает в том ресторане. Да еще и измывается над нею. Побил ее. «А я тебя, — говорит, — не просил брать меня из детдома. Осчастливила! Уборщица! Может, меня какой-нибудь академик усыновил бы, а ты перехватила!»

Пауза. Крылова пишет.

Варвара Семеновна. Ножницы у тебя тупые, не режут.

Крылова. Посмотри в том ящичке другие. Те, кажется, острее.

Варвара Семеновна *(нашла ножницы)*. Эти еще тупее. *(Точит ножницы на игле.)* Вот так надо точить ножницы. Умешь? *(Попробовала на материи.)* Теперь режут.

Настойчивый звонок. Варвара Семеновна и Крылова переглянулись. Варвара Семеновна идет открывать дверь. Голос за приоткрытой дверью: «Здесь Левченко живет? Иван Семенович?»

Варвара Семеновна. Левченко какого-то спрашивают.

Крылова. Третий подъезд, второй этаж.

Варвара Семеновна (*повторяет*). Третий подъезд, второй этаж.

Голос: «Спасибо!» Варвара Семеновна возвращается к машинке.

Варвара Семеновна. Зазвонил так, будто черти за ним гнались! У меня сердце оборвалось...

Крылова продолжает писать. Стенные часы пробили одиннадцать.

Варвара Семеновна. Поздно уже, а домой идти не хочется. Пусто у меня там сейчас. Саша раньше часу не вернется, у них в клубе сегодня самодеятельность. Михаил в ночной. А Вадим на практику уехал. Ты еще не ложишься?

Крылова. Нет. Не скоро лягу.

Варвара Семеновна. Ну и я посижу еще. До последнего автобуса. (*Соображает что-то над разостланной на коленях материей.*) Хорошо было с ними, когда были маленькие, разного роста. Один вылезет из штанов, если порвать не успеет, — другому как раз впору. А сейчас выравнялись, скажи, будто кто садовыми ножницами их подстриг под шнурок. Ничего никому с чужого плеча не перешьешь... А девочек, старшеньких, что до войны еще померли, я думала, никогда не забуду. Как я горевала. А сейчас даже как-то стыдно перед собою. Ведь забываю. Близнецы. Маленькими умерли. Эти, живые, все заслонили... Может, возьмешь другого, Наташа?

Крылова (*оторвалась от бумаг*). Другого?.. (*Покачала головой, тяжело вздохнула.*)

Варвара Семеновна. Нет, зачем же другого? Это я не то сказала. Твой-то живой. Чего ж наперед загадывать... Где это такая хорошая музыка? За стеной, у соседей. (*Включила радио.*)

Музыка. Чайковский. Долго слушали музыку.

Крылова. Выключи, Варя. Не надо. Хорошая музыка, но она мешает. Сейчас мешает.

Варвара Семеновна выключила радио.

Варвара Семеновна. А машинка тебе не помешает, если прострочу немножко?

Крылова. Нет. (*Пишет.*)

Варвара Семеновна (*прострочила на машинке*). Вот я думала о Машеньке... Славная девушка. Ведь сама сирота, а больше о других печалится, чем о себе. У тетки выросла. А тетка, как видно, не очень ее жалует. Третий год учится уже здесь Маша — хоть бы когда сотню рублей прислала ей к празднику, добавила к стипендии. А живет не бедно. Свой дом имеет, сад. Муж — начальник станции... Радовалась я за тебя. Невестка — что надо. Да как оно теперь обернется...

Крылова (*оторвалась от бумаг*). Я, Варя, и не рассчитывала, что Виктор всегда будет жить со мною. Мы тоже из родного дома уходили своей дорогой. Такова жизнь. Его могут послать на рудники, и в Заполярье, и на Тянь-Шань. За ним не угонишься. Не для того воспитывала его, чтоб меня в старости кормил. Мне моей пенсии хватит, когда не смогу работать. Рано ли, поздно — расстался бы. Но не так, думалось, расстанемся... Неужели кровь свое берет? Узнал, что я не мать, и все оборвалось... Хоть бы с Машей они не разошлись! И еще хотелось мне: останется без меня, куда бы его жизнь ни забросила, с кем бы ни повстречался, — чтоб был он человеком... Может, чаю хочешь? Вон — в термосе. С утра горячий.

Варвара Семеновна. Давай попьем чайку. *(Собирает на стол.)* В термосе... По-фронтовому... Да не тот ли и термос, что наш генерал подарил тебе на прощание?

Крылова. Нет. Тот не сберегла.

Сели за стол. Варвара Семеновна опять включила радио. Фронтвая песня:
«Бьется в тесной печурке огонь...»

Крылова. Было — и в землянке. Под огнем, под бомбами вынынчила... *(Заплакала, но быстро взяла себя в руки.)* Эх, все-таки мы бабы! Глаза у нас на мокром месте. *(Выключила радио.)*

Варвара Семеновна *(разлила чай)*. А что ты все пишешь там? Доклад?

Крылова. Доклад... Завтра провожу первое партсобрание.

Варвара Семеновна. А!.. Тогда, конечно, надо тебе подготовиться как следует. Только не пиши, как некоторые: все до слова напишет, уткнет нос в свои бумажки и бубнит два часа, мухи от скуки дохнут.

Крылова. Нет, я так... Набрасываю кой-какие мысли... О врачебной этике. И еще о многом надо поговорить. Сумею ли найти такие слова, чтоб за сердце взяли? Всю жизнь только скальпелем работала. Даже лекции нигде никогда не читала...

Варвара Семеновна. Если знаешь, о чем сказать, и очень желаешь, чтоб дошло до людей,— сумеешь!..

Крылова. Нашу профессию называют самой человеческой. Но врач не должен, не имеет права быть жалостливым. Если ему над каждым больным, над его страданиями проливать слезы — он не сможет работать. Особенно жестокая работа у хирурга. Режешь живое человеческое тело. В эти минуты перед тобою только вскрытые органы. И твои руки, умение. Только работа...

Варвара Семеновна. А сколько ты, Наташа, за все время сделала операций?

Крылова. Что?.. За все время?.. Если и фронт учесть? Там в иные дни много было работы... Ну, тысяч десять, вероятно.

Варвара Семеновна. Ого!..

Крылова. Сердце у врача, говорят, должно быть каменным. Все чувства на замке. Так утверждают некоторые знатоки нашей профессии. А что должно появиться у врача вместо жалости к больному человеку? Мастерство... Да, это хорошо, когда есть высокое мастерство. А если ни жалости, ни мастерства? Я вот знаю таких врачей — и в нашей клинике они есть, — которые уже лет двадцать не заглядывали ни в старые учебники, ни в новые медицинские журналы. Равнодушие. Это хуже жестокости. Не плачь, черт тебя побери, над умирающим, никто не требует, чтоб у тебя душа разрывалась на куски от чужих страданий. Но учись всю жизнь своему делу! Узнавай новое, лучшее. Может быть, этот человек не умирал бы сейчас, если бы ты больше знал!

Варвара Семеновна. Вот ты уже и нашла такие слова!..

Крылова. Об одном коммунисте придется поговорить особо... О его пребывании в партии.

Варвара Семеновна. О ком?

Крылова. О Бурдюкове.

Варвара Семеновна. О главвраче?

Крылова. Да.

Варвара Семеновна. Ну, это ты... А что он?

Крылова. Взятчик и развратник.

Варвара Семеновна. Доказано?

Крылова. Доказано. И помог выкрутиться из беды своему приятелю из третьей клиники.

Варвара Семеновна. Про которого фельетон был, что в пьяном виде больных осматривает?

Крылова. Да. Тот допустил грубую ошибку в диагнозе. Такую ошибку, в которой студент второго курса мединститута разберется. Эта ошибка стоила жизни человеку. Вчера мы вскрывали труп и убедились, что в акте, подписанном Бурдюковым, чистейшее вранье.

Варвара Семеновна. Круто поворачиваешь!

Крылова. Не для того, чтобы сразу себя показать. Назрело... С Бурдюковым работает молодежь. Уже немало врачей выпустил в жизнь. Чему он их научит? Так жить, как сам живет?.. *(Отошла к письменному столу.)* А насчет жалости... И хирургу иногда не вредит жалость... Есть у нас молодой хирург Людочка Маслова, ты ее знаешь. Пятый год работает. Один человек, отец, возил по клиникам свою дочку, от которой уже все отказались. Три года ребенку. Камни в почках. Иссохла вся, чуть дышит, шейка, как ниточка, голова не держится. Привез он ее и к нам. Люда посмотрела на ту девочку и заплакала. Бурдюков куда-то уезжал. А я была в отпуску. Без меня решилась. Взяла ее. Поддержала неделю в больнице. Ночи напролет просиживала возле девочки. Оперировала. Вчера я была дома у Людочки. И к ней приехал отец девочки. С нею. Показать, какой она теперь стала. Толстенная, щечки, как маки, веселая, бегаёт, смеется. Видела бы ты, какими глазами смотрел этот человек на Людочку!.. И я ей позавидовала. Это такое счастье!..

Звонок — три раза.

Крылова *(встала)*. Это Маша. Она всегда так звонит.

Крылова и Варвара Семеновна идут к двери. Входят Маша и Виктор.

Виктор. Прости, мама...

Крылова обнимает Виктора и Машу.

Г. ГОРЕВ

★

НА САМЫХ ДАЛЬНИХ УЛИЦАХ

Записки новосела

Как появился сад

Сколько лет простоял этот барак, никто из населявших его людей не знал. Тетя Маша, самая старая жилица, въехала в него почти тридцать лет назад.

— В том году,— говорила она,— барак был уже не новым. У него протекала крыша, и мы миром ее чинили.

Стоял барак в чистом поле, в пятнадцати минутах ходьбы от него находился сосновый лес. Когда ветер дул со стороны леса, жители барака слышали, как шумят и волнуются сосны.

После войны пришел конец пустому полю, и Москва придвинулась к самому бараку.

Двадцать окон было у барака, по числу комнат. Под девятнадцатью окнами были разбиты крохотные палисадники — пять шагов в длину, три шага в ширину. Каждый палисадник отгораживался от другого заборчиком. Девятнадцать глав семей говорили про свои палисадники: «Мой сад».

А двадцатая семья — шофера Антона Петровича — не захотела иметь свой палисадник.

— В деревне межи давно распахали, а вы в городе друг от друга заборами отгородились,— сердился Антон Петрович.

— Дело твое,— отвечали ему и сажали в своих садиках каждый для себя цветы и деревья.

Однажды жителей барака пригласили в райсовет и выдали ордера для вселения в новый дом.

— Переезжайте,— сказали им.— А барак ваш мы ломаем. Свое он отслужил.

— Отслужил! — согласились жильцы барака и переехали в новый дом.

Вещи перевезли, это дело нехитрое. А как же быть с палисадниками? У кого там вишня, у кого яблоня, а у кого елка или черемуха посажены.

Решили деревья выкопать и посадить у нового дома. Выкопали. Что же дальше? Опять городить девятнадцать палисадников — пять шагов в длину, три шага в ширину?

Первой заговорила тетя Маша:

— Ну вот что, дорогие соседи, про палисаднички забудем. Посоветуемся, где и что будем сажать в нашем общем саду.

Тетя Маша угадала, что думали ее соседи. Поэтому все с ней быстро согласились, а потом зашумели и заспорили: один утверждает, что елоч-

ка открытое солнечное место любит, другой кричит, что елочку притенить надо.

Покричали, договорились и стали копать общий сад для всех девятнадцати семей. Нет, я ошибся, для двадцати. Антон Петрович со своими домочадцами тоже общий сад копал и раздобыл для него редкую мичуринскую рябину, которая приносит черные, сладкие, сочные ягоды.

Так появился в нашем районе еще один сад.

Черная молния

Нашим домам, и пятиэтажным и семиэтажным, нет еще года. Мы продолжаем благоустраивать наш район, копаем сады, разбиваем скверы, сажаем кусты и деревья. В посаженных нами осенью и весной зазеленевших березах и липах, сирени и черемухе свистят и суетятся птицы. А как-то утром я видел на окне своего соседа пестрого дятла. Он сидел на вывешенном наружу свертке, рвал бумагу и торопился полакомиться чем-то для него вкусным.

Смотрю я на птиц и про себя думаю: а ведь какой-то птицы нам недостает. Какой? Хожу, гадаю: какой?

А она сама о себе напомнила.

Как-то под вечер, в начале июня, на нас с юга надвигалась черная туча, занявшая полнеба. В ее темной глубине полыхали золотые молнии. Гром гремел пока еще негромко, приглушенно.

Я стоял на балконе и смотрел на приближающуюся тучу. Уже начал дуть свежий ветер, по асфальту стремительно вдогонку друг за другом понеслись обрывки газет и афиш. В это время над черепичной крышей соседнего дома бешено пронеслась черная молния. Едва не коснувшись тротуара, она взмыла вверх. За ней другая, третья, всего пять черных молний.

К нам прилетели ласточки.

Гражданка Сделали

Когда Раиса Леонтьевна переехала в наш дом, она сразу стала заметной личностью.

Быстрее других она перезнакомилась со всеми полезными людьми: тетей Пашей, которая может постирать и полы вымыть, Володей-электриком, Танечкой, что приносит на дом молочные продукты, Варварой Никаноровной, кассиршей в театральном киоске у метро, способной достать билеты на Вана Клиберна и любой международный футбольный матч.

Всех нужных людей, с которыми ей приходилось иметь дело, Раиса Леонтьевна повышала на одну-две ступени. Скромный монтер Володя превратился у нее в инженера-электрика. Работящая тетя Паша — в нашу труженицу-героиню, а важная Варвара Никаноровна в личного друга наших театральных знаменитостей. Ну и тоненькая Танечка со своей большой корзиной с кефиром, понятно, получила у Раисы Леонтьевны повышение и звалась не иначе, как управляющий нашим диетическим питанием. Своего собственного мужа, научного сотрудника одного из институтов Академии наук, Раиса Леонтьевна тоже повысила в степени и звала академиком.

Первый выход Раисы Леонтьевны на наш двор был торжествен. Для этого она выбрала час, когда на дворе было полно людей.

Раиса Леонтьевна появилась в черном пальто-казакине, плотно облегавшем ее могучие формы. Непокрытая голова с белыми, съеденными перекисью волосами просилась быть вычеканенной в бронзе, столько в ней было одновременно и величия, и гордости, и ласковой снисходительности.

Сопровождал Раису Леонтьевну великолепный боксер, сильный, лоснившийся, страшный. К его широкому ошейнику были прикреплены золотые медали.

Держа собаку за поводок, Раиса Леонтьевна не спеша прошла к дальнему углу нашего дома и вернулась обратно.

Совершив этот переход, она остановилась около отставного моряка дяди Васи, который по своему обыкновению копался в саду, и сказала:

— Здравствуйте, товарищ капитан, будем знакомы — Раиса Леонтьевна. Не правда ли, роскошный пес? Он от очень, очень породистых родителей. Достать от них щенка невозможно. Очередь записана вперед на десять лет. Но мне сделали.

Через секунду она покинула дядю Васю и подошла к Витиной маме:

— Не правда ли, чудесная погода? Раиса Леонтьевна. Приятно познакомиться. Вы смотрите на мои туфли? Вам нравятся? Венгерские. Достать их невозможно. Но мне сделали.

С этого дня Раису Леонтьевну и прозвали в нашем доме — гражданка Сделали.

Паруса и флаги

Желание постирать белье всегда появляется сразу у нескольких хозяек. Делом этим они занимаются ранним утром, задолго до появления солнца. И когда горячее светило, не спеша выплыв из-за черепичных крыш, появляется на нашем дворе, ему здесь уже приготовлена работа. Через весь двор и сад протянуты веревки, и на них дымится мокрое белье.

Белые простыни раздуваются, как паруса. Белье поменьше бывает разных цветов: розовое, синее, зеленое, желтое. Оно напоминает флаги расцветивания, которыми моряки украшают свои корабли.

Сегодня на нашем дворе опять ветер дует в паруса, трепещут и развеваются нарядные флаги и кружится без усталости прилетевшая с Москвы-реки серая чайка.

Но не все так воспринимают наш двор, когда он весь вдоль и поперек перегороден веревками с мокрым бельем.

Я видел, как член райсовета, проходя нашим двором, сделал какую-то запись в своем блокноте.

— Извините, что привлекло ваше внимание?

— Прачечную нашу не любят ваши хозяйки. Вот я и сделал пометку — узнать, в чем дело.

Моя ошибка

Долгий июльский вечер. Двое играют в шахматы в саду возле нашего дома. В нагретом воздухе перемешались запахи расцветших цветов.

Большие, сильные, шершавые пальцы с квадратными неровными ногтями осторожно переставляют белые фигуры. Один палец без ногтя, сплюснен. Кожа на пальцах потемнела от въевшейся в нее металлической пыли. Белыми играет пожилой мужчина с веселыми глазами, в очках с простенькой металлической оправой.

За черные фигуры берутся длинные, отлично вымытые пальцы с перламутровыми, заботливо подстриженными ногтями. И эти белые, нервные пальцы тоже сильны.

Мы сидим на скамейке в вечернем саду, отдыхаем и наблюдаем за шахматным поединком.

— Определите профессию обоих игроков,— предлагает мне сосед по скамейке.

— Попробую. Гражданин в очках, бесспорно, человек рабочий. Многие годы имел дело с металлом. Токарь или слесарь.

— Слесарь. Ну, а что скажете насчет другого?

— Другой? Музыкант. Угадал?

— Рабочий.

— Бросьте! Какой же он рабочий? Посмотрите на его пальцы!

— Он оператор в цехе-автомате.

Необычная очередь

Каждому москвичу приходилось не раз, стоя на перекрестке, пережить длинный поток автомашин. Но можно поручиться, что немногим случалось терпеливо ждать, пока мимо них проследует длинная вереница детских колясок.

Я отдыхал в нашем парке. Верхушки берез скрывали от меня небо. Поэтому я не заметил, как на парк, на весь наш район надвинулась черная, как уголь, грозовая туча.

Я направился к выходу из парка. И вот здесь мне пришлось остановиться и ждать. Напуганные приближающейся грозой, раскаты которой становились все громче и неприятней, матери торопились отвезти своих ребятишек домой.

Никто и никогда не мог предположить, что в нашем парке, в его зеленой чаще, скрывается такое количество детских колясок. Это выяснилось только тогда, когда все они одновременно устремились к выходу, довольно узкой калитке, через которую могло пройти не больше одной коляски.

Однако все обошлось без толчен и беспорядка. Матери, катившие коляски, подъезжали к калитке и молча становились друг за другом. Образовалась совершенно необычная, двигающаяся очередь из детских колясок. Широкие и узкие, высокие и низкие, белые и голубые, они быстро проезжали мимо меня. И из каждой коляски глядели на мир широко раскрытые, удивленные и очень ясные глаза.

Туча, громахая и полыхая, одним краем начала догонять и накрывать своей черной тенью ребят. Но прежде чем начался ливень и по земле ударили жаркие молнии, детские коляски достигли ближайших к парку домов и разъехались по подъездам.

Музейный экспонат

Вместе с приятелем гуляли мы в свободный день по нашим новым улицам и площадям. Ходили долго и наконец, пришли к тому месту, где деревья наших молодых садов прикоснулись своими ветвями к листьям вишен, посаженных возле коттеджей с высокими острыми крышами. Много лет назад выстроил эти нарядные домики кооператив художников.

Я люблю осенью прохаживаться здесь. Цветущие георгины и гладиолусы привлекают меня сюда. Идешь, и сотни ярких кустов пылают тебе

навстречу горящими кострами. А на матово-серебряных ветвях рябины горят гроздья ягод.

Приятель мой, житель Арбата, восхищался нашими садами и парками, нашими просторами и нашими домами.

— Хорошо у вас,— подвел он итоги.— Очень хорошо. Жаль только, что некоторые не удержались и прихватили с собой в свои дома экспонаты из музея мещанского быта.

— Какие экспонаты?

— Хотя бы вот этот.

Мой приятель показал на надпись на заборе, за которым в окружении кустов и деревьев стоял уютный дом.

Надпись предупреждала: «Во дворе злая собака».

«Кошкина матка»

Элеонора Викторовна въехала в новую квартиру на первом этаже с пятью кошками.

Утром Элеонора Викторовна в японском халате с вытканными на нем серебряными цаплями открывала окно и выпускала кошек на улицу.

Ленивые и закормленные кошки облюбовали себе для прогулок площадку, на которой был насыпан песок. На этой же площадке любили играть дети. Случалось, что кошки мешали детям, и они начинали прогонять их. И тогда из окна раздавался голос Элеоноры Викторовны:

— Сереженька! Тебя ведь зовут Сереженька? Так вот, миленький, не обижай кошечку, посмотри, какая она красавица!

Проходило некоторое время, и снова слышался голос Элеоноры Викторовны:

— Витенька, не мучай кошечку. стыдно обижать животных. Ты ведь большой мальчик!

И так целый день. Многие мамы поссорились из-за этого с Элеонорой Викторовной. Мамы сами стали гонять кошек. Но ребята больше не ходили на площадку. Им стало невтерпеж от сладкого голоса Элеоноры Викторовны.

Пирожные с кремом

«Зинаида Ивановна идет!» Первое время этот звонкий, мальчишеский крик производил на игравших около дома ребят почти парализующее действие. Младшие школьники замирали и испуганными глазами следили, в чей подъезд зайдет Зинаида Ивановна.

— Петька, к твоим родителям пошла! — сообщал третьеклассник Витя, чувствующий себя в безопасности, так как Зинаида Ивановна была не его учительницей, она преподавала первоклассникам.

У Пети пропадала сразу вся его живость. Подавленный неизвестностью, он ждал вызова домой.

И что же, открывалось окно, раздавался рассерженный властный голос: «Петр! Домой!»

Зинаида Ивановна, тоненькая девица, только в школе была Зинаидой Ивановной. Ни домашним, ни друзьям никогда бы не пришло в голову назвать это юное создание с удивленными голубыми глазами Зинаидой Ивановной. Зиночка, Зинуша, но только не Зинаида Ивановна.

И вот приход такой славной девушки в наш дом всегда сопровождался большими или малыми неприятностями для ребят. Расстраивался и дядя Вася.

— Зинаида Ивановна! — окликнул он как-то учительницу, когда она, посетив очередных родителей, направлялась домой.

Зинаида Ивановна остановилась, и на дядю Васю вопросительно взглянули ясные глаза с утонувшими в их глубине кусочками неба.

— Присядем, Зинаида Ивановна. Я вот что хотел спросить у вас. Петя — ваш ученик? Ваш. Очень хорошо. Ребята нашего двора завтра отмечают день рождения Пети. Скромно, конечно. Преподнесем Пете небольшие подарки, споем, поиграем. Не считаете ли вы, что Пете было бы приятно, если бы его учительница приняла участие в этом нашем празднике? Или вы, возможно, завтра, часиков этак в шесть, заняты?

— Что вы, что вы! Свободна, совершенно свободна. Вам пришла в голову просто чудесная мысль. Скажите...

И тут Зинаида Ивановна мгновенно и совершенно откровенно покраснела. Теперь уже дядя Вася смотрел на нее с удивлением.

— Мне, право, стыдно спрашивать. Петя — мой ученик, и мне следовало бы об этом самой прекрасно знать, но, должно быть, я еще неважная учительница. Скажите, что любит Петя?

— Пирожные с кремом, милая Зиночка, Петя предпочитает всему остальному.

Сказка

Ребята из тех, для кого пишутся книги с грифом «Для старшего и среднего возраста», любили беседовать с Павлом Петровичем, пожилым холостяком-инженером.

Вот и сейчас:

— Здравствуйте, дядя Павел!

— Расскажите что-нибудь, Павел Петрович!

Ребята атаковали инженера в нашем саду, где синий вечер никак еще не мог совладать с белым днем, хотя часы уже и пробили торжественно и громко двадцать.

— О чем же вам рассказать?

— О чем хотите.

— О чем хочу? Ну хорошо, расскажу вам сказку.

— Сказку... Мы ведь не маленькие, дядя Павлуша, лучше про Марс.

— Про Марс в прошлый раз разговор был, а сегодня сказка. Посмотрите: что это?

— Подъемный кран.

— А это?

— Экскаватор, канаву для газа роет.

— А это?

— Метла нашего дворника.

— Чудесно. Я вижу, вы очень образованные ребята. Не назовете ли вы заодно и предмет, который развешан для просушки вон там, на заборе?

— Да ведь это обыкновенная тряпка, Павел Петрович. Тряпка, которой тетя Паша, уборщица, лестницу в подъезде моет.

— Чудесно. Обыкновенная тряпка, тряпка обыкновенная. Так вот сошлись как-то темной ночью, когда мы с вами крепко спали, подъемный кран, экскаватор, метла и тряпка обыкновенная. Зашел у них разговор о бабушках. Не улыбайтесь, не только у вас, но и у вещей предки бывают.

Подъемный кран и говорит:

— Одна из моих бабушек коза была.

Заволновались экскаватор, метла и тряпка.

— Как коза? Почему коза? Не может быть, что коза!

Подъемный кран рассмеялся.

— Да я не про ту козу, о которой вы думаете. Козой у строителей лет еще тридцать назад называлось деревянное приспособление, вроде этажерки, которое укреплялось на спине человека, и на нем кирпичи переносились. Тяжелое это дело было. Не раз строители эту мою бабу-козу недобрым словом поминали.

— А моими бабушками были тачка и лопата,— важно сказал экскаватор.

— Ну, а твоя бабушка кто? — спросили метлу.

— А я сама бабушка,— отвечает метла,— видели небось моих внучат, больших и малых. Машины — они по тротуарам и мостовым ездят, щетками вертят и мусор сметают.

Настала очередь тряпки про бабушку рассказывать. Молчит тряпка, расстроилась, и слезы у нее капаят.

— Говори! — требуют от нее.

— Нечего мне говорить. Нету у меня бабушки, и сама я не бабушка. Горе со мной тете Паше. Устанет, бедная, пока лестницу на всех пяти этажах вымоет. Твою бабушку-козу тобой заменили. А меня не меняют. А я стара очень, ой как стара,— сказала тряпка и вздохнула.

Вот и вся сказка.

Непослушный дед

Распустившиеся настурции стояли на клумбах, словно начищенные до блеска трубы. Шмели усердно дули в эти огненно-красные трубы, и звуки марша гремели в цветах.

Витя принес в сад пачку почтовых открыток и фотокарточек и стал показывать нам. Мы, пожилые люди, невольно заинтересовались Витиными открытками.

Из них мы узнали о человеке, который был отчаянным непоседой. Он посылал открытки из Свердловска, Магнитогорска, Днепропетровска, Запорожья, Березников, Горького, Краматорска, Новороссийска, Кузнецка и десятка других городов, где в годы первой пятилетки начиналось наше промышленное строительство. Другие открытки были про-штемпелеваны почтами Яньани, Аддис-Абебы, Мадрида, они пришли из мест, где люди вели свои первые бои с фашизмом.

Открытки нескромно насплетничали, что человек этот нежно любил жену и дочь и что личная жизнь у него не удалась.

На одном из снимков мы увидели и его самого, высокого, коротко подстриженного, с острыми внимательными глазами и выправкой спортсмена. Мы были знакомы с Витиной бабушкой, мы знали и его деда, высокого, очень располневшего, спесивого человека.

Неужто это он?

Наши недоумения разрешил Витя. Он показал на фотокарточку:

— Этот дед не слушался бабушки. Бабушка сколько раз ему говорила: «Угомонись! Не бегай по белу свету». А он все бегал. Бабушка рассердилась и не стала с ним вместе жить. А потом нашла себе другого дедушку, который не бегаёт по белу свету.

— А где сейчас тот, другой твой дедушка?

— Ушел с рыбаками в далекие моря рыбу ловить.— Витя протянул нам карточку с рыболовными траулерами на ней, сердитыми волнами и с веселыми, мужественными людьми.

На обороте карточки было написано: «Дорогой внук Витя! Пишу тебе из Северной Атлантики. Это очень далекое и очень беспокойное море...»

Мишкин голубь

Случаются поздней весной, на пороге горячего лета, холодные дни. Мы ощущаем на своем лице морозное дыхание Арктики и боимся за посаженные нами цветы.

В один из таких дней на крышу нашего дома прилетел белый голубь. Он заблудился, потерял свою голубятню, был голоден, худ, грязен и жалок.

На крыше белого голубя леденили холодные ветры, но у него не было сил перелететь в более уютное и теплое место. Да он и не знал, где искать такое место. Откормленные, самодовольные сизари, жившие на нашем дворе, прогнали его.

Он сидел неподвижный, полусонный на краю крыши и погибал. Его заметили. На четвертом этаже открылось окно, чьи-то руки привязали к карнизу широкую деревянную доску, насыпали хлебных крошек и поставили банку с водой.

Голубь смотрел на все эти приготовления равнодушно. Но когда приветливый Мишин голос позвал: «Гуль! Гуль! Лети, дурачок, сюда! Тут для тебя вода и хлеб»,— голубь понял, что будет жить. Он тяжело взлетел и камнем упал на карниз перед Мишиным окном.

Торопливо поев, голубь остался тут же, возле хлебных крошек. Он сидел и зяб, глаза у него то открывались, то закрывались. Снова тогда распахнулось окно, и Миша быстро и ловко укрепил на дощечке картонную коробку из-под ботинок с одной оторванной стенкой.

Голубь понял. Он вполз в коробку, и она укрыла его от ветра.

Белый голубь прижился у нас. И зовется он Мишкин голубь.

С глазу на глаз

Павлова мать хотела поговорить с Катюшей с глазу на глаз. Она перехватила Катюшу во дворе, когда та возвращалась с покупками из магазина.

— Здравствуй, Катя.

— Ах, это вы! Здравствуйте. Извините, спешу, сынишку оставила у соседки.

— Постой, Катя, поговорить надо.

— Вас Павел ко мне прислал?

— Сама я пришла.

— Сядем тогда на немного.

— Как цветы-то у вас пахнут! И много их. А наши жильцы ленивые, не сажают.

— Цветы у нас пахнут, цветов у нас много.

— Погода, Катюша, нынче благодать.

— Вы ведь не о погоде со мной говорить пришли?

— Нельзя же так сразу, непорядок это. Ты, Катерина, Павлу поперек дороги не становись. Не мешай развитию его жизни...

— Не понимаю вас. С Павлом у меня все кончено. Я с ним не встречаюсь и видеть его не хочу.

— Вот-вот, в том и все дело. Ожесточилась ты, а с ожесточения и Павлу можешь повредить. А к Павлу сейчас как раз фортуна пришла. Жениться собирается он. Невесту себе нашел обстоятельную...

— Пусть женится себе на здоровье, я-то при чем? Мы с ним не зарегистрированные.

— А вот и при чем. Что будет, если невеста и все семейство ее узнают, что у Павла уже другая была и ребенок есть? Скандал может

получиться полный и от ворот поворот. Христом-богом заклинаю тебя, молчи, Павла не выдавай. Пойми, не пара ты ему. Ведь, кроме юбки, нет у тебя за душой ничего... Куда вскочила? Остановись, Катерина!

Левый марш

Ее величали Делегатка. Это второе имя она носила с давних лет, как признание ее кипучей общественной деятельности. У нее было и настоящее, простое, красивое имя — Анна Николаевна. Ее знакомые и друзья, товарищи по работе и родные называли ее так и так: Анна Николаевна и Делегатка. И то и другое имя они произносили одинаково ласково и уважительно.

И вот Анна Николаевна, укрытая легким одеялом, лежит на раскладушке в самом спокойном и самом благоуханном месте нашего сада. Ее защищает от июльского солнца густая листва цветущих лип. Здесь прохладно и пахнет молодым медом.

Анна Николаевна лежит в нашем саду после операции, и страдает она болезнью, о которой врачи предпочитают не говорить больным.

Выносят Анну Николаевну в сад ее дети — дочь и дочерин муж.

— Спасибо, дети. Теперь идите. Ты, зятек, на работу можешь опоздать, а у тебя, дочка, последний экзамен на носу.

Первое время после операции Анне Николаевне было совсем хорошо. Она лежала оживленная и много разговаривала со своими соседями.

— Встану вот скоро на ноги, залежалась я. Дела мои все стоят. И то сказать — семь месяцев болею. Вставать, вставать мне надо. Когда лежишь — разлеживаешься и начинаешь чувствовать себя худо.

Помолчит Анна Николаевна, отдохнет и продолжает:

— Полжизни я прожила в Москве, а по правде сказать, многого не видела. Все некогда, все недосуг, все дела и случаи. Вот простить себе не могу, не побывала до сих пор в Доме-музее Маяковского. А ведь с Маяковским вся юность моя прошла. Как выйдем, бывало, в прошлые годы на демонстрацию, так кто-нибудь и начнет: «Разворачивайтесь в марше!» Поправлюсь — обязательно на квартиру к Владимиру Владимировичу схожу.

Через месяц Анне Николаевне стало хуже. Целыми днями она лежала и молча смотрела, как качаются под дуновением ветра листья липы, размышляла и морщилась. К ней возвращались боли, и становились они все свирепее и непереносимее. Вот тут-то Анна Николаевна, наверное, окончательно поняла, что с ней, и назвала себе свою болезнь ее настоящим словом.

Откуда появилась на нашем дворе гражданка неопределенных лет, вся в черном — в черной кофте, в черной юбке и в черном платке, повязанном над самыми бровями, — кто ее позвал, мы так и не узнали. Появилась она, пропылила по двору подолом длинной юбки и непрошеной подседа к Анне Николаевне.

Делегатка смотрит удивленно: что тебе от меня надо? И тут забормотала, загудела черная женщина. Говорила она не сбиваясь, бойко, складно, не раз ей, видно, приходилось такие беседы вести. Кончила она вкрадчиво и шепотом:

— Покайся, сестра моя! Прими господа в сердце свое. И он, всеблагодный, простит рабу свою и уготовит душеньке твоей грешной место в царствии своем...

Раздался тихий, но хорошо слышный голос Анны Николаевны:

— Слушай меня, женщина. Я, когда девчонкой неграмотной была, в ликбез ходила, и первые слова, которые писать выучилась, были: «Мы не рабы», Поняла? «Мы не рабы»!

Людочкина болтовня

Людмила Петровна Сергеева поделилась своей заботой с Раисой Леонтьевной. У Сергеевых испортился телевизор. В телевизионном ателье не торопились с его исправлением.

— Не расстраивайтесь, Людмила Петровна, я вам устрою.

На другой день Раиса Леонтьевна встретила Людмилу Петровну.

— Все сделано, дорогая. К вам вечером придет Сашенька из телевизионного ателье. Профессор! Конечно, это вам будет кое-что стоить. Скажем, пятьдесят рублей. Нет, это не взятка. Что вы! Сашенька будет у вас в свое нерабочее время. Считайте, что, дав пятьдесят рублей, вы выплачиваете ему денежную компенсацию. Как же иначе!

Александра в прихожей квартиры Сергеевых встретили Людмила Петровна и ее дочь Людочка.

Александр положил свою кепку на вешалку, на которой висела длинная, кавалерийского образца шинель.

— Это дедушкина,— сказала Людочка,— в этой шинели он воевал и заводы строил. Мама хотела ее убрать, а дед не позволил. «Кто знает,— говорит,— всякое бывает». А мама говорит: «Да ты же старый и на пенсии». Дедушка на маму обиделся.

— Не болтай, Люда! — вмешалась Людмила Петровна.

Александра провели в комнату, где стоял телевизор. Над столиком с телевизором висели фотографии под стеклом. Александр из любопытства стал их рассматривать. Пояснения по-прежнему давала Людочка.

— Это бабушка. Ее убили фашисты. А это рядом с товарищем Лениным мой дедушка.

Фотография изображала Красную площадь далеких лет гражданской войны. Владимир Ильич в драповом пальто и кепке, веселый, улыбающийся, был окружен смеющимися и радостными людьми. Рядом с ним стоял человек в шинели и обмотках. На этого человека Людочка и показала пальцем, говоря: «Это мой дедушка».

— Заслуженный старик,— заметил Александр.— А где он сейчас?

— Лечится.

Александр возился с телевизором три часа. Закончив, он вынул из кармана наряд:

— Подпишите, что работу приняли.

Ушел он, притворившись, что не заметил пятидесяти рублей, которые неловко пыталась дать ему смутившаяся чуть не до слез Людмила Петровна.

Веселый час

Самый веселый час у нас наступает, когда начинается поливка сада. Ранним вечером дворничиха вытаскивает черный шланг, и он несколько минут лежит на разогретом асфальте, как огромная, сбжавшая из зверинца и свернувшаяся кольцами тропическая змея.

Дворничиху сразу отстраняют от дела. У шланга выстраивается говорливая очередь. Один — любитель поливать деревья. Он направляет наконечник шланга под самые корни и терпеливо ждет, пока земля под деревом набухнет от воды. Другие предпочитают поливать цветы. Сильная, упругая водяная струя, словно острейшая коса, может срезать ломкие стебли цветов. Поэтому наши цветоводы направляют воду из шланга в самое небо, и оттуда она серебряной пылью падает на клумбы.

Есть у нас и любители побаловаться, облить друг друга водой. Но таких безжалостно изгоняют из очереди: не мешай людям!

СИЛЬВА КАПУТИКЯН

★

РАЗДУМЬЯ НА ПОЛПУТИ

С армянского

*О человеческая справедливость,
Пусть плюну я тебе в лицо!*

Сиаманто ¹.

*Поэты, что не осквернили
Проклятием уста свои,
Споют о нашей новой были
Словами новыми любви.*

Ов. Туманян.

Чем старше я, чем дальше ухожу
От молодости легкой, беззаботной,
Тем ближе ты, дороже ты, народ мой.
Добром и злом твоим, твоей судьбою
Живу, горю, горюю и дышу
И большею люблю тебя любовью.
Кто в молодости, радостям доверюсь,
Родную мать оценит и поймет?
Оценишь мать, когда настанет зрелость,
Тогда же и постигнешь свой народ!

Когда на мир раскрыла я глаза,
Над миром знамя красное горело
И солнце Октября на небеса
Уже всходило и меня согрело.
Я без отца росла. И молодая
Страна была добра, хоть и бедна.
Недосыпая и недоедая,
Меня кормила, берегла она.
Был мир наполнен созиданьем страстным,
Романтики и героизма полн.
Под пионерский барабан и горн
Шагала я, и все казалось ясным.

О горечь прошлого, о горечь нашей были!
Когда проснулась ты во мне, скажи?
С пергаментов старинных тяжкой пылью
Осыпалась на дно моей души?
Или колонной с храма сорвалась
И сердце придавила капителью?

¹ Сиаманто — армянский поэт, павший в 1915 году от турецкого ятагана.

Или из песни, что веками пели,
Слезой скатилась — морем разлилась?

Моя душа была ясна со дня
Рожденья, и времени немало
Прошло, пока с волнением я узнала,
Что тыщелетья были до меня.

...В горах миролюбивый жил народ,
Земле библейской мир и свет несущий.
Он камню душу отдавал и пот
И выжимал из камня хлеб насущный.
Смягчал он камень радостью труда
И непрестанной жаждою исканья.
Сложил он храмы и дома из камня,
И крепости воздвиг, и города.
И письма он создавал и книги,
И о Давиде сказ слагал великий,
И розы воспевал он и любовь.
В орнаментах — орлов и голубков
Он рядом рисовал...

И, ежечасно

Седого бога на землю зовя,
Выпрашивал он мира, блага, счастья
Сперва для всех, а после — для себя.

Народ был мирным,
Да вот мир — немирным.
И войны проходили не окрест,
А шли по нашим землям необширным —
То византиец разорит, то перс...
Самумом из пустынь вражда катилась,
И все стирали ненависть и месть.
Двойная ноша пахаря сгибает:
Корми своих, корми чужих господ.
Покуда толстый только жир сгоняет,
Худой уж богу душу отдает.

О мгла шести веков!

И полумесяц

На этой мгле прилепан, как печать.
На собственной земле, как чужеземец,
Жил мой народ, на лучшее надеясь.
Надежду сеял, собирал печаль.

Как солнце через дымоход в очаг
Проходит — так в народ входила вера,
И он с тоской поглядывал на север.
Не оттого ль в Стамбуле год от года
Зверел Таят-паша и дал приказ
Об истребленьи целого народа.
И мой народ поволокли на казнь.

Печаль! Когда ты в сердце ожила?
Когда в душе открылась, точно рана?

Иль бабушка, бежавшая из Вана ¹,
 Свою тоску в моих очах зажгла?
 А может, ты пришла из-за Араза,
 Пришла от одичавших наших нив?
 А может, вместе с телом Комитаса ²
 Вернулась ты, меня заполонив?
 А может, это молят из изгнания
 Раскиданные по миру армяне?
 На их устах дрожат едва-едва
 Родимые армянские слова,
 И слышу я их тихие стенанья?

Моя душа была ясна со дня
 Рождения, и времени немало
 Прошло, пока я с яростью узнала,
 Что год пятнадцатый ³ был до меня...

Апрель, ты месяц света и здоровья —
 Для нас ты месяц смерти и беды.
 Я чувствую, как тают в реках льды
 От льюшейся в них теплой нашей крови.
 Не дух цветенья — слышу я дух тленья.
 Вот яблони рыдают от тоски,
 В дорожный прах роняют лепестки...
 Вон мать бежит по улицам селенья,
 Прижав к груди убитое дитя...
 Вон с беженцами бабушка моя,
 Пять маленьких сирот с собой ведя,
 Идет на север выжженной дорогой,
 А на дороге — вспухшие тела...
 Апрель, ты месяц жизни или зла?
 Что ж умирает на глазах у бога
 Народ, что вечно ждал весенних дней,
 Который столько перенес и вынес?
 О человеческая справедливость,
 Я плюну...

Нет! Язык мой, онемей!

Нет! Я не для проклятья рождена!
 К другому слову смалу привыкала.
 Росла,
 не злобы, а любви полна,
 И пела строфы «Интернационала».
 Так неужели оскверню уста
 Проклятием, как черною заразой?
 Со злобой погляжу на пастуха,
 Пасущего скотину за Аразом?
 И допущу, чтоб злобный янычар,

¹ Ван — город в турецкой Армении.

² Комитас — великий армянский композитор. В 1915 году был подвергнут турецкими властями зверским пыткам и издевательствам и сошел с ума. Умер в Париже. Его набальзамированное тело привезли в Советскую Армению.

³ В 1915 году разыгралась величайшая трагедия в истории армянского народа. Турецкие власти, желая раз и навсегда покончить с «армянским вопросом», убивая и сжигая, выселили армянское население из родных мест в пустыни. Накануне этих событий, 24 апреля, в одну ночь были арестованы и уничтожены все видные представители армянской интеллигенции.

В пятнадцатом взмахнувший ятаганом,
 Меня бы победил, и унижал,
 И ненавистью отравил поганой?
 Чтоб, душу в черный окунув туман,
 Забыв про свет, мечтала я о мшенье?
 Но не за это пал наш Шаумян,
 Не к этому взывал наш Туманян,
 Благословляя наше поколенье!

Так, стало быть, забыть?
 Пускай сухое
 Забвение впитает нашу кровь?
 И сердце заглушить и голос горя,
 Идущего из глубины веков?

Нет, мой народ!
 Ты должен гнев избыть,
 Чтоб успокоить страждущее сердце.
 Не сеять смерть, не крови море лить —
 Другое ты найдешь для мести средство.
 И ты, который в траурную ночь,
 Когда тебе вонзали в спину нож,
 Когда глаза туманились от скорби,
 Когда казалось: гнев твой все затмил, —
 Ты смог достойно, молодо и гордо
 Взглянуть на пробуждающийся мир
 И за идеи равенства и дружбы
 Оружье взять израненной рукой, —
 Ты путь возмездья выберешь другой!

Ты жизнью отмстишь за все страданья!
 Отмстишь за разрушенья — созиданьем,
 Отмстишь за Ван сожженный — Ереваном,
 За выселения — со всех земных широт
 Вернувшимся в отчизну караваном!
 Ты так живи! Ты так живешь, народ!

За злобу, за вражду, за козни, распри
 Отмстишь душою любящей и ясной,
 За казни, за нашествия, за рабство
 Отмстишь своей исконной тягой к братству!
 За ржавый плуг и за несжатый злак
 Отмсти комбайнами и тракторами
 И поля своего отмсти дарами!
 За Ванский, за угаснувший маяк
 Гидроузлами мсти — богатырями!
 За тусклую печальную звезду
 Твоей судьбы, блуждавшую в тумане, —
 Созвездьем звезд, открытых в Бюракане!¹
 За скорбь, за траур, за века невзгод,
 За песню, плакавшую непрерывно,
 Ты гением отмсти, что свет несет
 По всем широтам и меридианам,

¹ В Бюракане, на горе Арагац, находится обсерватория, руководимая академиком В. Амбарцумяном.

А. М. ГОРЬКИЙ

★

О ЕДИНИЦЕ

От редакции. Впервые публикуемый очерк А. М. Горького «О единице» и примыкающие к нему материалы (заметка А. А. Семенова «На Капри у М. Горького» и избранная переписка А. М. Горького с А. А. Семеновым) представляют, на наш взгляд, ценность не только как интереснейшие историко-литературные документы.

Возникающий здесь — под пером великого писателя — образ замечательного человека, «полурусского, полуякута», Алексея Алексеевича Семенова, мог бы, кажется, явиться объектом специального монографического исследования или увлекательнейшего биографического романа.

Удивительны организаторская энергия и талантливость этого самородка и самоучки, страстного жизнелюба, пролагателя неведомых до него проезжих и иных путей в далекой и суровой Якутии, строителя рудников и пристаней, проектировщика легендарного города Томмота в дикой тайге; первого наркомфина Якутской республики, неутомимого путешественника, «доверенного и писаря» племени ламутов, бескорыстного «предпринимателя» — открывателя, просветителя и ходатая по многообразным материальным и культурным делам якутского народа, пробужденного к новой жизни Великой революцией.

Так естественны интерес и прямо-таки влюбленная внимательность А. М. Горького к этому человеку, впервые появившемуся у него на Капри в 1912 году вместе со своей женой Наташей и с тех пор состоявшему в переписке с ним вплоть до последних дней жизни великого художника.

А. А. Семенов поистине сродни знаменитым русским людям — первооткрывателям, землепроходцам и насельникам далеких, диких северо-восточных земель. Но облик его во многом безусловно близок и тем прекрасным, героическим людям наших дней, что пришли на смену одиночкам — подвижникам освоения суровых окраин страны, — строителям Заполярья, разведчикам горнорудных богатств Крайнего Севера, покорителям таежного бездорожья, новоселам городов, которых еще вчера не было на карте. В характере этого человека так много обаятельных черт возвышенного бескорыстия, презрения к личной выгоде, преданности делу, постижения долга как сердечного влечения, как личного счастья.

Но не будем мешать читателю самому воспринять из публикуемых ниже материалов все то, что в них содержится, и самому сделать выводы и оценки. Мы не сомневаемся, что они будут те же, что и наши.

Лет за 20 до сего года, когда я жил на острове Капри, явились ко мне гости из Якутска — Алексей Семенов, полурусский, полуякут, с женою Наташей, китайкой из-под Шанхая¹.

Алексей — человек среднего роста, крепенький, круглолицый, с глазами северянина, в них сияло неугасимое любопытство, пронизатель-

¹ Семеновы были на Капри у А. М. Горького в начале марта 1912 г. Тогда же, в конце марта — начале апреля, Горький встретился в Семеновыми в Париже.

ность исследователя и чувство «радости бытия»; Наташа — кругленькая, бойкая и веселая, казалась подростком, а в китайских глазах ее светилась та же радость жить, что и в глазах мужа.

Семенов рассказал, что он сирота, жил — кажется — в Троицко-Савске «мальчиком» при магазине фирмы «Кунст и Альберс»¹, в свободное время занялся «от скуки» изучением «эсперанто», но, изучив его, стал сомневаться в том, что есть люди, которые говорят на таком языке. Сомнение — поучительно, не сомневаясь — не убедишься. Алексей Семенов убедился в том, что эсперанто существует, очень своеобразным способом: он послал в Лондон, фирме, торгующей дичью, телеграмму на эсперанто, предложив поставлять англичанам мороженных рябчиков. Рябчиков у него, конечно, не было, но англичане ответили ему тоже на эсперанто, значит — язык этот существует и, зная его, можно путешествовать по Европе². Затем Семенов женится на китайке, тоже сироте, которая до одиннадцатилетнего возраста говорила по-русски всего девять слов: «Мама пойдет гулять, пусть тебя волки съедят, сукин сын».

Через некоторое время Семенова переводят приказчиком в Якутск, там он знакомится с нижегородским маляром Упрыжкиным и евреем извозчиком Браиловским. Оба — уголовные, нижегородец, кажется, был сослан за кощунство и богохульство. Браиловский — не помню за что. Втроем они начинают развивать культурную работу в Якутске: организуют кружок любителей драматического искусства, Упрыжкин — декоратор, плотник и вообще человек «на все руки», Браиловский — суфлер, он же свозит и развозит актрис на репетиции и спектакли, примиряет капризных, утешает обиженных. Семенов дает театру средства, помогает ему и непосредственно, своим трудом. В городе живут политические ссыльные, но все это идет мимо людей, у которых другие настроения и цели, более высокие.

Зоркий глаз Семенова открывает в окрестностях Якутска огнеупорную глину, тройка «культуртрегеров» делает кирпич, он идет на перекладку печей в казенных зданиях города: зимою при двух топках в день простой кирпич быстро перегорал. Устроили первую в Якутске оранжерею, нашли около города литографский камень, который некуда использовать. Семенов организует экспедицию для изучения кратчайшего пути от Якутска к берегам Охотского моря, он, вообще, неутомимо работает, пытаясь изучить суровый край, который самозабвенно полюбил и любит.

Накопив достаточное количество денег, он осуществляет давнюю мечту свою — познакомиться с Россией и Европой. Добрался с женою до Москвы, Петербурга, и там его поражают вагоны трамвая. Если обить их внутри звериными шкурами для тепла, поставить на полозья, запрячь в них оленей — можно устроить весьма удобное и быстрое сообщение между Якутском — Иркутском. Расстояние — пустыковое: 4000 верст с небольшим. Он ведет переговоры с городским головой Петербурга об уступке Якутску старых вагонов трамвая. Его, разумеется, высмеивают.

Вооруженный только «эсперанто» и прочитав несколько книг по истории культуры, он, с женою, объехал все главнейшие города Западной Европы, побывал во всех музеях, осмотрел ряд промышленных предприятий и крайне удивил меня емкостью своей памяти, своеобразием оценок. Он — русский оптимист, он считает $2 \times 2 = 5$. Это — пра-

¹ Семенов был служащим торговой фирмы «Коковин и Басов», а не «Кунст и Альберс».

² В № 14 газеты «Якутская жизнь» от 3 апреля 1908 г. Семенов печатает объявление: «В магазине Коковина и Басова продаются учебники международного языка «эсперанто».

вильный, смелый счет, с поправкой на скепсис — на сомнение — он даст как раз 4, как убеждает в этом вся наша текущая действительность, творимая энергией рабочей массы. Известно, что пессимисты считают $2 \times 2 = 3$ и что ошибочность этой манеры считать доказана всей историей роста культуры, а особенно неопровержимо доказывается двенадцатилетней работой строительства нового мира в Союзе Социалистических Советов.

Алексей Семенов за восемь лет до 17-го года сосчитал правильно; беседуя со мною на Капри, он сказал очень просто и вполне уверенно:

— Здесь везде, в Европе, нужно делать революцию, как начали у нас. Только они все — очень вялые, это, я думаю, климат мешает им. И слишком удобно все, это — тоже, должно быть, мешает. Я думаю — мы их обгоним. А вы как думаете?

Когда «мы их обогнали», Алексей Семенов был избран наркомфином в Якутске. Из всех бумажных денег, которые выпускались в оборот на безграничном пространстве Союза Советов, самые оригинальные деньги выпустил Алексей: он взял разноцветные этикетки для бутылок вина, своею рукой написал на «Мадере» — 1 р., на «Кагоре» — 3 р., «Портвейн» — 10 р., «Херес» — 25, приложил печать наркомфина, и якуты, тунгусы очень хорошо принимали эти деньги, как заработную плату и как цену продуктов. Когда Советская власть погасила эти своеобразные квитанции, Семенов прислал мне образцы их. Если б у него не оказалось под руками винных этикеток, он, вероятно, выпустил бы деньги не на простой, а на клозетной бумаге.

Он — один из самых бескорыстных людей, встреченных мною за всю мою жизнь. К деньгам и вещам у него органическое презрение, он любит только книги, а больше их — работу. В то время, когда он исполнял работу наркомфина, жена его Наташа — мы прозвали ее «Ходя» — действовала на фронтах, была в пулеметной команде, исполняла поручения разведчика, курьера и т. д.

В 20 году Семенов прислал ее ко мне с образцами свинцового блеска и письмом, в котором, извещая, что нашел месторождение свинца и начал разрабатывать руду с помощью семнадцати тунгусов, сообщал, что о его находке узнали японцы и предлагают ему за пуд руды пуд дробы. Это внушило ему уверенность, что руда очень богата, и он предлагает показать ее кому-нибудь из ВСНХ. «Подробности расскажет Наташа», — писал он¹.

Наташа ничего не могла рассказать: по одежде ее путешествовали стада вшей, температура у нее была выше 40°, она стояла на ногах, покачиваясь, улыбалась и бормотала:

— Не сяду, не могу, это, кажется, тиф...

Так и оказалось. Мы отправили ее в больницу, откуда она выскочила обритой, как мальчишка, сухонькой, но все такой же неутомимо веселой, какой она была всегда. Мне очень жаль, что я не могу напечатать интереснейших писем Семенова о постройке им города Томмота на берегу Алдана, — он мечтал создать там «Город-сад»². Письма эти остались у меня в Сорренто. Но вот его последнее письмо от 23 июля текущего года:

«Дорогой Алексей Максимович.

По настоянию Наташи, моего жизнерадостного спутника на жизненном пути, я начинаю учиться печатать, чтобы удобнее было читать мои письма, и вижу, что это не плохо, тем более, что процесс работы мне нравится. Впрочем, мне нравится всякая работа, как нравится всякая

¹ Речь идет о письме Семенова от 20 октября 1920 г. (находится в Архиве А. М. Горького).

² См. ниже письмо от 26 января 1926 г.

погода: и зной, и холод, и снег, и дождь, и ветер, и тишь. Все по-своему хорошо.

Мечтатель я, как пишете Вы в своем обращении к Наташе,— это верно, но там, где мне предоставлялась свобода, некоторые мечты мои превращались в реальность. Без капитала, когда основным фундаментом была лишь заработная плата, мне удалось организовать несколько предприятий: издание газет, типографию, сплав по р.р. Юдоме, Мае и Алдану в 1912—1914 годах, транспортные экспедиции на Темтон (приток Алдана), свинцовые рудники и пр. Выпуск денег за время моего наркомфинства, налаживание дороги с Лены на Алдан (через Саныяхтат), организация нелегальной бесплатной почты, во время действия которой не потеряли ни одного письма,— все это было реальностью, но требовало не холодного чиновника, а мечтателя. Вот в таком смысле я понимаю и Ваше определение. Не в осудительном, а в поощрительном¹.

Пишу Вам из замечательного места — с пристани Укулан на Алдане, заложенной мною 12 июня 1925 г., в бытность членом правления местного треста «Алданзолото». На другом, левом берегу Алдана красуется город Томмот, в основании которого (15 июня 1925 же года мы начали рубить просеки для визирки при планировке города) я принимал деятельное участие, выдвинув свой план, взамен архитекторского, не практичного. Я сейчас люблю естественным бульваром из столетних сосен и лиственниц, оставленных по кайме берега. Каждый аршин бульвара пришлось отвоевывать. Обычно мы сначала вырубим, а потом садим тощие кустики. Когда я слышу похвалу: «А какой-то не дурак составлял план Томмота», то порой скромность готова уступить место самодовольству и того и гляди опубликую, что составитель-то я. Впрочем, некоторые жители знают. На днях на перевозе один из старателей ласково спросил: «Что же, так твою растак, строитель города, в пять лет раз тебя видим?»

Зиму 1927/28 и лето 1928 г. я и Наташа посвятили себя свинцовым рудникам. Проживали по 19 рублей с копейками в месяц, посадив себя на конину, гречневую кашу и капусту, сами таскали себе дрова из леса (служащие и рабочие у нас получали дрова готовые, а мы уменьшали себестоимость свинца). Когда в 1927 году в Кремле А. И. Рыков спросил меня: «Когда вы поедете к Ал. Макс. в Сорренто?», я ответил, что замедление в получении визы из Рима заставляет меня ехать не в Сорренто, а на Верхоянский хребет. «Что там будете делать?» — «Хочу конкурировать с англичанами, добывая свинец». Желание одолеть англичан хотя бы только на Верхоянском хребте побудило меня заключить договор на поставку свинца Якутторгу по цене на 10% дешевле привозного. Чтобы добиться этого, и я и Наташа превратились в дервишей. Однако нашему сподвижничеству скоро наступил конец. Инженеры уговорили Якутское правительство расторгнуть договор об аренде, не выяснив вопроса о возможности существования государственного предприятия там, где работало маленькое кустарное. Результаты сказались через три месяца — Ендыбальские рудники закрылись, т. к. приехавшие ока-

¹ Еще раньше — 11 февраля 1927 года — А. А. Семенов писал А. М. Горькому: «Я знаю, что я не беспочвенный мечтатель. Десятилетним парнишкой я, бессильный вытащить соху из земли, быстро использовал приспособление: привязал кушак к рогалию и, когда надо вытаскивать, засуну голову под кушак, расставлю ноги и, натужась, одолею. Был учителем школы грамоты за 105 р. в год на всем своем, был ямщиком, а потом служащим конторы и бухгалтером. Издавал газеты, убыточные пока, чтобы приучить население к печатному слову, организовывал экспедиции, искал дешевые пути от Великого океана (4 года сплавливал грузы по Юдоме — притоку Маи). Прошлое служит порукой, что мои скромные начинания разрастутся».

зались не подготовленными к работе в условиях Робинзона. Истрачено несколько десятков тысяч рублей на проезд и дискредитирование государственного хозяйства.

Теперь организуется свинцовое дело в другом месте, с затратой уже миллионов. Искренно желаю, чтобы не постигла его участь Ендыбальского.

Мне не нашлось места для службы в учреждениях ЯАССР, и я обратился в концессию «Лена Гольфильдс» с просьбой о работе. Оттуда запросили меня об условиях. Я сообщил, что сумма 150 руб. в месяц вполне удовлетворит мои запросы. Концессия назначила 200 р. На днях я приехал сюда, проехав из Якутска вниз по Лене и вверх по Алдану месяц, и буду сдавать о-ву «Союззолото» грузы, которые доставляются с верховьев Лены концессионными пароходами, проходя водой 4000 км.

Я уже увлекся новым делом: изучаю графики уровня воды в Алдане за четыре года (как начали ходить пароходы) для рационализации маневрирования судов, вешаю грузы, помогаю грузчикам петь песни на отдыхе после запалок, выполняю поручения команды пароходов, пою им песни, рассказываю о том, что видел, вообще живу хорошо. Половины жалования, оставляемой себе, хватает на содержание и почтовые расходы, а других расходов у меня нет. При надобности могу опять перейти на сухари и воду и чувствовать себя хорошо.

Теперь (мне скоро будет 50) я прихожу к сознанию, что только снижение своих потребностей до минимума может охранить меня от унижений. Материальные затруднения, являющиеся в большинстве случаев следствием повышенных требований к жизни, налагают на дух человека пути. Это избитая истина, но я только теперь почувствовал весь ужас ее. Надо сознаться, дураком был раньше в этом вопросе. Жесткая историческая необходимость заставляет нас терпеть обречение на безработицу тысяч людей. Эту историческую необходимость я понимаю. Сейчас переживаются большие пертурбации в деревне. Крепкие мужики полагают, что в результате проводимых мероприятий все сельчане превратятся в таких, которые не платят сельхоз. налога и не могут нести косвенного обложения. Переломный момент проходит с кряхтением, но раз это неизбежно, то надо перестраиваться для завоевания новой, необычной для людей старого уклада, жизни.

Здесь я должен прожить до осени, пока не будут доставлены и сданы все грузы, идущие по Алдану. Возможно, что уеду в Якутск на пароходе или верхом напрямик, т. е. сделав вместо 1900 километров только 430. В крайности пройду пешком, т. к. ходить люблю и притом это дешево. К сожалению, местность пока пустынная и сухарей надо брать на всю дорогу. За это время я думаю собрать сведения о жизни Алдана. Теперь экзотика периода зарождения, которой я был свидетелем, прошла и началась пора повседневной, размеренной, основательной работы. Освещение отдельных сторон ее, полагаю, принесло бы пользу, т. к. о некоторых отраслях Алданского дела, напр. с вопросом о дорогах к Алдану, я осведомлен, по-видимому, лучше многих.

Я очень просил бы снабдить меня удостоверением на право получения от «Союззолото» и др. организаций и учреждений сведений справочного характера. Я, как «предприниматель», лишен избирательных прав¹. Это несколько не удручает меня, т. к. я знаю, что лишение — лишь бумажная сторона дела: в прошлом я был тоже «предпринимателем» и в то же время наркомом финансов и членом ЯЦИКа. Но какой-нибудь казенный человек на самом законном основании может не дать сведений мне, как человеку неполноправному.

¹ Вскоре А. Семенов был восстановлен в правах.

В 1927 году я рассказывал А. И. Рыкову о моей последней идее-фикс — проекте создания на среднем Алдане сельскохозяйственной базы для Алданского золотого района. Передайте ему, что дело двинулось. Появились первые колонисты, которые пока зависят от тунгусских обществ (пускать на участки будут с 1930 или 1931 года). Почти всем колонистам я дал подряды заготовить дрова для концессионных пароходов. Я помогаю чем могу и им и другим, напр. некоторым из пароходской команды, которые тоже хотят переселиться. Дороговизна здесь, в Томмоте, ужасная: картофель 12—14 руб. пуд, яйца 2.50—3 р. десятков, молоко 1 рубль бутылка. А рядом (по здешнему рядом — в 500—700 верстах) роскошные места для пашен, хорошие луга, и все это пустует. Наш долг — удешевить продукты, удешевить, усилить добычу золота. А как медленно это делается!

Как много работы и как хорошо жить, даже и неполноправному!¹

Алек. Семенов.

Город Томмот, Алданского округа, Якутской республики (через Амур), Укулан, А. А. С-ву.

23 июля 1929 г.».

Когда Алексей Семенов был у меня на Капри, там жили два писателя — украинец Михайло Коцюбинский и поляк Стефан Жеромский.

— Хотел бы я иметь таких людей, как этот, у себя в Польше, — сказал Жеромский, после того, как посмотрел на Семенова и послушал его. Помню, меня очень удивили эти слова талантливого литератора и чело-века, который страстно любил свою родину, мучительно горевал о ее судьбе, ярко видел все недостатки и пороки ее интеллигенции, но все-таки сохранил в себе болезненный национальный гонор и не однажды убеждал меня в том, что поляки — самое талантливое племя из всех славянских племен.

Коцюбинский, говоря о Семенове, вспомнил Крашенинникова, Дежнева, Щапова и других северян. У меня к людям, подобным Семенову, с юности горит, не угасая, чувство глубокого уважения и — не скрою — зависти. Хорошо они умеют жить. Это — потому, что радостно и неутомимо умеют работать.

ПРИМЕЧАНИЕ

В 1929 году, когда был написан очерк «О единице», А. М. Горький работал над «Рассказами о героях», которые публиковал в «Наших достижениях». Не удивительно, что он вспомнил и о Семенове.

Еще в письме от 17 декабря 1925 года Горький писал Семенову: «Преклоняюсь пред Вашей неистощимой энергией. Вы поверите в искренность этого преклонения, вспомнив, как высоко ценю я труд и поэзию труда. А Вы именно — поэт... хочется назвать Вас героем».

На протяжении двадцати четырех лет Горький получал письма от Семенова, державшие «отчеты» о его деятельности в Якутии. Одно из них Горький включил в свой очерк. В Архиве А. М. Горького сохранилось около шестидесяти писем Семенова к Алексею Максимовичу. Писем Горького к Семенову сохранилось, к сожалению, всего шесть, а их было, несомненно, гораздо больше. Последнее письмо Семенова, на которое он уже не получил ответа, было написано им в Москве пятого июня 1936 года, то есть за тринадцать дней до смерти Горького.

А. А. Семенов (1882—1938) родился в семье крестьянина села Тамир, ныне Кяхтинского района Бурятской АССР. Окончил Троицко-Савское четырехклассное училище. В Якутск он приехал в 1904 году как служащий торгового дома «Коковин и Басов». Поселившись здесь, Семенов всячески старался помочь развитию производительных сил Якутии — этого заброшенного в то время края. Начал он со строительства дорог. Он публикует десятки статей в местной и центральной печати по этому вопросу, обращается к министру финансов В. Н. Коковцеву с прошением об отпуске денег для прокладки дорог в Якутии.

¹ Горьким в письме Семенова сделан один пропуск (см. примечание к письму Горького от 8 апреля 1929 г.) и несколько незначительных сокращений.

Существенное место в его необычно разносторонней деятельности занимают разного рода культурные начинания. Он строит в Якутске клуб приказчиков, организует театр, создает при клубе библиотеку. Особо должно быть отмечено участие Семенова в издании первой в Якутии газеты — «Якутский край» (июнь 1907), выходящей два раза в неделю на русском и якутском языках.

После наложения ряда арестов на отдельные номера газеты постановлением Якутского окружного суда от 26 января 1908 года «Якутский край» был запрещен. Однако спустя несколько дней Семенов добивается разрешения на издание газеты под названием «Якутская жизнь». Сообщая в Петроград о разрешении на выход этой газеты, якутский губернатор пишет, что газета будет выходить «под издательством и ответственным редакторством крестьянина Тамирской волости Верхнеудинского уезда, Забайкальской области, Алексея Алексеевича Семенова». Через некоторое время и «Якутская жизнь» была закрыта. Вместо нее Семенов открывает газету «Якутская мысль», а затем газету «Якутская окраина» с тем же направлением и теми же сотрудниками, из бывших и настоящих политических ссыльных», как доносил губернатор.

Особенно широкий и активный характер приняла деятельность А. А. Семенова после Великой Октябрьской социалистической революции. Вот что пишет об этом сам Семенов в письме к Горькому в 1934 году:

«Приехав в 1904 г. из Забайкалья в Якутск на полгода, я прожил там 30 лет. Из этих тридцати лет чуть не четверть века моей жизни прошло на виду у Вас, так как о всех главных событиях ее я сообщал Вам. О постройке небольшой группой якутских приказчиков здания клуба (теперь якутский городской театр, помните, Вы послали нам книги), издании первой ежедневной газеты в Якутске, отправке мною первых грузов через Берингов пролив, организации якутских общественных предприятий, поисках дешевых дорог из Охотского моря в Якутию и путей от Якутска на Темтон, организации на Верхоянском хребте кустарной добычи свинца и горной метеорологической станции, печатании 30 миллионов рублей денег (когда был Якутским наркомом финансов), о моей помощи Бертину в открытии Алдана, постройке дорог: Саньяхтатской, Иситской, Вилюйской и Чуранской, по которым и до сих пор движется основная масса алданских грузов, об организации бесплатной почты на Алдан, о закладке мною Укуланской пристани и города Томмота, проекте заселения Среднего Алдана, о пробном опыте зимнего рыболовства в устье Вилюя, где четыре старика в 2 1/2 зимних месяца поймали более трех тысяч стерлядей,— обо всем этом Вы знали своевременно».

Весьма интересным человеком была и жена А. А. Семенова — Наталия Петровна, урожденная Угловская (1888—1943). Она родилась в Калгане, в семье мелкого служащего. Детство провела в Китае, где служил отец. Не знала до шести лет русского языка, кроме нескольких слов. По матери бабушка была монголкой. Это и дало основание Горькому считать ее китайкой. Н. П. Семенова участвовала в гражданской войне в отряде Сергея Лазо. Позднее была дикпурьером, сотрудником журнала «Советская Азия», верной помощницей Семенова во всех его начинаниях.

Ниже публикуются очерк А. А. Семенова «На Капри у М. Горького» и избранная переписка А. М. Горького с А. А. Семеновым.

Очерк Семенова был опубликован в газете «Якутская окраина» от третьего октября 1912 года. Письма Горького к Семенову впервые были опубликованы в газете «Социалистическая Якутия» от второго августа 1959 года. Письма А. А. Семенова публикуются впервые. Все географические названия в письмах А. Семенова даны в его транскрипции.

В настоящее время в Якутске подготавливается сборник, посвященный памяти А. А. Семенова, в котором, надо надеяться, появится еще много новых материалов, характеризующих его деятельность.

А. СЕМЕНОВ

НА КАПРИ У М. ГОРЬКОГО

В начале марта текущего года, попавши из Якутска в Неаполь, мы, вдвоем с женой, решили съездить на Капри. Влекли туда две достопримечательности острова: голубой грот и Горький.

Увидать последнего мы не надеялись, т. к. дела к нему не было, а беспокойте человека посещением ради удовлетворения своего любопытства

считали неудобным, зная, что и без нас находится немало любезных соотечественников, требующих показать им Горького, как какого-нибудь диковинного зверя.

Трехчасовой переезд на пароходе от Неаполя до Капри был не из приятных: лазурный Неаполитанский залив был не спокоен, и почти все пассажиры, не исключая и сухопутных якутян, пострадали от качки. Не помогали ни заботливость паровой администрации, ни гимны уличных певцов, превозносивших на верхней палубе прелести благодатного юга Италии.

Миновав Сорренто, приплыли, наконец, к гроту, который способен вознаграждать за перенесенные неприятности. Когда въедешь, ложаешься на дно лодки, через небольшое отверстие в грот, глазам представляется картина, которую не забудешь. Свет, проникая в огромную пещеру через входное отверстие и проходя сквозь воду, делает грот голубым. Голубыми кажутся не только высокие своды и лица посетителей, но даже воздух, не говоря уже о воде, представляющей нечто сказочное.

Поднявшись в городок Капри по цепной дороге, проложенной через рощу лимонных деревьев с удивительно крупными плодами, мы все же не могли удержаться, чтобы не посмотреть, где и как живет Горький. Хотелось проверить — правда ли, что он живет в роскошной собственной вилле, о которой приходилось так часто слышать в России. В душе как-то не укладывалось два совершенно противоположных понятия: писатель из народа и роскошная вилла. Кроме того, хотелось достать русских газет, которых после Рима не могли найти.

Извозчик, повезший нас к вилле, прежде всего сообщил, что «синьоро Горки — тре бона», а вскоре, взобравшись на гребень горы, указал на «виллу», состоящую из двух небольших белых домиков с плоскими крышами.

— Вот так роскошная вилла! — невольно воскликнули мы.

Вилла стоит на таком кособоре, что и подъехать к ней нельзя. Дверь с узенькой улицы ведет в домик, где помещаются две комнаты, из которых в одной живет малороссийский писатель Коцюбинский, затем столовая и кухня.

Просьба наша о газетах, обращенная к вышедшему слуге итальянцу, была услышана М. Ф. Андреевой, от которой мы не утаили, что не одни газеты заставили нас прийти сюда. Мы рассказали ей о своих впечатлениях, резко расходившихся с тем, что ожидали увидеть.

Показав с веранды небольшой клочок земли, арендуемой Горьким у одного из местных жителей, Мария Федоровна пригласила обедать, когда придет Алексей Максимович, работающий в другом домике, и, принеся нам целый ворох последних газет, ушла на кухню готовить обед.

Через час пришел Горький. Довольно угрюмый вид его с первого раза не обещал ничего хорошего, но вскоре, за рассказом о далеком и посвоему интересном крае, со своими маленькими строителями жизни, он оживился. Чувствовалось, что его интересует положительно все, и я был немало удивлен тому, как много знает он о Сибири вообще, а в частности о наиболее близких мне Забайкалье и Ленском крае. Нашлось немало общих знакомых. Например, из якутян Горький хорошо помнит М. В. Сабунаева, которого встречал несколько раз уже давно, когда приходилось торговать квасом в Нижнем Новгороде.

Боясь злоупотреблять гостеприимством, мы хотели в тот же день вернуться в Неаполь, но хозяева не отпускали. Просить нас долго не пришлось, т. к. нам не хотелось покидать так скоро дом, где, кажется, и воздух насыщен любовью к людям, любовью не писанной или на словах только, а настоящей, чувствуемой во всем.

Наблюдая жизнь Горького, становится обидным за то, что боязнь

трясения обветшалых основ уклада жизни заставляет гнать с родины людей, одно присутствие которых действует на окружающих в высшей степени облагораживающим образом. Правда, единицами встречаются они среди сотен тысяч, но тем больше, казалось бы, мы должны ценить их.

Вечером Горький показал свой домик, в котором проводит почти круглые сутки. Домик в два этажа, причем верхний представляет одну большую рабочую комнату писателя, с широкими светлыми окнами, похожую скорее на библиотеку благодаря массе книг.

Время до полночи прошло незаметно. За всю свою жизнь я не встречал более интересного собеседника. Хотелось и рассказать возможно больше, хотелось и послушаться вдоволь.

Сказки о роскоши жизни Горького особенно обидны, когда видишь, как далеки они от действительности. Вечером, когда прислуга уходит домой, Мария Федоровна сама ставит и носит самовар, моет посуду...

Из рассказов русских эмигрантов, живущих на Капри, видно, что проживание некоторых из них обходится их земляку не дешево. Многих, по-видимому, манит кличка эмигранта, и поэтому некоторые, кому грозит даже пустячное наказание, бегут с родины, садясь на плечи соотечественников, и без того не сладко живущих на чужбине.

Много помощи оказывается А. М.—чем и местному населению, которое платит ему любовью, с гордостью называя его своим. Нас умилило отношение мальчугана-итальянца, когда он, постучав предварительно в дверь, вручил Марии Федоровне «манифесто пер чинематографа» (афишу о сеансе кинематографа).

Заговорив о необходимости общесибирского журнала, Горький сообщил, что сам он давно мечтает о большом журнале, с массой сотрудников, рассеянных по всей России, но мечты эти разбиваются об отсутствие денег.

Богатство его, по-видимому, такое же, как и вилла, мифическое...

К вечеру следующего дня мы покинули Капри. Покинули с тяжелым сознанием, что в дальнейшей жизни, может быть, не придется встретить человека, который бы так же просто и так же искренно любил людей, не говоря трескучих фраз о всеобщем благе, служащих в большинстве случаев тоненьким блестящим щитом для прикрытия внутреннего содержания довольно подозрительного качества.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

А. М. ГОРЬКОГО И А. А. СЕМЕНОВА

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Якутск, 17 августа 1912 г.

Пишу, пишу Вам, а от Вас нет отклика.

Дела наши идут в гору: тираж газеты¹ растет, и почти каждая почта (два раза в неделю) дает 3—4 рубля подписных денег. Городских подписчиков скоро будет 180 человек, да в розницу ребятишки продают 40—50 номеров.

Первый месяц свели с дефицитом в 85 р., а за август, думаем, останемся на оплату труда корректора и конторщика, которые пока работают бесплатно.

¹ Речь идет о газете «Якутская окраина», издателем которой был А. А. Семенов. После посещения Семеновым Капри Горький регулярно получал эту газету.

Клуб¹ книги получил, и библиотека с 1 сентября откроется. Из-за Вас и я получил благодарность, трогаящую до слез.

Городская библиотека работает хорошо и м. б. сольется с бесплатной же народной.

Музей посещается, пожалуй, больше, чем столичные. Вообще скоро мы обгоним столицы (я говорю, конечно, о процентном отношении). Телефон городской у нас уже имеет 98 абонентов. Скоро будет выходить здесь ежемесячный журнал на якутском языке, который будет печататься в нашей типографии. (У нас якутский шрифт имеется)².

С нового года думаем газету увеличить до 4 стр., а пока приходится довольствоваться малым. Сначала над нами смеялись, указывая на то, что таких газет, как наша, нигде не выходит, но теперь привыкли и даже сами начали принимать участие, сообщая сведения, привлекая подписчиков. Будьте счастливы.

Алексей Семенов.

А. М. Горький — А. А. Семенову

Капри, 10 ноября 1912 г.

Алексей Алексеевич, жалуется, что я не пишу вам, а я — писал, не однажды.

Первый раз писал, извещая о том, что высылаю книги «Знания»³, по адресу на Иркутск и указывал на неопределенность адреса; второй — справлялся, получены ли посылки? Ответа не имею.

Очень помним Вас, часто говорим о том, как-то Вы поживаете? Газету вашу получаю, читаю, конечно.

А вот писать для нее — не могу собраться, и вы мне извинили бы это, если б знали, как жестоко я занят!

Особенно теперь, осенью, когда начинаются новые литературные дела, а тут — выборы, война, масса народа приезжает, все взволнованы, иные жаждут войны, те — боятся.

Впечатление такое, что пошатнулась земля на оси своей. Очень поражена Европа разгромом Турции, и глубоко неприятно сильным капиталам то, что на месте слабой Турции, которой что ни продай — все купит и которую так просто было грабить, ныне образуется тоже сильное предприятие болгаро-сербо-греческое и отнимет рынок у немца. Да и у нас немощно отнимет, как это уже начинает понимать Одесса и другие города Черноморья.

А итальянцы, кончив свое дело в Африке, удовлетворенно пошвыстывают и помаленьку организуют колонизацию Триполи. Умеют здесь работать! Все делается обдуманно и быстро. Триполи нуждается в портных — вывешено объявление, что портные, желающие ехать в Африку, — до 100 человек — могут там-то получить все нужные им указания, подъемные деньги, сбавки на проезд и т. д. В Сибирь у нас не так переселяют мужиков из России!

А война, пожалуй, неизбежна: об этом пишут частные лица из Вены и Праги, из Питера и Варшавы, даже из Твери. Наша «матушка Русь» устами своих истинно подлых людей начинает говорить о том, что хорошо бы и нам, на свой баш, оттяпать что-нибудь у Турции. Разгораятся жад-

¹ Клуб приказчиков, организованный и построенный в Якутске по инициативе и при активном участии А. А. Семенова.

² В деле Департамента полиции сохранилось отношение якутского губернатора в Д. П. от 21 августа 1912 г. с сообщением, что им выдано разрешение Товариществу печатного издательского дела под фирмой «Якут» издавать в Якутске ежемесячный журнал «Якутская речь» на якутском языке.

³ Речь идет о книгах, выпущенных издательством «Знание».

ные глаза на Константинополь, впрочем, Вы сами обо всем этом читаете и все знаете.

Хотели Вы мне якутские открытки послать — забыли! Впрочем, получил портрет кошки с рогами, подписано — олень. Не верю.

Как живет Ваш сын? ¹ Супруга? Упрыжкин? Браиловский? И все другие чудесные ваши люди?

Вы им кланяйтесь. Скажите: сидит среди моря на острове старик сухой и длинный, когда ему бывает хорошо — он вспоминает Ваши рассказы о далеком городе и обо всем, что узнал от Вас о нем.

Будьте здоровы, будьте бодры духом!

Крепко жму руку

А. Пешков.

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Верхоянский уезд, Семеновские рудники,

3 февраля 1921 г.

Уважаемый Алексей Максимович!

Пишу с полюса земного холода на случай, если обращусь к Вам депешей, когда приеду в Якутск (в марте или апреле) вот по какому вопросу.

По обеим сторонам Верхоянского хребта, т. е. на самом холодном месте земного шара, кочует ламухинский род ламутов численностью в 350 человек. Род этот несет большую службу государству: поддерживает зимнее почтовое сообщение через Верхоянский хребет, перевозит казенные грузы и, наконец, обслуживает предприятие по добыче в Верхоянском уезде свинца, дающее возможность добывать валюту в виде пушнины.

Ныне род этот посетило огромное несчастье: из 3278 голов оленей пало 1543, а теперь одолели волки и стада тают. 27 января здесь состоялось родовое собрание, которое уполномочило меня возбудить ходатайство о снабжении рода правительством 2000 оленей, видя в этом единственный способ спастись от гибели.

Государство заинтересовано в сохранении существования этого рода не только из гуманитарных соображений, но и из материальных: погибнет этот род, и трудно будет заселить Верхоянский хребет (самую верхушку его), т. к. ни земли, пригодной для сельского хозяйства, ни покосов, ни даже зимою воды (речки промерзают) нет. Если поселить сюда тунгусов из других мест, эта каменная пустыня будет им мачехой, а теперешним поселенцам она — родина. Вы, конечно, поймете, что мое письмо клонит к тому, что, в случае надобности, Вы должны быть тяжелой артиллерией в этом деле: если губернскими силами нельзя будет спасти род, я предполагаю обратиться в Москву, и Вы, я знаю, не сможете отказать в поддержке, да и как отказать, когда речь идет о первобытных людях, пронесших через века детскую прямоту и честность?

Пишу это Вам для того, чтобы до телеграммы Вы были знакомы с подробностями.

Наташа, вероятно, рассказала Вам об этих взрослых детях, у которых я состою доверенным и писарем.

Из 77 семейств только 9 имеют теперь больше 20 оленей, а 68 —

¹ Василий Алексеевич Семенов — сын А. А. Семенова (р. 1908). Геолог-разведчик. Окончил Горный институт в Иркутске. Всю жизнь проработал по золоту на Алдане и в Верхоянске. Последние годы работал по алмазам в г. Мирном в Якутии. С 1960 г. вышел на пенсию.

пролетарии. Есть оставшиеся без оленей, при одном, двух, трех и т. д. На весь род нет ни одной коровы, лошадь всего одна.

Летом я хотел бы оказать посильную помощь проведению дороги от Аяна к р. Мае. Дорожной болезнью я болен с момента приезда в Якут[скую] область — с 1904 года. Ныне проехал в первый раз по новой зимней дороге, проведенной сюда от Усть-Алдана. «Проведение» состояло лишь в постройке поварен, с каменными камельками и кое-где в рубке мешающих проезду деревьев. Но по-нашему и это — завоевание.

Искренно желаю Вам здоровья.

А. Семенов.

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Якутск, 1 апреля 1921 г.

Посланное письмо свое нагнал в дороге. В дороге же получил депеши о мобилизации меня ВСНХ и назначение выехать в Москву. Затруднения с транспортом у наших ламутов заставляют меня выехать сначала на рудники, а в Москву на первом почтовом пароходе — в начале июня. Дней через 10 выеду со своей конторой, представляющей странствующую труппу. Все у нас пока делается так, что один человек относит несколько обязанностей, да иначе и нельзя: большая администрация сделает предприятие нежизненным. Или по последнему санному пути на санях, или верхом на лошади выеду с рудников в Усть-Алдан, чтобы организовать хотя скромное огородничество для ламутов. Ледоход, 23—25 мая, по-видимому, буду наблюдать на слиянии огромных водных артерий: Лены и Алдана.

Оленей у меня, из стада более 300 голов, осталось около 70, которых отдал ламутам. Губернские власти постановили снабдить оленями род, но выполнение постановления будет зависеть от энергии Верхоянской уездной власти. Положение, вследствие падежа оленей и истребления их волками, создалось печальное, и помочь почти нечем.

Боясь, что за лето ламуты поедят последних кормильцев — оленей, думаю предложить роду собраться летом к озеру в 50 верстах около рудников, чтобы кормиться рыбой. Постараюсь за этот месяц приобрести оленей на севере.

Интерес центра к здешней свинцовой промышленности вызывает у меня удивление: неужели нельзя развить добычу свинца в местах, где не придется вести такую жестокую борьбу с природой? Суровость климата, удаленность от реки, бездорожье, отсутствие вблизи покосов, а зимой и воды (речки промерзают до дна) — все это создает массу препятствий местного характера.

С глубоким интересом я готовлюсь к поездке в Москву. Хотелось бы оттуда проехать через Амур и Аян, чтобы выяснить вопрос о ввозе земледельческих орудий из Америки через Аян в Якутскую губернию. Еще в начале 1920 г. во Владивостоке В. Д. Виленский говорил Наташе о желательности ввоза сельско-хоз. орудий из-за границы и к нам в Як[утск] приезжал один предприимчивый датчанин. Он просил меня выяснить вопрос в Москве, и уже представляю мысленно оживление берегов Алдана от хлебопашества. Думаю, что в вопросе с валютой этот датчанин устроится с Центросоюзом, а наше дело создать путь хотя бы санный.

Когда я приеду к Вам, я попрошу у Вас уделить мне вечер, чтобы пересказать, что хотелось бы сделать в этой пустыне. Меня распирает от этих проектов.

Будьте счастливы. Сердечный привет Марии Федоровне.

А. Семенов.

А. М. Горький — А. А. Семенову

Петроград, 30 апреля 1921 г.

Дорогой Алексей Алексеевич!

Я получил два письма от вас,— оба очень интересны, сердечно благодарю!

Обращаюсь к Вам с просьбой: я председатель «Комиссии по улучшению быта ученых», эта комиссия стремится поддержать и облегчить жизнь деятелей русской науки. Она заботится о питании и о снабжении предметами первой необходимости профессоров, преподавателей высших ученых и учебных учреждений, техников и т. д., объединяя до 4500 человек.

Сейчас наступил момент крайне тяжелый, продовольствия нет, нам угрожает голод, от которого погибнут в первую очередь люди, наименее приспособленные к борьбе за жизнь, а лучшие люди науки именно таковы.

Засим: нас ожидает, кроме голода, зима без топлива, ибо — весна ранняя, воды в реках нет, нет сплава, дров почти нет.

Я прошу Вас: нельзя ли достать в Якутской губернии меховых одеял, сапог и вообще мехов? Конечно, за деньги. Но если бы местная власть могла дать кое-чего даром, как подарок ученым — борцам за лучшее будущее народа,— это было бы тоже хорошо.

Подробности Вам расскажет Наташа.

На всякий случай прилагаю письмо к товарищам в Иркутск и Якутск.

Крепко жму руку Вашу и желаю всего доброго.

М. Горький.

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Якутск, 20 июня 1923 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Два письма своих, адресованных Вам через Наркомат Ин. Дел, я получил обратно и очень жалею об этом.

Вот уже скоро год, как занимаю высокий пост Наркома Финансов Якутской Республики, читаю пудами циркуляры, измышляю, как достать денег на неотложные нужды, расклеиваю самолично плакаты о займе, уговариваю недовольных; вообще живу весело. Но все же прошу найти другого Наркома — спеца из Москвы, а сам хочу бродить по Верхоянскому хребту, проехать к Ледовитому океану, побывать на Тихом, затем организовать дорогу к Амуру (о ней я хлопочу с 1908 года). Везде у меня дела, везде у меня интересы географические и промышленные, среди которых вклинилась мысль об основании новой столицы Якутии в устье Алдана (местность Кылыгыр).

Наташа после небольшого отдыха опять служит в типографии корректором, старший сынишка, уехавший в 1921 г. в Туркестан (в Кушку), на днях приедет сюда, и зиму, возможно, проживем здесь.

О жизни Якутска и якутян может рассказать Вам тот, кто привезет это письмо — Сергей Васильевич Ваулин, — быв. зав. Якут. Госиздатом. Он, после трехлетнего пребывания здесь, уезжает в центр, к большому нашему огорчению. Задерживать его Якутия не могла, считая, что и 3 года — время не маленькое. Многие удалось ему сделать, но события последних двух лет помешали осуществиться многому: время было неспокойное, военное. Однако в нем я вижу одно из звеньев цепи от центра, за которую мы держимся, а поэтому и с отъездом его мирюсь.

Войдя в здешнюю жизнь вплотную, он не может не чувствовать обязанности помогать нам духовно.

Убедительно прошу Вас, Алексей Максимович, оказать помощь Сергею Васильевичу, дав ему возможность приложить свои силы по принадлежности, без траты энергии на составление у окружающих истинного о нем представления; проще говоря, прошу Вас рекомендовать его для какой-нибудь доброй газетной работы, положась на меня. Знакомств у него в Москве, кроме Г. И. Лебедева (зам. пред. с-хоз. выставки), нет. Материально он, как и полагается таким людям, не обеспечен, да он об этом и мало думает.

Зимой я все-таки собираюсь побывать в Москве. Лето отдам на создание бюджета Якут[ской] Республики, а зимой явлюсь с прожекторами.

Рудники свинцовые совершенно разрушены гражданской войной, но думаю приступить к возрождению их. Планов у меня, конечно, бездна, но теперь нет времени для осуществления их, и поэтому я добиваюсь увольнения из Наркомов.

На должности Наркома я тоже проявлял самодеятельность: вместе с Сергеем Васил[ьевичем] печатали деньги на 30 миллионов. Москва за это мне шею намылила, но в результате польза для Якутии была огромная. Завтра эти деньги будем жечь: больше 25 миллионов уже изъято.

Зимой я расскажу Вам лично о всем том, что занимает нашу жизнь, делая ее интересной даже в здешней обстановке скудости природы на тепло и растительность (на простор да на мороз она не скучается).

И Вам, и Максиму, и Екатерине Павловне, и Марии Федоровне самый сердечный привет.

Алекс. Семенов.

Ламуты наши живут сравнительно ладно, надеюсь ныне повидать их.

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Якутск, 5 октября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Долго проташится это письмо, в двадцать раз дольше телеграммы, которую я отправил Вам недели три тому назад, но месяца через полтора почта у нас будет ходить быстрее: исполняется заветная мечта наша проложить зимний путь к Амуру.хлопотать об этом мы начали с 1908 г. В 1912 Коковцов после моего доклада ему о преимуществах проведения этой дороги отпустил было 100 000 р. на оборудование, но после я и Наташа уехали к Вам, на юго-запад, и ассигнование было отменено. Ныне мы будем ездить к железной дороге вместо 2769 (Якутск—Иркутск) только 1300 Якутск—Невер (Рухлово Амурской ж. д.).

За это время я жил интересно. В 1920 и 21 гг. жил на свинцовых рудниках Робинзоном с маленькой группой молодежи, с которой работаем уже много лет, переходя постепенно в пожилых молодых людей. Из Москвы было распоряжение Пред. ВСНХ не национализировать «горное предприятие» Семенова, и мы продукцию его довели вместо 100% обычных до 140%! Испытывая лишения, я был удовлетворен морально: добываемым мною свинцом население Якутской области зарабатывало на пушнине миллион рублей ежегодно, и я мог умереть с сознанием, что жил не без пользы.

В 1921 г. был назначен членом Президиума Губсовнархоза, оставаясь владельцем «горн. предприятия». Немножко анекдотично, но в это время вспыхнуло повстанчество и рудники были расхищены, так что владелец был без владений.

В 1922 основалась Якутская республика. Я очутился в новой должности — Наркома финансов в самый трудный период перехода края от натурального товарообмена к денежному обращению. Нашлепав в одно из воскресений денег на 30 мил. руб., мы сносно вышли из затруднений. Наркомом я оставался до 1 окт. 1923.

После этого думал взяться и за рудники и за транспортировку через Верхоянский хребет, но Якут[ское] правительство рудники национализировало (они и по сей час бездействуют), и я, успешно перекинув казенные грузы в Верхоянск, в 1924 г. опять поступил на службу и вновь сделался Робинзоном, опять с моими сподвижниками поселившись на правом безлюдном берегу Лены против станции Саньяхтат, откуда начали перебрасывать на лошадях, оленях, быках и верблюдах грузы на вновь открытые Алданские золотые прииска. Работа выполнена успешно. В мае 1925 назначен членом правления местного треста «Алданзолото» и 2 мая двинулся верхом, пешком и на санях на прииска с проводником тунгусом и с одним товарищем. На [реке] Торе я оборвался под лед, но благополучно. В июне ездил на закладку Укуланской (Алданской) пристани Алданзолото и нового города Алданска, переименованного теперь в Томмот. В июле местный трест стал перевоплощаться в союзный. Я выехал в Якутск и вскоре уехал по Лене для выбора места под новую амурскую пристань (место выхода на Лену будущего Амурско-Ленского колесного тракта).

Теперь я занимаю пост Управляющего Якутской конторой союзного треста «Алданзолото». Основная работа — доставка грузов с Лены на Алданские прииска, но побочных к ней много: заготовка фуража до заселения новых мест включительно. Работы уйма и работы живой, интересной. Превращение безлюдных мест в населенные — это оказалось моей слабостью. Я не люблю городов, меня до сих пор не тянет ни в Москву, ни в Париж, но основать зимовье там, где на сотню верст нет жилья, обонять издали дым этого зимовья — больше, сладостнее такой отрады я, кажется, и не найду. Там, где народу много, вероятно хочется хоть немного пустого, безлюдного места, а здесь, где тайга давит, где приятно встретить человека, если только он не из грабителей, каждая хижина — рай, каким описывали его бабушки. Когда померзший доберешься до избушки, из которой валит дымок, растянешься на нарах, кинув на них какую-нибудь хламиду, то думаешь: что же можно выдумать лучше, приятнее для человека? Сейчас я сижу в теплой комнате, на столе горит электрич. лампа, но и это не заслоняет прелести, ценности зимовья в тайге.

В этом, по-видимому, и смысл моей жизни. Радость бытия даже в сооружении примитивного клозета, даже в заплатке на крыше.

Как живете, Алексей Максимович? Здоровье у Вас ведь не «ахтительное», не мучают недуги? Я стараюсь узнавать о Вас и кроме Наташи у всех, от кого можно получить сведения. На Незаметном прииске видел летом Кожевникова Ин. Сераф. (быв. тов. министра иностранных дел Д-В республики). Он был весной в Берлине.

Черкните мне хотя коротенько о себе. Мой адрес: Якутск Алексею Алексеевичу Семенову.

Всем сердцем желаю Вам здоровья. Остальное в нем.

Алек. Семенов.

А. М. Горький — А. А. Семенову

Неаполь, 17 декабря 1925 г.

Жив, Курилка?

Вы очень обрадовали меня Вашим письмом, дорогой Алексей Алексеевич! Преклоняюсь пред Вашей неистощимой энергией. Вы поверите в искренность этого преклонения, вспомнив, как высоко ценю я труд и поэзию труда. А Вы именно — поэт.

В грустные минуты я люблю вспоминать о Вас и рассказываю Вашу жизнь другим. У меня сохранились Ваши «деньги», этикетки с бутылок вина. Это — редкость. А какие же деньги теперь «нашлепали» Вы?

Где Упрыжкин? Браиловский? О Ваших подвигах на Алдане мне рассказывал один человек, бывший там, рассказывал очень хвалебно и ярко. Он бывший ссыльный, фамилию его я не знаю, т. е. — забыл, а кличка — Яков Иванович. В июне он умер от чахотки в Крыму.

Что сказать Вам о себе? Живу, работаю, в марте мне стукнет 58 лет. Здоровье соответственно возрасту, но сейчас у меня злейший бронхит, кашляю так, что писать трудно.

А Наташа в России? Она была в Москве у [Екатерины] П[авловны] Пешковой и с нею прислала мне сюда снимок с Мавзолея Ленина, вещь, очень грубо сделанную из цинка. Простите, приехал доктор, сейчас меня повлекут в госпиталь, дышать паром, чем-то насыщенным. Замучил кашель.

Крепко жму руку и всего, всего доброго Вам! Хочется назвать Вас героем.

А. Пешков.

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Якутск, 26 января 1926 г.

С огромной радостью получил письмо Ваше, дорогой Алексей Максимович, от 17 декабря. С трудом верится, что оно шло так скоро — с довоенной скоростью. После многих лет разрухи почтовое движение начинает у нас налаживаться, но пока почты получают вразброд: октябрьская и декабрьская получены, теперь пойдет ноябрьская. Плоховато, но интересно или, вернее, наоборот, интересно, но плоховато. Впрочем, хорошо и то, что почта двигается. Я как-то с малых лет воспитал в себе радостный взгляд на мир. Все-де к лучшему. Случится какое-либо несчастье — я стараюсь добраться, в чем же выгода его для меня. Радуюсь я в ясные дни, в дождь, слякоть, в жару, в холод. М. б. это глупо (со стороны несомненно дураком должен выглядеть такой блаженный радыванец), но хорошо, легко. С давних пор я маленькие опыты проделывал над телом, напр[имер] приучал к ограничению в пище, боясь пресыщения. Это как-то вошло в привычку. Если я пью воду, то неизменно представляю, что это — самый совершенный напиток, нектар, который и богам олимпийским не снился; вместе с тем представляю, что нектар этот дорогой, малодоступный, и в результате, ассигнованную себе чашку пью, боясь пролить каплю. Все это говорю к тому, что, радуясь фактам, положительность которых сомнительна, я пью наслаждение, что называется, ведрами, когда вижу результаты созидания. Поэтому получение письма заставляет меня трепетать от осознания ценности почтового сообщения вообще и между государствами в особенности. Таким образом, Вы сумеете понять — что же может принести письмо, полученное из Позиллиппо?! Впрочем, о моем отношении к Вам я постараюсь передать лично, т. к. надеюсь увидеть Вас за эти годы.

Сейчас я удивительно здоров, бодр. Ничего не болит. Стоит прислушаться и — тела не чувствуется. Как дух бесплотный. Но как-то невольно хочется приучить себя к мысли о смерти. Да так приучить, чтобы естественность конца пронизала все существо и страх казался диким. Но это по-видимому не легко: страх смерти, жалость к самому себе, как это ни глупо, остаются, и я не знаю — пойму ли я когда-нибудь неуместность их. Головой-то понимаю, а остальное дрожит.

Посылаю я с этой почтой в заказной бандероли брошюру «Алданское золото». Собранные нами материалы о добыче золота и т. д., к сожалению, не пришлось опубликовать, но некоторое представление о районе книжка дает. Главная цель ее — дать материал правдивый по вопросу о районировании: к Якутии отнести Алданский район или к Амуру?¹

Якутия кровно заинтересована в оставлении Алдана за ней, а поэтому борьба ведется ожесточенная.

Что представляет Алдан — это все еще остается вопросом, т. к. к разведкам приступается только теперь, с основанием союзного треста, но добыча первобытным способом, лопатой и кайлой, 1000 пудов за 2 лета заставляет предполагать, что место незаурядное.

Одно из первых условий развития дела добычи золота — удешевление жизни на Алдане, а это достигается главным образом удешевлением стоимости провоза. Вот эта мысль, эта задача и захватила меня теперь. В этот операционный год, вследствие позднего основания треста, несется уйма переплат, но к будущему операционному году должны быть созданы иные условия. Выбор одной дороги зимней с Лены вместо трех, улучшение ее, снабжение базы на Лене дешевым сеном и овсом, сенокосение на Алдане и Амге, там, где впервые со дня сотворения мира пройдет литовка, — вот ближайшая работа. Застройка дороги зимовьями, образование хотя бы пока трех деревень в тайге на реках, появление в тайге человека — о, сколько тут прелести!

Ждать медленного развития в Якутии земледелия и скотоводства — дело длинное, а здесь — феерия, движение со сказочной быстротой.

Взглянув на карту нашу, Вы увидите еще приток Алдана — Учур. Бассейн его — это целая страна, которая, вероятно, когда-нибудь удивит мир. Как мала земля, и, вместе с ней, как мало мы сделали к познанию ее! Учур у нас под носом, а почти ничего не знаем о нем. Но теперь СССР принимается серьезно за наш край: экспедиции Академии Наук и «Алданзолото» за эти годы дадут много. Значит, жить здесь вдвойне интересно теперь.

Город Томмот, в основании которого я принимал и принимаю самое деятельное участие (и план, когда основывался город, составил в одну ночь, взамен плана одного инженера, погнавшегося за красотой на бумаге и не принявшего во внимание условий), начинает застраиваться.

28/1 — Сейчас был тунгус, живущий в устье Учюра. Там я проезжал и интересовался сеном для приискового района. Рассказы его дополнили мои сведения, и мы сегодня же начали практическое дело: они будут косить сено, а наша забота — доставить туда сенные прессы, а летом зафрахтовать пароходы и увезти накошенное. Кроме того, захватим и излишек прошлогоднего сена. Живущие там два рода тунгусов начинают переходить от звероловства к скотоводству (заставляет нужда: зверя становится меньше — где появляется человек — появляются пожары). Заготовки сена явятся большим рычагом к переходу к новой жизни. Тунгус явился кстати.

Вы спрашиваете об Упрыжкине и Браиловском. Упрыжкин штукату-

¹ В брошюре «Алданское золото» была помещена статья А. Семенова «Пути к алданскому золоту».

рит и вообще приспособливает архиерейский дом для музея, а Браиловский занялся сельским хозяйством и живет в деревне Марха (бывшее скопческое селение) в 9 верстах от Якутска. Скопцы убывают, и место их занимают «разночинцы». Упрыжкин увлекся созданием вечного двигателя и работу эту не бросает вот уже десять лет. Живет он тоже в Мархе. Семья занимается сельским хозяйством.

2 февраля.

Обилие работы (в конторе я весь день и вечер до 9 часов) не дает мне возможности написать письмо сразу.

Движение почты начинает налаживаться, и начинают разыскиваться знакомые. Младший брат мой, которому я помог окончить 4 класса городского училища, был на румынском фронте, женился на румынке, поступил в Румынии в Забайкальский казачий полк, прошел в Забайкалье и, после целого ряда лет мытарств, теперь служит бухгалтером в английской фирме в Тяньцзине.

Один молодой казак Кударинской станицы, приговоренный в 1906 году, когда он 18-летним парнем был писарем в Чите, к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, был сослан в Якутск, где я устроил его в конторе, в которой он дошел до главбуха. Теперь он управляющим тоже у англичан в Урге (столице Монголии). Внутри Союза народ перетасовался по губерниям изрядно. Теперь наступает эпоха постройки. По натуре своей я, по-видимому, органически связан с созиданием, принадлежа к тем, для кого копошиться под какой-нибудь даже скромной маленькой постройкой — своя стихия. Раньше я лазал на колокольни, чтобы порадоваться возрастающему количеству железных крыш и новых домов. Скоро это возрастание начнется и у нас.

Наташа живет в Москве с ребятишками. Те учатся. Адрес ее: Татищева, 25. Наталии Петровне Семеновой.

Нет ли у Вас, Алексей Максимович, последней фотографии. Если имеется, — пошлите, пожалуйста. Наш дом служит своего рода посредником между Якутией и Вами. Я стараюсь удовлетворять все запросы о Вас. Берлинское издание «Книги»¹ все время ходит по рукам. Вообще я чувствую себя обязанным осведомлять спрашивающих о местопребывании, о здоровье Вашем и т. д., поскольку могу, конечно, а поэтому я и нуждаюсь в материалах более свежих.

В прессе пишут о большой работе, которой Вы отдаете теперь время². Где будете печатать? Я хочу получить поскорее, учитывая отдаленность нашу.

И головой и сердцем желаю Вам здоровья.

Ал. Семенов.

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Якутск, 23 июня 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович!

С первым почтовым пароходом, привезшим почту сразу за 2 месяца (43 №№ «Известий»), я получил Ваше письмо от 12 марта³. Хотя я телеграфно сообщил Вам о своем согласии писать книгу о своей жизни, но работа эта и большая и щепетильная, а поэтому я до сих пор еще чешу в затылке и других видимых признаков выполнения данного Вам обещания пока не обнаруживаю. Но думаю, хотя м. б. пока и малополезно,

¹ Собрание сочинений А. М. Горького, изд. «Книга», Берлин, 1925

² «Дело Артамоновых».

³ Письмо не сохранилось.

много. Думы эти приводят меня к необходимости получить от Вас наставление — как, о чем писать? Что преследовать целью писания? Сделал-то в сущности не много, а лишь хотел и хочу сделать больше. Но хотения одного мало: у многих м. б. его больше, чем у меня. Потом у меня еще слабое место в моем умении делать дело: мечтатель я. Я все хочу увязать поэзию с прозой. Поэтому в деловые люди, что принято понимать под этим именем, я не гожусь. Я рад, что у меня не было и нет тяги к богатству, что сам я могу довольствоваться количеством благ далеко ниже среднего уровня, получаемого человечеством (в случае надобности), но из меня крупный делец не выйдет: для него надо крепкое сердце. У меня и желания-то нет на это.

Вот это хотелось сказать Вам, дорогой Алексей Максимович! Жизнь моя проходит интересно. Я действительно насыщен стремлением к созиданию, но в малых сравнительно размерах, где индивидуум играет заметную роль. Поэтому я привязался к окраине, к безлюдью. Смотря в сердце себе, можно сказать, что тяга к безлюдью диктуется не соображением выгоды на безлюдье Фомы дворянина, а нелюбовью шума центра. Меня можно сравнить с жителем окраины столицы, который если и соприкасается с центром ее, то лишь для того, чтобы еще больше полюбить задворки.

Итак, создан дивить я свой лишь муравейник. Дерзание у меня не большое. Это не скромность, а ясное сознание своих помыслов, своей сущности.

Поэтому не налагайте на меня работы свыше моих сил и желания. Я попытаюсь бесхитростно описать путешествие свое от сохи, которую я еле вытаскивал на поворотах, мальчишеским инстинктом дойдя до применения рычага (привяжу к ручкам рогаля кушак, всуну туда голову, расставлю ноги, выпрямлюсь и подниму), до позднейшего путешествия по земле Якутской и Европейской. Расскажу, как основывал без денег предприятия, издавал «газету», как, назначенный наркомом финансов Якутской республики, выступал на сцене в роли «Иванова Павла», в пользу семей солдат (денег было трудно достать), состоя в высокой должности этой, клеил афиши о займе (ассигнования на расклейку не было, а рассылный Наркомата косился на дополнительную бесплатную работу).

Сейчас я, конечно, по-прежнему начинен проектами. Служу пока в тресте «Алданзолото», но чувствую, что там нужное сделал, а теперь государству выгоднее двинуть меня на добычу свинца, в котором так нуждается здешний край, добывающий пушнины до 2 мил. рублей в год. В июле выяснится вопрос об аренде мной моих рудников на полюсе земного холода. Возможно, что будущим летом я опять буду рыскать по Верхоянским горам, жадно вглядываясь в породу, в поисках ископаемых. В Орулганском хребте (между Леной и Яной), по рассказам ламутов, имеется рудное золото, авось и до него доберусь.

Заболел я теперь такими проектами:

1) Проведение дороги от бухты Эйкан в Охотском море к р. Мае, правому притоку Алдана, впадающего в Лену. Вопрос этот старый, и я только подталкиваю использовать такое счастливое географическое благо, как наличие судоходной реки в 200 верстах от Великого океана.

2) Создание из бесплодной пустыни нового сельскохозяйственного района — в долине среднего Алдана, между устьями Учура и Маи. На 300 с лишком верст имеются покосы и успешно существует у местных тунгусов, кое-где попадающихся по берегам, зачаточное земледелие. Не надо будет возить хлеб за тысячи верст, когда он может быть получаем вблизи золотопромышленного района (Алданского). А какие перспек-

тивы даст этот с.-хоз. район! Будет добываться золото и в таинственной стране — бассейне Учюра и на среднем Алдане.

3) Вывод строящейся теперь Амурско-Ленской колесной магистрали (это большое предприятие Москвы) не в Тосхаринскую станцию в 150 верст от Як[утска], как предполагается, а по Качикатской тропе к Покровке (85 верст от Якутска).

4) Основание нового грузораспределительного центра Якутии около Покровки, т. к. Якутск, построенный почти 300 лет тому назад казаками на наносном, болотистом бывшем острове, не годится для центра, а главное, от него ушла вода и поэтому Якутск не имеет постоянной пристани. Выше Покровки имеется идеальная речная пристань,— на большом протяжении берег твердый, каменный, доступный для пароходов во всякую воду.

С нетерпением жду обещанные книгу¹ и фотографию.

Радуюсь Вашей бодрости. Во мне живет уверенность, что до 80-го доживете. Я, приготовившись умереть когда угодно, тоже думаю дотянуть до 80. Полагаю, что желание, сопротивление в данном случае, будет иметь хотя маленькое значение.

Всем сознанием своим желаю Вам здоровья и бодрости. Крепко обнимаю.

Алек. Семенов.

А. М. Горький — Н. П. Семеновой

[Сорренто] 29 июня 1927 г.

Наташа! Сборник издавать в том виде, как он сделан,— нет никакого смысла². Такие сборники издаются Академией наук, но лишь тогда, когда они сделаны филологически умело и имеют научный интерес. А тут человек переписал якутские слова русским шрифтом и думает, что он что-то сделал. Совершенно неуместны эпитафии из русских поэтов. Отсутствуют комментарии. Вообще — это ни с какой стороны не интересно, со всех сторон неумело, и писать предисловия мне не к чему. Можно написать предисловие даже к уличному фонарю, к тумбе, а к

¹ Вероятно, Горький обещал прислать свой новый роман «Дело Артамоновых».

² Речь идет о предполагавшемся к изданию сборнике «Образцы народной поэзии саха́ров (якутов). Переводы с саха́рского языка Г. В. Ксенофонтова». Сборник в виде переплетенного альбома был подарен Ксенофонтовым Семеновым со следующей дарственной надписью: «В знак глубокого уважения Наталие Петровне и Алексею Алексеевичу Семеновым, неутомимым пестунам периодической печати в Ленском крае, своими неустанными трудами и материальными затратами вскормившим, вспоившим и поставившим ее на ноги. Теперь она уже зрелая невеста, скоро ей стукнет 20 лет.

И Вы оба вправе повторить по ее адресу экспромт великого Пушкина:

«Вашей славой, успехами в свете
Как няня старая горжусь».

(Извиняюсь, что цитирую с искажениями).

Бывший редактор органа Якутского [не разобр.] клуба (в 1906—07 г.) — «Саха—Кулуубун—Сэсэн».

Г. Ксенофонтов.

г. Иркутск, 25 февраля 1927 г.».

Этот альбом Семенов переслал Горькому с просьбой дать предисловие и помочь издать его. В альбоме наряду с переводами находятся и подлинники стихов на якутском языке, напечатанные русским шрифтом.

Посылая 5 апреля 1928 года приветствие Первому съезду литераторов Сибири, Горький использовал материалы этого сборника, включив в свое приветствие строфы из произведений якутских поэтов А. И. Софронова и П. А. Ойунского, отредактировав переводы Ксенофонтова.

этой штуке — нельзя. И затем: материала мало, автор перевода, видимо, не знаком со словарем якут. Посоветуйте ему показать эти переводы Тану Богоразу.

Что же Вы с А[лексеем] не дождались виз? Они вам посланы.
Всего доброго!

А. Пешков.

А. М. Горький — А. А. Семенову

Сорренто, 25 сентября 1927 г.

Очень обидно, дорогой Алексей Алексеевич, что мне не удалось видеть Вас. Римское посольство определенно сказало мне, что визы Вам и Наташе уже лежат в Москве, и я Вас ждал.

На мое письмо об «Якутском сборнике» ответа я не получил. Сборник этот — так, как он сделан, — никуда не годится. Сами судите: кому интересно читать якутские слова, написанные русскими буквами? Переводы же на русский язык сделаны плохо, т. е. плохим языком. И — причем тут эпитафии из русских поэтов?

Скажите: Браиловский и Упрыжкин — живы? Что они делают?

Пишете ли Вы автобиографию, ведете ли дневник? Это надобно делать. Будет интереснейшая книга. Необходимы книги, которые возбуждали бы трудовую энергию людей. У нас плохо понимают культурное значение труда, а теперь людям и пора, и совершенно необходимо понять, что они работают «на себя», как никогда еще не работали. История хочет видеть всех людей хозяевами, это ее логика, ее требование, и каждый человек должен почувствовать себя «государственной» силой, а не пленником, не рабом государства.

О себе — писать не стану, живу, как всегда, сидя за столом, никуда не езжу... Здесь Екатерина Павловна, приехала на родину жены Максима. Жарко, дует ветер из Африки «сирокко».

Если Вы весной будете в России, обязательно приезжайте ко мне. Хотя, возможно, что я сам поеду в Москву на лето, с мая по сентябрь, очень хочется видеть, что сделано за пять лет, прожитые мною здесь. Так что мы с Вами, может быть, встретимся в Москве. Не плохо?

Ну, будьте здоровы!
Всего доброго!

А. Пешков.

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Якутск, 20 января 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

С якутскими переводами Г. В. Ксенофонтова произошло, по-видимому, недоразумение: Вам попал на глаза якутский текст, напечатанный русскими буквами, а не русский. Автор переводов — б. доцент Иркутского университета, якут, человек с некоторыми странностями. Он утверждает, напр., что Э. К. Пекарский, якутский словарь которого уже много лет издает Академия Наук, плохо знает якутский язык, а разговаривать на нем уклоняется¹.

Прежде, чем посылать Вам тетрадку песен, я устроил в Москве, в комнате Наташи, на Татишевой, сличение текста якутского и перевода. На этой сличке присутствовали: Представитель Якутии при ВЦИКЕ И. Н. Винокуров, заместитель преда Г. Г. Колесов, директор Якутторга

¹ Георгий Васильевич Ксенофонтов (1888—1940) — по национальности якут, в 1912 году окончил юридический факультет Томского университета. После революции работал в Иркутском университете на кафедре археологии и этнографии. Автор работы о происхождении якутского народа «Уранчай сахалар» и ряда других книг.

(оказавшийся в Москве в то время) С. Н. Донской 1-й и завед. Иркутской конторы Якутторга (а теперь Колымской) М. Н. Тимофеев-Терешкин. Все четверо — якуты, двое с высшим, двое со средним образованием. Они нашли переводы до точности совпадающими с оригиналами, а главное, они отражают дух песен. Русским авторам, даже и академиком, сделать это труднее.

Таким образом, вопрос заключается в том — каковы же эти песни в русском переводе? Я, получив из Ялты книжку (посланную Вам), написал Ксенофонтovu о том, что посланного мало; он в ответ на это телеграфировал преду Якутии (меня в Москве не было): «поэзия не шоколад и фунтами не меряется». После он, приехав в Москву, извинялся передо мной за эту фразу. Я ему мягко ответил, что обидеть меня никто не может, т. к. я привык считать, что каждый человек действует в пределах отпущенных ему природой средств. Несмотря на этот инцидент с автором, я очень хотел бы, чтобы Вы в свободные минуты посмотрели на русский текст песен: м. б. в песнях маленького народа, закинутого в самое холодное место земного шара, найдется что-нибудь примечательное, нужное. Я пишу сегодня в Москву Винокурову (адрес Якутского Представ-ва при ВЦИКе — Садовая-Спасская, 16), прося его — если имеет — выслать Вам еще песен — только русский текст.

Зная, как дорого Ваше время, пишу о себе кратко. Живем мы с Наташей в крохотной избушке, наслаждаясь идиллией вигвама. Через месяц уедем на год на Верхоянский хребет, на рудники. Опрошение наше добровольное, а поэтому сладостное. Планы: 2½ года отдать на создание предприятия по добыче свинца и сдать его налаженным государству, а после податься в места, хотя бы не столь таежные, как полюс земного холода. Наташа намерена съездить к Вам через год. Всем сердцем желаю Вам быть здоровым.

А. Семенов.

Перестав выдвигать вопрос о необходимости перенесения Якутска (находясь на огромной реке, он не имеет удобной пристани, почва болотистая, вообще место неудачное), я занялся вопросами благоустройства города — раз приходится оставаться ему на старом месте — и это, вместе с верхоянским свинцом, прочно привязывает меня к якутам. Но и это не все. Пути сообщения Якутии — одно из самых слабых мест моих, моя болезнь. Вопросы колонизации, промышленности... ох, не выбраться мне отсюда! Работы-то сколько, а жизнь мала.

Ныне у нас почта с лета получилась только вчера. Несколько месяцев мы из-за бандитизма были отрезаны от центра.

Алексей Максимович! Пошлите мне, пожалуйста, хотя маленькую фотографию свою и Максима. Его я все еще представляю мальчиком, правда длинным не по летам (видел в Париже в 1912-м). Почта моя возится якутом на лошади от Якутска до устья Алдана, а дальше ламут на оленях доставляет на рудники.

Адрес: Якутск, Октябрьская, 47. А. А. Семенову.

Сердечный привет Вам и Максиму.

А. Семенов.

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Якутск, 12 декабря 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера привалила сентябрьская и октябрьская почта (сразу, в одной куче, после осенней распутицы), и, среди других писем, я получил письмо от нашего поэта П. Н. Черных-Якутского¹, который живет в Сергие-

¹ Петр Черных-Якутский (1882—1933) — поэт, начал писать в 1905—1907 гг.

ве. Он был у Вас 28 августа, вместе с бывш. наркомом просвещения Якутской республики Бояровым. Черных подробно описывает встречу, спрашивая — откуда могли знать Вы о поэме Ойунского¹ (теперешний нарком просвещения Якутии) «Красный шаман»?

Обещание, данное Вам в 1926 году, — писать книгу о моей жизни — я начал выполнять. С моей жизнью произошел опять интересный казус. Рудники перешли скоропалительно в казну до окончания срока аренды, а я, как бывший «предприниматель», теперь лишен голоса. Это меня мало смущает, т. к. дело не в форме, а в сути, а раньше я, будучи не бывшим, а настоящим предпринимателем, был в то же время Наркомом финансов Якут. республики и членом Якут. ЦИК. Все это анекдотично, но чуть не сплошным анекдотом была и вся моя жизнь. Теперь меня обидело лишение прав Наташи, которая со школьной скамьи, с 1906 года, имеет самостоятельный заработок. Это уже незаконно. При всей ненависти ее к бумажным документам, она насбираала их целую кипу и представила в избирательную комиссию, прося восстановить попорченную справедливость, веря, что она спит, а не убита.

Начиная с 1914 года, мы уменьшали свой прожиточный минимум. Ныне, когда жили на рудниках, вычеркнули из бюджета расход на топливо, таская дрова из леса, в свободное время, без затраты копейки. Сейчас живем в маленькой избушке и на еду, отопление и освещение тратим 65 руб. в месяц на двоих.

Я думаю, что в переживаемое нами время было бы нелепостью проявлять большие заботы о своем желудке и удобствах и поэтому ежечасно благословляю совершающееся. Благословляю главным образом за то, что «лишения» (действительных лишений нет, т. к. мы со смехом от удовольствия едим картошку и гречневую кашу — наиболее дешевые здесь припасы) закаляют нас, освобождают от многого, что загромождает жизнь. Теперь я служу караульным имущества концессии «Лена Гольдфильдс», сложенного в нашем дворе, и получаю за это 10 рублей в месяц. В 1913 или 1914 г. в издававшейся мною газете «Якутская Окраина» была напечатана в связи с Ленским расстрелом статья «Лена Гольдфильдс», и меня оштрафовали за нее не то на 100, не то на 200 руб. Теперь возможно, что сумму эту я верну путем зарплаты.

Жить теперь здесь интересно. Просыпается самосознание якутского народа, и революция доходит только теперь до захолустий улусов и наслегов. Забродили мысли в головах молодежи. Старики видят настоящее однобоко — со стороны разных неудобств в виде налогов и кризисов товаро-продуктных, — но молодежь жадно накинулась на учебу. На глазах — быстро развивается ее кругозор. Вот тут бы кстати надо было помочь Якутии экономически, и помочь с толком. Надо бы нам поставить на Лену два-три парохода современных, взамен стаскиваемого ежегодно на кладбище старья, а то дорог у нас, кроме зимних троп, нет и вся надежда на летнее пароходное сообщение по Лене и ее притокам. Старые купеческие пароходы, строенные без какого бы то ни было плана, теперь одряхтели и государственному хозяйству не под стать. А летнее снабжение на весь год нашего края требует заострения внимания прежде всего на этом.

С огромным интересом слежу я за центральной прессой. Какой большой натиск на наше перевоспитание! Хотелось бы, чтобы экзамен мы выдержали.

¹ Платон Алексеевич Слепцов-Ойунский (1893—1939) — поэт. По заданию Ем. Ярославского перевел на якутский язык «Интернационал», который в виде специальной листовки распространялся Якутским комитетом РСДРП. О поэме «Красный шаман» Горький знал от Семенова. В приветствии Первому съезду литераторов Сибири Горький очень тепло отозвался об Ойунском и процитировал строфы из его поэмы «Красный шаман».

Письмо это пишу Вам не для того, чтобы и Вы писали мне. Нет, я знаю, как дорого должно быть Ваше время. Я лучше приеду к Вам после и тоже с посягательством лишь на свободное время.

Летом я, возможно, получу повышение и из караульных попаду в контролеры пароходства концессии или же примусь за посадку картофеля, а м. б. поступлю на временные с.-хоз. работы к скопцам. Теперь у меня болят руки, помятые лошадьми на Верхоянском хребте, который я пересек за прошлое лето три раза; к весне руки поправятся. Чем бы ни был: пастухом, учителем, предпринимателем, наркомом, караульным — всегда интерес к миру будет заставлять забывать личные неудобства, и я надеюсь оставаться всегда жизнерадостным. Если же, паче чаяния, неудобства заслонили бы мир, тогда, конечно, оставалось бы только исчезнуть, без расходов для народн. хозяйства.

В бодрости моей, в вере в лучшее будущее, в уменьшении своих запросов к жизни сыграли большую роль Вы, Ал. Макс., и поэтому знайте, что всегда в моем сердце живет благодарность Вам. Искренно желаю Вам здоровья.

А. Семенов¹.

А. М. Горький — А. А. Семенову

Сорренто, 20 января 1929 г.

Дорогой мой Алексей Алексеевич.

Сегодня получил Ваше письмо, а вчера читал о Вас в книге Обручева «В горах Якутии». Обручев Вас назвал «фантастом» — для меня это почетное звание, хороший титул².

Черных у меня был, я договорился с ним о переводах с якутского для журнала «Советская страна», но — я уехал, а журнал пока ни с места.

Рад узнать, что Вы пишете автобиографию, что весьма похвально и нужно.

У меня к Вам — дело.

В Москве организован журнал «Наши достижения». Цель его: показать массовому читателю всю работу, которая сделана за десять лет и делается в наши дни; дать широкую картину культурных достижений, вообще рассказать обо всем хорошем. О плохом говорят много, и это — плохо. О хорошем хорошо говорить не умеют, это — вдвойне плохо.

Напишите: чего достигла Якутия за десять лет? Не возьметесь сами, найдите человека, который сумеет написать. Но — лучше, если напишете Вы.

Идет? «Даешь»? — как говорят.

Рукопись посылайте: Москва, Госиздат, Рождественка, 4, Петру Петровичу Крючкову.

Мой сердечный привет Наташе. Летом снова буду в России.

«Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сложить». Крепко жму руку.

А. Пешков.

¹ В начале письма Семеновым приписано: «А. М.! Прочитайте в свободное время».

² В книге «В неведомых горах Якутии» (ГИЗ. 1928 г., стр. 25) С. Обручев писал: «А. А. Семенов, крупный местный общественный деятель и отчасти фантаст, одно время Наркомфин Якутии, проектирует перенести Якутск в новое место, на 100 км. южнее, к упомянутой станции Тойон-ары, откуда уходит новая дорога на Алданские прииски. Там, на юрских утесах. можно будет строить небоскребы, которые, как думает Семенов, требует блестящее будущее Якутии».

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Якутск, 3 марта 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Думая о благах воздушного сообщения, производящего у нас разительный переворот, я внезапно «был озарен» мыслью: «А если бы Вам слетать ныне из Москвы в Якутск? Вылетайте в час ночи из Москвы, на рассвете — в Н.-Новгороде, вторая ночь проводится между Курганом и Новосибирском, а на следующий день в Иркутске. Летом возможна такая картина: утром вылетаете из Иркутска и вечером (летом здесь и ночью светло) приезжаете в Якутск. Со вторым самолетом прилетели сюда Обручев С. В. и одна наша знакомая, жена рабочего типографии, женщина простая. Оба они в восторге от путешествия. Отсутствие воздушных течений делает полет настолько покойным, что не чувствуется, как аэроплан плывет.

Если Вам будет дорожное время, можно пробыть здесь лишь сутки-двое. Одну из дорог Москва — Иркутск, переднюю или обратную, можно сделать по рельсам.

Как думаете — не интересное это путешествие? Не следует Вам сделать его? Если приедете в первую половину лета, Наташа улетела бы с Вами до Иркутска. Сибирь, Лена, Якутия стоят того, чтобы посмотреть на них, тем более, что затрата времени пустячная. Пожертвуйте десятком дней.

Мои соображения таковы. Вам надо проехать в наши дебри. К нам никто не заглядывает. Все не только живут, но и ездят около «центра», как принято говорить здесь. Сибирь, а в особенности Лена — это другой мир. Людей здесь мало, и им трудно бороться с суровой природой. Поэтому и люди здешние значительно отличаются от зауральских.

Я бы поставил вопрос так: Вы обязаны ехать. Простите за строгость, но строгим заставляет быть твердость сознания необходимости поездки. Я просил бы пока не упираться и не смотреть на поездку, как на нечто невозможное, а дальше размышления приведут к желанному выводу.

«Для усиления впечатления» на этом и заканчиваю. Подумайте о захватывающей картине полета над огромным пространством.

Будьте здоровы.

А. Семенов.

4/III — Письмо отправить воздушно прямо в Италию нельзя, и я направляю его через сестренку Наташину Клавдию Угловскую, студентку китайского отд. Института Востоковедения. Мать их (теперь находится в Мешете у дочки) говорит по-китайски, и Клавдии легко было научиться по-китайски.

Что бы ни говорили, а пленительна перспектива пролететь через Сибирь в Якутск в 2½ суток от Москвы! Имеющие уши слышать да слышат!¹

¹ А. А. Семенов не ограничился письмом к Горькому с предложением совершить перелет в Якутск. 4 марта 1929 г. он направил следующее письмо в редакцию газеты «Известия»:

«Мы, жители Якутии, являемся свидетелями переворота в сообщении нашем с миром. Организована воздушная линия Москва—Иркутск—Якутск, и теперь мы, вместо того чтобы ехать целый месяц до ближайшего вокзала, можем долететь до него в два дня, а летом — меньше чем в сутки.

Из газет мы знаем о предстоящем приезде в СССР А. М. Горького. Налаженная дорога из Москвы в Якутск возбуждает у нас желание видеть его в Якутии, где большие люди бывали раньше лишь поневоле.

А. М. Горький — А. А. Семенову

Сорренто, 8 апреля 1929 г.

Сударь мой, Алексей Алексеевич, Вы с ума не сошли?

Чтобы я полетел к Вам в Якутию? Даже прочитав книгу Обручева, я все еще не совсем уверен, что такой кусок мерзлой земли существует в действительности. А если и существует, так — зачем? Лучше-то не могли выдумать? И что интересное увижу я на этой якобы земле — снег? Снег выпал сегодня — 8-го апреля! — здесь. На горах, около Сорренто, он лежит и не тает более месяца. Вероятно, мы здесь будем иметь собственный ледник, как в Швейцарии или на Кавказе. Отсюда ясно, что в холоде я не нуждаюсь, вполне обеспечен. Сижу и работаю в меховых, самоедских сапогах, подаренных мне в Москве Еленой Малиновской¹.

Летать я не могу, ибо доктора не позволяют, — сердце не годится для полетов. Не могу и потому, что у меня спешной работы на 25 лет, а жить мне осталось, вероятно, года 2—3. Нет, благодарю Вас, товарищ, за приглашение, но к Вам не полечу, а в мае поеду в Москву. До сентября.

Воспоминания пишете? Если и не пишете, так это — преступно.

Затем: издается в Москве журнал «Наши достижения». Он будет выслан Вам. Ознакомьтесь с этим журналом, напишите-ко статейку в лист, 1½, даже 2 о культурных достижениях Якутии. Гонорарии получите р. 150 за лист. Годится. А статья — необходима нам.

Рукопись посылайте: Москва, Госиздат. «Наши достижения», Петру Петровичу Крючкову.

Наташа! Заставьте этого мечтателя писать. Слышал, что летом Вы будете в Москве, значит — увидимся.

Будьте здоровы. Оба. Не ругайтесь. Меня тоже не надо ругать, это и без Вас усердно делают внутренние и внешние эмигранты.

Крепко обнимаю и того и другую².

А. Пешков.

А. А. Семенов — Е. П. Пешковой

(Вторая половина 1929 г.)

Очень прошу переслать Алексею Максимовичу: сплыв лодке среднему Алдану посетив всех новоселов осмотрев благодатные места будущих полей пастбищ которых рассказывал 1927 Кремле получил Якутске телеграмму предполагаемых приглашений меня разработки деталей проекта

Просьба ко всем — помочь осуществить это желание.
Якутск, 4 марта 1929 г.

Якутянин А. Семенов.

Уважаемая Редакция!

Убедительно прошу о напечатании этого письма. Мы обращаемся к некоторым писателям с просьбой о содействии. Сам я пишу Алексею Максимовичу (я бывал у него на Капри в 1912 году), прося пожертвовать для Сибири и Якутии 10—12 дней.

С приветом А. Семенов (бывший нарком финансов Якут. республики). Из Ваших сотрудников знает меня З. В. Рихтер.

Мой адрес: Якутск, Октябрьская, 47. Алексею Алексеевичу Семенову.

¹ Елена Константиновна Малиновская — близкая знакомая Горького еще по Нижнему Новгороду. Работник Севморпути.

² В письме от 23 июля 1929 г. Семенов писал: «Я провалился с моим проектом полета Вашего над Сибирью и Якутией, но вот Петр Черных-Якутский пишет из Сергиева: «Содержание Вашего письма с проектом о перелете Алексея Максимовича из Москвы в Якутск привело меня в бешеный восторг. Если это даже безумие, то «безумству храбрых поем мы славу», и я готов всеми силами содействовать реализации Вашего проекта». Горячее одобрение проекта я получил и ныне, когда проплывал по Алдану около Учур, где сели на пароход приискатели».

Письмо Семенова от 23 июля 1929 г. Горький включил в свой очерк «О единице», выпустив этот кусок.

великого северного пути так же в вашем участии нем знайте готов отдать остаток жизни посильному участию этой работе мирового значения тчк Завтра переселяемся Алдан службу союззолото захваченный перспективами Алдана предполагаю остаться там помогать превратить жилое место теперешнюю плодородную безлюдную пустыню будьте здоровы привет вам Екатерине Павловне бабушке Максиму.

А. Семенов¹.

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Вилуйск, 25 мая 1931 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Читайте это лишь в «свободное» время (я имею представление о «свободе» этого времени), а не в рабочее, т. к. это письмо — информационное сообщение об одном из проектов, которыми я всегда начинен.

Себя я считаю «экономистом» ветхозаветного типа, стремящимся использовать примитивное наследие прошлого. Ветхозаветность моего направления я сознаю, но вместе с тем вижу, что она пока не только не пострадает, но даже торжествует. Причина — учет действительности.

Пример. В 1924 году я провел примитивную зимнюю дорогу от Лены к Алданским приискам (от Саняхтата). Теперь по этой дороге перевозится за зиму миллион пудов груза, а механизированная Амуро-Якутская магистраль — предприятие общесоюзное — не может справиться пока и с 200 000 пудов.

В 1924/25 же году я возбудил вопрос о необходимости проведения такой же примитивной зимней, санной дороги от Вилюя к Лене для вывоза на крупнейшие в Союзе Алданские золотые прииска товарной продукции сельского хозяйства Вилюя.

Только теперь я осуществляю этот проект. Из прилагаемой карты Вы увидите жизненность этой дороги². Огромная, длиною в тысячу километров, лесистая равнина, раскинувшаяся между Леной и Вилюем, пересекается нами поперечной линией пополам. Летом по этой линии пойдет с Вилюя на Лену, к Алдану, скот (быки и лошади), а зимой повезется

¹ Тогда же в письме от 25 июля 1930 г. Семенов писал Горькому:

«...Решение XVI съезда о переносе индустриальных центров ближе к сырьевым и топливным базам наполняет нас, сибиряков, трепетом: дремавшая тысячелетиями Сибирь (беру старое понятие о Сибири, со включением ДВО и Якутии) начинает просыпаться. А масштабы здешние, наши возможности — больше европейских. Следовательно, и результаты будут солиднее по размерам. Кузнецкий угольный бассейн, Ангарстрой, использование Байкала, использование Витимских порогов: Парамского и Делюн-Оронского, Мамская слюда, создание мировой золотой дуги Жуя—Бодайбо—Колар—Алдан—Колыма, Вилюйская соль, Курейский графит, Тунгусский уголь, в количестве, еще невиданном, рыба, звери и, наконец, сельскохозяйственные угодия — все это залог счастья человечества: на всех хватит. Обрезать себя во всем, отказывать себе в необходимом не будет надобности. Бедность исчезнет.

Свое назначение я вижу в помощи развитию Алданского района и, вместе с этим, выяснению данных, освещающих вопрос о направлении восточного выхода Великого Северного пути. Из сибирской литературы вижу, что проведение «настоящего» северного пути отсрочится: сначала проведется северо-сибирская магистраль, которая соединится за Байкалом, в Могоче, с Амурской ж. д. Значит, север обречен на ожидание. Сократить срок этого ожидания и будет моей работой. Я уже теперь заряжен. Для этой работы мне очень нужна поездка в Москву. Там я получу верное представление о сибирской действительности и направление, по которому нужно идти, для того чтобы ощутимее были результаты труда. А готовность работать у меня большая. Да и как утерпеть в такое, насыщенное великими работами время?!

С большой радостью прочел сейчас о предполагаемой организации новой области с центром в Иркутске. Это нужно. Ликвидация округов — тоже дело огромное по результатам. Время интересное. Умирать теперь не след».

² Карта не сохранилась.

мороженое мясо, рыба, дичь, молочные продукты, яйца, ягоды, внося благотворный корректив в сложное дело питания Алданских приисков.

Большая часть этой линии пролегает пока по безлюдной пустыне, но ныне же предполагаем населить на протяжении 500 километров до 20 семейств, и пустыня получит сплошную ниточку дороги. Это — наиболее отрадное для меня в работе. Я не знаю выше наслаждения видеть в пустыне человека и не случайного, не прохожего, а оседающего жить, собирающего наполнять ее звуками человеческого голоса.

Дело с созданием сельскохозяйственной базы на среднем Алдане (правый нижний угол карты) затянулось. Трое ходоков тамирян, моих односельчан из Забайкалья, испугались морозов здешних (зима ныне у нас была на редкость жестокая: больше -60°) и удрали домой. Но дело это большой важности и с-хоз. база, хотя и с отсрочкой, да будет создана. Если мы накопим там 400 000 пуд. сена, то на этом сэкономим ежегодно 1 600 000 руб. Это ли не заработок! А хлеб, а остальное?!

Забившись в Вилюйск, я, по-видимому, так и не смогу повидать Вас ныне, т. к. пути сообщения здесь первобытны. Вернее — их почти нет. Почта из Москвы идет 3—5 месяцев (газеты от 18—20 июля получены были здесь 25 декабря!). Вот уже скоро месяц, как мы не знаем, что творится в мире, т. к. агентские телеграммы получаем лишь почтой из Якутска.

Вчера, в день отдыха, я ушел днем на Вилюй, смотреть ледоход и загляделся — не смог оторваться от берега четыре часа. Пели первые пташки, пахло набухшими почками. Вернулся в «город», старик разносчик телеграмм говорит: «потерял я тебя сегодня. Иди на радио — петь надо». Прихожу в старенькую хибарку, громко называемую радистом: «Вилюйский трансляционный радиоузел». Кроме докладчика по вопросу о посевной кампании, сидят трое ребят: один со скрипкой, второй с мандолиной и третий с гармошкой. Закатывают в антрактах песни, «вальсы и марши». Мне пришлось взять на себя вокальную часть. Разыскали гитару. Аккомпанирую я неважно, но надеяться было не на кого. Среди номеров я исполнил «Неаполитанско-вилюйскую песенку», сложенную мною весной. Привожу ее. Только Вы, пожалуйста, не обижайтесь за Неаполь. Был в нем я давно, и у меня остались в памяти попрошайка, монах, которого я хотел ночью сбросить в море на Санте-Лючии (конечно, хотел только напугать его, чтобы отвязаться, и, боясь расхохотаться, медленно наступал на него, засучивая рукава, кинематографически вращая глазами, и кое-как дождался того момента, когда он наконец-таки испугался и побежал от меня. Помню, когда детина, прогивший сольди на макароны, запустил мне в голову куском камен[ного] угля. Помню и грязь в узеньких улочках). Итак:

Неаполь чудный,
Вилюйск чудней;
В пять раз ленивей,
В десять грязнее.
Живет в лесу он —
Зимой дров нету.
Долой жизнь эту,
Долой жизнь эту!

На лед, на реку,
Навоз здесь валят,
Берут тут воду
И пьют да хвалят.
Болезней всяких
Готовят к лету,
Долой жизнь эту,
Долой жизнь эту!

В читальню двери
Замком закрыты:
Зачем читать, мол,—
Лишь были б сыты.
Пора усвоить
Нам мысль такую:
Долой жизнь эту,
Начнем другую.

В нардоме здесь есть пианино. Судьба послала умеющую играть — молоденькую девицу-аптекарьшу. Ноты меня стесняют, тем более, что аптекарша музыкант строгий, но приходится натужиться во имя общественных интересов. Организуем дуэты и трио.

Таким образом, мне приходится быть не только доморощенным экономистом, но певцом и даже пиитой, стараясь и виршами помочь стране, где и хомут не везде еще выдуман.

Наташа теперь в Хабаровске. Зовут меня в Тихоокеанский край. Я не прочь поехать лет на 20 в Камчатку (кратковременного гастролерства не люблю). Но еще не решил — какой окраине отдать конец жизни.

Горячий привет Вам, Екат. Павл., бабушке и всем домашним. С удовольствием вспоминаю поездки в Барвиху.

Крепко обнимаю Вас.

А. Семенов.

Внушенную Вами необходимость писать я постоянно чувствую, да вот жизнь-то за последние годы протекает в скитаниях.

А. А. Семенов — А. М. Горькому

Якутск, 20 марта 1935 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу Вам с попутчиком т. Рябчиковым, едущим из бухты Тикси в Москву.

Осенью я написал краткое описание условий своего путешествия из Москвы в Якутск и, написав, сам забраковал и Вам не послал: слабовато и даже больше, чем слабо. А путешествие было курьезным: начал я с мягкого вагона, в Иркутске был выдан документ — брать моторные лодки и вообще пользоваться всяческими удобствами, а когда, постепенно понижаясь в отношении удобств, доехал на карбазе, груженном железом, до Олекминска за теплоходиком, то всем пассажирам предложили: если желаете ехать в Якутск, то поступайте сплавными рабочими. Я, конечно, поступил и через два дня привык бить веслом исправно и долго. Невольно вспомнил анекдот о похоронах по третьему разряду, где покойник должен сам править лошадью. Но все хорошо, что хорошо кончается. Хотя мы сели в 17 километрах от Якутска на мель, но вскоре за мной приехали, и я — дома.

Алексей Максимович!

С Ленской дорогой железной, по-видимому, дело все же затянется. 3—5 лет по нынешним темпам даже для нас, захолустников, кажется большим сроком, а поэтому я прошу Петра Петровича сделать Вам сообщение о более простом способе помочь нам в нашем бездорожье постройкой автозимника Залари или Тыреть — Жигалово.

В этой дешевой дороге я вижу подобие моего детища — Виллюе-Иситского гужевого зимника, с тою лишь разницей, что Жигаловский автозимник принесет пользу в 50—100 раз больше, чем Виллюйский.

А работа последнего радует. Пустыня безлюдная пересечена ниточкой дороги. Через 20—30 километров — зимовье с теплом и светом. Лошади обеспечены сеном. За эти годы дорогу удалось немного сократить — с 565 до 540 километров. Целую зиму по дороге движутся обозы с мясом, маслом, рыбой, молоком, дичью, яйцами и ягодами на Алдаи.

Когда проводили дорогу, то вечером к палатке рабочих подошла лисица и стала лаять на людей. Она, по-видимому, никогда не видала их и думала, что напугает и они уйдут, но, бедная, жестоко поплатилась за свое невежество: тут же у костра люди застрелили ее.

Дела нашего предприятия — Якутзолототранса — идут хорошо: выполнение плана стопроцентное.

В 1936 году у меня будет отпуск, и я думаю побывать на Алтае и в Средней Азии. Своим знакомым в ОПТЭ я уже написал, прося составить маршрут почтенных размеров, рассчитанный на нас, сибиряков.

Я очень прошу Вас обратить внимание на дорогу к Жигаловой, помня в то же время и о железной дороге на Лену, дороге, которая произведет Переворот в нашем хозяйстве.

Искренно желаю Вам здоровья. Сердечный привет Вашим, кого я знаю уже немало лет.

А. Семенов.

Мне 6-й десяток, а все еще кажется, что главная часть жизни — впереди. Так, по-видимому, устроен человек. Потешно, если посмотришь глазами разума!

Публикация Архива А. М. Горького. Тексты очерка «О единице», воспоминаний А. Семенова «На Капри у М. Горького», писем А. М. Горького и А. А. Семенова подготовила к печати **И. В. Дистлер**, научный сотрудник Архива. Ей принадлежат и примечания к очерку Горького и его переписке с Семеновым.

В. ПОЗНЕР

★

МЕСТО КАЗНИ

Владимир Познер — французский писатель-публицист — уже знаком читателям «Нового мира». На страницах журнала несколько лет назад была опубликована его книга об американском образе жизни «Кто убил Баррела?». Не так давно вышла новая книга В. Познера — об Алжире.

В кратком предисловии автор пишет, что очерки, составляющие эту книгу, основаны на подлинных фактах. «Я знал большинство людей, о которых пишу, беседовал с ними, читал их письма и записные книжки, расспрашивал их близких, их друзей. Я лишь опустил некоторые имена, некоторые даты и цифры, чтобы избавить от возможных репрессий людей, не находящихся в безопасности. Я старался выбрать как можно более разнообразные материалы в надежде, что их совокупность прольет новый свет на конфликт, о котором, когда появится эта книга, можно будет сказать, что он длился дольше, чем первая мировая война, и стоил Франции и Алжиру больше человеческих жизней, чем вторая».

Из книги В. Познера «Место казни» мы публикуем четыре очерка.

История одной любви

Завоевание Алжира имело смысл лишь постольку, поскольку оно было выгодно завоевателям. В прошлом веке это охотно признавали, и потребовалась утонченная чувствительность нынешнего, чтобы утверждать обратное. Пусть те, кто сомневается в этой истине, поразмыслят о следующем: через семьдесят пять лет после завоевания французские колонисты обрабатывали большую часть земель на равнине и в долинах, а их исконные владельцы, арабы и кабилы, оттесненные в горы, ковыряли каменистую почву. Это предвидел еще маршал Бюжо, писавший в 1846 году: «Чтобы основать в Алжире европейское общество, мы будем вынуждены скучить арабов, что нанесет ущерб их благосостоянию и совершенно изменит их сельскохозяйственный уклад».

Легко проследить, как на протяжении многих десятилетий происходило это с к у ч и в а н и е — его последствия и поныне сказываются во всем, ибо оно отразилось на жизни всех алжирцев, будь то мужчины или женщины. Без него история Зоры была бы не столь волнующей, не столь показательной — короче, если верно, что у счастливых народов нет истории, ее не стоило бы, говоря словами Шехерезады, знавшей в этом толк, записывать иголкой в уголке глаза в назидание тем, кто пожелает извлечь из нее урок.

Зора родилась спустя примерно семьдесят пять лет после завоевания Алжира в дуаре Хаджаджен в Малой Кабилии, на границе с Большой. Она была предпоследней из семи детей — трех мальчиков и четырех девочек — и при рождении была названа Руидой; имя Зора принадлежало одной из ее сестер, и лишь позже ей суждено было унаследовать его.

Семья жила тогда в достатке: у нее было поле и кое-какая живность. Люди и скотина ютились вместе в крытом соломой глинобитном доме из

трех комнат без дымохода и окон. В земляном полу одной из комнат было сделано углубление, где разводили огонь, чтобы в ненастную погоду, когда дождь или ветер не позволяли разжигать огонь на дворе, готовить пищу на металлической решетке, а зимой обогреваться; дым поднимался под потолок, образуя синеватое облако. Кроме решетки, из утвари в доме было еще несколько глиняных кувшинов, в которых хранились продукты, одеяла, грубые простыни из небеленого холста, миски, деревянные ложки, вилки и кухонный нож.

Вокруг теснились другие лачуги — они кучками были рассеяны по всему склону холма. Деревня находилась на высоте восьмисот метров над уровнем моря, и со всех сторон ее окружали высокие горы. Единственным выходом из селения, как бы замкнутого в самом себе, служила узкая проселочная дорога, одна из тех дорог, которые породили кабийскую загадку: «Кремнистые-каменистые, из округи не выходят, никуда не приводят». Дорога из дуара Хаджаджен, правда, приводила, петляя, в городок Сиди-Аих. По прямой до него было каких-нибудь пятнадцать километров, но тем, кто отправлялся туда верхом на лошади или на осле, а чаще всего пешком, приходилось пускаться в путь спозаранок, если они хотели засветло добраться до места. Сторона эта была глухая, лесистая, и в начале века такое путешествие было небезопасно. Как писал один кабийский поэт того времени:

Тот, кто гол и бос, в нищете возрос,
Гонимый нуждой, идет на разбой
И, скрываясь в лесах, живет, как повстанец.

Короче, хаджадженцы отправлялись в Сиди-Аих, когда им не оставалось ничего другого, — например, когда нужно было обратиться к единственному в округе врачу, который ни при каких обстоятельствах не утруждал себя визитами. К нему ездили только в том случае, если больной был в тяжелом состоянии и его семья могла заплатить за лечение, а таких семей было не много: больше половины жителей деревни не имело земли и жило подаяниями. Но даже более или менее обеспеченные люди решались на такую поездку лишь в случае крайней необходимости. У Руиды, которую тогда еще не звали Зорой, в детстве все тело было покрыто струпьями, а глаза гноились, как и у большинства ее сверстниц. Когда она родилась, родители прокололи ей мочки ушей и, чтобы предохранить от заражения глаза, промыли их материнским молоком. Что еще они могли сделать? У них, правда, было поле и скотина, но, кроме Руиды, у них были еще три дочери и три сына. Вековой опыт научил их тому, что ни одно существо не умирает так легко, так внезапно, как ребенок, в особенности если он очень мал; он вдруг падает — и умирает, принимается плакать — и умирает, и матери остается только одно: в свою очередь плакать. Так умерли один из их сыновей и одна из дочерей, та, которая первой получила имя Зоры. Кто знает, отчего гибли дети? Быть может, от голода: ведь чаще всего умирали они в голодные годы — это, правда, не относится к безземельным семьям, не зависевшим от урожая; там детская смертность была более постоянной.

Руида, носившая теперь имя и одежду своей умершей сестры, выросла, несмотря на струпья и гноящиеся глаза. Ее родителям посчастливилось: люди обеспеченные, они потеряли только двоих из семерых детей. Выживших они кормили бобами, манными клецками и кускусом¹; в холода малышам, которые обычно бегали босиком, завер-

¹ Кускус — национальное кушанье из мяса, теста и сладкой подливки (араб.).

тывали ноги в козьи шкурки, обвязывая их бечевками. И мальчики и девочки носили зимой и летом стянутые в талии широкие рубахи с короткими рукавами.

Одетая таким образом, новая Зора отправлялась с матерью в поле, пасла скотину, собирала желуди, фиги, оливки и с глиняным кувшинчиком ходила по воду к роднику. Она любила играть в пуговицы, в бабки, в камешки, а каждый вторник родители приносили ей с рынка сахарную куколку, розовую или зеленую, величиной с ладошку, и девочка, прежде чем съесть, закутывала ее в лоскут и, напевая, баюкала на руках. Она любила петь, одна или с подругами, когда они вместе пасли в горах овец или рвали цветы. Вечером, перед тем как отправиться домой, они набирали по небольшой вязанке хвороста, которую, удерживая в равновесии, несли на голове, величаво выступая, словно маленькие степенные женщины.

Когда Зоре исполнилось десять лет, она пошла к деревенской татуировщице. Она принесла ей фиги и виноград. С замиранием сердца, вытаращив глаза, девочка следила за старухой, которая, проведя пальцем по закопченной кастрюле, намазала ей лоб сажей и, вооружившись колючкой кактуса, вонзила ее в кожу. Зора подавила крик.

Татуировщица короткими легкими колами наносила ей на лоб привычный рисунок, даже не глядя на свою работу. «Только бы она не ошиблась,— думала девочка,— только бы звезда была как раз посредине лба». Но она не решалась ничего сказать и боязливо смотрела на красную от крови тряпку, которой старуха обтирала ей лицо.

Через час все было кончено. Заглянув в маленькое зеркальце татуировщицы, девочка увидела чужое, распухшее лицо с лихорадочно блестящими глазами. Старуха не ошиблась — голубая звезда находилась на своем месте, на середине лба. Зора была уже не ребенком, как ее подружки, а взрослой девушкой, и ей был не страшен дурной глаз.

Через день у нее прошел жар, потом исчезла опухоль. Татуировка осталась, неизгладимая: тридцать лет спустя, когда Зора захотела избавиться от нее, ей не удалось вытравить рисунок, словно он пустил корни; до конца ее жизни все будут сразу узнавать в ней кабильскую крестьянку.

Из года в год все больше становилась вязанка хвороста, которую она несла на голове, все тяжелее кувшин с водой и все четче граница между работой и играми. В двенадцать лет она уже почти не играла, в четырнадцать еще пела, но только за работой.

В пятнадцать лет она была проворной девушкой небольшого роста с маленькими, но сильными руками и ногами и крепкими мускулами, несмотря на детскую пухлость, округлявшую ее фигуру и смягчавшую овал лица, озаренного большими миндалевидными глазами, такими черными, что зрачок сливался с радужной оболочкой,— их не смогли испортить ни болезнь, ни дым, которым был вечно полон отчий дом. Татуировка украшала ее лоб звездообразным крестом, а крылья тонкого прямого носа — звездами поменьше, благодаря которым он казался еще тоньше; рисунок из горизонтальных и вертикальных штрихов, перемежающихся геометрическими фигурами и похожих на цепочку с подвешенными на ней медальонами, начинался под самым ртом — у Зоры он был крохотный,— спускался по подбородку и шее, где расширялся, образуя подобие ожерелья, и терялся между грудями, высокими, округлыми и упругими. С волнистой линии, вытатуированной на левом запястье, казалось, свисал заштрихованный ромб — точь-в-точь полубраслет с кулоном; и весь этот орнамент, голубой, как вены, разве только чуть более темный, подчеркивал нежность кожи. В ушах у Зоры были золотые кольца серег.

Украшенная таким образом всеми своими драгоценностями, Зора каждый день — утром, в полдень, после обеда и вечером — ходила за водой к роднику. Он находился в километре от деревни; тропа, ведущая к нему, извиваясь, поднималась в гору, затем спускалась, сворачивала вправо и разделялась на две стежки, из которых левая и приводила к источнику; дойти до него занимало добрую четверть часа, а вернуться с полным кувшином — и того больше. Из всех дорог на свете Зора эту знала лучше всего, потому что с самого рождения — сначала на руках у матери, потом рядом с ней, наконец одна — двигалась по ней. Никогда она не пропускала этого ежедневного свидания с источником, являясь на него с такой же естественностью, как сама вода. Легко понять, каково было ее удивление, когда однажды летним утром мать впервые — а Зоре было уже пятнадцать лет — позвала ее и велела идти к роднику.

К кувшину, предназначенному для ношения воды, была привязана веревка на манер лямок, и Зора, удивленная, но послушная, продела в нее руки и слегка тряхнула плечами, желая убедиться в том, что кувшин ладно держится на спине. Потом она двинулась в путь, стройная, крепкая, миниатюрная.

Земля ласкала ноги утренней свежестью, пели птицы, и на освещенные солнцем поля падали тени смоковниц и олив, а вдоль тропинки скользила двойная тень — Зоры и ее кувшина, который намного вышался над ее головой.

По той же дороге и с тем же грузом шли другие женщины, молодые и старые, и чем ближе к роднику, тем их становилось больше. Им навстречу медленным и мерным шагом, наклоняясь вперед и напрягая мускулы, шли вереницей женщины, несшие воду. Это было повседневное, привычное зрелище, на которое Зора уже не обращала внимания.

Однако, когда в последующие месяцы она вспоминала этот день, ей казалось, что он был не похож на другие, что и она сама была не такой, как всегда; она словно бы предчувствовала неизбежность решающего события, разгадала тайный смысл вмешательства матери, но испытала от этого не мимолетное удивление, а глубокое чувство счастья. Несколько лет спустя она была уже менее уверена в этом; потом, поскольку время шло, а счастье все не приходило, стала думать об этом не больше, чем думала в тот день, когда, не подозревая, что ее ждет, направлялась к деревенскому источнику.

У родника в небольшом углублении, прикрытом навесом и окруженном деревьями и кустарником, зимой вода всегда была в изобилии, но летом источник наполовину иссякал. Зоре пришлось долго ждать сперва своей очереди, а потом — пока наполнится кувшин. Когда он наполнился до краев, Зора, которая искоса следила за ним, болтая с соседками, наклонилась, продела правую руку в одну из лямок, рывком подняла с земли свою ношу, надела вторую лямку и направилась к дому. Теперь она шла медленным, мерным шагом, наклоняясь вперед и напрягая мускулы, и когда спотыкалась о камень или корягу, вода в сосуде всплескивалась и брызги ее попадали на затылок и плечи Зоры. Тропинка вилась меж пробковых дубов; на опушке леса Зора снова нашла свою тень, которая следовала за ней по пятам, тоже замедлив шаг и тоже наклоняясь. Тень проводила ее до дома, и там они обе избавились от кувшина, потеряли наболевшие плечи и принялись готовить еду. Родители были в поле, и Зора давно забыла о словах матери и о своем собственном удивлении, так что даже не поняла, о чем идет речь, когда немного погодя ее двоюродная сестра, которая была чуть постарше Зоры, отвела ее в сторонку и с видом заговорщицы осведомилась:

— Ты его видела?

— Кого? — спросила Зора.

— Ах да, ты не могла его видеть, он ведь спрятался, чтобы посмотреть на тебя, — ответила та и рассказала все, что знала.

Юноша по имени Саид, наблюдавший за Зорой без ее ведома, был родом из дуара Тимезрит; дуар этот находился к северу от Хаджаджена и славился своим железным рудником. Саид работал на этом руднике с семнадцати лет. Сначала он был подручным в штольне, а через два года стал проходчиком и решил жениться.

По обычаю кабилов, мать семейства сама выбирает своих будущих невесток и предпочтительно в собственном селении, из дочерей родственников, друзей и знакомых. Если на месте она не находит девушки, которая была бы ей по нраву, она обходит ближние деревни, ищет, присматривается, иногда останавливает на дороге понравившуюся ей девушку, узнает, свободна ли она, справляется о ее семье, под каким-нибудь предлогом заходит к ним в дом, но отказывается от угощения, чтобы пока ничем не связывать себя. Смотря по тому, мягкая она женщина или властная, покладистая или ревнивая, она выберет либо жену для сына, либо невестку для себя, которая не похитит у нее сердце мальчика. Найдя девушку, удовлетворяющую ее требованиям, она привлечет к делу мужа, а жениху, последним поставленному в известность, в лучшем случае будет позволено издали и тайком посмотреть на незнакомку, с которой ему предстоит прожить жизнь.

Саид был сиротой. Его отец женился вторично на тетке Зоры. Эта женщина, когда ее пасынок заговорил о женитьбе, сказала ему:

— У меня есть очень красивая племянница. Если ты хочешь составить ее счастье, мы на этой же неделе начнем сговариваться с ее родителями.

Саид согласился, и его отец отправился к отцу Зоры. Они встречались несколько раз и обсуждали вопрос о приданом. Тут играли роль и материальные интересы и самолюбие, а также традиция, и переговоры затянулись. Наконец дело было улажено к удовольствию обеих сторон. Между тем Зора об этом ничего не знала.

И вот теперь она почувствовала радость, но также и запоздалый стыд при мысли о том, что Саид тайком наблюдал за ней; если бы она знала об этом, то не согласилась бы пойти к роднику. Ее интересовало, видел ли он ее тогда, когда она шла к источнику легким и быстрым шагом, или же когда она возвращалась домой, сгибаясь под тяжестью ноши; убедился ли он в ее красоте, или же в ее выносливости, или и в том и в другом, если он спрятался возле источника и видел, как она пришла и ушла. Ее двоюродная сестра ничего об этом не знала.

— Тебе повезло, — сказала она. — Он из богатой семьи.

Она сообщила точные сведения о полях и виноградниках, которыми владел отец Саида, и Зора выслушала ее со вниманием: речь шла о ее счастье. Она не была корыстолюбива, и ее двоюродная сестра тоже, но обе знали, что родителям Зоры при их хозяйстве не прокормить семьи. Время от времени им волей-неволей приходилось продавать участок в несколько квадратных метров или что-нибудь из живности, чтобы свести концы с концами. Урожай снижался, урезанное поле давало хлеба меньше прежнего, и снова приходилось что-нибудь продавать. Когда Зора была маленькой, ее родители имели кое-какую скотину, на которой они пахали землю, потом им пришлось нанимать тягло у соседей, наконец им уже почти нечего стало обрабатывать. Мало-помалу они продали все, что имели, и к тому времени, когда Зора вышла из детского возраста, увеличили собою число безземельных крестьян: начатое сразу после завоевания Алжира «скучивание» все еще продолжалось девяносто лет спустя. Зора и ее сестра не учили истории, но, как и все дети их

страны, знали, что счастье не голодать превосходит всякое иное счастье. Слушая рассказ о богатствах семьи, в которую ей предстояло войти, Зора сказала себе, что ей действительно повезло, и почувствовала еще большую радость.

Мать тоже заговорила с ней о безбедной жизни, которая ее ждет. Она объявила Зоре, что та выйдет замуж за Саида, но и словом не обмолвилась о том, для чего она послала ее тогда к роднику, и Зора сделала вид, что ничего не знает. Зато мать наказала ей отныне следить за собой так, словно она уже замужем, иначе все может расстроиться, а где она тогда найдет такого прекрасного жениха?

По кабилским обычаям, бракосочетание совершается в два этапа: между сговором и вступлением новобрачной в дом мужа может пройти несколько дней, несколько месяцев или несколько лет. В течение этого промежутка, который называется «эль м'лак», обрученная — в одно и то же время замужняя женщина и девушка — остается у своих родителей, а родители ее жениха-мужа навещают их, чтобы лучше узнать ее и убедиться в том, что она достойна их сына. Она по-прежнему занимается домашней работой, ничто в ее жизни не меняется и тем не менее она знает, что все изменилось: она должна непрерывно следить за собой, за своей осанкой, своими жестами и даже взглядами и в течение всего времени, пока длится испытание, опасаться неудачи, словно куколка, не уверенная в том, что станет бабочкой.

Каждый месяц отец и мачеха Саида приезжали в гости к родителям Зоры. Согласно обычаю они привозили подарки: платье, шейный платок, пирожки. Обычно гости проводили у них день. Зора подавала чай, кофе, сласти. Она не вмешивалась в разговор. Видя, как она бесшумно проходит по комнате, опустив глаза и сжав губы, можно было подумать, что она ни о чем не подозревает.

Гости искоса наблюдали за ней, особенно пристально женщина: она была лишь мачехой Саида и должна была доказать, что способна на такое же бескорыстие и такую же заботливость, как родная мать. Кроме того, невеста приходилась ей племянницей и благодаря ей вступала в выгодный брак. Старуха непрерывно присматривалась к ней, чтобы удостовериться в том, что она проворна, вежлива, хорошо воспитана, деловита — короче, что она была бы достойна такого жениха, даже если бы и не была ее родственницей, даже если бы Саид был ее родным сыном.

Чувствуя, что с нее не спускают глаз, Зора терялась, и порой поднос начинал дрожать у нее в руках. Мать приходила ей на помощь. Она была признательна двоюродной сестре за то, что та содействует выгодному замужеству Зоры, она понимала шепетильность старухи, но была полна решимости добиться того, чтобы свадьба состоялась. Пока женщины вели свое осторожное сражение, мужчины беседовали. Отец Саида находил свою будущую сноху красивой и был доволен.

Испытание длилось полтора года.

С того времени, когда был назначен день свадьбы, Зора почти не выходила из дому — разве только по воду к роднику. Одетая в свое самое старое платье, она, как требует обычай, ходила в затрапезном виде, чтобы в день свадьбы выглядеть особенно красивой. Она занялась укладкой своего приданого; помимо одежды, оно состояло из тюфяка, двух подушек, мутаки¹, двух вышитых шерстяных одеял и четырех простынь. Получила она в приданое согласно традиции и драгоценности — пусть дешевые, дутые, но золотые: серьги, браслеты — по два на каждое запястье и по одному на каждую лодыжку — и ожерелье. Наконец, родители дали ей сундук, чтобы она могла увезти свое добро.

¹ Мутаки — подушка-валик (араб.).

Они вконец разорились, угошая, как положено, весь дуар. Были жарены два целых барана, изготовлено множество кускуса и сладостей. Оркестр из трех музыкантов играл без остановки, певец исполнял арабские и кабилские мелодии, все ели и пили кофе, все подносили Зоре подарки.

Когда пиршество уже подходило к концу, в деревню ворвалась кавалькада — десятка три одетых по-праздничному и вооруженных ружьями молодых парней, с пронзительными криками стрелявших в воздух. Это были друзья Саида, приехавшие за его невестой. Они тоже привезли подарки.

Зора надела все свои драгоценности и белое шелковое платье с длинными широкими рукавами, на которых были вышиты белые цветы. Лицо ее скрывали два больших покрывала, едва пропускавшие свет. Обутая в туфли на каблуках, в которых с непривычки ей было больно ходить, она села на лошадь. Двоюродный брат вскочил на круп позади нее, чтобы ее держать, друзья Саида окружили их, и свадебный кортеж двинулся.

Зора впервые покидала дуар, где она провела детство и отрочество. Она еще никогда не видела скакалки, мяча, серсо, кеглей; карандаша, куска мела, грифельной доски; оконного стекла, дымовой трубы, водопроводного крана, электрической лампочки; книги, письма; пеленки, термометра, пузырька с лекарством; она никогда не встречала почтальона, врача, школьного учителя.

Протоптанная мулами тропинка, которая ведет из Хаджаджена в Тимезрит через Адрарский лес, на протяжении двадцати километров то поднималась в гору, то спускалась. Покрывало мешало Зоре видеть места, которые были ей еще не знакомы. Она поняла, что приехала, снова услышав выстрелы. Они сливались в сплошной треск: каждый из друзей Саида потратил в переводе на нынешние деньги¹, должно быть, тысяч десять франков на одни только патроны.

Так же как родители Зоры угощали дуар Хаджаджена, родители Саида потчевали жителей Тимезрита. В их доме было полным-полно народа, и приглашенные, которые не нашли там места, расположились во круг, у соседей. Пир давно начался и должен был длиться еще несколько часов. Непрерывно играл оркестр, и певец исполнял кабилские и арабские песни. Он пел всю ночь — никто не спал.

Сидя в одной из комнат своего нового жилища, Зора слышала голоса, смех, крики, пение, музыку. За незабываемо прекрасным днем последовала еще более прекрасная ночь. Яркий свет луны заливал комнату. Зоре навсегда запомнились полученные ею подарки, выстрелы, мед, который ее мать ради такого исключительного события положила в соус кускуса. Все это делалось для нее, и лунный свет был тоже для нее. Она была счастлива, она радовалась, как ребенок, да она и была ребенком.

В эту ночь она впервые говорила со своим мужем. Они остались одни, и Саид снял с нее покрывало. Зора немного не доставала ему до плеча. У него были такие же черные глаза, как у нее, высокий лоб, скуластое лицо, темные волосы, маленькие для его роста ноги, длинные кисти рук, производивших впечатление скорее ловких, чем сильных. Но на самом деле он был очень силен. Через неделю он ушел на военную службу.

Служить ему надо было два года. Зора осталась в семье мужа, в Тимезрите. Над селением господствовал рудник. Подвесная дорога связывала его с проходившей в нескольких километрах от Тимезрита

¹ Речь идет о стоимости франка до последней его деноминации.

железнодорожной веткой. Управляющий и несколько французских служащих жили на руднике, и Зоре никогда не случилось с ними встречаться. Зато в Тимезрите она впервые увидела школу. Так же как ее братья и сестры и все дети ее дуара, она никогда не училась, не умела ни читать, ни писать, не понимала ни по-французски, ни по-арабски, а только по-кабилски.

Дом ее свекра был больше и удобнее отцовской лачуги. Там спали не на земле, а на тюфяках. У Зоры теперь был свой тюфяк, который купил для нее отец, чтобы ей не пришлось краснеть перед чужими людьми; на него она вечером сваливалась без сил. Она стряпала на всю семью и на поденщиков; во время уборки урожая ей приходилось кормить двадцать — тридцать человек. Когда было слишком жарко, она стряпала во дворе, разведя костер и укрыв его от ветра. Зимой она разжигала огонь в яме, вырытой в земляном полу одной из комнат, и, положив на нее решетку, ждала, пока пламя начнет лизать горшок. Порой она подолгу следила за игрой света и теней своими черными глазами, в которых радужная оболочка сливалась со зрачком и которые не слезились от дыма, окутывавшего ее синим облаком.

У нее редко выдавалась свободная минута. Поднявшись первой, в пять часов утра, она готовила завтрак мужчинам, отправлявшимся в поле. Как только они уходили, надо было накормить семью, вымыть посуду, убрать комнаты. Едва кончив наводить чистоту в доме, она должна была опять приниматься за стряпню — готовить полдник, а потом обед и ужин. Когда она в последний раз ополаскивала тарелки, они едва не падали у нее из рук: она засыпала стоя. И все же Зора предпочитала такое существование жизни, которую она вела у родителей: здесь она ела досыта.

Однако она не знала, как ей ухитриться очистить все овощи, приготовить весь кускус, подмести пол во всех комнатах, вымыть всю посуду. Ее тетка, ставшая теперь ее свекровью, вывела ее из затруднительного положения.

Старуха не хотела навлечь на себя упреки в том, что взяла в дом родственницу, которая не только бедна, но еще и плохая хозяйка. К тому же она жалела племянницу. Она заметила, что та не отваливает от работы, а, напротив, хлопочет с утра до вечера, только слишком часто ее взгляд блуждает вдаль, на губах играет легкая улыбка, и рука, сжимающая нож или тряпку, замедляет движение и повисает в воздухе. Свекровь решила, что эта мечтательность, время от времени нападающая на невестку, проистекает не из дурных наклонностей, а из неопытности и в особенности из детских привычек, от которых ей надо помочь избавиться. Вооружившись прутом, она однажды подстерегла Зору и, как только увидела, что сито с крупой для кускуса застыло у нее в руках, ударила ее по пальцам. Зора вздрогнула не столько от боли, сколько от удивления, и вопросительно взглянула на свекровь.

— Ты замечталась, — сказала та. — Это хорошо для девушки. За мужней женщине не пристало мечтать.

И она сделала невестке наставление: в жизни нужно работать, молчать, терпеть, ждать, а пока что довольствоваться малым. Так уж устроен мир: если бы люди ни в чем себе не отказывали, когда амбары полны, что они стали бы делать в голодное время? Она с неистощимым красноречием объясняла своей воспитаннице, что счастье женщины состоит в том, чтобы найти мужа и привязать его к себе, принося ему детей, разумеется мальчиков, — недаром при рождении мальчика говорят: «Это милость божья!», а при рождении девочки: «Дай бог, чтобы за ней последовали мальчики!» Женщине, у которой несколько сыновей,

нечего бояться, что она будет брошена на произвол судьбы: сыновья позаботятся о ней, когда состарится муж.

Зора слушала ее, продолжая работать, и как только ее руки переставали порхать, свекровь, не прерывая фразы, ударяла ее прутом.

С помощью прута и наставлений Зора научилась работать, не замедляя темпа. От этого все выигрывали — и старуха, и молодуха, и даже мечта: работая, Зора мечтала о возвращении мужа.

Он вернулся два года спустя. Вдвойне чужой для нее, он похудел и от этого казался еще выше. Его полк чуть было не отправили в Рифские горы, где марокканцы воевали с французами. Зора слушала его как зачарованная, не понимая толком того, что он говорил. Если бы ее спросили, на чьей стороне должна была сражаться часть ее мужа, ей было бы трудно ответить на этот вопрос. Саид много говорил с ней только в первый день. На следующее утро он вернулся на Тимезритский рудник.

Он рубил породу, грузил ее в вагонетки лопатой, а если куски были слишком тяжелые, то и руками, и крепил штольню, по мере того как продвигался вперед. Когда он возвращался домой, бывало уже темно.

Каждый день на руднике происходили несчастные случаи — пять, шесть, десять несчастных случаев: один лишился пальцев, у другого разможены руки и ноги. Как-то раз одному рабочему оторвало ухо. После более или менее продолжительного отсутствия искалеченные снова выходили на работу. Надо было как-то жить — на пенсию по инвалидности прокормиться было невозможно. Двоюродный брат Саида потерял на руднике ногу, и дирекция платила ему четыреста франков в год. Вот он уже не работал. Каждый раз, когда муж задерживался на работе, Зоре становилось страшно за ребенка, которого она ждала.

Родилась у нее девочка, Джима. Ей прокололи мочки ушей и промыли глаза материнским молоком, чтобы предохранить их от болезней. С той поры, когда родители по вторникам приносили ей с рынка фигурки из сахара, Зора впервые играла с куклой.

Теперь она чаще смеялась. С дочкой на руках она выходила навстречу Саиду и, завидев его, рыжего от рудничной пыли, осевшей в волосах и на одежде, бросалась к нему. Рядом с ним она казалась маленькой девочкой. Они не спеша возвращались домой и садились за ужин, с каждым днем все более скудный.

Дело в том, что им уже не хватало заработка Саида, хотя таким рудокопам, как он, в Тимезрите платили лучше, чем остальным рабочим. В полку он слышал, что во Франции рабочие хорошо зарабатывают; к тому же многие из его дуара и из окрестных селений перебирались туда. Когда-то алжирцы пользовались свободой передвижения, но богатые колонисты стремились сохранить рабочую силу, которая становилась более покладистой и дешевой, когда бывала в избытке. Они начали действовать, и с 1924 года генерал-губернатор ограничил выезд за пределы Алжира. Теперь рабочий-мусульманин, желающий поехать во Францию, должен был иметь удостоверение личности, справку о несудимости и медицинскую справку, уже не говоря о сбережениях, которые позволили бы ему существовать, пока он не найдет место. Для человека, который не умел читать и писать и которому до ближайшего врача нужно было идти несколько часов, это были почти непреодолимые трудности, и Саид не раз готов был отказаться от мысли об отъезде. Однако он все же добился своего, решив доказать, что способен прокормить семью.

Джима уже начинала улыбаться, когда отец в последний раз поцеловал ее и отдал матери. Все произошло, как в кабилской поэме начала века:

словно покрылись пылью. Недели через две, как-то вечером, Зора услышала, что Джима мечется в постели. Она трудно дышала, будто ей к горлу подкатывал ком, выталкивая язык изо рта. Она мучилась.

Сидя на корточках возле девочки, Зора, у которой в животе уже шевелился второй ребенок, видела, что та умирает. В доме, в селении, в округе все спало. Одна Зора бодрствовала со своими двумя малышами. Ей было очень страшно. Она так хотела бы помочь дочке, облегчить ее страдания, но, бессильная что-либо сделать, лишь неотрывно смотрела на закатившиеся глаза ребенка, которые превратились в две белые щелочки, и на язык, судорожно дрожащий, то показываясь, то исчезая, спрашивала, где ей больно, и говорила, что скоро все пройдет. На рассвете Джима в последний раз дернулась и умерла.

Воспоминание о ней не оставляло Зору до конца беременности. Она как бы носила в себе двоих детей — того, который умер, и того, который должен был появиться на свет. Люди думали, что она одинока, но Зора научилась мечтать, не прерывая работы. Несколько месяцев спустя у нее родился мальчик, которому дали имя Малек.

Это произошло в тот год, когда отмечалось столетие завоевания Алжира. На рудниках Тимезрита, Бужи, Тизи-Узу и даже Алжира с каждым днем становилось все меньше работы. Саид снова уехал бы во Францию, но сделать это стало еще труднее: теперь уже недостаточно было иметь удостоверение личности, справку о несудимости и медицинскую справку — требовалось, кроме того, внести денежный залог, иметь проездной билет, сто пятьдесят франков в кармане и перед отправлением пройти повторный медицинский осмотр. И главное, ходили слухи, что во Франции тоже гаснут огни в топках и останавливаются станки. Пароходы привозили в своих трюмах все больше здоровых мужчин, которые были уволены первыми без права на пособие по безработице и, хотя и были непривередливы, предпочитали все же голодать у себя на родине. Саид вел кочевую жизнь, нанимаясь то тут, то там на тяжелую и кратковременную работу, от которой он никогда не отказывался. То, что он зарабатывал, давало ему возможность существовать, но не содержать семью, которую он видел изредка, приезжая на несколько дней, когда он оставался без работы. Зора ходила убирать к родственникам мужа, которые за это давали есть ей и Малеку.

У нее родилась дочь Ямина, потом другая — Фатима. Они были красивы и походили на мать. В шесть недель Фатима в первый раз улыбнулась, в шесть месяцев начала ходить. Когда ей был уже год, однажды вечером она принялась плакать. Она плакала всю ночь и весь следующий день. Зора поила ее молоком, маслом, кровью цыпленка, но никак не могла унять. У девочки почернело лицо, она мучилась. Зора страдала вместе с ней. Так продолжалось еще час или два, и Фатима ушла вслед за Джимой.

На следующий год у Зоры родился второй сын, Абделлах. У него были черные глаза, до того черные, что радужная оболочка сливалась со зрачком, и нетрудно было заметить, что мальчик такой же смысленный, как и его брат. Зоре удалось устроить Малека в тимезритскую школу. Это было нелегко: на каждое место приходилось по десять заявлений, и большинству детей дуара отказали в приеме. Зора гордилась тем, что добилась своего: Малек был первым и единственным членом их семьи, который учился. Она испытывала почтение к этому семилетнему человеку, умеющему читать. Однажды вечером она украдкой открыла учебник сына.

Там были картинки, и она принялась внимательно рассматривать их. На необычайно плоской равнине — даже на горизонте не вырисовывались горы — пара тучных волов влекла плуг, какого она никогда не

видела. Она бережно перевернула несколько листов. Женщина в платье с длинными рукавами и туфлях на высоких каблуках прогуливалась под руку с мужчиной в рединготе и круглой шляпе, с тростью в руке. Впереди них шли мальчик в матросском костюмчике и девочка с локонами до плеч, катившая перед собой обруч. Оба ребенка были в ботинках.

Зора посмотрела на Францию и французов и закрыла книгу. Малек и Ямина спали, маленький заплакал. Она взяла его на руки и дала ему грудь. Он сразу умолк и принялся жадно сосать.

Абделлах уже начинал вставать на ножки, когда Саид опять приехал в Тимезрит. На руднике нанимали людей, и он пошел на прежнюю работу. Но при первой же получке он увидел, что никак не сможет на такой заработок прокормить троих детей, а так как ходили слухи, что во Франции опять нужны сильные и непривередливые люди, Саид решил снова отправиться туда. У него уже стерлись воспоминания о жизни в Сент-Этьене, он забыл об одиночестве, о скуке, о том, как горек хлеб на чужбине, и, хотя там он тосковал по Алжиру и верил, что и для него найдется место на родине, теперь, убедившись в обратном, страстно мечтал об этом хлебе, в котором он не испытывал недостатка во Франции и который казался ему уже не столь горьким при мысли о том, что его можно будет есть каждый день.

Со времени его первого путешествия формальности, связанные с отъездом, были упрощены. В 1936 году правительство их даже полностью отменило, но свобода передвижения существовала недолго: через несколько месяцев генерал-губернатор восстановил денежный залог и санитарный контроль. Саид снова занял денег на проезд, Зора снова заплакала, положила лепешек и фиг в вешевой мешок мужа, и он отправился в Алжир. Трюм парохода был битком набит алжирцами, и Саид рассказывал молодым парням, которые в первый раз ехали за море, о жизни, которая их ждет под сенью доменных печей и рудничных крепей. Сам он нашел место на заводе в Фирмини — работал у мартевской печи. Мир нуждался в угле, чугуне, стали, мир катился к войне.

Зора ничего не слыхала об этом, а если бы и слыхала, пропустила бы это мимо ушей. Ее внимание приковывало другое. Она была всецело поглощена новым испытанием: день за днем смотрела, как голодают ее дети, и была бессильна им помочь. Будь Зора рассудительнее, она сказала бы себе, что и сама росла с пустым желудком, но, вместо того чтобы рассуждать, она ходила собирать траву вдоль тропинок, варила ее в воде и, посолив это варево, чтобы придать ему вкус, кормила им ребятишек.

Обе ее сестры были замужем. Старшая вышла за бедного и вдовок больного человека. Он кашлял и харкал кровью зимой и летом. средств для лечения у него не было, и он умер, оставив в наследство своей вдове целый выводок ребятишек, из которых ей удалось сохранить четверых к величайшей зависти третьей, младшей сестры, жены ювелира из Бужи, единственной из них трех, которая могла позволить себе иметь детей: она рожала каждый год, но ни один ее сын, ни одна дочь не жили больше года. Узнав, что Зора не может прокормить своих детей, она решила взять их к себе и послала за ними мужа в Тимезрит.

Бужи показался Зоре и ее ребятишкам огромным. Они жили у ювелира в кладовке под лестницей: дом был маленький, без удобств. Зора уходила рано утром. Она бродила по улицам европейской части города, останавливая прохожих, стучась в двери, повторяя несколько французских слов, которые она выучила:

— Мадам, дай немного хлеба. Мадам, дай сделать уборку.

Иногда ей давали работу на несколько часов в одном из тех дворцов из «Тысячи и одной ночи», где достаточно нажать кнопку, чтобы из-под пальцев забил родник, более обильный, чем источник в родном дуаре.

— Не лей понапрасну воду! — кричали на нее случайные нанимательницы. — Еще светло, не зажигай электричества!

Они ходили по дому за этой женщиной, такой маленькой и тщедушной, что они даже колебались, нанять ли ее, и, с облегчением убедившись в том, что она не уступит здоровому мужчине — потому что Зора работала, никогда не замедляя темпа, — решали извлечь из ее рвения как можно больше выгоды.

— Работай, работай, — повторяли они, в то время как Зора, нажимая босой ногой на проволочную «мочалку», скребла плитки паркета. — Работай. Я ведь плачу.

И они давали Зоре вместо денег остатки обеда.

В такие дни у детей была еда, а на следующее утро Зора опять уходила. Толпы кабилских женщин, полуприслуг, полунищенок, осаждали богатые кварталы Бужы, и полиция охотилась за ними, задерживая тех, у кого не было справки о работе.

Сосед Зоры тоже каждое утро уходил на поиски работы. Уходя, он не захлопывал за собой дверь, и его домашние смотрели ему вслед, не двигаясь с места. Дверь оставалась распахнутой до самого вечера. Наконец мужчина приходил и, ни слова не говоря, валился наземь. Все понимали: он целый день проходил понапрасну.

После двухлетнего отсутствия вернулся Саид. Шла война, и никто не путешествовал, но его томила такая тоска по родине, что он не мог усидеть на месте. Ему было невыносимо чувствовать себя иностранцем, и, когда его пароход маневрировал, чтобы войти в гавань Алжира, он повторял про себя, что верно говорит пословица — для каждого родина лучше всех стран на свете.

Вначале события, казалось, доказывали его правоту. Он почти сразу нашел место в каменоломне. Это была новая для него работа, она не требовала такой квалификации, как те, что он выполнял до сих пор, но была не тяжелее прежних. Он зарабатывал меньше, чем в Фирмини, но он этого и ожидал. Зато над каменоломней было такое голубое небо, какого не бывает во Франции. Стоило только поднять голову, чтобы увидеть его. Правда, Саиду не часто случалось поднимать голову, но ему достаточно было знать, что это небо здесь, над ним. А вечером он приходил домой, к жене и детям, как и подобает мужчине. Они больше не жили у ювелира — Зора нашла лачугу площадью в четыре квадратных метра, без окон, где взрослые и дети спали на тряпье, разостланном прямо на земле. За лачугой Зора вырыла яму, в которой разводила огонь для стряпни. Вечером, когда закрывали дверь из плохо пригнанных досок, отделяющую их от внешнего мира, они были у себя дома, в кругу своей семьи.

Однажды Саид заметил, что его товарищам по работе — европейцам платят лучше, чем ему. Во Франции это уже не было общепринятым с 1936 года, когда положение о равной заработной плате за равный труд было занесено в коллективные договоры. Нанимателям приходилось либо соблюдать это положение, либо, в случае необходимости, обходить его, заявляя, что работа, выполняемая североафриканцем, требует менее высокой квалификации и потому должна оплачиваться хуже. Саид решил потребовать объяснений у своего начальника француза. Он думал, что тот станет отрицать факты, выискивать отговорки, и приговорился к долгому спору.

Но начальник сразу признал, что платит рабочим-европейцам лучше, чем алжирцам. На его взгляд, это было вполне естественно, и он не по-

нимал, как мог кто-нибудь возражать против этого. Но так как это был не злой человек, он решил просветить Саида.

— Они живут в гостинице, — сказал он и с глубокомысленным видом помолчал. — Они едят бифштексы, — прибавил он после паузы и опять замолчал, как бы давая Саиду время проникнуться этой истиной.

Саид смотрел на своего начальника, ни слова не говоря, и, истолковав его молчание как знак согласия, тот продолжал:

— А ты ешь ячмень.

Рабочий по-прежнему молчал. Француз опять сделал паузу и в заключение произнес:

— Тебе не нужно так много денег, как им.

Он говорил степенно, добродушным тоном. Саид сказал себе, что, вопреки пословице, для французов Алжир, как и Франция, лучшая страна на свете. Он рассердился и взял расчет.

Он снова стал наниматься на случайную поденную работу, после которой падал от усталости: его кратковременные хозяева умели выжидать соки из человека. Вдобавок он питался впроголодь.

Остальное время он бродил по улицам города в поисках работы или, отчаявшись, сидел у себя в лачуге. Зора работала приходящей прислугой. Малек, которому было десять лет, чистил обувь европейцам. Небо над Бужи было голубое. Когда на нем загорались звезды, семья собиралась в своем жилище.

Однажды вечером Саид объявил, что он опять уезжает во Францию. Зора уже привыкла к этому, но тем не менее заплакала, может быть потому, что шла война, и она не знала, когда они свидятся, а может быть потому, что снова была беременна.

В то время она работала у одной француженки, к которой приходила каждое утро, а иногда и после обеда за триста франков в месяц, а так как этого не хватало на жизнь, делала уборку и у других, получая за это немного еды — хлеб, остатки обеда.

Она попыталась записать Малека в школу, пустив для этого в ход все свои связи: свояка-ювелира и двоюродного брата — унтер-офицера в отставке. Но в Бужи было слишком много мусульманских детей и слишком мало школ. Малек, которому в отличие от большинства его сверстников посчастливилось проучиться два года в Тимезрите, теперь разделил участь остальных; он зарабатывал на жизнь, нося чемоданы европейцев на вокзал и их кошелки с рынка. Частенько он не приходил ночевать домой, зная по опыту, что дома не каждый день есть еда. Что до Ямины, то она вела кочевую жизнь, гостя по очереди у своих дядьев и дедушек, у кого недели две, у кого месяц. Хотя ей было только семь лет, она умела быть полезной — помогала убирать дом и стряпать. Она забавлялась, как могла, и ела досыта, но запрыгала от радости, когда ей сказали, что мать просит прислать ее домой. Вернувшись, Ямина узнала, что ее вызвали, чтобы она нянчила своего нового братца, Буалема.

Зора ушла от своей француженки и работала теперь в гостинице — убирала комнаты, стряпала, бегала по поручениям, чинила белье. Она получала питание, зарабатывала тысячу франков в месяц и приносила детям еду. Она кормила Буалема три раза в день: утром, перед тем как уйти на работу, в полдень, когда она прибежала, чтобы дать ему грудь, и тотчас опять убегала в гостиницу, и вечером. Ямина оставалась одна с Буалемом и Абделлахом, которому шел шестой год.

Абделлаху не терпелось пойти по стопам своего старшего брата. Союзники высадились в Северной Африке, и Малек продавал прохожим жевательную резинку и сигареты, которые ему давали американские солдаты. В ожидании того времени, когда и он сможет зарабатывать на жизнь, Абделлах знакомился с миром и людьми.

Однажды на улице Вьейяр, в центре города, он увидел двух французских мальчиков чуть постарше его, которые играли в серсо. Абделлах знал несколько слов на их языке и спросил у одного из них, можно ли ему поиграть с ними. Тот, даже не выслушав его, убежал в паническом страхе, крича:

— Мама! Мама!

Абделлах не понял, почему так испугался этот маленький француз, но он был уже большой и догадывался, что его ожидает, если он попадет в руки родителей мальчика. Он тоже убежал и, хотя никому не рассказал об этом случае, на всю жизнь сохранил воспоминание о своей первой встрече с французами и о серсо с бубенчиками, в которое ему так хотелось поиграть. Ему и в голову не приходило, что он мог бы иметь такое же.

Самые горячие желания детей не выходили за пределы возможного. Абделлах, которому Зора сама подстригала волосы, когда они становились слишком длинными, ничего так не желал, как постричься в парикмахерской, но этой мечте суждено было осуществиться лишь много лет спустя. Ямина, которая однажды отведала у родственников бычью селезенку и нашла, что ей в жизни не случалось есть ничего вкуснее, до безумия полюбила ее, и мать, когда получала жалованье, покупала ей кусочек этого деликатеса, счастливая, что может вызвать такой взрыв радости.

Зора чувствовала, что дети, кроме Буалема, которого она еще надежно держала при себе, кормя грудью, начинают выходить из-под ее опеки. Несчастье возвращали их к ней. В шесть лет Абделлах, поскользнувшись, сломал ногу. Он не плакал — боялся, что его станут ругать. Зора посадила его к себе на спину, как в те времена, когда он был маленьким, и понесла к костоправу. Он причинил ему боль, массируя бедро и икру, но не сумел помочь. Зора пошла в больницу, но у нее не было необходимых документов, и ее выпроводили. Она до вечера обивала пороги, сгибаясь под тяжестью сына, маленькая, упорная, неутомимая, а на рассвете снова была у ворот больницы с ребенком на руках. Всем посетителям она снова и снова объясняла, в чем дело. Наконец она добилась того, что ребенка приняли, и побежала на работу: она уже пропустила целый день и тоже боялась, что ее будут ругать. В гостинице было много работы, и за то время, что Абделлах пробыл в больнице, она смогла навестить его только раз или два.

На ногу Абделлаху наложили шины и поместили его в просторную светлую палату, окна которой выходили в сад. Он лежал на чистой постели, под теплым и легким одеялом, а под головой у него была подушка в белоснежной наволочке. Три раза в день, в определенные часы, ему приносили еду — несколько вкусных горячих блюд. Абделлах к ним не прикасался. Не сводя глаз с ближайшего к его кровати окна, он дождался ухода сиделки и, как только убедился, что никто за ним не следит, сползал с кровати и улепетывал на четвереньках. Он удирал недалеко: его тут же ловили и насильно укладывали в постель, но при первом же удобном случае он опять принимался за свое. Так продолжалось недели три, пока наконец ему не удалось обмануть бдительность сиделок и добраться до дому.

Он нашел лачугу пустой и, усевшись перед закрытой дверью, стал ждать своих. Тут его и застала Зора, придя вечером с работы. Увидев ее, он заплакал и прижался к ней вне себя от радости, что вернулся к своему прежнему голодному существованию, и Зора тоже заплакала от счастья, обнимая своего малыша.

Едва только Абделлах смог ходить, он стал работать. Как и Малек в свое время, он начал с чистки обуви европейцев. Его клиенты давали

ему кто пять франков, кто сорок су, кто кусок хлеба. Туристы были щедрее местных жителей: те, случалось, после того как их ботинки были начищены до блеска, пинали ногой Абделлаха и уходили, не заплатив.

Когда ему исполнилось восемь лет, он переменял занятие. На вокзале Бужи нет носильщиков. Когда приходит поезд, к багажу пассажиров-европейцев бросаются маленькие алжирцы, чтобы отнести его на дом приедем. Абделлах ходил туда каждый день после обеда. Пели рельсы, от грохота паровоза дрожал перрон, поезд делал короткую остановку, раздавалось хлопанье дверец и гул голосов. Из вагонов выходили гиганты, без малейших усилий державшие огромные, как дома, чемоданы. Абделлах, задрав голову, смотрел на них, бежал за ними, цеплялся за их руки, за их штаны и кричал:

— Мосье, носильщик! Мосье, нести чемодан!

Чаще всего предпочтение отдавали более взрослым и сильным ребятам. Вокзал пустел, поезд трогался и уносился в далекие края. Абделлах ни разу не испытал желания сесть в него и тоже уехать. Если бы у него был выбор между путешествием и путешественником, который дал бы ему нести свои вещи, он, не колеблясь, выбрал бы последнего.

Ему навсегда запомнился тот вечер, когда он тащил на другой конец города два чемодана, и каждый из них казался ему тяжелее его самого. Гигант, которому они принадлежали, дал ему пять франков. В этот день мальчик поклялся себе больше не приходить на вокзал. На следующий день он снова был там. Но через некоторое время он приобрел корзину из ивовых прутьев, потом вторую и сделался носильщиком на крытом рынке Бужи, где раньше работал Малек.

Он каждое утро являлся туда с пустыми корзинами и в толпе своих сверстников ждал прихода клиентов-европейцев. По большей части это были мужчины. Каждый из них, проходя, подзывал одного из маленьких алжирцев, которому он таким образом обеспечивал дневной заработок, и отправлялся закупать провизию. Мальчуган шел за ним по рынку, а потом с полными корзинами — к его дому. Это приносило ему пять или десять франков. Кроме того, торговцы позволяли подбирать овощи, которые они выбрасывали. Эти овощи и деньги, когда он их зарабатывал, Абделлах приносил домой. Иногда появлялся Малек с котелком супа, за которым он ходил к воротам казармы. Зора приносила из гостиницы остатки еды. В такие дни за ужин садились всей семьей. Но обычно каждый жил сам по себе, питался, чем придется, и приходил домой, когда мог, или вовсе не приходил. Так шли недели за неделями, месяца за месяцами, и Зора наконец отучилась мечтать.

Когда Саид приехал в Бужи, она едва узнала его: они не виделись восемь лет. Дети заплакали, испугавшись этого чужого человека в европейском платье.

Он смотрел на Зору так, словно тоже не узнавал ее, словно искал и не находил легкий силуэт и украшенное тонкой татуировкой лицо, которые он в первый раз увидел, раздвинув ветви пробкового дуба возле хаджадженского родника.

Татуировка сохранилась, но она украшала уже не ту Зору. Голубую звезду посреди лба перечерчивали три морщины, а на носу, под звездами поменьше, появились бороздки; цепочка с медальонами, которые теперь были искривлены натянутыми сухожилиями шеи, цеплялась за изломанный овал подбородка и терялась в складках обвислой груди; волнистая линия с заштрихованным ромбом обвивала запястье шершавой руки, загрубелой от стирки и мытья полов; легкие штрихи, которые так искусно нанесла татуировщица, расплылись, растянулись и казались почти черными.

Саид тоже изменился. Его лицо и руки были испещрены синими точками, напоминавшими о сотнях тонн угля, которые он добыл, бурными и белыми следами ожогов, говорившими о тысячах тонн стали, которые он сварил; он стал глуховат, зрение у него ослабело, и ресницы были сожжены жаром доменных печей.

Ему было под пятьдесят, Зоре перевалило за сорок, но оба они выглядели старше своего возраста: жизнь наложила на них свой отпечаток, такой же неизгладимый, как татуировка, и куда более глубокий. В этом они не отличались от всех других супружеских пар, с той только разницей, что их морщины и шрамы не были связаны ни с каким общим им обоим воспоминанием, и, в то время как мужья и жены, состарившиеся вместе, видят друг друга снисходительными глазами памяти, Саид и Зора смотрели друг на друга, как чужие люди.

Дети все всхлипывали: они не привыкли надеяться на хорошее. Оробевший Саид смотрел на своих сыновей и дочь, которых еще не знал, и на жену, которую уже не знал. Он привез платье для Зоры, штаны для мальчиков, юбку для Ямины, обувь для всех и сорок тысяч франков, которые он, недоедая и стараясь как можно чаще работать по две смены, то есть по шестнадцать часов кряду, скопил по су на «Асьери Электрик д'Южин», в Савойе, где теперь обслуживал в качестве кочегара сталеплавильные печи. Он собирался одолжить недостающие ему шестьдесят тысяч франков и увезти семью во Францию.

Дети успокоились, обулись, и Абделлах повел отца прогуляться.

Они молча присматривались друг к другу. Саид думал, что сын в обиде на него за долгое отсутствие, и ему хотелось объяснить мальчику его причины, сказать, что отныне они будут жить вместе во Франции, где Абделлах будет ходить в школу, научиться читать и писать, а когда станет постарше, обучится какому-нибудь ремеслу, тогда как, оставаясь в Алжире, он не стал бы даже чернорабочим. Ему хотелось рассказать Абделлаху о стране, где они будут жить, о Франции, какой она представлялась ему сквозь тучи угольной, известковой и силикатной пыли, туманы доков и свалок железного лома, испарения анилина, в шуме штамповальных станков, загружаемых бункеров, механических молотов, под огненным дождем литья. Его мысли блуждали, он видел себя за работой перед тремя печами, в которые должен был шестнадцать часов подряд кидать уголь лопатой, без рукавиц, без шлема, без защитных очков, и уже не знал, что хотел сказать малышу, разве только, что для каждого его родина — лучшая страна на свете, для всех и каждого, кроме них.

Абделлах остановился и снял ботинки. Ему было больно ходить в них: это была его первая пара обуви. Они вернулись домой, не обменявшись ни единым словом, и застали остальных детей тоже босиком.

Через месяц они покинули Бужи, забрав с собой все, что имели: несколько одеял, несколько простынь и немного посуды. Три дня спустя они сели на пароход в Алжире.

Оставив в плохо освещенном, вонючем трюме вещи и продукты — им не предоставлялось питание на пароходе, — они поднялись на палубу. Перед ними развертывалась панорама Алжира.

Был конец лета. Белые дома, тянувшиеся, покуда видит глаз, были залиты золотистым светом. Никогда еще дети и их мать не видели такого большого и такого красивого города.

Зора сняла свое покрывало — во Франции женщины покрывал не носили, — и взгляд ее глаз, таких черных, что радужная оболочка сливалась со зрачком, попеременно останавливался то на картине расстилавшегося перед ней берега, то на мужчине, стоявшем возле нее. Это были ее страна и ее муж, но претендовать на то, чтобы жить в своей

стране со своим мужем, значило бы требовать слишком многого. До сих пор она жила без мужа, а теперь ей предстояло жить вдаль от страны, воздух которой она любила больше всякого иного воздуха, каким ей суждено было дышать, хотя в этой стране она никогда не была у себя дома и теперь покидала ее с пустыми руками.

У нее не осталось ничего из золотых украшений, которые ей дали в приданое: она продала их одно за другим, чтобы прокормиться и прокормить детей. У нее больше не было ни одного браслета, ни одного ожерелья, кроме полубраслета и полужерелья, которые когда-то вытатуировала у нее на коже старуха колючкой кактуса. Только эти украшения бедняков, ее единственное неотъемлемое достояние, она и увозила с собой, если не считать некоторых воспоминаний — о сахарных куколках, которыми она лакомялась в детстве, о меде, который мать положила в соус кускуса в день ее свадьбы, да о закатившихся глазах умирающей Джимы.

Стоя рядом с ней, Саид смотрел на толпившихся вдоль набережной людей, машущих платками, на порт, на город, на эту землю, которая была его родиной, котсрую он любил, но о которой у него сохранилось лишь смутное, едва уловимое воспоминание. Когда он думал о своей жизни и о самом себе, ему приходили на память французские общежития, заводские столовые, бюро найма рабочей силы и регистрации безработных, слова: «Это алжирец!», и в мерцании фонарей блестящие от дождя улицы, вдоль которых тянутся нескончаемые стены зданий.

Вдали звучала танцевальная музыка, пароход сверкал на солнце, толпа кричала и смеялась, в воздухе развевались платки. Зора и Саид стояли рядом, храбро улыбаясь. Прошло двадцать пять лет — лучшие годы их жизни — с тех пор, как они поженились, и только теперь, когда им пора было праздновать серебряную свадьбу, они начинали жить вместе. Он думал о работе, которая его ждала, она не знала, радоваться ей или плакать.

Стоя немного поодаль от них, Абделлах смотрел на европейцев, направлявшихся к своим каютам, и на алжирцев и негров, спускавшихся в трюм, и, когда завывала сирена, зрелище несправедливости переполнило негодованием его неискушенное сердце.

Дорога араба и дорога француза

Когда подъезжаешь к Тлемсену, за четыре или пять километров до города пейзаж внезапно меняется. Покинув местность, где земля выжжена солнцем, путник попадает на островок зелени, и ветви платанов смыкаются у него над головой. Город расположен на полпути между равниной и горами, на холме, сквозь известняк и пористый песчаник которого просачивается дождевая вода. Задержанная глинистым грунтом, она образует обширные подпочвенные бассейны и с неукротимой силой снова со всех сторон пробивается на поверхность земли. Тлемсен, название которого происходит от берберского «гильмас» — источник, родник, — полон тени и свежести. Алжирская поговорка гласит: «Тлемсен — прекраснейший из городов: нигде нет такого чистого воздуха, нигде нет такой прозрачной воды, и нигде женщины так красиво не носят свое покрывало». Они закутываются в него, оставляя открытым только маленький равнобедренный треугольник, в который вписан левый глаз.

Я заимствую у одного алжирского автора, Абдельхамида Хамиду, следующее описание Тлемсена: «...древние памятники, внушительные в своем безмолвии руины — свидетели славного прошлого, тонкая худо-

жественная отделка мехрабов, красивые мечети, величаво вздымающиеся в небо гордые минареты, сокровища старинных преданий, поверий, нравов и обычаев, местных легенд, которые любят рассказывать жители Тлемсена, могилы святых—предмет благочестивого паломничества и глубоких размышлений, дивные виды, утопающая в зелени и цветах местность, огромные оливковые, вишневые, апельсиновые, миндальные, гранатовые рощи, широкие горизонты, восхитительные водопады, изобилие проточной воды, искрящиеся ключи, журчание ручьев и соловьиное пение, словом, все, что будит мысль, дает богатую пищу уму, оплодотворяет воображение, обостряет чувства и нежно волнуется сердце».

Это описание содержится в работе Хамиду, посвященной двум народным поэтам, уроженцам Тлемсена, Ибн Амсаибу и Ахмеду Бензенгли. Последний жил в конце XVII века, и его стихи, переложенные на музыку, еще и теперь поют в Северной Африке; любой алжирский оркестр непременно имеет в своем репертуаре несколько песен на его слова. Это любовная лирика или стихи, воспевающие природу и красоту Тлемсена, откуда Бензенгли был изгнан турками, занимавшими Тлемсен в то время. Потом семья поэта вернулась в родной город и даже в его дом, в котором и жила с тех пор в течение более двух столетий. Последний из Бензенгли, родившийся в нем, умер в 1925 году, оставив двух дочерей и сына, которому было всего несколько месяцев и которого звали Ахмедом, как его знаменитого предка.

После смерти отца мальчика взяли на попечение двое его дядей—один торговец, другой метельщик. Мать Ахмеда работала, сестры с вссьми лет учились в школе ковры. Семья отказывала себе во всем, чтобы он мог ходить в школу.

Как известно, в Алжире обучение ведется на французском языке, арабский же рассматривается как иностранный. В шесть лет Ахмед Бензенгли, как и все маленькие алжирцы, говорил только по-арабски. Правда, ему случалось слышать на улице, как французские дети говорят между собой, но он не понимал, что они говорят, если не считать «здравствуй» и «поди сюда». Дядя-торговец научил его считать до десяти. Ахмед видел, как босые, одетые в лохмотья девочки с большими грустными глазами водили хоровод, распевая:

Жанна д'Арк
Там пасла
Своих коров.

Но они не понимали того, что пели: это были алжирки, и они, так же как он, не говорили по-французски и не знали, кто была Жанна д'Арк и что она совершила после того, как перестала пасти коров. Ахмед выучил наизусть этот припев, который вместе со словами «здравствуй» и «до свидания» и числами от одного до десяти составляли все его познания во французском языке, когда он в первый раз пришел в школу.

В его классе был один второгодник, который уже немного говорил по-французски. Слушая его, Ахмед научился повторять: «Я, мосье». Это полагалось говорить, поднимая грифельную доску, когда учитель, тоже мусульманин, спрашивал, кто может ответить на такой-то вопрос — например, сколько будет два и два. Ахмед поднимал грифельную доску и говорил:

— Я, мосье. Четыре.

Его первой французской книгой был букварь. На его обложке была ласточка, а внутри — буквы и рисунки. Когда дети читали, скажем, слово «лето», они понимали его смысл благодаря картинке. Скоро Ахмед научился грамоте. Дети писали диктанты, учили наизусть стихи Лафон-

тена, Гюго. Больше всего им нравилось читать по хрестоматии избранные отрывки из французских авторов.

Их самый любимый отрывок назывался «Козетта и госпожа Тенардье». Им никогда не надоело перечитывать историю о потерянной монете в пятнадцать су, о ведре воды и о кукле, которую покупает Жан Вальжан. Несправедливость Тенардье их возмущала, они любили Козетту. «Возможно, будь она счастливой, она была бы миловидной... Ее прикрывала лишь дырявая холстина; ни лоскутка шерсти. Там и сям просвечивало тело... Голые тонкие ножки покраснели от холода. Глубокие впадины над ключицами были жалостны до слез». Козетта не так уж отличалась от их сестер. Приходя ей на помощь, Жан Вальжан помогал огромному множеству детей.

Книги для чтения были иллюстрированы. Ахмед и его товарищи с восхищением, завистью и недоверием подолгу рассматривали картинки, изображающие сцены французской семейной жизни: за столом, освещенным настольной лампой, отец читает, мать шьет, а дети готовят уроки. Для них это было мечтой. Находиться в таком светлом и явно теплом помещении было их величайшим желанием.

После учителя-алжирца класс Ахмеда вела француженка, потом еще два мусульманина и, наконец, француз, который научил его любить революцию 1789 года. Когда они проходили Генеральные Штаты, учитель разбил класс на три группы, каждая из которых представляла одно из сословий. Все хотели принадлежать к третьему сословию. Ахмед оказался в лагере знати. Он заплакал.

Тем не менее он не променял бы своих предков на героев 1789 года. В его учебнике истории слово «предки» употреблялось применительно к галлам. Ахмед и его товарищи знали, что их предки не могли быть галлами, и не гордились Карлом Мартеллом¹: они чувствовали, хоть им этого и не говорили, что битва при Пуатье для них была поражением. Так они и жили в некотором роде без предков, пока однажды, увидев в учебнике по истории портрет Абд-эль-Кадира², сами не поставили вещи на свои места. А еще до этого они исправили в своих книгах искаженное имя Магомет на Мохамед.

Двенадцати лет Ахмед получил свидетельство об окончании начальной школы. В этот день он купил свою первую книгу — избранные стихотворения Виктора Гюго, которые и проглотил до наступления темноты.

Летом он работал — то мойщиком посуды в ресторане, то продавцом овощей, — зимой учился в коллеже. Он много читал — исключительно французских авторов, которых его научили любить школьные учебники. Воспоминание о Козетте заставило его взяться за «Отверженных»; на слиянии Гюго и французской революции он открыл «Девяносто третий год». Он прочел «Евгению Гранде» и нашел, что папаша Гранде, «проложивший на пользу города превосходные дороги, которые вели к его собственным владениям», мог бы быть колонистом или мэром в Алжире. Бальзак писал правду, и Ахмед дал себе слово вернуться к нему. Ему было четырнадцать лет, и страсть к чтению у него только начинала развиваться.

¹ Карл Мартелл (688—741) — правитель франкского государства, одержавший решающую победу над арабами в битве при Пуатье (732 г.).

² Абд-эль-Кадир (1808—1883) — вождь национально-освободительного движения алжирского народа против французских завоевателей, объединивший племена Западного и Центрального Алжира и нанеший французским войскам ряд сокрушительных поражений в 1835—1836 гг.

Библиотека «Друзей книги» — лучшая в Тлемсене, если не считать муниципальной библиотеки, — содержалась мусульманами. Она всегда была переполнена, с утра до вечера у ее входа стояли в очереди маленькие алжирцы. Ахмед не курил, не ходил в кино, не покупал себе никаких лакомств: он по грошам собирал залог, который полагалось вносить в библиотеку «Друзей книги»: сорок су за квартал.

Однажды во дворе коллежа директор схватил его за плечо и всем, кто там был — его товарищам, девушкам, мусульманам и французам, словом, всем, — показал рукава его куртки. У Ахмеда были прорваны локти.

— У тебя ленивая мать! — крикнул директор.

Ахмед ничего не сказал об этом матери — она бы заплакала.

Накануне экзаменов на звание бакалавра у него болели зубы, и он всю ночь не сомкнул глаз. Первый экзамен — сочинение — начался в девять часов. Ахмед навсегда запомнил тему, которая в тот год была предложена молодым тлемсенцам: «Нарисуйте в духе Лабрюйера портрет эгоиста нашего времени». Он сидел у окна, и ему было видно алжирскую землю, алжирское небо. Каково было его время? Каковы были эгоисты его времени? У него были прорваны локти, его мать чесала шерсть на дому, в его распоряжении было девяносто минут, чтобы нарисовать портрет в духе Лабрюйера, который был современником Ахмеда Бензенгли, тлемсенского поэта. Шла война. Ахмед решил писать о дельце черного рынка. Он выдержал экзамен одним из первых.

Двадцать второго октября 1945 года, ровно в двадцать лет, Ахмед Бензенгли, потомок алжирского поэта и французский учитель, прибыл на свое первое место службы, в дуар Тизи, насчитывающий от четырехсот до пятисот жителей, из которых ни один не говорил по-французски.

Был полдень. Бензенгли приехал на грузовике. В этот день в Тизи играли свадьбу и машина везла туда музыкантов, не то Бензенгли пришлось бы добираться пешком, потому что между этим дуаром и Тлемсеном, который находится от него в девятнадцати километрах, нет ни железнодорожного, ни автобусного сообщения.

Через десять минут после его приезда все уже знали, что учитель прибыл. Каид¹ лично повел Ахмеда осматривать школу, и на всем пути его провожали любопытные взгляды его будущих учеников.

Издали школа производила приятное впечатление, радуя глаз красной черепицей крыши и аккуратно побеленными стенами. Крестьяне построили ее если и не по своей воле, то своими руками. Глава общины нанял пятерых каменщиков и рекрутировал в принудительном порядке остальную рабочую силу. В этом не было ничего нового. Крестьян издавна обязывали без всякого вознаграждения работать на государственных лесосеках. В данном случае некоторые ничего не имели против — ведь школа предназначалась для их детей.

Она была построена уже год назад, но в ней еще не занимались. Если это была первая школа, в которой предстояло учительствовать Ахмеду, то Ахмед должен был стать первым учителем, преподающим в этой школе. Он вошел в помещение и увидел, что оно совершенно пусто. Четыре стены, земляной пол да крыша из черепицы, во многих местах разбитой, — вот что представлял собой класс. От него была отделена двором квартира учителя: четыре стены, земляной пол и крыша из тростника. Вблизи можно было разглядеть трещины в стенах.

Каид объяснил Бензенгли, что Тизи посчастливилось: ни в одном из близлежащих дуаров не было школы. Потом он пригласил его на свадьбу, которой был вызван приезд грузовика.

¹ Каид — деревенский староста (араб.).

На склоне горы, возле родника, по случаю этого события был раскинут большой шатер, где крестьяне пили кофе в ожидании куска. Семья Белаида Белькасема, который праздновал свадьбу, все устроила как надо. Гостей развлекали танцовщица и приехавший из Тлемсена оркестр. Он состоял, правда, всего из трех инструментов: геллала — толстой трубы, на одном конце которой натянута кожа, бендайра — большого бубна, и гасбы — длинной флейты с низким строем. Такие оркестры не оплачиваются отцом жениха. Приглашенные сами вознаграждают музыкантов, и вот как это делается. Время от времени один из музыкантов, исполняющий также обязанности глашатая, перестает играть и объявляет: «Такой-то дает столько-то в честь такого-то». Таким способом присутствующие обмениваются знаками внимания.

На свадьбе Белаида Белькасема первым сунул монету музыкантам каид. Опередив глашатая, он встал и сказал:

— Я даю столько-то в честь Ахмеда...

В этот вечер больше всего денег оркестр заработал благодаря Бензенгли: каждому хотелось дать музыкантам несколько франков, чтобы засвидетельствовать свое уважение первому учителю дуара. Но когда Ахмед захотел ответить тем же, крестьяне запротестовали. Он еще не знал, как они щедры и гостеприимны. За два года, что он провел в Тизи, ему удалось всего только угостить некоторых из них чашкой кофе. Между двумя пожертвованиями оркестру — все в честь Ахмеда — было объявлено, что запись учащихся будет производиться на следующий день с восьми часов утра в помещении школы.

Назавтра в восемь часов Ахмед был в школе вместе с каидом и сельским полицейским. Началось настоящее столпотворение: уж не говоря о детях, сюда пришли их отцы, матери, деды, бабки, дядья — добрая половина дуара. Несмотря на усталость и оглушительный шум, Ахмед был растроган. Он решил записать всех. Старшим было четырнадцать лет, самым маленьким едва исполнилось четыре, и их было много. Бензенгли не имел права принимать более пятидесяти учеников. Точнее, он должен был сообщать число учащихся с числом парт, имеющих в его распоряжении. Но парт в школе не было. К половине двенадцатого запись окончилась. В списке принятых было восемьдесят два человека.

Оставалось уладить еще несколько вопросов. Прежде всего следовало позаботиться о том, чтобы детям не приходилось заниматься, сидя на земле. Каид из своего кармана заплатил за циновки, которые были первой и в продолжение некоторого времени единственной мебелью школы Тизи. Недоставало еще стола для учителя. Его принес житель дуара Харбух Каддур улд Бенауда. Высокий стол — это предмет роскоши. Харбух, родственник каида, пожертвовал его из почтения к науке.

Бензенгли выписал из Тлемсена свое личное имущество: стул, стол, тюфяк, подушку и одеяло. Теперь он мог жить и преподавать.

На первом уроке присутствовали все восемьдесят два ребенка, оробевшие в чуждой для них обстановке, в этом классе, который был больше мечети, перед человеком в европейском платье. Никто из них не знал ни слова по-французски.

— Здравствуйте, мосье,— сказал учитель.

— Здравствуйте, мосье,— с грехом пополам повторили восемьдесят два ученика. Представьте себе, как дети из нормандского или бургундского селения учились бы в свой первый школьный день произносить арабские фразы.

— До свидания, мосье,— сказал Бензенгли.

— До свидания, мосье,— с трудом произнесли его ученики, каждый по-своему искажая звук «е», как школьники французской деревни искажали бы арабское «х».

— Доска черная,— сказал Бензенгли.

В школе Тизи не было классной доски. Ахмед посмотрел на дверь. Она была серая. Он выбрал красный мелок.

Ахмед вырос в городе, и теперь он начинал знакомиться с алжирской деревней, какой она была после ста с лишним лет французского господства. У многих жителей дуара не было земли, у других был клочок в полгектара, в четверть гектара на склоне горы, который они пахали на осле допотопной сохой с деревянным сошником. Зажиточные семьи имели лошадь и плуг с металлическим лемехом, во время пахоты порою обнажавшим скалу, лишь сантиметров на тридцать покрытую землей вперемешку с камнями. Ни у кого в Тизи не было сельскохозяйственных машин. Корова считалась признаком богатства, и не много коров довелось бы пасти здесь алжирской Жанне д'Арк.

В дуаре не знали ни водопровода, ни электричества. Дорога из Тлемсена, хоть до него было и недалеко, кончалась в семи километрах от Тизи, у имения мэра, французского колониста: папаши Гранде отнюдь не перевелись. Не случайно в Алжире асфальтированная дорога называется «трек эрруми» — дорога француз, а тропинка, стежка — «трек эль араб» — дорога араба.

В Тизи не было ни амбулатории, ни аптеки, ни врача, ни фельдшера. Случаи тифа, паратифа, возвратного тифа были часты, а глазные болезни — постоянны. Когда зажиточный крестьянин тяжело заболел, его везли в Тлемсен. Если состояние больного не позволяло этого, посылали в город за стариком врачом, который славился тем, что являлся на все вызовы и брал мало денег. Больные, у которых не было средств, умирали.

Короче говоря, дуар Тизи был зажиточнее многих других. В обычное время наименее бедным удавалось сводить концы с концами. Огонь разводили раз в месяц, чтобы испечь лепешки, мясо ели тоже раз в месяц или раз в два месяца. В голодные годы ни у кого не было хлеба.

В 1945 году был плохой урожай. После занятий дети брали мотыги и шли выкапывать корни, которые приносили домой варить. Корни эти были ядовитые и вызывали расстройство желудка. Все это знали, но выбора не было. Дети весили не больше, чем их мотыги.

Бензенгли попросил разрешения открыть школьную столовую. Глава общины, которому он подчинялся, дал на это принципиальное согласие и затребовал список нуждающихся детей. На взгляд учителя, все они были нуждающиеся, но каид вывел его из заблуждения: только сорок пять учеников — немного больше половины — лишь изредка получали дома горячую пищу. Их имена и были сообщены в округ.

Наступила зима. Шел снег. Класс продували сквозняки. Если не считать стола и стула учителя да циновок учеников, он был по-прежнему пуст.

Дети сидели на циновках, разостланных на земле. Почти все они были в одних только рваных, надетых прямо на голое тело балахонах. Все были босы. Дрова, предоставленные школе, лежали без пользы из-за отсутствия печки. Когда становилось уж очень холодно, Бензенгли и его ученики выходили во двор и разжигали костер, чтобы согреться.

Вскоре после рождества Ахмед получил разрешение открыть столовую. Коммуна предоставила ему котлы и миски. Он вызвал из Тлемсена мать, и она с помощью другой женщины стала стряпать для детей. Усевшись по несколько человек вокруг каждой миски, сорок пять учеников уплетали лапшу или молочный суп с рисом. Их товарищи, не принадлежавшие к нуждающимся семьям, не спускали с них глаз. В дни, когда продуктов было достаточно, ели и они.

В школе все еще не было классной доски, а написанное красным мелом на серой двери становилось все труднее разбирать. Бензенгли

вместе с каидом раз, другой, третий ездил в правление общины и наконец выклянчил там семьсот пятьдесят франков — половину стоимости классной доски. Родители учеников и он сам собрали недостающую сумму. Знакомый столяр взялся сделать доску. Когда она прибыла, дети уже умели читать. Это было целое событие. Ахмед не спал всю ночь и поднялся с рассветом, чтобы украсить доску самой красивой надписью, на какую он был способен. Дети не поверили своим глазам. Они и не подозревали, что можно писать так четко. К тому же доска была больше двери, обе стороны у нее были черные, и она стояла на подставке. Нечего было и думать о том, чтобы повесить ее на стену: стена бы не выдержала. Это был настоящий праздник.

За голодным годом последовал урожайный. Дети закусывали в школе куском лепешки, несколькими фигами или горстью олив. На десерт они грызли сырую репу.

Ахмед хотел опять открыть столовую, но к нему явился сельский полицейский и от имени общины потребовал вернуть ее имущество. Учитель отказался расстаться с ним, однако вскоре после этого получил из округа письмо, в котором ему предлагалось немедленно сдать котлы и миски, так как столовую надлежало закрыть за отсутствием нуждающихся детей.

Он не мог больше кормить своих учеников, но достал им цветные карандаши, помог смастерить мячи из тряпок и листьев карликовой пальмы, повесил на стены гравюры и выполненные им самим рисунки местных животных и растений. Дети были счастливы. Бензенгли не пытался показывать им картинки, изображающие сцены из жизни французской семьи, которыми сам он когда-то так восхищался. Они ничего не поняли бы в этих изображениях другой планеты.

Среди учеников затесались несколько девочек. Учитель не имел права принимать их в школу, но глядел на это сквозь пальцы. Он любил этих «нелегальных», как он их называл, в особенности одну из них, которая была очень способной. Он хотел, чтобы она продолжила учиться. Но она умерла вскоре после его отъезда. Это была не единственная утрата. Случалось, ученик переставал посещать школу. Бензенгли справлялся о нем, и ему сообщали: ребенок заболел, ребенок умер. Причина смерти чаще всего оставалась неизвестной. Тут Ахмед был бессилён. Ему нечем было лечить детей, у него не было даже настойки йода.

По истечении пяти или шести месяцев занятий настало время научить детей писать чернилами. Пока они пользовались мелом, все было просто: сидя на земле, они держали грифельные доски на коленях. Но куда положить тетрадь? Они попытались писать, лежа на животе, но это было неудобно. Тогда Бензенгли обратился за помощью к жителям дуара. В мечети были длинные балки. Ему отдали одну из них, и крестьяне прибили ее к чурбакам. С тех пор ученики могли, сидя на своих циновках и поставив чернильницы на землю, класть тетради на балку. Они умудрялись держать их в чистоте и даже не загибать углов.

Теперь Бензенгли заставлял их говорить по-французски на близкие им темы: о школе, об окрестностях, о пахоте, о роднике, о домашних животных, об уборке урожая. Старики дуара, умевшие считать только в уме, притом только складывать, изумлялись, видя, что их внуки и правнуки быстро вычитают, умножают и делят на бумаге. Дети усвоили также начатки географии, преподнесенные им на местном материале. Учитель начал с того, что нарисовал школу и школьный двор, потом дуар. Теперь они следовали за ним по классной доске к Тлемсену и еще дальше.

Он покинул Тизи спустя два года, когда его ученики уже умели хорошо читать, могли составлять французские фразы, смогли бы написать

письмо по-французски, успешно справлялись с четырьмя действиями арифметики, причем и считали по-французски. Бензенгли уезжал в уверенность, что подготовил их, как он говорил, «к восприятию французской цивилизации».

Ахмед сменил три места и наконец был назначен в самый Тлемсен. Он вернулся к своей семье и друзьям и смог спокойно отдаться величайшей в его жизни страсти: он собирал книги.

У него были «Драмы Революции» Ромена Роллана и его избранные произведения. Дидро в издании Гарнье — «Жак-фаталист» и «Племянник Рамо». Расин и Мольер. «Остров пингвинов» и цикл «Бержере» Анатоля Франса. «Эмиль» Руссо и все повести Вольтера. У него был Флобер — «Саламбо», «Мадам Бовари», «Воспитание чувств», Мопассан и Золя, много Золя и еще больше Бальзака. У него были «Итальянские хроники», «Люсьен Левен», «Пармский монастырь» и «Красное и черное» — первая книга Стендаля, которую он приобрел. У него был Лафонтен, у него был Лабрюйер, у него был Виктор Гюго.

В Алжире началась война, и во французских книгах Бензенгли и его тлемсенские друзья искали все, что могло бы реабилитировать Францию. Они хотели доказать себе, что не напрасно любили французскую культуру. Подавленные событиями дня, они апеллировали к тем французским писателям, чьи взоры были обращены к будущему, а такими были почти все писатели — от Рабле до Элюара. Франция, какую они знали из литературы и из истории, была человечнее Франции, обособившейся в Алжире. Они размышляли о дороге араба и о дороге француза и проводили различие между французами из книг по истории и завоевателями, которых видели у себя. Бензенгли начал интересоваться цивилизацией ислама и, чтобы лучше познакомиться с ней, покупал соответствующие книги — французские книги.

Через девять лет после того, как Ахмед покинул Тизи, он снова услышал о нем. За несколько месяцев до этого, в октябре 1955 года, восстало илема Бени Снассен, живущее по обе стороны границы между Алжиром и Марокко. В 1956 году двух марокканских сезонных рабочих из племени Бени Снассен, случайно проходивших через Тизи, как водится, пустили переночевать. Жандармы узнали об этом и, схватив одного жителя дуара, известным способом вырвали у него имена крестьян, оказавших гостеприимство двум марокканцам. После этого в Тизи была двинута военная часть. Увидев солдат, жители Тизи, которые еще не сталкивались с ними, но знали, чего от них можно ожидать, бежали из деревни. Это было в праздник рамадана, когда мусульмане постятся до захода солнца. Им пришлось бежать на голодный желудок, бросив своих овец, бросив все, что у них было. Мужчины, женщины, дети, старики — все бежали, остались только несколько нерешительных. Солдаты открыли огонь и убили трех человек. Первый из них был Белаид Белькасем, тот самый, который женился в день приезда Бензенгли и стал его другом. Второй был Харбух Каддур улд Бенауда, родственник каида, владелец высокого стола, который он предоставил школе. Третьего звали Гутари Джелуль улд Мусса. Он был сельскохозяйственный рабочий.

Вскоре после этого Бензенгли вызвали к комиссару полиции. Там он узнал, что ему не предъявляют никаких обвинений, но предлагают дать подписку о невыезде. «Настоящий указ о заточении», — подумал он. Недаром французские учителя научили его любить великую революцию. В то же время, что и он, подверглись репрессиям многие другие учителя, как мусульмане, так и французы. Среди них, как ему стало известно, был и его первый преподаватель — мусульманин, обучивший его французскому языку.

Он выехал из Тлемсена 3 июля 1956 года в десять часов утра в маленькой машине преподавателя истории, француза, который тоже стал жертвой административных мер. Они поехали в Оран. Бензенгли собирался тут же вернуться, чтобы уладить свои дела. Он уехал, не взяв с собой чемодана и не простившись со своими. День выдался чудесный, веяло прохладой. Они тронулись в путь у коллеги, где в свое время учился Ахмед, и проехали через весь город с его руинами и монументами, ручьями и деревьями, хороводами девочек, одетых в лохмотья, и женщинами, у которых из-под покрывала виден один только левый глаз, вписанный в равнобедренный треугольник. Потом они покатали под тенистыми сводами платанов и в четырех или пяти километрах от города внезапно покинули островок зелени, где Ахмед вырос, и попали в край, где земля сожжена солнцем.

В префектуре Орана Бензенгли узнал, что подписка о невыезде заменена высылкой. Он был изгнан из Тлемсена, как был изгнан его предок двести пятьдесят лет назад. Он сел на пароход, так и не увидев больше своего города.

Спустя восемь месяцев возле самого дома, где он жил в Тлемсене, перед квартирой полицейского чиновника взорвалась граната. Квартал был немедленно оцеплен. Солдаты врываются в жилища и арестовывали всех мужчин. У Бензенгли они не нашли никого, кроме Пантагрюэля и Сиды, Жака-фаталиста и Кандида, Евгении Гранде и Жюльена Сореля, Козетты и Жана Вальжана. Они забрали их всех.

Вернувшись на следующий день, они разграбили то немного, что уцелело накануне. В квартире не осталось ни одной французской книги и даже тетрадей школьников Тизи, тетрадей, в которых они писали по-французски на балке из мечети, не загибая углов и не делая клякс, и которые их учитель сохранил на память. Дорога француза скрестилась с дорогой араба, библиотеки Бензенгли больше не существовало.

Сейчас учитель, обучивший Ахмеда французскому языку, находится в изгнании. Руководитель библиотеки «Друзей книги» Мохамед Мозиани — в концентрационном лагере. Новобрачный из Тизи Белаид Белькасем убит французской пулей. Харбух Каддур, великодушный владелец стола, тоже погиб. Многие другие знакомые, друзья, коллеги, соседи Ахмеда погибли, заточены или высланы из Алжира. Ту французскую учительницу, у которой одной, кроме Ахмеда, в селении колонистов, где они оба преподавали, были книги, арестовали, отдали под суд, приговорили к тюремному заключению. Никто больше не преподает в школе Тизи, которая мало-помалу разваливается, брошенная на произвол непогод, и ученики Бензенгли, когда-то изучавшие план класса на восхитительной черной доске, теперь читают в маки карты генерального штаба.

Перевел с французского К. Наумов.

(Окончание следует)

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

В 1932 году Надежда Константиновна Крупская, рассказывая о своей поездке по Волге и Каме летом 1919 года на агитационно-инструкторском пароходе «Красная звезда», писала: «Я, по совету Владимира Ильича, завела дневник, где изо дня в день записывала виденное и пережитое. Этот дневник, к сожалению, пропал. Одно время был план — издать воспоминания о поездке на «Красной звезде». Об этом говорил Владимир Ильич». В том же 1932 году по сохранившимся черновикам было опубликовано несколько страниц дневника. Недавно в отделе рукописей Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР среди материалов, переданных ему в 1936 году ОГИЗом при его реорганизации, обнаружена рукопись всего (за исключением одной страницы) дневника Надежды Константиновны Крупской, подготовленного ею для издания в 1920 году. Ниже публикуются текст дневника и очерк писателя Е. Герасимова, совершившего поездку в Прикамье по маршруту «Красной звезды».

ПО ГРАДАМ И ВЕСЯМ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

*(Полтора месяца работы на литературно-агитационном пароходе
ВЦИК «Красная звезда»)*

В прошлом (1919 г.) мне пришлось проработать полтора месяца в качестве инструктора Наркомпроса на пароходе «Красная Звезда». Сделала я путь от Нижнего до Казани по Волге и до Перми по Каме. Шли только ночью, а днем останавливались по городам, селам, заводам, посадам. Работать пришлось в наилучших условиях, с группой товарищей инструкторов и агитаторов человек в 20, с которыми совместно обсуждалось после каждой остановки все виденное, совместно выработывался план дальнейшей работы. Благодаря этому удалось провести сравнительно большую организационную работу, которая особенно нужна оказалась в местностях, где недавно еще были белые и где работа ставилась заново. Для отчета в своем комиссарнате и для себя я вела все полтора месяца «дневник», выдержки из которого я и привожу.

Н. Крупская.

ДО НИЖНЕГО

27-го июня.

Выехали в 7 часов вечера с Курского вокзала на Нижний. Проводник попался очень хороший, свой, товарищ, заботливо старавшийся устроить нас получше, берег нашу литературу, таскал нам кипяток, давал свой чайник. Разговорилась с ним. Он рассказал, что он из 2-й армии, и опять едет туда, думает, что Колчака докончим, и с Деникиным справимся. «Не могу я «им» их идиотские поступки простить, — начал он. — Подумайте только, был я в армии, и за что же (я не расслышала, что с ним сделали), за пьянство или буянство какое? За расстегнутую пуговицу! Как это понимать прикажете? Не идиоты, что ли?! Я одна».

днать лет на фабрике работал, потом шестнадцать лет при поездках находился. Что же, не видал, что ли, господ офицеров? Достаточно видал. Раздевши идет, пьяный, тут барышни, женщины, а он нахально раздетый идет. Держать себя не может!»

Подъезжаем к Орехово-Зуеву. Не доезжая до станции еще, видишь группки идущих рабочих и работниц [мелькнули мимо работница и рабочий, и остался в памяти их образ. Он протягивает руку, чтобы взять ее за талию, и столько страсти в этом движении, что невольно думается: голод голодом, а любовь любовью. И как бы в подтверждение этой мысли, первое, что бросается в глаза на платформе, это гуляющие по ней две молоденькие работницы и молодой рабочий, лица их так и сияют молодостью и жизнерадостностью...]¹. На платформе много народу: все как-то чистенько одеты. Бросаются в глаза дети: самостоятельно шмыгают в толпе. Малюсенький мальчуган, бедно, но заботливо одетый, в большом картузе и со шепкой под мышкой, долго пробирается среди взрослых, пока не присоединяется к группе других ребят.

Едем дальше. Покровск. Несколько человек с криком «литература» бросаются к переднему вагону. Никакой литературы не оказалось. С унылым видом пошел вдоль вагонов один из обрадовавшихся литературе. «Нет ли, товарищи, газеток?» Газеток при нас не оказалось, мы дали ему несколько номеров газеты-одногодневки «Внешкольный съезд». «Отдам в наш отдел внешкольного образования, у них есть школа для подростков», — сказал он, начиная читать на ходу газету.

Позднее нам встретился возвращавшийся эшелон. Красноармейцы тоже стали просить газет и литературы. Опять-таки могли дать только внешкольную литературу: о съезде, об устройстве библиотек и т. п. Красноармейцы с жадностью расхватывали брошюры и, не отрываясь, стали читать, точно голодные, набрасывающиеся на хлеб.

Спится ночью плохо. На каждой станции толпа с багажом — со всяким скарбом, уложенным в мешки, — с криком и шумом пробивается вперед. Лезут на крыши, и слышен по крыше топот над голсвой. Особенно велика толпа во Владимире.

[Ехать не скучно. Едут все старые товарищи, много из Выборгского района. Тов. А. рассказывает о своей работе на восточном фронте. Рассказывает, как пришлось начинать, не имея ни малейшего представления, как ведется война, не имея представления, что такое разведка, просто гоняли неприятеля из деревни в деревню. За год научились воевать. С белыми борьба идет отчаянная. Рассказывал, как раз заблудился, еле выбрался из деревни, занятой белыми. Всю ночь плутал. Дело было зимой. Выбился из сил, лег в стог и привязал лошадь к руке. Лошадь так и не дала заснуть, все дергала повод, а то заснул бы и замерз. Потом, когда добрался до своих, спал целые сутки. Бывало, пули пробивали одежду, но задело только последний раз: сломало руку и ранило в живот. А. лихорадочно торопится назад на фронт].

НИЖНИЙ И СОРМОВО

28-го июня.

Весь день ушел на переезды. Водворились, наконец, на «Красной Звезде» (бывший «Антон Чехов»). Рядом стоит баржа, окрашенная в ярко-красный цвет и украшенная рисунками. Эта баржа пойдет с нами: на ней будет кинематограф, книжный склад и магазин, электрическая выставка. На «Красной Звезде» — радио и типография, в пути будет

¹ В квадратные скобки взяты места, зачеркнутые в рукописи автором или кем-то другим.

выходить газета. В Доскинском затоне, где стоит наш пароход, тучи комаров, но местность прекрасная. Ока, гористый, покрытый лесом берег.

29-го июня.

Утром отправились в Нижний на собрание ответственных работников. Еле-еле пробрались в Кремль, где происходило собрание (во Дворце Свободы). Красноармейцы не пропускали даже с мандатами ВЦИК, о существовании которого они даже не знают. На террасе Дворца Свободы собралось 150 человек ответственных работников. Общее впечатление: очень хороший подбор работников, среди них много рабочих. Но речи звучали довольно неожиданно. Говорилось о «партийном кризисе», «об апатии» в рядах партийной организации, о «недостаточной связи с массами» и пр. Такая самокритика очень важна, само собой, но все же это как-то странно слышать: «оторванность от масс» — это теперь-то! «Уныние, апатия!» — точно на это есть время. Мы просидели на собрании около часу — потом надо было ехать на митинг в Сормово.

В Сормове нас встретила своя партийная публика — повезли сначала в так называемые «сормовские приемные комнаты», где напоили чаем и накормили картошкой, потом поехали на митинг.

В Народном Доме собралось около тысячи рабочих. Публика напряженно слушала, не было никаких ядовитых замечаний, недоброжелательных выкриков и прочего. Кроме нас, выступал еще один воткинский рабочий-красноармеец, говорил о зверствах белых, об их отношении к рабочим. Митинг закончился пением «Интернационала».

30-го июня.

Днем была в Губернском Нижегородском отделе народного образования, где была и представительница городского отдела. Обсудили сообща ряд вопросов.

Вечером было заседание Городского Совета. Заседание было очень малочисленное: 35—40 чел., когда всего членов совета около 80. Вероятно, это объяснялось тем, что заседание было посвящено вопросам народного образования.

Из доклада школьного отдела было видно, что работа идет в надлежащем направлении. Докладчица по внешкольной работе указывала, что наибольшее внимание уделяется рабочим районам, что не хватает людей, денег и пр., что от Наркомпроса за первое полугодие получено только 195 тысяч, что нет книг и т. п. Очень обстоятельно обсуждался вопрос о Советах народного образования.

1-го июля.

Вечером назначены были два митинга, один для рабочих водного транспорта, другой общегородской.

Митинг водников прошел с большим подъемом. Кроме нас, говорил матрос из волжской военной флотилии. Как хорошо научились у нас в России говорить!

Второй — общегородской митинг — был устроен в зале бывшего дворянского собрания, похожем на белый зал Дома Союзов. По случаю митинга «с иностранцами», как мы в шутку говорили, были специально приглашены профессиональные союзы. Народу собралось тысячи полторы. У входа нас встретила организация молодежи с красным знаменем, которое было опущено с восклицанием: «Да здравствуют вожди всемир-

ной революции!» Митинг прошел очень торжественно, и ораторы имели очень большой успех.

После митинга я осталась еще на прощальном вечере, устроенном по случаю отъезда на фронт работниц-санитарок. Их 45 человек, они кончили специальные курсы. Тов. Гуревич в краткой речи рассказала о том, как поставлена в Нижнем работа среди женщин. За два месяца (работа была начата лишь в конце апреля) в организацию удалось уже привлечь немало работниц. Приходится ходить по мастерским и там вести агитацию.

2-го июля.

Утром опять обсуждали детально работу в Губернском Отделе Народного образования, а вечером было собрание учителей городских школ обеих ступеней. На повестке было написано: явка обязательна. Собралось человек 400 учителей и учительниц.

Делала доклад об общей постановке дела народного образования в Советской Республике, причем, конечно, пришлось особенно долго остановиться на вопросе о трудовой школе. Только двое из учительства высказались за трудовую школу, в речах же других слышалось лишь недовольство своим положением, недовольство всякими новшествами, полное непонимание основ трудовой школы. Среди учительства немало членов бывшего Всероссийского Учительского Союза; влияние, по-видимому, на рядовых учителей имеют правые эсеры. Характерна речь одного правого эсера, учителя. Он говорил, что единство трудовой школы надо понимать в том смысле, что облегчен будет доступ наиболее способным ученикам в среднюю школу, но школа не должна менять своего классового характера. Двухступенная советская школа — нелепость. Первая ступень рассчитана на пять лет, но разве мыслимо, чтобы сын рабочего или крестьянина учился пять лет? Народ с трудом выдерживал и трехлетний школу, она ему не по карману. Для учителей оратор требовал усиленного пайка, повышенных ставок и двухмесячных отпусков. Собрание слушало его сочувственно.

3-го июля.

Утром была в Сормовском отделе Народного Образования. Ютятся в крохотной избушке. Население в работу отдела не втянуто. Труд в школе сводится к самообслуживанию. Имеются два Народных дома (только сцена — так что, вернее, два театра), библиотека в четыре тысячи томов, три маленьких библиотеки, имеется 30 тыс. книг, но нет для них помещения. Осматривали музей, состоящий из двух комнат с картинами. Сормовцы все в этом музее уже перебивали. Имеется рабочий клуб, помещающийся в уютном особняке. При нем чайная, читальня (с небольшим числом книг), несколько игр (шашки, шахматы). Говорят, в клубе бывает много народа. В Сормове имеется отделение городского Государственного Университета и общеобразовательные курсы, но и то и другое мало посещается рабочей публикой. Внешкольный отдел открыл только что у себя «Пролеткульт», назначив туда представителей от организаций. «Пролеткульт» находится в ведении отдела и имеет художественную, музыкальную и драматическую студии.

Каждую пятницу партия устраивает в Народном Доме митинг. Тем не менее, хотя во главе отдела народного образования стоит рабочий-коммунист, отдел для политического и коммунистического просвещения делает сравнительно мало.

Вечером у меня был доклад в Канавине, у коммунистической молодежи, на тему «Роль коммунистической молодежи в строительстве новой

жизни». Собралось человек 200 молодежи и человек 100 взрослых. После беседы подходит ко мне женщина, уже не молодая, в черном платке, с симпатичным, добрым лицом. Стала благодарить за доклад. «Очень хорошо все сказали, я уж поплакала на лекции-то». — «Чего же плакали?» — спрашиваю. «Сын у меня был 19 лет, ну, коммунист, ушел на фронт, убили... Знаю, за правое дело,— а жалко». Она утерла глаза кончиком платка. Потом, когда я уже уезжала и молодежь провожала меня, она опять подошла ко мне: «Младший сын, 13 лет ему, прибежал, говорит: «Мама, я все понял». Понимает уже, тоже коммунист».

4-го июля.

Вечером был митинг в Сормове. Собралось около пяти тысяч народу. Ораторы задержались в городе. Митинг начался в десятом часу, а рабочие пришли к семи. Но толпа не расходилась и даже не выражала нетерпения. Мне, после речи, подали несколько записок. «Почему паек считается равным для всех, а советские служащие в столовой едят, да еще к себе ведрами носят щи да кашу, да еще всякое в узелках?» — написано было в одной записке. В записках жаловались еще, что, когда в Сормове был пожар, обещали заплатить за прогульный день целиком, а заплатили лишь за четверть дня. Жаловались, что нельзя переезжать из губернии в губернию, что держат в тюрьме четырех меньшевиков... Но это были отдельные записки, а пятитысячная толпа, не двигаясь, ловила каждое слово. Митинг закончился пением «Интернационала», долго не смолкавшего.

Сормовские рабочие в сущности полурабочие, полукрестьяне: у них свои домишки, огороды, поля. Один, подавший записку, спрашивал, будут ли отпускать на полевые работы. Полукрестьянская собственническая психология, вероятно, и делает сормовского рабочего склонным поддаваться порой меньшевистской агитации. Но немало среди сормовцев и орлов-пролетариев.

5-го июля.

Была в партийной агитаторской школе. Главные средства на несдает военное ведомство. Курсы шестинедельные. Кончает уже четвертый выпуск. Около 100 человек курсантов с руководителями школы собрались в саду. Приветствовала их, указала на роль Коммунистической партии в борьбе рабочего класса за коммунизм. Взяла слово молодой красноармеец и от имени товарищей стал говорить, что все они готовы отдать жизнь на защиту Советской Республики. Затем пели очень хорошо «Интернационал», «Варшавянку» и пр., просили передать привет тов. Ленину. Общее впечатление от партийной школы самое благоприятное. Руководители сумели поставить дело на надлежащую высоту. Обстановка в школе скудная, библиотека плохенькая, но у курсантов стремление работать и учиться, прекрасное настроение, горящие энтузиазмом глаза. Хорошая школа.

В заключение побывала еще на дошкольных курсах. Там человек 80, 15 процентов рабочих. Все молодежь. Слушают тоже внимательно.

Завтра, наконец, двигаемся дальше! Хоть и плакались на оторванность от масс и прочее партийные работники, а работают хорошо.

ОТ НИЖНЕГО ДО КАЗАНИ

Первой остановкой после Нижнего было село Работки. Коммунистов там человек 6—7, и все они занимают какую-нибудь общественную должность. Председатель партийной ячейки — рыбак — жаловался, что

«спекулянты развертывают спекуляцию», а их — бедняков — совсем прижали высокими ценами на продукты. Исполком чисто крестьянский. Есть волостной отдел народного образования. Заведует им молодой парень, раньше состоявший в актерах. Круг его деятельности очень узкий — четыре соседние деревни, составляющие волость. Заведующий волостным отделом народного образования ни от кого — ни от губернии, ни от уезда, ни от района — никаких указаний не получал, о том, что ему надо делать, представление у него самое смутное. «Что прикажут, то и буду делать», — говорит он. Из культурных начинаний есть Народный Дом или, вернее, театр, так как ничего, кроме сцены и зала, в нем нет. Есть библиотека, но взрослое население почти ею не пользуется. Библиотекарь — совершенно юная девица, дающая ребятам «Дьявола» Толстого, а взрослым ребячьи сказки. Есть в Работках школа 2-й ступени. Член волостного Совета говорит: «учитель у нас ничего, еврейской нации». Учитель, действительно, ничего, естественник, ученики в школе даже работают с микроскопом. Учительница местная. В первый класс 2-й ступени набрались ученики от 14 до 19 лет. Попросили, чтобы учительница проходила с ними политическую экономию и историю культуры. Нашла учительница какие-то заудалые брошюрки по этому вопросу и читает их в классе. Помощи ей ниоткуда. Всю зиму подростки усердно ходили в школу, но после пасхи большинство ушло на волжские промысла или работает в поле.

В Работках подошли ко мне четыре бабы из Владимирской губернии, села (теперь города) Южина. Истошенные, замаянные. Стали просить пропуска. «Муж у меня в продовольственном отряде, — рассказывает одна, — писали, что заболел очень, потом вестей никаких не было. Хочу поехать в Сызрань, удостовериться — жив ли. Уж как тяжело жить, не поверишь! В месяц три фунта хлеба получили. Достать негде. Пошла за хлебом в деревню, а мне что, думаешь, говорят: «Твой-то муж в продовольственный отряд пошел, наших разорять да грабить, да мы лучше псу хлеб бросим, чем тебе продать». Трое ребятшек у меня. Ездили от нас к Ленину, то есть товарищу Ленину, сказал: 24 вагона высланы, а до сих пор ничего нет». У других баб нет мужей в продовольственном отряде, но и им хлеба не продают крестьяне, а ребята есть хотят. «Мы все коммунистки, — говорят они. — Если бы по 20 фунтов хлеба получать, разве поехали бы на муку такую! Вон гляди!» И они показывают, что за билет с них взяли 135 рублей, в десять раз дороже, чем надо, потому что они ехали без билета. Приехали в Работки, потому что там, по слухам, добрый комиссар, дает пропуска. В моем присутствии комиссар обещал бабам выдать пропуска. Он, конечно, не имел права это делать, но я промолчала. Куда как нелегко проводить некоторые декреты в жизнь! Потом я увидела баб уже у книжной лавки, стояли в очереди, чтобы купить книг. «У нас в Южине все есть: и Народный Дом, и библиотека, лектора приезжают, кинематограф имеется. Нет ли у вас каких новых книг?» Около баб вдруг вынырнул толстый, красный, кудрявый «сосед» из Южина... Видно, не все сказали мне бабы, как едут за хлебом не досказали.

В Васильурске, Юрьине и Козьмодемьянске я не сходила на берег — была больна. В Козьмодемьянске ко мне на пароход приходил один из трех инструкторов по внешкольному образованию. Приходивший инструктор — бывший сельский учитель, молодой еще парень, знает хорошо черемисский язык (горных черемисов) и работает среди них. Характеризует их, как народ очень умный, с хитрецей, настойчивый, упорно добывающийся раз поставленной цели. Национализма среди них нет совершенно, и они тянутся к русской культуре. Другое дело — чувашаи...

Чебоксары. В Чебоксарах встретила одного старого товарища — кронштадтского матроса, которого знала с июльских дней 1917 года по Питеру. Он продовольственный комиссар, и это дело у него хорошо налажено. Заседание с Исполкомом состоялось в Рабочем Коммунистическом клубе в присутствии многочисленной публики. В Чебоксарах заседания Исполкома, посвященные принципиальным вопросам, делаются открытыми, и члены Исполкома указывают на то, что от этого никаких неудобств не происходит.

В Чебоксарах ведется работа среди женщин. Много уделяется внимания детям и делу народного образования, как это бывает почти всегда, когда во главе Исполкома стоят рабочие.

Вечером была на курсах для учителей по сельскому хозяйству и по внешкольному образованию. Большинство учителей в Чебоксарах стоит на платформе советской власти, и это сейчас чувствуется. Учителя — после дискуссии по моему докладу — выразили ряд пожеланий, а именно: 1) чтобы были отведены под школы сколько-нибудь сносные помещения; 2) чтобы трудовая школа не сводилась к самообслуживанию. Самообслуживание в школах первой ступени тяжело отражается на детях: надо колоть дрова, носить воду на гору и т. п. На занятия не остается времени. Многие родители берут из-за этого детей из школы. Надо внести в смету сумму на оплату сторожа; 3) чтобы на учителей не вваливалось, кроме их прямых обязанностей, еще внешкольное образование и разные другие работы, как это делается теперь: учителю некогда самому учиться.

Готовность среди учительства работать над созданием трудовой школы — большая.

После Чебоксар вечером уже заезжали в Марьинский Посад, где много рабочих и где был устроен громадный митинг.

КАЗАНЬ

В Казани мы застали еще полный хаос. Казань считалась в это время «укрепленным районом», и по этому случаю там были упразднены городской и губернский исполкомы. Вместо них был учрежден так называемый «гражданский комитет», состоящий из трех лиц. Фактически работало одно лицо. Упразднив исполкомы, оставили, однако, их отделы, которые оказались как-то сами по себе, неизвестно при ком.

Стоящая во главе тройка (в том числе один петроградский рабочий — с Выборгской стороны) разрывалась буквально на части и надрывалась над работой, но дело плохо двигалось вперед, связи с массой не было.

При нас происходил съезд Советов Казанской губернии, знаменовавший переход управления в руки Совета.

При выборах на съезд была установлена норма: одна треть коммунистов, две трети — беспартийных крестьян. Тут удивительно не столько то, что захотели провести так много беспартийных крестьян (хотя и это чудно), а то, что вообще устанавливается какая-то норма для выборов. Коммунистов прошло все же, кажется, больше одной трети. Но повторяю, мы были в Казани как раз в самый хаотический, переходный период.

В день приезда прочла в газетах, что вечером я выступаю в Университете на митинге интеллигенции. На доклад собралось человек 700... В первом ряду сидела крестьянка в высоких мужских сапогах, с крас-

ным платком на голове, мелькали и другие лица, крестьянские и рабочие¹.

.....станьте сочувствующим». Говорил еще один учитель на тему, что партия обезличивает, связывает человека. Ему горячо возражали. Долго затянулся митинг. Под конец осталось человек сто рабочих, учителей и учительниц народных школ, которые забрасывали вопросами, потом пели «Интернационал», посылали приветы товарищу Ленину, провожали автомобиль.

Дело народного образования стоит плохо. В городе функционируют лишь бывшие частные библиотеки, остальные все и в городе и в губернии реквизированы. Реквизировано до 300 тыс. томов. Из них предполагается выделить библиотеку-читальню, устроенную в центре, остальные распределить по уездам. Но разбор книг подвигается черепашьям шагом, книги пока что свалены в Рабочем Дворце, а Отдел ждет помещения. Губернским отделом устроены четырехмесячные курсы по внешкольному образованию с довольно бессвязной программой и лекторами вроде Медынского и Евдокимова. Евдокимова я отвела, он ведь правее правого, к тому же жет мистик и пр. У курсов нет помещения, хотя занятия уже начались. Вообще относительно помещений необходимо принять экстренные меры.

Воснный Комиссариат занимает буквально все школы, детские общежития — а самое главное, это делается зря. Казармы рядом стоят пустые. После поста школьные помещения приходят в полную негодность. В городе — если не считать занятия помещений войсками — школьное дело стоит недурно и с учителями налажены хорошие отношения. Но меня удивила резолюция, принятая недавно учительством и одобренная заведующей школьным отделом. В ней говорится, во-первых, что все виды ручного труда имеют одинаковое воспитательное значение, и, во-вторых, что занятия науками и занятия ручным трудом должны вестись на отдельных уроках. Эта резолюция является ярким выражением полного непонимания принципов трудовой школы. Воспитание трудолюбия вообще и разделение труда физического и умственного.

В Казанском уезде дело поставлено недурно. Была я там на учительских курсах (по школьному и внешкольному образованию) в бывшем имении Пановка, где живут и учатся 250 учителей и учительниц. Работают довольно интенсивно. Кроме этих курсов в Казанском уезде есть еще двое курсов: для татарских учителей (человек на 300) и еще для русских (человек на 150). Таким образом через летние учительские курсы проходит все учительство Казанского уезда, что, конечно, не может не отозваться на повышении его уровня.

БО ГОРОДСК

Богородск — большое село на Волге, около Камы. Заведующий волостным отделом народного образования, как и большая часть села, уехал с ночевкой на сенокос. Население хлебопашеством занимается мало, больше садами, главный источник заработка — Волга.

Удалось переговорить лишь с одной учительницей. В Богородске пятиклассная школа первой ступени, ютящаяся в трех зданиях; пять учителей. Одна учительница больна, другая в отпуску, две на курсах в Тетюшах, очень довольны курсами. Со мной говорила пожилая учительница, учительствующая в Богородске более тридцати лет. Она тоже указывала на трудность для учеников первой ступени самообслужива-

¹ Здесь в рукописи пропуск, недостает одной страницы.

ния (в городе — в Казани — самообслуживание не носит такого тяжелого характера; кроме того, 56 рублей, предназначенные на чистоту, там идут на наем уборщицы, в селе этого делать не позволяют). Говорила о плохих помешениях для школ. Учителя сочувствуют советской власти. Газет никто не получает, только в Совете получают, да и то через полтора-два месяца по выходе. Детей родители после пасхи всех разобрали, о летней школе и думать не приходится. Весной учителя развели огород, но родители смотрят на огород косо, считая, что работа на огороде — это эксплуатация труда детей. Новых методов в преподавание вносится мало. Учителя вздыхают по новым учебникам. Приехал как-то уездный инструктор. Спрашивает его учительница, как теперь учить истории. «Ну пусть выучат о славянах, у славян вече было». — «А дальше чему учить?» — «Дальше инструкции будут присланы». Ни Народного Дома, ни библиотеки, ни каких-либо чтений в Богородской волости не водится. Были зимой три избы-читальни на волость, но теперь закрыты по случаю летнего времени.

Л а п ш е в. Лапшев в трех верстах от пристани. Дорога чудесная, идет перелесками, рожь, цветы, благодать... Сначала нас направили в коммунистический клуб на заседание Исполкома. Отдел народного образования за городом, на ферме. Заведующего отделом нет в городе, заместитель его — молчаливый парень. Наводила справки у секретаря и инструкторов. В школах ученье ведется по старинке, нет учителей. В уезде несколько Народных Домов. Понимание задач Народного Дома неверное, они приравняются к театрам. Раньше при Народном Доме в Лапшеве была библиотека, но она теперь удалена оттуда и Народный Дом превращен в театр. Библиотечное дело не на высоте задач. Во время нашего посещения Лапшева все библиотеки и в городе, и в уезде были закрыты по распоряжению заведующего, уехавшего покупать книги. Школ для взрослых никаких нет.

Что касается учительства, то для учителей и учительниц устроены сельскохозяйственные курсы. На них 300 человек. Учителя показались мне какими-то запуганными, большинство молоденьких очень девушек, много татарок. Днем пришла ко мне делегация от учительства, пять человек замечательно славной молодежи. Сельскохозяйственными курсами они недовольны. Курсы эти двухнедельные, читает на них несведущий агроном, которого никто не понимает, при школе есть земельный участок, но нет ни лошади, ни плуга, ни другого инвентаря, так что практических занятий нет. Учителя жаждут курсов по общественным вопросам и по трудовой школе. Очень просили прислать заведующего из центра. Жаловались на отсутствие школьных зданий и на задержку прибавок.

Хотя партийная ячейка в Лапшеве очень мала, но партийная работа поставлена хорошо, помогают сочувствующие.

В Рыбной Слободе выяснилось, что Комиссариат Внутренних дел, не говоря ни слова Наркомпросу, упразднил волостные отделы народного образования и перестал выплачивать жалованье их заведующим¹, и те перешли на другие места. В Рыбной Слободе ушел очень хороший заведующий делом народного образования, которое передается в руки учительства, не пользующегося доверием населения.

В Рыбной Слободе население делилось на две части: богатых купцов, выделившихся на отруба и занимавшихся торговлей, и безземельных, занимавшихся кустарными промыслами, — изготовляли украшения для инородцев: бусы, кольца и пр. Богачи ушли с белыми, пролетарская часть пошла за красными. Землю отрубников взяли в общественную

¹ Теперь волостные отделы восстановлены. (Примечание автора.)

собственность и дали в пользование безземельным. «Объелись они землей, что называется», — заметил бывший заведующий волостным отделом народного образования. Они, конечно, за советскую власть, наделившую их землей.

Настроение учительства меняется в зависимости от приближения белых. Ученье ведется по-старому. О трудовой школе учителя ничего не знают. Завтраков не вводили, так как дети в них не нуждаются, а 10 тысяч, данные на завтраки, употребили на ремонт школьных помещений, без чего невозможны были бы занятия в школе. При школе заведены довольно обширные участки земли, которые обрабатываются наемным трудом (дети на обработку земли и сами не хотят ходить, и родители их не пускают). Продукты с земельных школьных участков пойдут в будущем году на кормежку школьников. Население ненавидит слово «школьная коммуна», и когда отдел раздавал детям материю на рубашки, многие родители заявляли, что только при том условии возьмут материю, если детей не будут заставлять работать в коммуне. Между школой и населением нет никакой духовной связи, что рисует уровень учительского персонала. В волости три библиотеки-читальни, не функционирующие летом. Вечерних школ для взрослых нет. В Народных Домах даются только спектакли. Иногда учителя читают вслух населению у себя в школе.

Ч и с т о п о л ь. Уездный город с 35 тысячами жителей, большой, нарядный. Повезли нас сначала в клуб коммунистов — помещение, брошенное каким-то купцом, ушедшим с белыми. Все очень нарядно и уютно. Устроили небольшое заседание с Исполкомом, а потом разошлись по отдела.

Отдел Народного Образования занимает тоже недурное помещение. Хотя заведует им коммунист, но он, видимо, в плену у учительства. По мнению заведующей школами, дело со школами, даже со второй ступенью, обстоит вполне благополучно: введено иллюстративное рисование, лепка. Затем учителя и учительницы обучались столярному и слесарному ремеслу. Дети ходят в школу охотно. Труд в школах практикуется лишь как метод. Закон божий не преподается, но иконы в школе оставлены, чтобы «не раздражать население». По внешкольному образованию имеется один инструктор, считающий, что нельзя вмешивать политику в культурную работу. Нигде я не видала такого планомерного саботажа мероприятий советской власти в деле народного образования.

Организацию Совета народного образования Отдел считает ненужным: мы-де тут между своими, постоянно видимся с учителями, а что касается обывателя, так он ничего нового не внесет. Я указывала, что в Чистополе есть рабоче население, есть заводы, Отдел совершенно с ними не связан, они не втянуты в работу, для рабочих нет библиотек, школ для взрослых и пр. Заведующий сказал, что однажды была попытка создать Совет народного образования. Разосланы были повестки профессиональным союзам и другим «трудовым организациям», но никто не явился. На мой вопрос, было ли предварительно разъяснено организациям, что такое Совет народного образования и почему им надо принимать в нем участие, получила ответ: «Нет». Явно, Совет созывался лишь для виду.

На другой день был «митинг интеллигенции». Набилося около тысячи человек. Сейчас же почувствовалась иная атмосфера, чем в Казани. Там было много рабочих, тут исключительно озлобленный обыватель и учитель. Делала доклад на тему «Интеллигенция и советская власть», жиденько похлопали и стали ждать. Слова попросил некий К., отрекомендовавший себя деятелем Высшей школы, представителем научной педагогики, которому поручено реорганизовать учительскую семинарию

в Чистополе. Попросив разрешения говорить по существу, он заявил, что согласен с положениями докладчицы о трудовой школе... и начал лить крокодильевы слезы о чрезвычайках, арестах, невозможности для него, деятеля Высшей школы, выступить в печати, которая захвачена далеко не лучшими элементами. Призывал учительство не вступать в «союз социалистической культуры и просвещения», а оставаться во все-русском учительском союзе. Вслед за К. выступило еще несколько учителей с ярко выраженной учредилловско-эсеровской замашкой и разглагольствовало о свободе печати. Публика аплодировала.

Пришлось в заключительном слове говорить о буржуазной свободе печати, о том, почему приходится подавлять сопротивление буржуазии и белогвардейцев при помощи чрезвычайек и т. п. К. посерел, обыватель замолчал, а кое-кто из учителей стал оправдываться...

Вечером был митинг совсем другого рода. К нам причалил пароход с двумя с половиной тысячами красноармейцев (70 процентов из них бывших колчаковцев). Выстроились на берегу, подошел еще местный гарнизон, местные рабочие. На высокие мостки взобрались наши ораторы, далеко по воде неслись их страстные речи. Слушали красноармейцы и клялись сражаться за советскую власть до последней капли крови. Каждая речь покрывалась громом аплодисментов. Казалось, тихий вечер, вся обстановка, все создает какую-то великую, крепкую духовную связь между ораторами и толпой. Мощно грянул «Интернационал», а потом «Варшавянка». Видно, что сибиряки. Долго не забуду этот митинг.

ЕЛАБУГА, ЕЛАБУЖСКИЙ УЕЗД, 6. ВЯТСКОЙ, ТЕПЕРЬ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Делом внешкольного образования заведует [Степанова] — коммунистка. Дело народного образования в городе и уезде поставлено сравнительно хорошо. Имеется 306 школ для взрослых, 20 районных библиотек (с особыми библиотекарями), 71 культурно-просветительный кружок, 6 Народных Домов, 2 пролетарских клуба. Заведующая работала еще при старом земстве и была оттуда изгнана за то, что в библиотеках оказалась большевистская литература.

Что касается учительства, то оно держится лояльно, хотя считает себя угнетенным. Сдержанное поведение учительства производит странное впечатление. Колчак расстрелял 15 учителей, перепорол многих, выпорол даже 15-летнюю епархиалку, заподозрив ее в коммунизме. И все же и после расправы Колчака учительство плохо понимает совершающееся и подчиняется за страх, а не за совесть. В вопросе об единой трудовой школе учительство нейтрально, не проявляет инициативы. Часть учителей ушла с белыми. Чтобы ввести всеобщее обучение, надо значительно увеличить число преподавателей.

Отдел Народного Образования организовал краткосрочные (3-месячные) курсы по подготовке учащихся. Однако ясно, что трех месяцев недостаточно, ибо уровень слушателей очень низок. Набрано человек 150, преимущественно молодежи. Когда я приехала на курсы, там проходили дробы. Доклад выслушали с большим вниманием. Настроение хорошее, гораздо лучше, чем среди учителей. На митинге учителей — тоже слушали внимательно, но вопросов не задавали, подали лишь 2—3 записки а н о н и м н ы е, касающиеся разных местных дел.

[В местном партийном комитете (интеллигентском по преимуществу) идет невылазная склока: степановцы и тургановцы точно Монтекки и Капулетти. Все это, конечно, чрезвычайно плохо отражается на деле. .

Отдел «угощал» нас фруктами и обедом, что было весьма-таки неприятно, мешанство уж очень большое].

Бондюжский завод. К рабочим приезжаешь все равно что к своим. Нам навстречу вышло более тысячи рабочих с красными знаменами и пением «Интернационала». Потом мы отправились в завод. Отдела Народного Образования там нет, но есть культурно-просветительная комиссия при профессиональном союзе, каковой дал на просветительную работу 5700 рублей из 25-процентных отчислений, а затем деньги, полученные от спектаклей. При коммунистическом клубе имеется очень хорошая библиотека с хорошо подобранными новейшими книгами по общественным вопросам. Есть театр-коммуна, где происходят разные собрания. Хотят открыть технические курсы, на которые большой спрос. Неграмотных почти нет, так что в школах грамоты надобности нет. Учителя — коммунисты и сочувствующие. Особо хороши двое мусульманских учителей-коммунистов.

Цикуленко инструктировала библиотекарей.

Я вместе с учителями 2-й ступени разработала программу школы 2-й ступени на Бондюжском заводе. Затем посоветовала при технических курсах завести отдел общественных наук и предложила им программу, которую они охотно приняли. Вообще беседа с заведующими и учителями, должно быть, была не бесполезна.

На другой день устроили женский митинг, нашло человек 200 женщин с грудными и малолетними ребятами. Половина рабочих на Бондюжском заводе татары, так что и тут было больше татарок. Мою речь перевели на татарский язык. Кое-кто из женщин жаловался, что партийный комитет не берет женщин в партию. Не знаю, насколько справедливы были эти нарекания, но я подняла вопрос о необходимости комитету помочь женщинам сорганизоваться и втянуть их в общую работу. Митинг женский прошел удачно. По случаю нашего приезда соорудили трибуну на лужайке, и вечером мы устроили митинг. Рабочие слушали напряженно и, говорят, остались митингом очень довольны.

Николо-Березовка. Это уж настоящая деревня. На собрании исполкома председательствовал пожилой крестьянин. От сельского исполкома делал доклад Борисов, черемис, старый партийный работник, очень энергичный; от волостного — секретарь. Население очень озлоблено на белых, которые угнали весь скот и обобрали крестьян дочиста. На митинг собралось много народу, слушали внимательно, хотя Вознесенский закатил двухчасовую митинговую речь. В Н.-Березовке много народу из голодающих губерний (Нижегородской) и беженцев (напр., из Оханска). Все находят работу. Надо сказать, что никола-березовские рабочие проявили большую инициативу в организации собственных артельных мастерских. Борисов очень озабочен культурно-просветительной работой. В Николо-Березовке есть библиотека с особым библиотекарем, книги есть, и новые по общественным вопросам. Есть издания 2-й армии. Кроме того, устроен детский сад, где по вечерам с детьми играют и беседуют учителя. В саду гигантские шаги, качели, гимнастика. В токарной мастерской готовят крокет. Клуба нет. Народного Дома нет. Товарищ Борисов был делегатом на IX съезде партии и рассказывал, что после нашего заезда в Николо-Березовку не только там, но и по соседним деревням широко развернулась культурно-просветительная работа, крестьяне очень довольны и составляют приговоры, чтобы опять к ним приехали из центра...

В Камбаровском заводе все учителя сбежали к белым, осталось три человека, один недавно пришел пешком из плена. Школы белые превратили в конюшни, и до сих пор лежит там навоз. Вся культурная работа разрушена. Камбаровский завод — Осинского уезда,

170 верст от уездного города. В Камбаровке пришлось выступить еще на митинге 250-го стрелкового полка. Было две тысячи человек. Митинг прошел с громадным подъемом — надеются разбить и Деникина, как разбили Колчака.

С а р а п у л. Сначала пришлось выступить на митинге красноармейцев, который, как и все красноармейские митинги во 2-й армии, прошел с большим подъемом.

Потом поехали в Исполком, а оттуда в Отдел народного образования. Заведующий отделом Матвеевич — коммунист, зав. внешкольным образованием тоже коммунистка — Седельникова; у нее прошлой осенью сразу расстреляли отца, мужа и брата. Хорошая она, ее тоже хотели расстрелять, да пришли красные и освободили. Затем инструктором тут совсем молоденькая девушка, но очень серьезная и дельная, кончившая университет Свердлова.

У них есть детский центр, клуб (150 человек), три площадки (всего 120 человек). Есть при каждом заводе клуб свой, создается центральный клуб. Реквизированные книги распределяются по волостям. Существует довольно большая центральная библиотека, и другая, рабочая библиотека при заводе. Последняя очень хорошо функционирует. Школ грамоты три, эвакуация помешала этому делу развиваться.

Вечером на пароход пришел и вызвал меня Азин, имя которого так славится по Уралу. Отрекомендовал он себя как народовольца. Ни с каким народовольчеством он не связан, как потом стало видно, и почему он так себя рекомендовал — непонятно. На вид ему лет 25, в действительности — 34. Он весь изранен, с забинтованной ногой, ходит, спираясь на саблю. Он — любимец восточной армии. Заслужил он любовь, очевидно, своим «солдатским коммунизмом». Хотя Азин — казачий офицер, но он находит, что слово «офицер» позорно, что должно остаться только слово «командир», негодует, что создано название «красный офицер». Мы все товарищи, между нами нет офицеров, не должно быть. Я не коммунист, говорит он. Коммунисты должны быть братьями, а у нас что: коммунист командир получает 3 тысячи, а коммунист стрелок — 350 руб. Это вызывает, по его словам, возмущение солдат и отталкивает от коммунистов. Азин называет империалистическую войну «немецкой», и вообще по части теории он слабоват. Что его заставило встать в ряды Красной армии — это любовь к нему солдат-рабочих. Азин человек отчаянной отваги и удали, но вместе с тем и человек жестокий. Война все же ужасно озверяет людей. Сейчас Азин прочно уже связан с советской властью, ему некуда податься, и солдаты не дадут уйти, очень он к ним привязан. Он говорит, что пропагандирует, чтобы командир был отцом своих солдат. Крепостнического характера этой «отеческой» заботы он не чувствует. Сам он отнимет и сыр, и папиросы у кого придется и отдаст солдатам. Азин говорит, что знает старую царскую и новую Красную армию. В старой не было никакой внутренней дисциплины, в новой эта дисциплина громадна. Но все же, хоть и называет он себя командиром, а не офицером, офицер в нем сказывается. Вдруг выпаливает такую фразу: «Слишком часто устраивать митинги не надо. Митинги порождают у солдат разные вопросы». И не понимает, что говорит. Сейчас горит желанием разбить Деникина. Очень интересный тип, жизнь свою двадцать раз на дню готов отдать за советскую власть, а что такое коммунизм, не знает толком¹.

На другой день вела беседу с учителями. Собралось человек сто. Пели «Интернационал». Учителя здесь, в Сарапуле, организованы в Союз работников просвещения и социалистической культуры. Предсе-

¹ Дальнейшая судьба Азина такова: под Царицыном он был вновь ранен и перенес столбняк, на Кубани попал в руки белых и был ими замучен. (Примеч. автора.)

дательница Смирнова недурно говорит и вообще производит недурное впечатление. Потому ли, что антисоветские элементы ушли с белыми, или почему-либо другому, но учителя держатся свободнее, чем в предыдущих городах (Лапшеве, Чистополе, Елабуге). По задаваемым вопросам видно было, что учителя задумываются серьезно над проведением в жизнь трудовой школы. Потом заведующий школьным делом спрашивал меня — правильной ли тактики он держится по отношению к учителям? Он считает, что учительство не следует травить, а надо работать над его политическим воспитанием. Я сказала, что согласна с ним. Вообще в Сарапуле Отдел Народного Образования мне чрезвычайно понравился, понравились и учителя.

Воткинск и завод. Раньше в Воткинском заводе было более 40 тысяч, теперь около 20. Часть перебита белыми, часть в страхе разбежалась кто куда, часть белые принудили уйти с собой. Белые приходили два раза: 17 августа 1918 года и теперь — в апреле — и оставались до половины июня. Завод разрушен, работы еще не возобновились целиком, школьные помещения приведены в негодность, учебники и учебные пособия уничтожены, библиотека сожжена, все культурные учреждения разорены. Перепуг населения вполне понятен. Город не получает газет, в нем нет радио, он оторван от всего света. Когда пришли белые, они заявили, что Петроград и Москва взяты, Красная армия разбита и прочее, и обыватели поверили этому. Им казалось, что на них надвигается какая-то непреодолимая сила. Оружия не было. Белые чинили невероятные зверства. Устроили, например, костер, на который сложили около трехсот трупов, вырытых из братской могилы. Мертвые корчились на огне, а ребят заставляли подкладывать под костер дрова. В первый раз, как приходили, многих поарестовывали и свезли на баржу, а потом десятками выводили на берег каждый вечер за пленницы и прикалывали там их. Бросали в вырытые могилы, которые зарывали не тотчас, а набросав туда же приколотых на другой день. Двое ушли из этих раскрытых могил: у одного было восемь штыковых ран, у другого — шесть. Ходили по домам, отнимали все имущество, деньги, били плетью. Натерпелся народ. Гражданская война захватила и ребят. Часть ребят называет себя красными, другая — белыми. Теперь многие из разбежавшихся возвращаются.

Говорили — в Воткинском заводе контрреволюционное настроение. Это не так. В свое время завод много вынес, в 1906 он потерпел дикую расправу царских опричников, потом в заводе преобладали меньшевики, говорившие сами про себя: «мы партия мелкобуржуазная», потом пришел Колчак, потом красные, потом опять Колчак, потом опять красные... Всем этим население запугано до крайности и боится верить кому бы то ни было, даже красным. Но когда приехал наш пароход, мы взбудоражили все население. Первый митинг в саду был очень многочислен, но собралось много обывателей, и потому не было того общения со слушателями, какое бывает, например, на заводе. Зато на другой день митинг на тему «Две власти», устроенный в полуразрушенном белыми заводе, удался как нельзя лучше. Мужчины все больше пожилые — молодые на фронте, порядочно женщин и подростков. Те слушают особенно внимательно, что называется, едят глазами, с серьезными-серьезными рожицами. Дети много пережили за это время, и эти переживания оставили на них особый отпечаток. Устроен был и женский митинг. В женскую организацию входит 120 человек, но очень много еще сочувствующих. На митинге было человек 700, слушали с глубоким вниманием. Иванов говорил о питерских рабочих, я — о тяжелом положении женщины и о том, как освобождает женщину советская власть. Говорила также и о непосредственных организацион-

ных задачах воткинских женщин. Бутовцев говорил об охране женского труда. Когда запели «Вы жертвою пали», раздалась рыдания: в редкой семье нет убитых белыми. У воткинских женщин есть свой клуб, очень уютно устроенный. Бюро женщин не имеет ни копейки денег, все работают в нем бесплатно, думают открыть кофейню и доходы с нее отдавать в пользу женской организации. По воскресеньям — летом — женщины разъезжаются по деревням: помогают крестьянкам работать и ведут среди них агитацию, имеющую большой успех.

Я была также на заседании комитета коммунистической молодежи. Перед приходом белых в организации было 900 коммунистов, при организации были «дома юных коммунистов». Когда пришли белые, часть коммунистической молодежи пошла на фронт и вся полегла под Екатеринбургом, другая часть была перестреляна в Воткине. Были расстрелы даже ребят 13—14 лет, посещавших «дом юного коммуниста». Теперь организация возобновляется, молодежь открыла свой клуб, купила на 42 тысячи книг (деньги им были кем-то пожертвованы). Комитет очень юный, но очень искренний и горячий...

На третий день нашего пребывания в Воткине учительницы и учителя приехали вместе с детьми на «Красную Звезду». Дети пошли смотреть кинематограф, а с учителями я устроила собрание. Вместе с представителями отдела было около 30 человек. Я сделала подробный доклад об единой трудовой школе и организации учительства. Говорили только двое — один старик учитель, другая учительница. Учителя заявили, что теперь им понятно, что такое трудовая школа. Учительница спросила: «Из вашего доклада вытекает, что школа должна быть связана с населением и местной трудовой жизнью. Тогда выходит, что в каждой местности должна быть своя программа, а между тем из центра прислана программа маловыполнимая, но требуется строгое ее проведение в жизнь. Как быть, можно ли ее приспособлять к местным условиям?» Я сказала, что можно.

Старик учитель оказался техником, выстроившим, ничего не беря за труды, гимназию, оборудовал ее столярной и слесарной мастерскими. Очевидно, он задумывался над вопросом о трудовой школе. Ушел он удовлетворенный.

Учителя организованы в Союз работников социалистической культуры и просвещения.

Совета Народного Образования нет, значение его было неизвестно отделу, собираются открыть.

Детвора прекрасно поет революционные песни.

Оса, Пермской губ. Оса только полтора месяца как оставлена белыми. Раньше в Осе было 5 тысяч населения, теперь 12—14 тысяч. До сих пор Оса, как и Воткинск, отрезана от всего мира. С волостными исполкомами город был связан телефонами. Теперь эта связь еще не восстановлена. В Осе один только кожевенный завод, и то небольшой. Когда мы приехали и нас повезли в город — мы ехали мимо завода, — встречать нас вышли рабочие с женами и детьми, всего человек сто, с красным знаменем. У бывшей Земской управы нас встретили советские служащие тоже со знаменами. Исполкома еще нет, управляет Ревком. До нашествия белых, по словам самих же коммунистов, царила «исполкомщина», была масса расстрелов, и население не сочувствовало. Красным Ревкомом население очень довольно, «вот теперь у нас настоящая советская власть», — говорит население. Ревком, действительно, выдержанный. Состоит из двух уральцев, один из них пробыл десять лет на каторге. Деревня, точно так же как и город, стоит теперь на стороне советской власти. Повидали белых и возненавидели их.

Что касается дела народного образования, оно поставлено слабо-ваго, что и понятно, так как белые разорили все школы. Офицеры разбили физические кабинеты, рвали книги и прочее. Времени с тех пор прошло лишь полтора месяца. Коллегия состоит из трех человек, да еще заведующего. Только представитель мусульманской секции коммунист, остальные беспартийные. Ревком назначил в коллегия еще своего представителя, товарища Бабушкина, только что приехавшего из Москвы со школьно-инструкторских курсов. До сих пор отдел ниоткуда не получал никаких директив и указаний, с центром связи не было, что получали, так только от политотдела 2-й армии. От губернского города — Перми — помощь исключительно денежная. Да и то на днях пришла из Перми бумажка, в которой говорится, что деньги будут даны лишь в том случае, если будут присланы точные сведения, сколько имеется в Осе епархиальных училищ, духовных, начальных, высших начальных, гимназий, реальных училищ и пр. В Осе все школы, как и во всей России, преобразованы в школы 1-й и 2-й ступени. Отдел не знает, что отвечать... Насчет трудовой школы — все готовы ее проводить, но не знают как. Сейчас учительницы работают на площадках и в яслях, желающие могут записываться в воскресенье на полевые работы. Учителя входят в профессиональный союз советских служащих, на днях организуется Союз работников социалистической культуры и просвещения. Для поднятия сознательности учительства устраиваются курсы-съезды. В прошлом году было три таких съезда. В этом году съезд будет в августе. Съезд мусульманских учителей назначен на 15-е августа. Мусульманские учителя очень хорошо относятся к советской власти, которая внесла существенное изменение в их положение. Раньше они жили добровольными даяниями богатых людей, теперь получают определенное жалованье от государства и независимы от богатеев. Театральные представления имеют громадное значение в жизни мусульман. Тот, кто идет в театр, рвет с исламом. И вот теперь таких рвущих с исламом все больше и больше. Мусульманские женщины не только ходят в театр, но и сами играют. Спектакли в мусульманских деревнях ставятся теперь повсюду.

В области внешкольного образования Отдел открыл сто изб-читален, но они прозябают, потому что нет ни газет, ни новой литературы...

Народных Домов в городе нет, в уезде было 48, сколько теперь — неизвестно. До эвакуации школы для взрослых были в каждом селении, теперь неизвестно.

Совета Народного Образования еще не успели организовать.

В Осе существует б у р о ж е н щ и н. Главной организаторшей является латышка, сестра милосердия, раненная два раза на фронте, по-видимому, хорошая завод стоит. Население Нытвы — 6-7 тысяч. Место глухое — нет ни газет, ни телеграфа. Работа по народному образованию идет вяло; существует только один Народный Дом с библиотекой-читальней и больше ничего. Чтений вслух не велось, Совета народного образования нет, деньги до сих пор на внешкольное образование не получались. Детских садов, площадок, очагов, яслей нет. Население боится, что за ясли на них наложат особый большой налог, и заявляет, что они сами могут следить за детьми и во время полевых работ. Тут сказывается

явное недоверие населения к Отделу, чего не было бы, если бы был Свет народного образования. Школьное дело также плохо обстоит: учителя, особенно 2-й ступени, сбегали с белыми, оставшиеся не организованы, нововведений в школе не заводят. Детского школьного самоуправления нет, школьных советов нет, трудовое начало не вводится. Учителя не знают, как это сделать, и говорят, что нет материала.

Съезд учителей района был в декабре 1918 г.

В Нытве, кроме Волостного отдела народного образования, существует еще районный отдел, состоящий пока из одного человека. Район охватывает десять волостей. Заведующий указывает, что ему не известно, как надо организовывать район, что инструкций на этот счет никаких нет. Вопрос о районе — крайне важный вопрос. Содержание районного отдела будет стоить немало, так как при районе необходимы инструктора. Если районным думают заменить волостные отделы народного образования, то цели это не достигнет. Инструктор района все равно будет человеком, чужим населению, заезжающим в село лишь очень редко, и его не будут слушать. Сейчас в Нытве четыре школы 1-й ступени и пять в волостях, школ 2-й ступени две и учительская семинария. Особенность работы Нытвинского отдела народного образования та, что в Нытве существует культурно-просветительное общество, открытое 21 июля 1919 г.; оно разбивается на две секции: лекторскую — семь человек, секция искусства — пятнадцать человек. Члены общества — учащие и учащиеся. Поставили за это время два спектакля. Заведующий районным отделом только что приехал в Нытву. Он — коммунист, понимающий дело, но вообще Нытва страшно нуждается в людях.

Пермь. Заведует Отделом народного образования в Перми бывший учитель — коммунист. Кроме него, в Отделе нет ответственных работников, если не считать девицу, заведующую внешкольным образованием, очень симпатичную, но малоопытную, по-видимому, и другую — дошкольницу.

То, что заведующий — учитель, сказывается в его равнодушном отношении к внешкольному образованию. Он не понимает его духа, все внимание его направлено на школьное дело, на подготовку учителей...

Обсуждая с Отделом смету, пришлось натолкнуться на необыкновенно большую смету по содержанию служащих Отдела. Намечается туча инструкторов, причем инструктора по узким специальностям: музыкальному делу, вокальному, театральному и прочее, инструкторов же организаторов нет, и их не предполагалось иметь. Особенно бросается в глаза, как Пермь (то же в значительной степени было и в Казани) оторвана от мест, как мало знает их потребности. Уезд все же ближе к волостям, ближе к массам, а губернские отделы порядочно-таки висят в воздухе. На работу среди крестьянства совершенно не обращено внимания. Имеется в Перми университет с ректором и тремя профессорами, остальные ушли с белыми. Отдел надеется их поймать в Кунгуре или Челябинске, но что же это будут за профессора и что за университет с такими профессорами? Характерно, что теперешний ректор поднял вопрос о мобилизации студенчества для обучения грамоте...

Выступала еще в Перми на красноармейском митинге. Пришел меня звать на митинг 1-й батареи агитатор этой батареи. Я согласилась, и что же — вместо 250 человек оказалось 6 тысяч! Агитатор этот — бывший священник, подвергавшийся и раньше всяким преследованиям. Когда до него дошла весть об Октябрьской революции, он сбросил рясу и стал агитатором. Говорит он горячо, убежденно, хотя сказывается, что недавно еще был священником, сравнивает, например, большевиков с апостолами, утверждает, что только большевики верны заветам Христа,

и т. п. Как бывшему священнику ему верят. «А зачем крещение?» — спрашивает на митинге один красноармеец. «Об этом надо бы говорить часа три, — отвечает оратор, — а сейчас только скажу, что это обман и чепуха». Увешан оратор красными лентами и патронами, очень нервный.

Митинг происходил за городом, в Красных казармах, батальонные музыканты играли «Интернационал». Говорит оратор — никто не шевельнется, слышно, кажется, как муха пролетит. После ораторов с «Красной Звезды» говорят командиры. У многих по речи видно, что они из крестьян. Говорят искренне и горячо. Стараются говорить поизысканнее: «Советская Россия непобедима на предмет квадратности и пространственности». На первый взгляд нелепая фраза, но красноармейцы напряженно слушают оратора, понимают ее смысл. Если бы страна была мала, европейские империалисты давно бы растерзали ненавистную им первую ласточку социальной революции — Советскую Республику. Громадное пространство, отдаленность революционных центров от границ дают возможность ей держаться, защищаясь от всего капиталистического мира.

Публикация научного сотрудника отдела рукописей Института мировой литературы имени Горького **А. П. Антоненковой**.

Е. ГЕРАСИМОВ

★

НЕСЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

ПОЕЗДКА В ПРИКАМЬЕ

1

Эта поездка была задумана в связи с тем, что в архиве был обнаружен считавшийся ранее утерянным дневник Надежды Константиновны Крупской, который она вела на пароходе «Красная звезда» во время его знаменитого агитинструкторского рейса.

Перед поездкой я попытался разыскать в Москве кого-либо из участников этого рейса, и мне повезло.

В телеграмме В. И. Ленина, отправленной 10 июля 1919 года Н. К. Крупской в Казань, где в тот день ожидалась «Красная звезда», Владимир Ильич писал: «Письмо твое от Урецкого получил и с ним отправил ответ». Телеграмма эта, впервые опубликованная в 1945 году, помещена в тридцать седьмом томе Сочинений Ленина, но больше никаких упоминаний об Урецком я нигде не находил и не имел никакого представления, кто он такой, жив ли и где искать. И вдруг, читая воскресное приложение к газете «Известия», обращаю внимание на одну заметку и из нее узнаю, что упомянутый в телеграмме Ленина Урецкий живет в Москве, на Ленивке, в доме номер один.

И вот я в этом старом, доживающем свой долгий век доме...

Наш разговор с Исааком Захаровичем носил довольно беспорядочный характер. Ему трудно было сосредоточиться на моих вопросах, относившихся к давнему прошлому. Он был еще очень взбудоражен появившейся вдруг газетной заметкой — и тем интересом, который возбудила к нему эта заметка, и, пожалуй, не меньше ее досадными ошибками. А телеграмма Ленина, опубликованная в тридцать седьмом томе... Как это все-таки могло случиться, что он узнал о ней только сейчас? Люди, наверное, читали и думали: о каком это Урецком пишет Ленин? А теперь вот все спрашивают его о встрече с Лениным, как это было, что говорил Владимир Ильич, но ведь прошло уже сорок лет — разве все вспомнишь? Он несколько раз повторил, что если чего-нибудь не помнишь, то так и надо сказать — нет, этого я не помню, иначе поставишь и себя и других в неловкое положение, не оберешься хлопот и неприятностей.

Мешали нашему разговору и телефонные звонки: соседи то и дело стучали в дверь, и Исаак Захарович выходил в переднюю к общеквартирному телефону. После одного продолжительного телефонного разговора он вернулся в комнату озабоченный.

— Звонили из Гомеля по междугородному, интервью брали для областной газеты... Ну что можно рассказать по телефону? Как они будут лисать?

Разговор наш принял более или менее определенное направление только после того, как Исаак Захарович показал мне групповой фотоснимок, сделанный летом 1919 года на «Красной звезде». В каком-то небольшом помещении, с полками, заваленными кипами брошюр, стояли несколько ребят комсомольского возраста. Это была книжная база парохода и ее работники.

— Узнаете? — спросил Исаак Захарович.

Да, я узнал его. Щупленькая, совсем мальчишеская еще фигурка (она и сейчас такая же), коротко, под машинку подстриженная голова, строгий, чем-то страшно озабоченный взгляд. Я представил его себе в кепке, с козырьком, надвинутым на нос (впрочем, его так же легко было представить и в кепке, с козырьком, устремленным вверх), с тощим портфельчиком, свернутым в дудочку под мышкой, в истоптанных, латаных-перелатанных ботинках с толстыми обмотками. Как это все еще памятно! И у нас, в укомовцы, разъезжали на тачанке с пулеметом, вооруженные винтовками и наганами,— всюду тогда можно было встретить такого товарища, не по возрасту обремененного сознанием своей ответственности за судьбы революции и Советской власти. Он всегда куда-нибудь торопился со своим портфельчиком-дудочкой. Шагал очень энергично, не оглядываясь по сторонам, и, даже встретившись со знакомой девушкой, останавливал ее только в том случае, если у него было к ней какое-либо серьезное дело, а то молча кивал головой и шагал еще быстрее, еще энергичнее. Даже влюбившись, он разговаривал с девушкой, не улыбаясь, а чтобы улыбка невзначай не появилась на его суровом лице, он все время отчаянно морщил лоб.

Большей частью это были заводские и кресьянские парни из тех, кто окончил четырехклассное высшее начальное училище и в анкетах, заполняя графу «образование», писал коротко: «Высшее». Среди советских служащих волостных и уездных учреждений эти юные грамотеи составляли видную прослойку, и не потому ли «советский служащий» в ту пору звучало очень веско, почти как «комиссар». Исаак Захарович согласился: да, в ту пору рабочий парень, которому посчастливилось окончить четырехклассное училище, чувствовал себя весьма важной фигурой Советской власти и действительно свое образование считал «высшим». Вот, например, он сам тоже окончил четырехклассное училище — много ли было трудящейся молодежи с таким высоким образованием, тем более в глуши Полесья, где он жил до революции?

Возвращаясь к своей старой фотографии, сделанной на «Красной звезде», Исаак Захарович объяснил, почему он выглядит на ней хмурым. Оказывается, причиной тому была большая некрасивая родинка на шее. Из-за этой родинки он никогда не расстегивал воротника гимнастерки, а лето стояло жаркое, шея потела, воротник натирал ее, и больно было повернуть голову — вот он и мучился. А то, что его можно принять на фотографии за мальчишку — худенький, коротко подстриженный,— так это потому, что он только что тиф перенес. И на «Красную звезду» его послали из голодной Москвы, чтобы поправился, подкормился, вроде как в санаторий, а вообще-то он был уже не мальчик — секретарь правления Союза строительных рабочих города Киева!

Как это случилось — глушь Полесья, Киев, Москва? Исаак Захарович опять-таки объясняет это своим четырехклассным образованием.

Отец его сплавливал лес с верховьев Припяти на Днепр, и он, окончив училище, попросился на плот, отец взял его к себе помощником — грамотный человек и на сплаве нужен. Так он попал в Киев. Здесь его захватили революционные события 1917 года. Развертывал свою деятельность киевский Союз строительных рабочих. Ему нужен был секретарь: собрания каждый день, ораторов много, а протокол вести никто не может. Свой простой парень с лесосплава, окончивший высшее начальное,— это была находка для Союза строителей. Так Исаак Захарович стал секретарствовать, вести протоколы — «слушали», «постановили». Ох, как трудно было сначала, но он не признавался, боялся, что скажут: «Эх ты, а еще с высшим образованием!» Старался изо всех сил и скоро стал бойким протоколистом, набрался важности, занял портфель, носил его под мышкой, с ним и на баррикады бегал, когда рабочие Киева восстали против Центральной Рады.

В 1918 году с этим портфельчиком, набитым протоколами, ему пришлось скрываться: нагрянули немцы, гайдамаки, разогнали профсоюзы, и остался секретарь строительных рабочих один со своими протоколами — куда их девать? Привез домой, в Полесье, но и тут немцы рыщут по домам — не убережешь, и самого схватят. Конечно, можно было кинуть в печку, но жаль — ведь сам писал и как трудился-то! А кроме того, он ведь лицо должностное, ответственное. Правда, союз, перед которым он отвечает, разогнан оккупантами, но что с того? Немцы пришли не навсегда. Собе-

рется снова союз и спросит у своего секретаря: «Товарищ Урецкий, а протоколы наши где?» Нет, протоколы он должен сберечь — во что бы то ни стало. Но как? Раз на оккупированной немцами Украине нет надежного места, значит надо ехать в Россию. Там Советская власть, вот он и сдаст ей на хранение протоколы.

Главное было перебраться через границу оккупированной территории. Люди перебирались — и спекулянты-мешочники и партизаны. И он перебрался вместе с мешочниками по лесным партизанским тропам. Мешочники тащили сахар, а он тащил в мешке свои драгоценные протоколы, хитро припрятанные среди разного барахла. На станции Унеча — это была уже советская земля — красноармейцы заградительного отряда живо вытряхнули сахар из мешков спекулянтов на свои расстеленные по перрону шинели — на перроне выросли горы сахарного песка и рафинада, а у него потребовали документ, и он, так как никаких других документов у него не было, предъявил протоколы. Ознакомившись с тем, что слушали и что постановили киевские строительные рабочие, красноармейцы посадили его на поезд и велели ехать в Брянск.

В Брянске он сдал протоколы на хранение в исполком Совета. Его поблагодарили, выписали ему мандат и направили в Москву. В Москве он явился во ВЦИК, помещавшийся тогда в Метрополе. Тут его принял член ВЦИКа, старый рабочий Яков Буров. И в Москве Советская власть нуждалась в таких, как он, молодых, грамотных и энергичных людях. Его направили на работу в издательство Наркомзема, выдали ордер на комнату в доме против кремлевских ворот — угол Воздвиженки и Моховой. Он стал заниматься распространением сельскохозяйственной литературы, ездил в командировки по разным городам, пока не схватил в дороге сыпняк. Выйдя из больницы, едва таскал ноги. А тут как раз ВЦИК начал комплектовать бригаду на «Красную звезду». Издательство Наркомзема должно было послать нескольких своих работников на агитпароход для организации книжной базы. Вот так он и попал на «Красную звезду» заведующим книжной базой.

2

«Красная звезда», на которой Надежда Константиновна ехала в составе агитационно-инструкторской группы ВЦИКа и ЦК РКП(б), вышла из Сормовского затона 6 июля 1919 года. Пароход должен был спуститься по Волге до устья Камы и подняться вверх по Каме до Перми, только что освобожденной от колчаковцев, а если возможно, и дальше, вслед за наступающими войсками Красной Армии.

В те дни Колчак еще питал надежду удержаться на Урале и, снова перейдя в наступление, соединиться с Деникиным на Волге, а советскому командованию уже приходилось перебрасывать войска с уральского направления на южное.

Двадцать девятого мая, требуя от Реввоенсовета Восточного фронта напряжения всех сил и поголовной мобилизации прифронтового населения, Ленин писал: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной». 20 июня, очень обеспокоенный тем, что из частей Восточного фронта много политработников ушло на советскую работу в освобожденные от белых местности, Ленин потребовал от Реввоенсовета фронта: «Абсолютно воспретить политработникам и кому бы то ни было уход из армии до взятия Урала и до замены их двойным числом уральских рабочих...»

Между тем уход политработников из частей наших восточных армий был вызван острой необходимостью укрепления органов Советской власти в освобожденных прифронтовых районах Прикамья, где белогвардейский террор в 1918—1919 годах трижды чуть ли не поголовно выкашивал ряды местных советских и партийных работников: во время мятежа белочехов, в дни ижевского контрреволюционного восстания и при нашествии Колчака. Вспомним эти курсировавшие по Каме «баржи смерти», на которых были замучены, расстреляны, повешены тысячи коммунаров Прикамья!

Освобожденный от белых Урал нужно было как можно скорее поднять на борьбу, чтобы добить Колчака и отразить наступление Деникина. Одним из мероприятий по проведению этой мобилизации в ту критическую пору гражданской войны и была посылка Лениным на Каму «Красной звезды» с большой группой ответственных пред-

ставителей ВЦИКа, Центрального Комитета партии и ряда наркоматов — агитаторов, пропагандистов и инструкторов-организаторов.

В своих «Воспоминаниях о Ленине» Н. К. Крупская писала:

«Перед отъездом мы долго толковали с Ильичем, как и что надо будет делать, чем помогать населению, на каких вопросах больше всего останавливаться, во что особенно вглядываться. Ильича самого тянуло поехать, да нельзя было работы ни на минуту бросить. Накануне отъезда проговорили всю ночь, поехал Ильич провожать нас на вокзал, заказал регулярно писать ему, разговаривать с ним по прямому проводу».

Мы знаем, как Ленин дорожил каждой правдивой весточкой о положении на местах, настроениях, думам рабочих и крестьян, отношениях их к тем или иным мероприятиям и декретам Советской власти. Нетрудно представить себе, каким драгоценным источником информации был для него рейс «Красной звезды».

Как только поезд, на котором агитинструкторская группа «Красной звезды» ехала в Нижний, отошел от Курского вокзала, Надежда Константиновна уже «вглядывалась», думая, что нужно записать, взять на заметку для Ильича. И свой путевой дневчик она начинает с записи о проводнике вагона. Оказалось, что это «хороший, свой, товарищ» — красноармеец с Восточного фронта, возвращающийся к себе в армию в полной уверенности, что «Колчака докончим и с Деникиным справимся».

А разве не обрадовался бы Ильич, увидев, с какой жадностью красноармейцы остановившегося на станции встречного эшелона расхватали брошюрки, как тут же, стоя у вагона, не отрываясь читали их? Конечно, это тоже надо записать — материал к вопросу о культурном уровне, который хотя и не подчиняется никаким декретам, но все же, невзирая на разруху и голод, растет при Советской власти не по дням, а по часам.

В Нижнем агитинструкторской группе «Красной звезды» пришлось задержаться на целую неделю в ожидании, пока будет закончено оборудование парохода. И для Надежды Константиновны, еще далеко не оправившейся после недавно перенесенной ею тяжелой болезни, это была трудная, чрезвычайно напряженная неделя: с утра до ночи заседания, собрания совместно с городским партийным и советским активом, общегородские и рабочие митинги, различные поездки, встречи с комсомольцами, учителями, библиотекарями, пролеткультовцами, со слушателями партийных курсов, с санитарками, уезжающими на фронт. Всюду надо выступать, отвечать на вопросы, выслушивать жалобы, разбираться в них. Впечатления крайне пестрые: много радостного, окрыляющего, но немало и тяжелого, тревожного, досадного.

После болезни врачи предписали Надежде Константиновне строгий режим: не переутомляться, не волноваться, побольше спать и прочее и прочее. Ильич наказывал ей перед отъездом неукоснительно соблюдать лечебный режим, он надеялся, что на пароходе она отдохнет, поправится и вернется в Москву совершенно здоровой, и она обещала ему, что будет работать в меру. Но как тут соблюсти меру и какая может быть мера, когда до поздней ночи ее окружают люди, толчея вокруг непротолченная, и столько трудностей, сложностей, противоречивостей, и все ждут от нее помощи, совета, разъяснения! Если бы она была просто членом коллегии Наркомпроса, руководителем внешкольного образования, а то ведь все видят в ней ближайшего друга и соратника Ленина — как тут скажешь, что врачи не велят переутомляться!

Поневоле приходилось забывать о лечебном режиме, а когда о нем напоминал врач (представитель Наркомздрава, входивший в состав агитинструкторской группы), Надежда Константиновна говорила, что не стоит беспокоиться — это только пока, несколько дней: пароход выйдет в рейс, суматоха кончится, и тогда она будет соблюдать режим самым строжайшим образом.

Наконец «Красная звезда» с пришвартованной к ней баржей, палубные надстройки которой были выкрашены в красный цвет, увешаны плакатами и лозунгами, вышла из затона на Волгу.

Первую остановку «Красная звезда» сделала на пристани большого торгового села Работки. Несмотря на плохое самочувствие после почти бессонной ночи — и не первой

уже, — Надежда Константиновна сошла в Работках на берег и тут опять не удержалась — переусердствовала: лобывала в партачейке, в волисполкоме, отделе народного образования, в школе, в библиотеке; наслушалась всяких жалоб — и на спекулянтов, которые своими ценами совсем прижали бедняков, и на губернию, и на уезд — нет никакой помощи, никаких указаний, неизвестно, что делать, заведующий отделом образования — актер, о своих задачах представление имеет самое смутное, библиотекарьша — юная девица, в книгах не разбирается. А потом на пристани ее окружили деревенские бабы — жаловались, что за месяц получили три фунта хлеба, требовали пропуска, чтобы поехать за хлебом в Сызрань.

Вскоре после того, как «Красная звезда» отошла от Работок, у Надежды Константиновны начался сердечный припадок.

Два дня пролежала она в каюте и, как только почувствовала себя немного лучше, поднялась вопреки энергичным протестам врача — села писать письмо Ильичу; казалось, что многое, о чем нужно написать, не терпит никакого отлагательства.

Закончив письмо, она попросила к себе Бурова, в число многих обязанностей которого на «Красной звезде» входила отправка почты в Москву, и спросила, кого бы можно было послать нарочным к Владимиру Ильичу, чтобы передать письмо ему лично в руки.

Теперь вернемся к Урецкому, не к Исааку Захаровичу, с которым я встретился в Москве на Ленивке, в доме номер один, где он живет уже много-много лет, а к тому строгому, подстриженному под машинку пареньку, каким он был в 1919 году на «Красной звезде», — пареньку, показавшемуся мне по старой, сохранившейся с той поры фотографии таким знакомым...

На «Красной звезде» в его распоряжении было самостоятельное книжное хозяйство: склад в трюме парохода и магазин на барже, под началом — несколько молодых ребят и девушек. На складе под его руководством комплектовались библиотеки для воинских частей, городских клубов, сельских изб-читален, для школ. Когда «Красная звезда» стояла на пристани, он выдавал эти библиотеки под расписку приходившим на пароход представителям организаций. В магазине в это время шла торговля, и тут он тоже руководил — рекомендовал, кому какую брошюру взять, рассказывал содержание тех, которые сам прочел уже и которые ему особенно понравились.

На берег он сходил, только чтобы поглядеть, куда приехали, что за города Васильсурск, Юрино, и купить что-нибудь поесть на базарчике у пристани. В свободное время он раскладывал на столе всю принесенную с базара снедь. Ему нужно было поправиться после тифа, и он усиленно поправлялся, с наслаждением уничтожая помидоры и яйца. И спал он в своем тесном закутке баржи, возле книжного магазина, несмотря на духоту и комаров, претличнейшим образом.

Если что и портило иногда ему настроение, то это только витрина с телеграммами РОСТА. С Южного фронта шли неблагоприятные вести. Прочитав последние телеграммы, он шел к Бурову, который по-отечески опекал его, и говорил ему:

— Деникин-то все прет и прет!..

Буров был пожилой тучный человек в очках, которые ему приходилось то и дело снимать и протирать, так как их постоянно заливал обильно струившийся со лба пот.

Когда «Красная звезда» подходила к Козьмодемьянску, Буров с запечатанной в пакет почтой спустился в трюм, на книжный склад.

— Так вот, товарищ Урецкий, собирайся, поедешь в Москву с важной почтой. Этот пакет сдашь Фотиевой. Тут и от Надежды Константиновны письмо Владимиру Ильичу. Она велела тебе лично передать ему привет от нее, скажи, что она уже выздоровела, чувствует себя неплохо, как и все мы... — Утершись платком, он протер очки, потом внимательно поглядел на стоявшего перед ним паренька и сказал ему: — Вид у тебя, прямо скажу, не очень солидный для правительственного курьера, ботинки совсем худые, но зато мандат выписали тебе что надо — поедешь с ним, как нарком.

В мандате было сказано, что товарищ Урецкий направляется с особо важным пакетом к Ленину, и все военные и гражданские власти должны оказывать ему всяческое содействие в пути.

В Козьмодемьянске, с этим мандатом в нагрудном кармане гимнастерки, с письмами Ленину, Дзержинскому и Енукидзе в зажатом под мышкой портфельчике, с выданными на дорогу продуктами в узелке, Урецкий пересел с «Красной звезды» на другой пароход, следовавший в обратном направлении. Конечно же, он всю дорогу не выпускал из рук своего портфельчика и спал в обнимку с ним, сначала на пароходе, в отдельной каюте первого класса, потом, пересев в Нижнем на поезд, в отдельном купе мягкого «штабного» синего вагона, в которое его проводил сам начальник железнодорожной чека, почтительно козырнувший ему на прощание:

— Счастливого пути, товарищ Урецкий. Привет Владимиру Ильичу.

...Исаак Захарович только сейчас, после того как прочел свою фамилию в тридцать седьмом томе Собрания сочинений Ленина, вдруг почувствовал себя причастным к истории и сразу пожалел, что в свое время многое не записал. И конечно, он больше всего сожалеет, что нет записей о его поездке к Ленину и встрече с ним в Кремле. Теперь вот его спрашивают о всяких подробностях, а подробностей-то он как раз помнит очень мало... Известно, что много разных людей ездило к Ленину из далей дальних и на крышах поездов, и на подножках, и на буферах — бог знает, как добились. Но зачем писать, что он тоже ехал чуть ли не на крыше? Ничего подобного. У него был солидный мандат, поэтому он ехал, по его словам, с почетом и комфортом.

Понятно, что такому молодому человеку, каким был тогда Исаак Захарович, это должно было запомниться. Это было необычно, и это ему льстило: мягкое, с зеркалом, затененное тяжелыми занавесками купе, вытянувшийся в струнку чекист с поднятой к козырьку рукой.

Запомнились худые, зашнурованные веревочками ботинки. Отправляясь в путь, он старательно подкрасил веревочки чернилами, заодно подмазал кое-где на задниках и носках, чтобы не видны были стертые места, но фиолетовые пятна еще сильнее бросались в глаза, и эти пятна его очень смущали, он то и дело поглядывал на них и досадовал, что зря наводил красоту.

Но это было только сначала, потом худые, подкрашенные чернилами ботинки с веревочками вместо шнурков перестали его смущать, тем более что он ехал в купе один-одинешенек, — кого ему стесняться? Мысленно он был уже в Москве, здоровался с Лениным, передавал ему привет от Надежды Константиновны, докладывал о ее здоровье. Конечно, он уверен в себе, он не растеряется, скажет все толково и коротко, однако все же лучше прорепетировать. Живо вскакивая с дивана, он говорил вслух, строго глядя на себя в зеркало: «Здравствуйте, товарищ Ленин, Владимир Ильич. Я — Урецкий с «Красной звезды», прибыл к вам лично передать письмо и привет от Надежды Константиновны Крупской».

В зеркале ботинок не было видно, оно отражало его только по пояс, а гимнастерка на нем была в порядке — чистая, без пятен, застегнута на все пуговицы, заправлена под ремень в обтяжку, правда, в одном месте немного первана, но штопка аккуратная. Нет, это только из-за ботинок у него не совсем солидный вид, а вообще-то он хотя и маленького роста, худенький, но выглядит ничего. Молодой, но по выражению лица сразу видно, что вполне взрослый и очень серьезный человек.

У Троицких ворот в проходной будке произошла неожиданная заминка. Его стали убеждать, что все правительственные пакеты, адресованные в Кремль, сдаются тут и отсюда уже передаются по назначению, письмо Крупской он тоже должен сдать — оно будет немедленно передано Ленину. Сначала он оторопел, начал было вынимать пакет с письмами из портфеля, но быстро спохватился:

— Нет, мне надо лично к Ленину. Надежда Константиновна велела передать ему привет.

Ему сказали, что и привет будет передан, но он твердо стоял на своем:

— Мне велено лично, а если кто-нибудь другой передаст, это уже не будет лично.

Позвонили в комендатуру, спросили, как быть — приехал с агитпарохода «Красная звезда» молодой человек, товарищ Урецкий, привез от Крупской письмо Владимиру Ильичу и требует, чтобы его пропустили лично к Ленину, чтобы передать привет. Из комендатуры ответили:

— Пусть товарищ подождет,

Немного погодя в проходную пришел военный, спросил:

— Вы товарищ Урецкий с «Красной звезды»? — и сказал: — Пройдемте, я вас провожу.

И следом за этим человеком Урецкий, с пакетами в портфеле, вошел в Кремль через Троицкие ворота.

В приемной Ленина его не заставили долго ждать. Встретившая его тут женщина в белой кофточке — это и была Фотиева, о которой говорил Буров, — взяла пакет, куда-то вышла, скоро вернулась и, показав на дверь, пригласила:

— Вот сюда пройдите.

Он вошел в дверь, поспешил, думая, что Ленин ждет его, сидя за столом, но Ленин тоже поспешил, вышел ему навстречу, и они чуть не столкнулись у дверей. Напрасно он репетировал в дороге — все произошло не так, как он думал. Ленин первый поздоровался с ним:

— Здравствуйте, товарищ Урецкий. — Протянул ему руку, провел к дивану, посадил и, сев рядом, бочком, упершись рукой в колено, заторопился: — Ну рассказывайте, рассказывайте, как там у вас на «Красной звезде»?

— Замечательно, товарищ Ленин! — воскликнул Урецкий.

Ленин повернулся к нему всем корпусом и в продолжение всего разговора, пока они сидели рядом на диване, не отрывал от него своих как-то удивительно весело смеющихся глаз.

— И питание неплохое?

— Отличнейшее. Всего вдоволь. На пристанях можно купить яйца, помидоры.

— И недорого?

— Помидоры, товарищ Ленин, не очень дорого. Для командировочных доступно. Денег нам выдали много.

— В общем, настроение хорошее?

— Очень хорошее. Надежда Константиновна, правда, немного хворала, но теперь она поправилась и тоже чувствует себя хорошо. Велела лично передать вам привет.

— Спасибо. Я уже прочел ее письмо... Значит, вы говорите, что все прекрасно, настроение бодрое, люди всем довольны — так я вас понял, товарищ Урецкий?

— Всем довольны, только вот...

— Что? — Владимир Ильич насторожился.

— Деникин вот все прет и прет.

— Да, это вы верно заметили — прет и прет, но ничего, скоро и мы его попрем, — весело сказал Владимир Ильич и вдруг тихо, будто по секрету, спросил: — А скажите, пожалуйста, как вы относитесь к Горькому?

— Я считаю его, товарищ Ленин, великим писателем.

— Вот-вот, именно. И я тоже так считаю. А как вы думаете, товарищ Урецкий, что, если уговорить Горького поехать к вам на «Красную звезду»?

— Обязательно надо уговорить, товарищ Ленин. Вот это было б здорово!

— Да, но сумеете ли вы создать на пароходе все необходимые для него условия? Алексею Максимовичу надо отдохнуть. Как вы на это смотрите?

— Пусть только приезжает, товарищ Ленин, а условия для него будут созданы самые лучшие. Знаете, какой чудесный и полезный для здоровья воздух на реке! Отец взял меня с собой раз на Припять плоты сплавливать. Так я тогда так поправился, а то у меня здоровье в детстве было неважное.

— А вы сами откуда, товарищ Урецкий?

— Из Полесья, товарищ Ленин. Ужасно глухая провинция. Вы и представить себе не можете!

— А вы расскажите! — И Владимир Ильич стал расспрашивать своего собеседника, где он учился, как попал в Москву.

Рассказывая о высшем начальном училище, о Союзе строительных рабочих Киева, а потом про эту историю с протоколами, Урецкий увлекся, стал вдаваться в подробности. Словхvatившись, он сказал:

— Товарищ Ленин, вы, наверное, очень заняты, я вас задерживаю.

— Нет, нет, что вы! Рассказывайте, рассказывайте. Интересно, очень интересно.

— Вы знаете, я уже тогда был большевиком,— продолжал его юный собеседник.

— Как, вы уже тогда состояли в партии?! — спросил Владимир Ильич.

— Нет, товарищ Ленин. В партии я не состоял еще, только сейчас хочу подать заявление, но считаю себя большевиком.

Разговор продолжался около часа и закончился у висевшей на стене карты, на которой Владимир Ильич вместе со своим собеседником рассматривал маршрут «Красной звезды», линию Восточного фронта и высказывал свои предположения о том, где будет эта линия, когда «Красная звезда» подойдет к Перми.

Потом Владимир Ильич спросил:

— У вас, товарищ Урецкий, есть записная книжка?

— Есть, товарищ Ленин. Всегда с собой ношу.

— И правильно делаете. Вещь всегда необходимая. Дайте-ка мне ее. Я вам запишу номера своих телефонов. Когда получите билет, обязательно позвоните мне.

Владимир Ильич записал ему в книжечку два телефона.

— Не застанете по одному, звоните по другому,— сказал он, прощаясь.

На следующий день Урецкий получил в Секретариате ВЦИКа железнодорожный билет до Казани, где он должен был застать «Красную звезду», и вместе с билетом ему вручили письмо Ленина Надежде Константиновне. Оттуда же, из «Метрополя», он позвонил по одному из записанных Владимиром Ильичем телефонов.

— Товарищ Ленин? Здравствуйте! Это я — Урецкий с «Красной звезды». Вы велели мне позвонить.

— Здравствуйте, товарищ Урецкий! Билет получили?

— Получил, товарищ Ленин, и ваше письмо получил для передачи Надежде Константиновне.

— Поезд когда отходит?

— В семь часов.

— Ну что ж, в таком случае счастливого пути. Привет всем.

— Товарищ Ленин, простите, что задерживаю: а Горький приедет к нам? Удалось вам уговорить его?

— А вот как раз сейчас уговариваю, он сидит у меня, упрямится.

— Пожалуйста, товарищ Ленин, постарайтесь уговорить его. Скажите, что мы будем ему так рады! А уж какие условия создадим!

— Да уж я постараюсь, товарищ Урецкий.

— Желаю вам успеха. До свидания, Владимир Ильич!

В своем письме, посланном Надежде Константиновне с Урецким, Владимир Ильич писал:

«Дорогая Надюшка! Очень рад был получить от тебя весть. Я уже дал одну телеграмму в Казань и, не получив на нее ответа, послал другую в Нижний, откуда сегодня ответили, что «Красная Звезда» 8/VII должна быть в Казани и простоят там не менее суток. Я запросил в этой телеграмме, нельзя ли на «Красной Звезде» дать каюту для Горького. Он приедет сюда завтра, и я очень хотел бы вытащить его из Питера, где он изнервничался и раскис. Надеюсь, ты и другие товарищи будете рады ехать с Горьким. Он — парень очень милый; капризничает немного, но это ведь мелочь.

Письма о помощи, которые к тебе иногда приходят, я читаю и стараюсь сделать, что можно.

...Крепко обнимаю, прошу писать и телеграфировать чаще.

Твой В. Ульянов.

NB Слушайся доктора: ешь и спи больше, тогда к зиме будешь в полне работоспособна».

Когда Урецкий вернулся на «Красную звезду», стоящую в Казани,— это было 12 или 13 июля,— там уже была получена упомянутая мною ранее телеграмма Ленина, отправленная им 10 июля, на другой день после письма, в котором Владимир Ильич извещал Надежду Константиновну, что получил ее письмо, посланное с Урецким, и отправил с ним ответ. В этой же телеграмме Владимир Ильич писал, что видел Горького, убеждал его поехать на «Красной звезде», но Горький отказался.

В следующем письме, отправленном Лениным Крупской 15 июля с оказией, он вновь сообщал, что «Горького не уговорил поехать, хотя уговаривал усердно», и вновь настойчиво повторял: «Надо строже соблюдать правила и слушаться врача хорошенько. Иначе не будешь работоспособна к зиме! Не забывай этого!.. Прошу больше отдыхать, меньше работать».

В этот день, 15 июля, «Красная звезда» вышла из Казани и стала подниматься вверх по Каме, к главной цели своего рейса — местам, недавно освобожденным от колчаковцев.

3

«Красная звезда» стояла на Каме, сходни с нее были сброшены прямо на берег. Поздним вечером на клочке пустынного берега, освещенного огнями парохода, видны были только порожние телеги и впряженные в них лошади. Съехавшиеся из окрестных сел крестьяне сидели на кинносеансе в трюме спаренной с пароходом баржи. Надежда Константиновна работала в салоне парохода за одним столом со своей помощницей по библиотечным делам Цикуленко.

«Красная звезда» уже достигла мест, где еще недавно проходила линия фронта. В эти дни Надежда Константиновна опять сильно переутомилась и чувствовала себя так плохо, что ехавший на пароходе врач начал уже настойчиво поговаривать, что, вероятно, ей придется прервать поездку, и телеграфировал Ленину, что Надежда Константиновна так переоценивает свои силы, так растрчивает их в работе, что трудно надеяться на улучшение ее здоровья.

Когда кинносеанс окончился, в дверях салона появилась немолодая уже, одетая по-крестьянски женщина с бледным лицом и каким-то странным, возбужденно блестящим, но как-то ничего не видящим взглядом.

— Вы к Надежде Константиновне? — спросила Цикуленко.

— К товарищу Крупской, — ответила женщина.

В те дни, когда Надежда Константиновна по состоянию здоровья не могла на остановках сходить на берег, кто только не приходил к ней на пароход: работники партийных комитетов, исполкомов, отделов народного образования, культпросветчики, заведующие клубами, избами-читальнями, библиотеками.

Приходили и простые женщины, крестьянки, работницы, одни за советом или помощью, другие с жалобами, а некоторые только чтобы поглядеть на жену товарища Ленина. Всем был открыт доступ на «Красную звезду». Приходивших на пароход женщин обычно спрашивали: «Вы к товарищу Крупской?» — и провожали к ней.

Но некоторые и сами ходили по пароходу, разыскивали ее.

Немолодая женщина, явившаяся к Надежде Константиновне поздним вечером, была крестьянкой из села Омара, Мамадышского уезда. Прошло сорок с лишним лет. Я увиделся с ней в Елабуге, и она рассказала мне о своей встрече с Крупской. Но об этом немного погодя.

Когда началось наступление Красной Армии в Прикамье, первым городом, который освободила 28-я Железная дивизия Азина, была Елабуга. С Елабуги я и начал свою поездку.

Этот старый уездный городок расположен чуть в стороне от Камы, на пологой возвышенности, между широкой долиной извилистой речки Тоймы и сосновым бором на крутом, обрывистом камском берегу — знаменитой по картине Шишкина рощей. Если глядишь на этот городок с парохода, он выглядит очень уютным гнездышком. Вот уж, кажется, где жизнь течет тихо, безмятежно, как эта речка Тойма. Но это только кажется.

Когда я приехал в Елабугу, город был взволнован двумя статьями, появившимися в центральной печати: авторы их давали совершенно разные оценки сегодняшней Елабуге.

Сначала появилась статья в журнале «Октябрь». Автор ее упомянул о Елабуге в том смысле, что есть-де еще у нас такие захудалые городки, как эта ныне оскудевшая вотчина камского миллионера Стахеева. В другой статье, появившейся в газете

«Комсомольская правда», утверждалось, что Елабуга нынче дает миллионы, которые неизмеримо превосходят купеческие миллионы Стахеева. Этот спор особенно взволновал комсомольцев-школьников, готовивших стенд на тему «Елабуга раньше и теперь», — настолько взволновал, что они чуть не бросили с увлечением начатую работу.

Так мне сказали в редакции местной газеты, где я начал свое знакомство с Елабугой. Большинство сотрудников редакции люди молодые, и все они не просто патриоты своего города, а патриоты-энтузиасты. Какой Елабуга была раньше, при Стахееве, они не скажут вам больше того, что достаточно известно, — захолустный, мещанско-купеческий и поповский городишко. Но о том, какой станет Елабуга в скором будущем, они хорошо знают, не только знают, но и видят ее уже такой — стремительно растущей в связи с начавшейся разработкой недавно открытого многообещающего елабужского месторождения нефти. Ясно, что наш разговор в редакции начался с нефти и с города нефтянников, каким будет Елабуга, — с города, который называют Второй Елабугой. Но молодые елабужские энтузиасты из районной газеты оказались людьми весьма разносторонними. Разведка и добыча нефти, строительство нефтепровода и нового города, то, о чем они пишут в своей газете, — это главное в их помыслах, но далеко не все. В иной редакции вам подробно расскажут о ходе посевной или уборочной, о выполнении производственных и строительных планов, но попробуйте завести простой человеческий разговор о жизни города, о его характерных особенностях, о его интересных людях — и разговора не получится: услышите одни общие слова. А разговор с елабужскими газетчиками дал мне живое представление о сегодняшней Елабуге, о ее людях. Да, есть еще в Елабуге интеллигенция, которую можно считать таковой только по диплому. Есть еще люди, которые все свое свободное время проводят на Каме с удочкой в руке. Не ими красна сейчас Елабуга. Она гордится своей творческой интеллигенцией, среди которой есть и научные работники, и даже композиторы, живописцы и писатели. Я записал множество фамилий заинтересовавших меня людей. Выйдя из редакции, не знал, к кому мне прежде всего пойти.

К Сергею Ивановичу Ефремову, инженеру с текстильной фабрики, чтобы познакомиться с его литературными произведениями, в которых он рассказывает о жизни своего города, и, говорят, так, что может заинтересовать и читателей столичного журнала?

Или к Фоме Тихоновичу Тихонову, бывшему служащему местного горсовета, который, с тех пор как вышел на пенсию, всецело отдался труду над созданием истории города и уже имеет готовую для печати рукопись по советскому периоду? Или в Дом пионеров, где его молоденькая заведующая, активный член елабужского литобъединения Людмила Волкова, — если только она, сев на мотоцикл, не умчалась куда-нибудь далеко, — может познакомить с массой документов и воспоминаний, собранных стараниями пионеров, а при необходимости созовет с помощью своих многочисленных и быстрых помощников в течение какого-нибудь часа и всех седовласых авторов этих воспоминаний, местных ветеранов революции и гражданской войны. Помощь для приезжего человека неоценимая, так как, хотя Елабуга и небольшой городок, все жители которого не только знают, но и навещают друг друга, однако попробуйте узнать здесь чей-нибудь адрес — вам скажут примерно так: «Идите до магазина Колчина, а там повернете» и т. д.

Между прочим, не подумайте, что Колчин — елабужский Елисейев или кто-нибудь в этом роде. Нет, даже не какой-нибудь заведующий, а рядовой советский продавец. Долгой безупречной работой за прилавком заслужил себе человек воистину завидную славу: его уже нет в магазине, а магазин все еще называют магазином Колчина.

Вообще Елабуга обманчива, как и многие наши маленькие и будто тихие городки. Утром, выйдя из гостиницы, вы увидите собаку, расположившуюся посреди мостовой на центральном перекрестке города, и вечером, возвращаясь, увидите ее на том же самом месте, в той же невозмутимо величественной позе — похоже, что она за день и ухом не шевельнула, но не делайте из этого вывода, что город мертвый, что в нем нет никакого движения: на окраине, у бывшего монастыря грузовые автомашины непрерывно тарахтят и пылят, колонны их идут в разные стороны, но только не в центр — там их действительно не видно.

Итак, к кому же мне пойти? Я пошел к инженеру Ефремову и вернулся от него в гостиницу с пачкой рукописей. Тут не к месту рассказывать о встрече с ним. Скажу только, что Сергей Иванович поселился в Елабуге сравнительно недавно, раньше жил в Ленинграде и что на мой вопрос, как себя чувствует после Ленинграда в Елабуге, он ответил:

— Отлично. Фабрика небольшая, но сейчас расширяется в три раза,— и засмеялся.— Так что еще не известно, чья будет Елабуга — нефтяников или текстильщиков...

Он человек средних лет. Увлекается литературой уже давно, но только поселившись в Елабуге, начал заниматься ею серьезно. Тут у него вся жизнь как на ладони, жизнь интересная, содержательная. И творческая среда есть, литобъединение при редакции газеты довольно большое, приезжают и писатели из Казани, вот обещают его книжку скоро издать.

Нет, я не пожалел, что принес от него пачку рукописей. Это произведения еще не совсем сложившегося писателя, но весьма обещающего. Особенно любопытны главы начатой повести. В ней рассказывается о жизни людей маленькой фабрики в маленьком городе со всеми характерными приметами Елабуги. Не так уж много в нас прозаиков, которые пишут о тех людях, с которыми живут, работают. Если Сергей Иванович Ефремов доведет свою повесть до конца, то читатель узнает, что и на маленькой фабрике, в тихом городке, много нового, и любопытного, и поучительного,— стоит почаще заглядывать в такие уголки.

Именно на этой фабрике, где инженер Ефремов работает начальником отдела энергетике, я должен был увидеться с бывшей крестьянкой из села Омара, которая вдруг поздним вечером появилась у Крупской на «Красной звезде» на одной из остановок перед Елабугой,— Александрой Петровной Булашевой. Мне говорили о ней и о ее встрече с Крупской в редакции газеты. Там же мне сказали, что она прикреплена к фабрике в качестве внештатного инструктора райкома комсомола. Да, ей уже идет восьмой десяток, но она состоит в комсомоле — почетная комсомолка. На фабрике я ее не застал, не застал и в райкоме комсомола, хотел к ней пойти домой, но мне сказали:

— Вряд ли она сейчас у себя дома. Пойдите лучше в Дом пионеров, может быть она там, а если нет, то Людмила Волкова живо разыщет ее.

В Доме пионеров мне пообещали, что через полчаса Александра Петровна будет тут, кого-то послали разыскивать ее, но оказалось, что она занята и сможет прийти только через три часа.

— Подождите, а пока познакомьтесь с нашими материалами,— сказала Людмила Волкова.— У нас есть ее воспоминания и много разных документов. Все, что у нее нашли, забрали для альбома, посвященного сорокалетию Октябрьской революции.

В своих воспоминаниях Александра Петровна Булашева рассказывает о том, как в старое время ей обидно было, что землю давали только на мужскую душу — женская в счет не шла, как муж, закрыв ворота на замок, учил жену вожжами, чтобы она девочек больше не рожала, так учил, что потом с нее рубашку снять нельзя было, в корыто приходилось сажать, отмачивать... И кончат воспоминания своей поездкой на «Красную звезду», где она впервые увидела кинокартину, а затем встретилась с Надеждой Константиновной Крупской, после чего, уже на четвертом десятке, началась ее вторая жизнь.

Вехи этой второй жизни Булашевой в пионерском альбоме отмечены многочисленными документами ее советско-партийной деятельности: член волкомбеда, председатель волкомтифа¹, заведующая избой-читальней и библиотекой, председательница партячейки в селе Омара, завженотделом Мамадышского канткама партии, член правления Птицесоюза в Казани, член президиума Центрального исполнительного комитета общества крестьянской взаимопомощи, председательница горсовета в Елабуге, заведующая елабужским райздравотделом... Теперь на пенсии.

¹ Волостной комитет по борьбе с тифом.

— Что ни попросите — все сделает. По городу, как молодая, бегают, — сказала о ней Людмила Волкова.

Прошло три часа — я только успел познакомиться со всеми этими документами, — и в комнату вошла сама Александра Петровна Булашева, совсем не похожая на ту бегающую по городу пенсионерку-общественницу, какой я ее представлял себе. Обыкновенная старая русская женщина, из тех, что до конца жизни остаются в доме хозяевами и содержат его гораздо лучше молодых.

Людмила Волкова познакомила нас и куда-то умчалась.

— Попросили меня в редакции произвести расследование по одной заметке, — заговорила Александра Петровна, видимо объясняя, почему не могла прийти раньше. — Одна пенсионерка пожаловалась, что ей никто не помогает. Прихожу к ней — валяется на постели, в комнате не прибрано, пол грязный. Спрашиваю: «Сколько вам лет?» Говорит: «Скоро пятьдесят семь». — «А мне, — говорю, — скоро семьдесят пять, но раз вам надо помочь, скажите, где у вас тут ведро, тряпка, я вам помою пол». Стыдно ей стало, слезла с кровати и стала мне помогать приводить в порядок свою комнату... Здоровая еще женщина... — Александра Петровна махнула рукой — вот, мол, до чего может человек опуститься от безделья. А потом спросила меня: — А вы по какому вопросу?

Я попросил рассказать о встрече с Крупской, и Александра Петровна стала рассказывать:

— Я только подоила корову, как подъезжает к воротам подвода, во двор заходит один наш омаровский мужик и говорит: «Собирайся, Саня, быстрее, поедем на пристань, прибыла супруга Ленина, тебя делегируют к ней на пароход от наших женщин...»

Потом она отвлеклась в сторону и долго рассказывала, как ей хотелось учиться. Бывало, еще девочкой, когда все в избе уснут, встанет на колени и молится: «Господи, сделай так, чтобы я учиться могла». Две зимы только в школу ходила, разохотилась, а больше в селе учиться негде. Вся надежда на бога. Замуж вышла, двоих детей родила, а все еще надеялась... Услышала про явленную икону Николая Чудотворца в селе Каюки, за Казанью, собрала нескольких баб, взяла детей — один еще грудной был, — и поехали все на пароходе, слезли в Казани, от пристани верст тридцать шли пешком, хотели в Каюках молебен отслужить, но поп отказался, даже церковь не открыл, сказал сторожу: «Что с них, баб, возьмешь?»

После этого вера в попов у нее пропала. Выписала она газету «Сельский вестник» и начала по ее советам овощи выращивать и такие урожаи огурцов стала собирать, каких в Омаре еще не бывало. Думала: стать бы агрономом! Фантазировала, будто бы собралось много народу, она что-то говорит и все ее слушают. И будто бы муж у нее другой, ни в чем ей не перечит. Потом, когда война началась, выписала она газету «Современное слово». Сядет у открытого окошка с газетой, бабы подойдут к окну, спрашивают: «Саня, что там про войну пишут?» — и она им читает все подряд. После революции открыли в кулацком доме избу-читальню, и стала она собирать в ней замужних баб. Они сидят за столом, каждая со своим рукоделием, кто кроит, кто шьет, кто вяжет, а она или книжечку читает вслух или ведет разговор про бабью долю, как мужики над женами измываются. А потом, когда в партячейку вступила, дали ей какую-то трудную книжку про политику и сказали, чтобы она читала ее допризывникам. Она мало что понимала в этой книжке, но читала с интересом, с чувством. И все больше хотелось ей учиться, чтобы мужиков заткнуть за пояс. Вот и подумала она, когда ее делегировали к Крупской на пароход: попрошу я послать меня учиться, возьму детей и уеду от мужа в город.

— Приехали на Каму, — рассказывает Александра Петровна, — темно уже, на пароходе огни горят, мужики, бабы идут куда-то, и я за ними. Размечталась и не заметила, как попала в какое-то большое помещение: лавки рядами стоят, на стене висит простыня. Вдруг темно стало, а простыня засветилась. и на ней задвигались одетые по-городскому люди. Господи, думаю, что за чудо, как же я это так быстро в город попала? Сердце забилось. Села на лавку, сижу, смотрю, как люди в городе живут, про все забыла, и про детей, и про мужа... Свет снова загорелся, простыня опять белая, все расходятся, а я все сижу и думаю, что же это было — сон ли мне приснился или

видение явилось? Вышла я из зала последней, в себя еще не пришла, голова кружится, топчусь, не знаю, куда идти. Кто-то спрашивает меня: «Вы к Крупской?» — и показывает, как к ней пройти.

Открываю дверь и вижу двух женщин, бумаги на столе собирают. Со мной здороваются, спрашивают, откуда я, что мне нужно. Говорю, что меня прислали из волости к Крупской, а сама оглядываюсь, думаю: куда это я опять попала? «В чем нуждается?» — спрашивают меня. «В книгах,— говорю,— библиотека у нас в Омаре есть, а книг нету».— «А еще в чем нуждается?» — «Бумаги,— говорю,— в волости нет, писать не на чем». И вдруг увидела на какой-то стене плакат и загляделась на него, потом спохватилась: что же это, со мной разговаривают, а я, дура, гляжу на плакат. Обращиваюсь и вижу — той женщины в сереньком платье, что спрашивала у меня, в чем нуждаемся, уже нету, ушла куда-то. Другая женщина говорит:

«Надежда Константиновна просит извинить ее — она сегодня очень устала, плохо себя почувствовала».

Только тогда Александра Петровна поняла, что сначала с ней разговаривала сама Крупская.

Проводили ее с парохода, вынесли пачку книг и по трапу скатили на берег большой рулон бумаги. Обрадовалась она, что теперь будет в волости на чем писать. А то ведь даже старой газеты не найдешь...

Домой вернулась уже утром, веселая. Входит во двор и не поймет, что такое — полон двор баб. Увидев ее, расступились, молчат, глядят как-то странно. Посреди двора лежит корова, ноги вытянуты, голова закинута, морда в красной пене. Рядом муж стоит, убитый горем. Слышит чей-то голос: «Вот бог и наказал!» Чувствует, что все смотрят на нее и ждут, что она сейчас завоет, заревет, волосы станет рвать на себе. Нет, решила, не дождетесь. Слезинки не пролила, как каменная стояла. Гордость ее обуяла. Потом ветеринар пришел, взял кровь коровы в пробирку, оказалось — отравлена.

— Было еще у нас три овечки,— рассказывает Александра Петровна.— В то время крестьяне по разверстке сдавали скот Красной Армии. Велю мужу отвести одну овечку. Я уже командовать им стала. Он повел, вернулся с овечкой, говорит: «Нас в списке нет». Я рассердилась: «Как так нет? Что мы, хуже других?» Сама отвела овечку. Муж не мог этого мне простить. Пошел у нас с ним полный разлад. Ну, раз у каждого свой интерес в жизни, чего же вместе жить, решила я и ушла с детьми из дому на чужую квартиру, вторую жизнь начала. Вскоре послали меня в город на курсы библиотечарей, окончила их, на другой год снова послали на курсы... Пришлось мне быть и в комиссии по изъятию церковных ценностей. Раздевали мы Николая Чудотворца — серебро с него снимали. Сильно потрелили меня тогда бабы, вой подняли: «Голенький остался!..» Беда мне была с бабами... Окончила я еще одни курсы — партактива, — уже в Казани. А когда в Птицесоюзе работала, дважды проходила курсы птицеводов, второй раз — для повышения квалификации. Не перечтешь все курсы и семинары, которые я за свою вторую жизнь прошла... А с Крупской я встретилась еще раз — в Москве, на съезде. Делегатки с Надеждой Константиновной фотографировались. И я хотела подойти, подумала — может, помнит, как я к ней вдруг явилась ночью на пароход и растерялась... А теперь вот в Москву приехала, в президиуме сижу. Да нет, решила, не могла она запомнить всех приходивших к ней крестьянских делегатов...

Рассказывала Александра Петровна, как она начала вторую жизнь, а меня все время мучило — не мог вспомнить, где, когда я слышал что-то очень похожее. И наконец вспомнил: была 1930 года, Спас-Клепиковский район Рязанской области, изба-читальня, керосиновая лампа на столе, а за столом шумят бабы — идет речь о подготовке к выходу на первый колхозный сев. Мужиков в селе нет, здесь они все плотники, ушли в отход на стройки, колхоз был создан без их участия, одними бабами, и председателем была тетка Варя, солдатская вдова с двумя или тремя детьми, маленькая, всегда аккуратно одетая женщина, удивительно спокойно выполнявшая свои председательские обязанности в ту бурную весну. Помню — это было незадолго до появления статьи Сталина «Головокружение от успехов», когда местные перегибщики вздумали обобществлять весь скот, и крупный и мелкий, — как взбунтовавшиеся бабы высыпали из мешков в окна сельсовета своих молочных поросят и как тетка Варя

стояла, зажав уши, чтобы не слышать поросычьего визга, и как грустно смотрела она при этом на кричавших во все окна баб. Помню, как она потом шагала с красным флагом, выводя своих присмиривших баб на весновспашку...

Я писал тогда о ней в газете. Она мне тоже рассказывала о своей заново начавшейся жизни и тоже о Надежде Константиновне Крупской, о встрече с ней...

4

После посещения Елабуги Надежда Константиновна записала в своем путевом дневнике: «В местном партийном комитете (интеллигентском по преимуществу) идет невылазная склока: степановцы и тугаровцы¹ точно Монтекки и Капулетти».

Знакомый уже нам Фома Тихонович Тихонов в своей рукописной истории Елабуги об этой склоке не вспоминает — в то время, когда он приехал в город, о ней уже тут забыли. Он мог сообщить мне только некоторые биографические сведения о Тугарове и Степановой. Это были руководящие деятели Елабужской трудовой коммуны — так в первые годы Советской власти назывался Елабужский уезд, как видно уже из этого, в какой-то мере претендовавший тогда на автономию. (Тому, надо думать, сильно способствовала отдаленность уездного центра от железной дороги: в Елабугу и сейчас от ближайшей железнодорожной станции пять-шесть часов тряской езды на автобусе, такой тряской, что не все ее выдерживают.)

Однако и те скудные сведения, которые я получил от местного историка-любителя, — в частности о том, что Тугаров в 1921 году, не согласившись с нэпом, вышел из партии, потом, поработав ряд лет на небольших административных и хозяйственных должностях, пытался снова вступить в партию, но не был принят, — позволяли думать, что елабужская склока явление не случайное, и поэтому в ней стоит разобраться.

В поисках людей, знавших Тугарова и Степанову, я заглянул еще раз в редакцию местной газеты. О Степановой там мне ничего не могли сказать в добавление к тому, что я уже знал о ней: что она бывшая учительница, в первые годы Советской власти заведовала в Елабуге отделом народного образования, была влиятельным человеком в уездном партийном комитете, оставалась в партии до конца своей жизни и умерла в Москве не так давно. А вот когда я спросил о Тугарове, редактор заулыбался. Недавно он где-то нашел один экземпляр елабужской газеты от 23 февраля 1919 года, напечатанной красным шрифтом. Заинтересовавшись этим, обратился к старому наборщику, работавшему в типографии в те годы, и тот рассказал ему следующую историю:

— Вызывает всех нас, работников и редакции и типографии, к себе в кабинет Яков Степанович Тугаров и спрашивает, как думает газета отметить наступающую годовщину Красной Армии. Редактор отвечает, так, мол, и так, рассказывает, какие материалы напечатаем. Тугаров его перебивает, говорит: «Ты мне не заливай, я тебя спрашиваю не о том, что вы будете печатать, а какой краской будете печатать, опять черной?» — «А какой же еще, Яков Степанович?» Тугаров трах кулаком по столу: «Красной!» — «Да где же мы возьмем красную краску, Яков Степанович, нету у нас красной». — «Ах вот как — красной краски у вас нет! — закричал Тугаров. — Да если вы в день Красной Армии напечатаете газету черной краской, я вас всех под суд отдам за саботаж и контрреволюцию!» Вышли мы из его кабинета ни живые ни мертвые, кинулись в разные стороны искать красную краску, весь город обшарили, но все-таки нашли. Краска, как видите, плохая, читать нельзя, но зато вся газета красная.

Подобных историй о Тугарове я слышал потом немало и не понимал, почему все рассказывают о его диктаторских, иногда отдающих самодурством замашках с улыбкой и почему в городе есть улица, названная его именем, — этого ведь нельзя было заслужить одним криком.

Разобраться во всем помогли мне опять-таки пионеры. В одном из обширных альбомов Елабужского Дома пионеров Тугарову посвящено много страниц. Тут и воспоминания о нем, но больше документы, а открываются эти страницы его фотографией, сохранившейся с той поры, когда он чуть ли не одновременно, кажется именно

¹ В дневнике Н. К. Крупской описка — тургановцы.

так, председательствовал и в партийном комитете, и в ревкоме, и в ЧК Елабужской трудовой коммуны. Иная старая фотография говорит больше, чем самые пространные воспоминания и документы. К таким фотографиям принадлежит и фотография Якова Степановича Тугарова. Он снят на ней в огромной мохнатой белой папахе и в бекеше с меховым воротником. Под казацкой папахой небольшое, тонкое, почти по-девичьи нежное, но очень волевое лицо молодого интеллигентного человека. Нет, он совсем не похож на тех простых парней-грамотеев, которых напонила мне старая фотокарточка Урецкого. Тугаров заставил меня вспомнить других молодых людей времен гражданской войны — чекистов, особистов и ревкомовцев, тех, кого больше всего тянуло туда, где нужно было действовать со всей решительностью и быть беспощадным к врагу.

В Елабуге это, пожалуй, необходимо было больше, чем где-либо. Тут еще многие отлично помнят, что представляла собой вооруженная чем попало толпа елабужских торгашей и их прихвостней, впервые с ревом вывалившая на улицу в феврале 1918 года во главе с двумя протоиереями, — какой это был свирепый, бешеный зверь и как этот зверь потом каждый раз, как только белые приходили в город, вылезал из своей берлоги и метался по улицам города и селам уезда, выслеживая, вынюхивая оставшихся тут большевиков, советских работников, красногвардейцев, наводя на население ужас кровавыми следами, которые всюду оставлял за собой.

В Шишкинской роше стоит памятник красным дружинникам села Танайка — жертвам кулацкого террора. Танайка до революции жила огородами, садами, выращивала лук, огурцы, смородину. На базаре в Елабуге эта продукция сбыта не находила, нужно было везти ее в Пермь. А ни один крестьянин не собирал такого урожая, чтобы был смысл везти его трое суток на пароходе. Те, что позажиточнее, скупали овощи и ягоды у своих односельчан, отправляли в Пермь крупными партиями. Так образовалась в Танайке большая группа торгашей, державшая в своих руках сбыт всей сельской продукции, а вместе с тем и всю бедноту. После революции танайская беднота вооружилась, создала красную дружину, взяла власть в селе и стала прижимать торгашей контрибуциями. Кое-кто из торгашей сбежал, остальные притаились. Но вот пришли белые, с ними вернулся торгаш Белков, уже облачившийся в офицерскую форму, и в первую же ночь все, кто в Танайке таился в ожидании этого часа, вооружились, перехватывали застигнутых дома красных дружинников — сосед хватал соседа, — вывели на опушку роши и перестреляли.

Трагедия в Танайке, трагедия в Токмашке и сколько еще таких зверских расправ, массовых убийств сторонников Советской власти помнят елабужане! Первый председатель Елабужского уездного партийного комитета Сергей Николаевич Гассар, человек, получивший крепкую пролетарскую закалку за годы подпольной работы на Бондюжском заводе, был убит еще в начале 1918 года. Тугаров, выдвинувшийся после его гибели, несколько раз едва вырывался из рук разъяренной толпы торгашей. Никакой закалки у него не было, он пришел к руководству елабужской партийной организацией прямо с ученической скамьи: родился в мещанской семье, учился в городском училище, потом в механико-техническом и окончил его уже летом 1918 года.

Все собранные в Елабуге документы и воспоминания о Тугарове рисуют его решительным, смелым и честным революционером, но человеком, у которого по молодости лет закружилась голова от вдруг оказавшейся в его руках власти. Ему не хватало выдержки, хладнокровия, он был слишком горяч, хотел внушить врагам страх и внушил его, но одновременно внушил себе сильно преувеличенное представление о своей личности, о своих талантах. Самомнение раздувалось, он стал заносчив; решительность, смелость, принципиальность превращались в позу, он уже красовался ими, так же как своей огромной белой папахой.

В одном подписанном им приказе было объявлено, что лица, замеченные в употреблении «хмельных напитков», будут расстреливаться. Желая показать, какой он принципиальный и беспощадный. Тугаров хотел расстрелять и своего непутевого брата, состоявшего в артистах при культпросвете и выступавшего на каком-то литературно-музыкальном вечере в нетрезвом виде. Его едва удержали. Говорят, что это был единственный случай, когда он легко подчинился мнению большинства.

Говорят также, что из всех лозунгов того времени Тугарову больше всего полюбился лозунг о власти на местах.

В этой связи меня заинтересовал его конфликт с комсомольской организацией, которая возникла тут вскоре после посещения Елабуги Крупской. Среди первых елабужских комсомольцев было несколько ребят, приехавших из Петрограда. Вероятно, это они подали мысль о создании в городе дома отдыха для изголодавшейся в Питере молодежи. Мысль была подхвачена уездным комитетом комсомола, и комсомольцы, получив в свое распоряжение два церковных дома, стали перетаскивать в него инвентарь и постельные принадлежности из богатого интерната бывшего епархиального училища. Сельские комсомольские ячейки обязались регулярно снабжать отдыхающих петроградцев продуктами питания. Весной 1920 года с открытием навигации петроградские комсомольцы потянулись в Елабугу на отдых. За лето их перебивало здесь человек двести. Так как вокруг Елабуги кишели банды, вспыхивали кулацкие восстания, ребята приезжали с оружием и вместе с елабужскими комсомольцами несли службу охраны города, патрулировали его по ночам. Тугарову появление в Елабуге вооруженных петроградцев не понравилось. Вероятно, ему почудилось в этом умаление местной власти, он заявил, что их помощь ему не нужна, обойдется своими силами, и велел им сдать оружие. Комсомольцы исполошились, поднялся шум: город в опасности, а у них отнимают оружие — предательство! Встретив сопротивление со стороны укома комсомола, возмущенный Тугаров двинул против комсомольцев военную силу — караульную роту. Петроградская молодежь забаррикадировалась в своем доме отдыха. Вожаки ее вышли на балкон и заявили, что умрут все как один, но не сдадут оружия, не оставят город беззащитным. Один из парней в жестоком приступе разорвал на себе рубаху и, выставив голую грудь, закричал: «Стреляйте! Юденич не добил — добивайте вы!»

Караульные помялись, помялись и ушли. Комсомольцы, посоветовавшись, решили, что, пока Тугаров не двинул против них более серьезные военные силы, надо обратиться за помощью к Ленину, составили телеграмму в его адрес и побежали на телеграф.

Вскоре после этого Тугаров был вызван в Москву, в ЦК партии. Видимо, кроме комсомольской телеграммы, были и другие тревожные сигналы о его деятельности в Елабуге. Так следует думать, потому что по возвращении из Москвы Тугаров оказался «не у дел». Гражданская война закончилась, и больше терпеть такую «власть на местах», на какую стал претендовать Тугаров, уже нельзя было.

Подробности этой истории я узнал уже потом, от одной из активных участниц ее.

Надежда Константиновна Крупская пишет в своем путевом дневнике о пятнадцатилетней елабужской епархиалке, которую колчаковцы, заподозрив в коммунизме, подвергли экзекуции. В материалах по истории Елабуги в числе первых елабужских комсомолок упоминается ученица епархиального училища Аня Чувыгина. Не эта ли самая пятнадцатилетняя епархиалка?

В своем дневнике Надежда Константиновна особое внимание уделяет созданию новой советской трудовой школы. Из ее записей видно, с каким скрипом шла перестройка старых учебных заведений в таких насквозь пропитанных мещанско-поповским духом городках, как Елабуга, Чистополь. В ту пору, когда «Красная звезда» прибыла в Елабугу, здесь этот дух еще далеко не выветрился из стен учебных заведений. Учебный состав оставался тот же, связанный с духовенством. Среди учащихся тон задавали епархиалки и реалисты. Комсомола в городе еще не существовало. Тем более интересно было бы встретиться с упомянутой в дневнике Крупской епархиалкой, вступившей потом в комсомол и работавшей, как мне говорили, в укове.

Где ее искать? Говорили, что, по слухам, Аня Чувыгина где-то в Удмуртии, не то в Сарапуле, не то в Ижевске, точно никто сказать не мог: хоть Елабужский район Татарии граничит с Удмуртией, но все же другая республика — встречаться на совещаниях и слетах не приходится. Нет, вряд ли мне удастся найти Чувыгину, прошло столько времени, и, вероятно, выйдя замуж, она переменяла фамилию, решил я. Однако Сарапул был на моем пути, и, приехав туда, я стал наводить справки.

Но Сарапул не Елабуга, где все знают друг друга,— это быстро растущий город с длиннейшими улицами, на которых среди старых деревянных домов высятся целые кварталы новых многоэтажных каменных зданий, его не обойдешь за день два раза пешком, как Елабугу, а если станешь объезжать, то придется не раз пересаживаться из одного автобуса в другой. Тут, не зная улицы и номера дома, где живет человек, его не найдешь без помощи адресного стола. А обращаться в адресный стол в данном случае было бессмысленно. Словом, я уже не думал, что нападку на след Ани Чувыгиной. И вдруг мне говорят:

— Вам бы могла помочь Анна Николаевна Колбина. Она сама из Елабуги. И, кажется, там в комсомол вступила.

Спрашиваю, кто такая Колбина, где ее найти, и узнаю, что Анна Николаевна несколько лет работала в Сарапуле первым секретарем горкома партии, а сейчас живет в Ижевске и там ее, конечно, все знают, как и в Сарапуле, вообще известный человек в Удмуртии — была одним из секретарей обкома партии.

Иду на междугородную телефонную станцию, там мне дают телефонный справочник Ижевска, нахожу в нем телефон Колбиной. Меня моментально соединяют. Говорю:

— Можно товарища Колбину Анну Николаевну?

— Я вас слушаю.

Называю себя, спрашиваю, не может ли она помочь мне найти Аню Чувыгину из Елабуги.

— Могу,— отвечает Анна Николаевна, и по голосу ее чувствую, что она улыбается. Короткая пауза, а потом слышу: — Это я.

— Так это вы? — спрашиваю, не веря своим ушам.

— Да, это я. Если интересно, приезжайте, тут недалеко.

Сажусь на маршрутное такси и через час с небольшим быстрой езды по отличному, прямому, как луч, шоссе приезжаю в город Ижевск, столицу Удмуртской республики, которой в нынешнем году исполняется сорок лет.

Во дворе старинного особняка — тут сейчас республиканский краеведческий музей, — в окружении новых высоких домов стоит обнесенная заборчиком хатка — контора и архив музея. В конторе есть крохотный закуток, в котором едва умещаются небольшой письменный стол, два стула и диванчик. Это директорский кабинет. Здесь я и встретился с Анной Николаевной Колбиной, бывшей Чувыгиной.

Прошло несколько минут, необходимых, чтобы незнакомые люди могли как-то почувствовать друг друга, и мы уже разговаривали, как старые товарищи по комсомолу, много лет не видевшиеся и вдруг встретившиеся невзначай. Конечно, и возраст и долготлетняя партийная работа на руководящих постах наложили свою печать на Аню Чувыгину, но и сквозь эту почтенную печать в ней еще проглядывает — и ох как сильно проглядывает — та озорная, задорная комсомолка, которая в кабинете грозного Тугарова категорически отклоняла от имени укома комсомола его ультиматум о разоружении приехавших из Питера комсомольцев.

Анна Николаевна директорствует в республиканском музее с недавних пор, и по всему видно, что она чувствует себя тут, как моряк, много лет плававший на большом океанском корабле и вдруг попавший на речной трамвайчик.

Во время одного нашего разговора, происходившего тут же, в ее служебном кабинете, в комнате по соседству — дверь была открыта — шел оживленный торг: явилась колхозница, принесла старинный праздничный наряд удмуртской женщины, предлагает музею купить его. Работники музея договариваются с ней о цене и при этом ссылаются на директора, показывают на кабинет.

— Директор больше не разрешит. Не знаем, согласится ли он и на эту цену. Поговорите сами... поговорите...

Анна Николаевна, прислушиваясь к торгу, сначала смущенно разводила руками: вот, мол, чем приходится заниматься, прямо как на базарной толкучке, а потом, когда возникла опасность, что торг будет перенесен в ее кабинет, опустила плечи, вся сжалась, оглянулась туда-сюда в шутовском ужасе, что ей некуда скрыться.

Должность директора музея для Анны Николаевны пенсионная: ей предложили эту должность, когда она получила персональную пенсию, предложили, чтобы не так тягостно был для нее переход с большой работы на отдых. Но она еще не собирается предаваться пенсионному отдыху. У нее свои планы. В тридцатых годах она была собкором «Правды» на Магнитострое, в Челябинске, в Казани. И теперь она подумывает о том, как бы сочетать работу в музее с газетной работой, чтобы не уходить целиком в прошлое.

Наш разговор о прошлом начался с Тугарова, потом вернулся к временам епархиального училища и колчаковщины.

Нет, епархиалка Аня Чувыгина была далека от коммунизма — напрасно колчаковцы истязали ее. Учительница деревенской приходской школы, а потом школы для слепых в Елабуге Аполлинария Владимировна Покровская, взявшая Аню из крестьянской семьи на воспитание и устроившая ее в епархиальное училище, была довольна своей воспитанницей.

Ученицей Аня была способной и усердной, и никогда она не нарушала чинности и благонравия, царивших в училище, отгороженном от улицы каменной стеной, из ворот которой епархиалок выводили на прогулку парами под наблюдением классной дамы. Одно только немного огорчало Аполлинарию Владимировну — когда Аня на каникулах приходила домой, ее ни на минуту нельзя было оставить одну, без надзора. Чтобы она не бегала одна по улицам, Аполлинария Владимировна посылала ее на прогулку со своими слепыми учениками за поводья. Но Ане скучно было ходить по городу со слепыми, она баловалась, и слепые в конце концов отказались гулять с ней.

Прошла Февральская революция, но в епархиальном училище все оставалось по-прежнему: те же утренние и вечерние молитвы, те же скучные уроки, те же чинные прогулки. После Октябрьской революции в город понаехали какие-то матросы, прогулки епархиалок прекратились, они сидели взаперти и дрожали, когда с улиц доносились стрельба. По училищу ползли страшные слухи, и однажды — это было ранней весной, на Каме только что прошел лед — епархиалкам было велено надеть на себя все будничные и праздничные одежды: предстоит далекий путь на Ладогу, на остров Валаам — туда епархия переводит училище. Напялив на себя все, какие у них были платья, они сидели на своих постелях, толстые, как битком набитые мешки, в ожидании, когда их поведут на пароход. Ночью их стали выводить из училища, привели на пристань, надо было уже садиться на пароход, но тут какой-то матрос, обратив внимание на массу толстых девчонок в длинных черных пальто и серых шалях, спросил:

— А это еще что? Куда это вы, галки, лететь собрались? На остров Валаам? Где это такой остров? А ну-ка, давайте сюда ваших начальников. Сейчас разберемся, зачем вам нужно лететь на остров Валаам.

С этого все и началось. Если бы не этот матрос, куда, в какую страну света занесло бы Аню Чувыгину?

Епархиалок вернули с пристани, и они, сидевшие до того взаперти под неусыпным надзором начальницы и классных дам, получили полную, такую безграничную свободу, что у них головы пошли кругом. Аня, побегав одна по улицам, вернулась назад перепуганная и сказала, что не надо никакой свободы, лучше сидеть взаперти, а то в городе ужас что такое. Но интернат епархиального училища стал общеученическим общежитием, епархиалки перемешались здесь с гимназистками, реалисты с семинаристами и учениками высшего начального. Наступила бурная пора ученического самоуправления и самообслуживания, ученической самодеятельности, ученических союзов, культурно-просветительных и хозяйственно-бытовых комиссий, литературно-драматических, музыкально-вокальных и всяких иных кружков. Днем шли шумные собрания, выборы и перевыборы, вечером — концерты, спектакли, танцы. И центром этой кипучей деятельности стало бывшее епархиальное училище. Притихшие, запуганные «галки» встряхивались, расправляли крылья. И неожиданно самой бойкой из них оказалась Аня Чувыгина. Она несколько не стеснялась выступать на собраниях, первой брала слово и вносила целую кучу интереснейших предложений — откуда только они приходили ей в голову!

Председатель союза социалистической молодежи Николай КаSTRUлин из высшего начального зазывал ее к себе, но в его союзе были ребята из ремесленного и из школы слепых — с ними ей неинтересно было, и к тому же она уже сама председательница осуза — организации средних учебных заведений. КаSTRUлин потом предлагал объединить своих соцмоллов с осузовцами, но Аня Чувьгина решительно воспротивилась этому — пусть все будут сами по себе: ремесленники и слепые в одном союзе, учащиеся средних учебных заведений — в другом. Епархиалки и гимназистки охотно верили ей, что с ребятами из ремесленного и школы слепых неинтересно устраивать литературно-музыкально-танцевальные вечера и ставить спектакли. Они все голосовали за ее предложения. Реалисты тоже голосовали за Аню Чувьгину. Значит, на ее стороне стояло огромное большинство. КаSTRUлин остался в меньшинстве, и Аня поглядывала на него сзысока. Обе ученические организации жили не в ладу, и обе в стороне от больших событий, происходивших в городе.

В Елабугу прибыл Владимир Азии, формировавший свою будущую дивизию. В серой папахе, в черной бурке, стоя на лошади в стременах, выступал перед строем сформированного им тут батальона, призывая беспощадно бороться с гидрой контрреволюции и под конец приказывал: «Трусам выйти из строя — бои будут жестокие, трусы мне не нужны!» На этой же площади, стоя на балконе, в белой папахе, Яков Тугаров громил кровавых псов империализма — Шейдемана и Носке. Но все это мало касалось епархиалок, гимназисток и реалистов, которые под председательством Ани Чувьгиной азартно занимались самоуправлением и самообслуживанием. Так продолжалось до прихода в Елабугу колчаковцев.

Это было ранней весной. Осузовцы, собиравшиеся в лес за подснежниками, завтракали в столовой своего общежития, когда Аню вызвали в приемную.

— Там тебя спрашивает какой-то молоденький прапорщик.

Она вышла удивленная — что за прапорщик?

Прапорщик сказал ей:

— С вами хочет поговорить капитан Зайцев. Он тут у ворот ждет. Идемте. — И пропустил ее вперед.

У ворот стояла пролетка, несколько спешившихся казаков держали своих коней на поводу. Капитан сидел в пролетке.

— Вы Аня Чувьгина? Председательница ученического комитета? — Он устался на нее.

— Ну что вам от меня надо? — спросила она.

— Мне надо найти оставшихся в городе большевиков. Где они?

— Откуда я знаю?!

— Знаешь.

— Нет, не знаю. А если бы и знала, то не сказала бы — я не Иуда.

— Ах вот как! — И капитан обернулся к прапорщику: — Отведите во двор. Пятьдесят.

Впереди шел прапорщик, по сторонам и позади — казаки с плетками. В дальнем углу двора Аню повалили на навозную кучу. Она не кричала, когда ее били, боялась, что товарищи и подруги услышат, выбегут во двор, увидят...

Потом ее отпустили. Вернувшись в общежитие, она кинулась на постель, уткнулась в подушку. Ей было не так больно, как стыдно.

Подруги спрашивали:

— Чего это ты, Аня?

Она не отвечала...

Так никто и не узнал в тот день, что с ней произошло. Подруги решили: «Несчастливая любовь», — и гадали, откуда взялся этот молодой прапорщик.

На другой день за Аней приехали казаки. Окруженная ими, она шла по мостовой, опустив голову, как настоящая преступница. Прохожие останавливались, и она слышала, как они говорили:

— Такая молоденькая девочка... За что это?

Ее куда-то привели, наверное в контрразведку. Там ее допрашивал тот же капитан. Она ему сказала:

— Чего вы меня водите по городу с казаками? Это же просто идиотство! Откуда я знаю, где большевики?

— Знаешь,— твердил капитан.— Ты же была председателем этой, как ее, ученической организации...

После допроса конные казаки опять повели ее по городу. «Куда, в тюрьму или на казнь?» — думала Аня. Она решила, что от колчаковцев всего можно ожидать. Но во всем этом было что-то такое несерьезное, что о смерти она не думала и ничего не боялась.

В подвале одного купеческого дома, где содержались арестованные, Аня встретила со своим соперником на поприще общественной деятельности — Николаем Кастрюлиным. Он был жестоко избит, стонал.

— А тебя-то за что? — удивился он.

— Меня-то за осуз,— ответила Аня.— А за что тебя — не понимаю.

— За соцмол..

Увидев в полутемном подвале учителя химии, Аня воскликнула:

— Боже мой, и вы тут!

В подвале она просидела с неделю, несколько раз ее водили на допрос через весь город — то казаки с обнаженными клинками, то солдаты с винтовками наперевес, а потом, когда это стало вызывать в городе возмущение, ее привели в епархиальное училище и сдали начальнице, чтобы она содержала ее у себя на квартире под домашним арестом.

В то время епархиалки разъезжались по домам на каникулы. Начальница выдавала им справки. Бланки, печать и факсимиле своей подписи она держала у себя дома в ящике письменного стола. Воспользовавшись этим, Аня сама написала себе справку, вылезла ночью через окно и на другой день была в селе Новогорском, у одной из своих подруг. Тут Аня пробыла, пока не прогнали колчаковцев, а потом перебралась в деревню к матери и сказала ей, что в город ни за что не вернется, учиться больше не хочет — будет крестьянкой. После всего, что учинили с ней колчаковцы, она с ужасом думала о возможности встречи со знакомыми ребятами. Ей казалось, что она умрет со стыда, если они увидят ее. Теперь до самой смерти ей нельзя будет показаться в городе. А как хочется!

И опять судьба помогла Ане Чувыгиной. Прожила в деревне до осени, и вдруг приезжает из города продотряд и с ним Леонид Павлов, знакомый ученик старшего класса реального училища. Аня не успела скрыться — Леонид увидел ее.

— А мы думали, что тебя уже в живых нет! Чего ты здесь?

Она никак не могла толком объяснить этого. И когда продотряду нужно было возвращаться, Леонид сказал ей:

— Собирайся, сейчас поедем.

И она поехала с ним в Елабугу, хотя ей это было очень страшно. Леонид привез ее прямо в общежитие учащихся, крикнул:

— Осузовцы, встречайте свою воскресшую из мертвых председательницу!

Это была осень 1919 года. В стране проводилась партийная неделя. В Елабуге на площади шел митинг. Рядом с трибуной поставили стол. За этим столом Леонид Павлов — он уже был коммунистом — записывал желающих вступить в партию. Протолкнувшись к нему, Аня попросила:

— Запиши и меня.

— Я тебя запишу, Аня, но сначала в комсомол,— сказал Леонид.

В тот же день, получив от него задание организовать комсомольскую ячейку учащихся, она помчалась в общежитие, созвала собрание, выступила с речью, призывала всех — и осузовцев и соцмол — вступить в комсомол. Записалось около двухсот учащихся.

— Хорошо,— похвалил ее Леонид, когда она сообщила, что задание выполнено.— А теперь поедешь по волостям, будешь организовывать ячейки и проводить выборы делегатов на уездный съезд комсомола.

Она получила мандат и огромный артиллерийский «смит-вессон». На следующий день с этим револьвером в кобуре, закутанная поверх пальто и шали в одеяло — уже начинались морозы, — она выехала на подводе из города. По дороге встретила трех ребят из села Бемыжки, конвоировавших в Елабугу кулака-саботажника. Пока один из ребят с наганом в руке сторожил арестованного, двое других жаловались ей, что не получают из города помощи: ячейку организовали, а оружия нет, на троих дали один наган, пришлось его поделить — кому револьвер, кому кобуру, а кому только шнур, вот и гонят они этого саботажника шестьдесят верст без отдыха, а то может заметить, что у одного кобура пустая, а у другого на шнуре ничего нет — засунут в пустой карман. Аня посочувствовала плохо вооруженным ребятам и похвалилась своим «смит-вессоном». Они восхищенно повертели его в руках и, вернув, сказали, что револьвер замечательный, жаль только, что неисправный — стрелять из него нельзя.

Аня не очень огорчилась, подумала, что в кобуре не видно, какой револьвер, исправный или неисправный, и поехала дальше — организовывать ячейки и выбирать делегатов на уездный съезд.

На съезде Аню выбрали в комитет, а потом произошла эта история с разоружением и посылкой телеграммы Ленину — история, в которой Аня выступала от укома комсомола против Тугарова.

Обо всем этом давнем прошлом мы разговаривали с Анной Николаевной Колбиной, сидя в ее крошечном кабинете. Между прочим она вспомнила решение комсомольских ячеек: не танцевать, не влюбляться, не жениться до победы революции в мировом масштабе — такие решения присылались в уком с просьбой утвердить их для прочности, и уком утверждал, — и вдруг сказала:

— А все-таки остатки своего мешанства мы оставили только на пороге Магнитостроя, как говорил Ваня Еремин... Я вела школу пропагандистов. Школа помещалась в теплушке, а жили мы с мужем и двумя детьми в маленькой конурке. Дети воевали за место под столом. Тому, кто не отвоюет, приходилось спать на столе. И вот как-то встречаю старого товарища, комсомольца Ваню Еремина. Он только что приехал на Магнитострой. Спрашиваю его: «Ну, как устроился?» — «Отлично! Замечательно!» — говорит и показывает на какую-то огромную, лежащую на земле трубу. Заглядываю в нее — и действительно, вижу, стоит в трубе чемодан. — Анна Николаевна смеется. — Помню еще, один начальник у нас прославился тогда. На каком-то совещании сказал: «Закройте форточку, а то дует». Потом по всей стройке хохотали — подумаешь, из форточки дует!

Наши беседы о прошлом закончились тем, что Анна Николаевна поднялась из-за стола и сказала:

— Да что мы с вами сидим тут? Пройдемся по городу — посмотрим лучше, какой сегодня Ижевск.

Ижевск давно уже стал для нее родным городом, она прожила в нем около двадцати лет и говорит, что не променяла бы его ни на какой другой город, даже на Москву. Все ей тут нравится, как в свое время все нравилось на Магнитострое. Нравится, что тут много домов, поглядишь на них — и сразу вспомнишь первую пятилетку, когда Ижевск из старого полурабочего-полукрестьянского поселка стал превращаться в современный индустриальный город.

Мы ходили по его широким и длинным, с трехзначными номерами домов улицам, на которых радовали глаз и гладкий, как стекло, асфальт, и яркая, как в парке, незапыленная зелень деревьев, и витрины магазинов, ничем, пожалуй, не отличающиеся от московских, и напоминающие вагоны электрички, большие, чистые, будто только что покрашенные автобусы, мчавшиеся к плотине, в ту сторону, где высятся трубы заводов, и Анна Николаевна говорила:

— А эти большие каменные дома строились уже при мне, незадолго до войны. Как видите, они отличаются от тех, что построены в первую пятилетку, выглядят помоложе... А это вот строительство последних лет. Сразу целыми кварталами растет теперь Ижевск, все больше и больше омолаживается.

Нравится ей, что в городе дома один другого моложе, что все они разные, не похожие на своих соседей, что, идя по улице, видишь не только движение автобусов,

трамваев, автомашин, но видишь и стремительное движение нашего времени, воплощенное в кварталы жилых домов.

— А вот поглядите на этот домик,— говорит она, показывая на старую тесовую крышу, которая выглядывает из-за высокого забора.— Такой Ижевск раньше был весь — огромная деревня, разгороженная заборами и разделенная на две вечно враждовавшие между собой волости, Нагорную и Заречную. Одна волость на другую стежками ходила. Какие побоища бывали тут зимой на льду пруда!

Деревянных домиков с заборами и усадьбами в Ижевске еще много, но представить себе Ижевск большой деревней, какой он был раньше, уже невозможно.

Нравится Анне Николаевне и пруд, по берегу которого широкой дугой раскинулся город. Впрочем, какой это пруд — он только называется так, по-старинному скромно,— Волга, а не пруд, с водным вокзалом как раз против ворот старого казенного завода, того самого, с чьей башни в 1919 году после освобождения города от колчаковцев был снят чугунный двуглавый орел. Его отвезли на пароходике далеко от берега и там сбросили на дно пруда.

А какие сказочные избушки выглядывают из лесной чащи, когда едешь на пароходике вдоль берега пруда! Темный бор подступает к самой воде, и окна избушек глядят в воду. Как-то Анна Николаевна отдыхала тут одна-одинешенька в заброшенной дачке, собирала грибы, жарила их, за молоком в деревню ходила. Чудесно! Лучше, чем на Южном берегу Крыма.

Особенно нравится Анне Николаевне в Ижевске Ждановский, заводской район. Мы стояли с ней на берегу пруда, у плотины, перегородившей речку Иж. Отсюда виден был весь этот район с дымящейся колоннадой заводских труб. Анна Николаевна рассказывала мне, с каким напряжением работал ее любимый район в годы войны,— как вы уже, наверное, догадываетесь, она была в то время секретарем Ждановского райкома партии.

— Главное, конечно,— товарищи, с которыми работаешь. А люди в Ижевске...— Анна Николаевна затрудняется сказать, какие тут люди, наконец находит сравнение: — Как на Магнитострое! С ними удивительно легко, весело работать.— А потом вспомнила, как товарищи недавно провожали ее на пенсию, и стала страшно ругать их: — Устроили мне похороны по первому разряду. Кажется, хорошие люди, а не понимают, что такие речи можно произносить только на кладбище. Они поют мне славу, а я чуть не плачу, будто меня в могилу провожают и гроб уже заколотили. А дома и вовсе разревелась, думаю — неужели же у меня все в прошлом? Нет, не может быть.

5

Вернемся в Сарапул. Между прочим, этот бывший купеческо-мещанский город, мало чем отличавшийся от Елабуги, а ныне далеко опередивший ее в индустриальном развитии, сильно похож на Ижевск, с той только разницей, что он поменьше, поскромнее и что пока еще не перегороженная плотинами Кама не имеет тут такого зеркального простора, как запруженная речка Иж.

В том, что Сарапул стал индустриальным городом, приезжий человек может убедиться хотя бы по названиям остановок на городских автобусных линиях. Мне дали один адрес и сказали, что нужно сойти на остановке «Завод Орджоникидзе». Я по ошибке назвал «Завод Дзержинского». Оказалось, что и такая остановка есть. Сойдя там, я долго блуждал, пока мне не объяснили, что я ошибся заводами — их тут много — и попал в противоположный конец города. Но это только к слову.

Вместе с городом вырос и Сарапульский речной порт. Тут на стене одного здания недавней постройки висит мемориальная доска. Она свидетельствует, что 29 июля 1919 года где-то здесь, на территории порта, так застроенной уже с тех пор, что трудно представить себе, где именно, состоялся многолюдный митинг, организованный делегатом агитпарохода «Красная звезда», и что на этом митинге выступала Надежда Константиновна Крупская. Известно, что в те дни, когда «Красная звезда» стояла в Сарапуле, тут же рядом с ней стоял пароход «Лермонтов», на котором находился

штаб дивизии Азина, двигавшейся вниз по Каме, на Волгу, против Деникина. По всей вероятности, встреча Азина с Крупской, о которой она рассказывает в своем дневнике, произошла уже после ее выступления на митинге и Азин со своим штабом присутствовал на этом митинге.

То, что Надежда Константиновна рассказывает о нем, связано с одной очень любопытной легендой, которая до сих пор живет в Прикамье. Когда я познакомил с записью Крупской елабужского историка Фому Тихоновича Тихонова, у нас с ним произошел такой разговор.

— Вот видите, и Крупская пишет, что Азин — казачий офицер и в 1919 году был уже немолодым человеком, — сказал Фома Тихонович.

— А разве кто-нибудь сомневается в этом? — спросил я.

— У меня есть заверенная копия его послужного списка, — продолжал он. — Там ясно сказано, что Азин — донской казак, еще до первой мировой войны окончил кавалерийское училище, получил чин подхорунжего, к концу войны был есаулом. Какие тут могут быть сомнения?

— Так в чем же дело?

— Недавно попала мне в руки одна книжечка об Азине, выпущенная в Ижевске сектором истории Удмуртского научно-исследовательского института. В этой книжечке дается совершенно другая биография Азина: латыш, уроженец Витебской губернии, сын сельского портного, учился в городском училище. И возраст другой: родился в 1895 году, значит в 1919 году он был еще совсем молодым. Не понимаю, что за недоразумение. Писал в издательство, но мне не ответили.

Там же, в Елабуге, я встретился с некоторыми бывшими азинцами, и все они были такого же мнения — в книжке что-то напутали: кто же в дивизии не знал, что Азин — казак, старый офицер? От него самого не раз слышали и от его ординарца — они земляки, оба с Дона.

Я попытался разобраться — кто же напутал? Обратился к только что выпущенной Воениздатом книге Н. Кондратьева «Начдив Железной Азин». И там нашел те же биографические данные, что и в книжке, изданной в Ижевске, только более подробные. Н. Кондратьев пишет, что после окончания городского училища в Полоцке Азин поступил учеником к своему дяде, работавшему бухгалтером в конторе ткацкой фабрики з Риге, а потом сам стал бухгалтером, служил в рижском отделении Всероссийского земского союза Красного Креста — до конца 1916 года, когда его призвали в армию рядовым.

Так что же, значит казачье происхождение и офицерский чин Азина — легенда? Да, легенда, и легенда, сочиненная им самим, как мне это стало ясно после того, как я побывал в Сарапульском краеведческом музее и познакомился с собранными там за последние годы материалами по биографии Азина. Жаль, что в посвященных ему книгах эта широко известная легенда не разъясняется, а о ней просто умалчивается. Это-то и породило смуту в умах.

Невозможно заподозрить Азина, что он вводил своих боевых соратников, свою дивизию, всю Вторую армию в заблуждение в каких-либо корыстных целях. Ну какую корысть он мог извлечь из того, что, служа в Красной Армии, выдавал себя за донского есаула? Остается предположить, что Азин придумал себе роль казачьего офицера, ставшего на сторону революции, просто по молодости лет, по своей романтической настроенности, а возраст ему пришлось прибавить (на целых десять лет!) для правдоподобия, ну и для солидности. Сколько знаем мы молодых командиров Красной Армии, героев гражданской войны, которые отращивали себе бороды, чтобы выглядеть посolidнее, постарше! Придуманная Азиным легенда о себе — это та же борода, только подлиннее.

Но это между прочим — одна черточка необыкновенного времени и любопытного характера. Странно, что этому юному бухгалтеру, назвавшему себя казачим офицером и ставшему легендарным начдивом Железной, не повезло в литературе: мало и скучно написано о нем. А сколько устных рассказов о Владимире Мартиновиче Азине ходит в Прикамье! Они рисуют его как бесстрашного революционного казака, мастера внезапных и бурных, сшедомлявших противника кавалерийских атак. Судя по рассказам

азинцев, с которыми я встречался, именно конница, созданная им в своей дивизии, — белые прозвали ее туземной кавалерией, так как среди конников Азина преобладали башкиры, татары, удмурты, — была той устранившей врага силой, во главе которой в решающие моменты боя он сам кидался в атаку.

Один из его конников, Яков Степанович Колпаков, рассказывал мне, как кончилась возглавленная Азиным кавалерийская атака под Елабугой накануне изгнания колчаковцев из города. Около двухсот белых солдат, настигнутых конницей Азина, бросили оружие и подняли руки. Азин велел им выстроиться и, когда они выстроились, стал гневно поносить их:

— Эх вы! Трусы вы поганые, а не солдаты! Разве настоящий солдат бросит когда-нибудь оружие? А вы пораскидали винтовки по всему полю... Живо собрать оружие! Без него вы мне не нужны!

Пленные кинулись собирать оружие. Собрав его, они снова выстроились, и Азин еще долго поносил их за трусость, а потом крикнул:

— Если есть среди вас смелые люди — выходи из строя пять шагов вперед!

Никто не выходил.

— Значит, ни одного смелого нет?

После этого нерешительно вышло из строя человек десять.

— Если вы действительно смелые, — сказал Азин, — то возвращайтесь в свою часть и приведите ко мне каждый по десять солдат с оружием, тогда приму вас к себе в дивизию вместе с ними.

И они ушли с выданным им Азиным пропуском для перехода через фронт. Яков Степанович Колпаков не может сказать, все ли они вернулись, но он помнит, что вскоре через фронт в расположение дивизии пришел чуть ли не целый батальон колчаковских солдат с оружием.

С Яковом Степановичем Колпаковым, бывшим командиром отряда Елабужской ЧК, влившегося потом в состав дивизии Азина, я встретился еще в Елабуге. После демобилизации он был тут председателем горсовета. Вспоминая об Азине, он рассказал мне еще один эпизод, участником которого была Надежда Константиновна Крупская.

Дело происходило в Сарапуле, в те дни, когда тут у одной пристани стояла «Красная звезда», а у другой — «Лермонтов» со штабом Азина.

Колпаков пришел к Азину на пароход с рапортом — просил откомандировать его из дивизии в распоряжение елабужского военкома в связи с тяжелым положением семьи: колчаковцы на барже смерти расстреляли его отца и двух старших братьев, дома осталось пятнадцать детей — его и братьев, погибают с голоду.

Прочитав рапорт, Азин подумал и сказал:

— Не знаю, что мне с тобой делать, товарищ Колпаков. Надо бы уважить твою просьбу, но сам знаешь, дивизия идет против Деникина, бои будут жестокие — могут ли отпустить тебя? Нет у меня на это права.

— Детишек больно жаль, товарищ начдив. И жена лежит больная, белые в тюрьме ее держали, мучили, чуть живая осталась...

— Всею душой понимаю тебя, жаль детишек, но без ведома командарма не могу отпустить, а командарм Шорин, боюсь, не разрешит... Впрочем, знаешь что? — обрадованно воскликнул он вдруг и быстро написал что-то на рапорте. — Иди на «Красную звезду», к Надежде Константиновне Крупской, передай ей рапорт с моей резолюцией.

Надежду Константиновну Колпаков встретил в тот момент, когда она сходила с парохода на пристань. Прочитав рапорт и наложенную Азиным резолюцию: «Товарищу Крупской на рассмотрение», она смущенно развела руками:

— Право не знаю, я человек невоенный... Пойдемте, я попрошу товарищей помочь мне разобраться в этом деле. — И, вернувшись на пароход, Надежда Константиновна провела Колпакова в салон и показала его рапорт одному из сидевших тут за столами товарищей.

— Посмотрите, что можно сделать. Случай исключительный — пятнадцать детей сидят голые, босые, голодные. Нужно помочь... Но как? Мы ведь люди невоенные...

Прочитав рапорт, товарищ, сидевший за столом, сказал:

— Можно только рекомендовать...

— Так давайте так и напишем, что в связи с чрезвычайно тяжелым положением семьи рекомендуем отпустить бойца домой.

С этой подписанной Крупской рекомендацией Колпаков вернулся к Азину.

— Ну вот, я так и полагал,— сказал начдив.— Конечно, Надежда Константиновна не может решать военные дела, но она лучше нашего командарма знает, как решил бы товарищ Ленин... Получишь выписку из приказа — зайди ко мне попрощаться.

Когда Колпаков зашел к Азину уже с вещевым мешком за плечами, начдив сидел в салоне за столом и пил чай.

— Как будешь добираться домой? — спросил начдив.

— Да тут недалеко, можно пешком...

— Бери своего боевого коня — дарю тебе от нашей Железной дивизии. А это от меня лично гостинец детишкам.— Он взял со стола большую вазу с сахаром.— Снимай свой мешок, развязывай!

Эту вазу со своего стола, полную сахара, начдив 28-й не раз уже опрокидывал в вещевой мешок бойца, отбывавшего домой в отпуск. Она тоже живет в легенде.

6

Я возвращался из своей поездки в Прикамье на пароходе «Арсеньев». Неподалеку от Елабуги произошла какая-то авария — «Арсеньев» бросил якорь на середине Камы, и пассажиры, обедавшие в салоне, услышали доносившееся снизу глухое постукивание. Пока гадали, что случилось, долго ли простои́м, проходившая мимо самоходная баржа по сигналу «Арсеньева» развернулась, подошла к нам вплотную и взяла на бортовой буксир. Немного протаскив нас вперед, баржа ушла. Пароход снова встал на якорь посреди реки.

Мимо нас прошли еще две огромные самоходные баржи, одна вниз по реке, тяжело нагруженная, с бортами, чуть возвышавшимися над водой, другая — вверх, видимо порожняя, с легкой осадкой. Сколько их сейчас развелось тут, этих речных тяжело-возов! Вот еще одна самоходка тащится. А мы все стоим и стоим.

— Ну, теперь с голоду помрем,— сказал вдруг один мрачно настроенный пассажир. Он не раз уже громко выражал свое недовольствие скудостью ресторанного меню «Арсеньева» и часто справлялся, много ли еще осталось пива в буфете.

— Боже мой, ну что за люди бывают! — воскликнула молоденькая официантка.— Чуть что и уже в панику кидаются. Мы же не в море, а на Каме. Тут теперь движение, как на асфальте. В случае чего всегда можно взять продукты и напитки с другого парохода.

Это успокоительное «в случае чего» вызвало среди обедавших пассажиров нешуточную тревогу.

— А что, разве действительно можем простоять так долго, что продуктов не хватит?

— Кто знает, что у них там стряслось,— ответила официантка, показывая вниз, откуда доносилось постукивание.

Мрачный пассажир стал возмущаться:

— Безобразие! Радио целый день трещит, а объявить, что случилось, не могут. Вот и езди на пароходе, отдыхай, успокаивай нервы.

Затронута была большая для большинства обедавших в салоне тема: они проводили на пароходе свой отпуск, отдыхали, а радио гремело на «Арсеньеве» с утра до позднего вечера. Завязался общий разговор о беспощадном радисте, пропускавшем мимо ушей нервные протесты пассажиров, и этот разговор отвлек мое внимание от проходившего мимо парохода.

— Вот и «Красная звезда» уже обогнала,— сказал кто-то.

Не та ли это «Красная звезда», по давним следам которой я предпринял свою поездку? Прошло уже больше сорока лет с тех пор, как этот пароход совершил свой

знаменитый агитинструкторский рейс, идя за боевыми кораблями Волжской флотилии, которые помогали войскам Красной Армии очищать Прикамье от колчаковцев. Я думал, что если и встречу его во время своей поездки, то скорее всего на каком-нибудь пароходном кладбище заслуженных ветеранов Волжского флота.

Название обогнавшего нас парохода я не успел прочесть, но мой сосед по столу заверил меня, что это действительно была «Красная звезда», курсирующая между Горьким и Пермью. Та ли это «Красная звезда», что ходила тут же в 1919 году, или другая, унаследовавшая от той свое название, он не мог сказать.

Спустя полчаса постукивание, доносившееся из глубин нашего парохода, затихло. «Арсеньев» снялся с якоря и вскоре в свою очередь обогнал «Красную звезду». Она отходила от какой-то небольшой пристани, которую мы миновали без остановки. В своей окраске лебединой белизны она выглядела такой же празднично чистой, новенькой, как и все волжские пассажирские паро-теплоходы, — человеку, не сведущему в судостроении, определить их возраст по внешнему виду иногда бывает трудно.

На следующей пристани мы задержались под погрузкой и перед самым отходом «Красная звезда» опять догнала нас и на минуточку пришвартовалась к нашему борту. Я успел перекинуться несколькими словами с ее капитаном (или помощником), стоявшим на мостике.

— Да, да. Та самая. Надежда Константиновна Крупская на ней ездила, — ответил он на мой вопрос. — Построена в 1912 году. Скоро пятидесятилетие будем отмечать. Старушка.

«Красная звезда» отвалила от «Арсеньева», дала ему путь, потом подошла вплотную к пристани и, слившись с пристанью, стала издали похожа на известную фотографию 1919 года, на которой «Красная звезда», спаренная с высокой баржей, стоит у берега где-то на Каме, может быть даже на этом самом месте, — берег такой же у воды низкий, а дальше повышается, и так же на пустом берегу толпится народ — тогда он собирался на митинг, — так все похоже, ну прямо-таки будто сквозь сорок с лишним лет видно, как это было.

ПУБЛИЦИСТИКА

Б. ЯКОВЛЕВ

★

БОЕВОЕ ОРУЖИЕ

Новое издание ленинских «Тетрадей по империализму»

Бельгия могла сохранить свое Конго только при помощи Англии...»; «Свободное государство Конго, в 1883 г. ставшее собственностью короля Бельгии и значительно округлившееся с тех пор, должно быть рассматриваемо, как кусок, ухваченный Бельгией в борьбе за Африку»; «...Леопольд (Бельгия) деляга, финансист, аферист, купил Конго себе и «развил». Типик!!»...

Конго! Вчера наглухо запертая вотчина бельгийских колонизаторов, откуда годами не доносилось слово правды, стала сегодня страной, известной всему миру. Леопольд-виль. Катанга. Лумумба. Касавубу. Чомбе. Мобуту... Эти названия и имена не сходят со столбцов мировой прессы, ежедневно слышатся в эфире. Они у всех на устах. Именно здесь разыгрались те бурные события, о которых глава Советского правительства говорил на XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Бельгийские империалисты, много десятилетий тому назад захватившие Конго, попытались снова лишить эту страну свободы, отнять то, за что десятки лет самоотверженно боролся конголезский народ. Новый международный кризис — а именно такой характер приняли события в Конго — воскресил в памяти народов тревожные дни осени 1956 года — дни суэцкого кризиса. Независимое африканское государство снова стало жертвой агрессии. Опять попорнены общепризнанные принципы отношений между государствами, сложилась ситуация, чреватая серьезной угрозой миру не только в Африке...

Сотни статей, памфлетов, исторических очерков в печати всего мира посвящены Конго за эти тревожные месяцы.

Кому же принадлежат строки, открывающие данную статью? Кому-либо из современных публицистов? Историков? Радиокомментаторов? Нет! Все приведенные выше отрывки содержатся в ленинских «Тетрадах по империализму» — подготовительных материалах к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», примерно вшестеро превышающих ее окончательный объем.

1

Среди бесчисленных документов, запечатлевших исполинский труд Ленина-мыслителя, «Тетради» занимают особое место. В их записях, выписках, заметках, набросках, планах, таблицах, схемах, статистических подсчетах отражен весь мир накануне первой мировой войны и ее начала. Новое издание «Тетрадей», составившее 39-й том четвертого издания Сочинений В. И. Ленина, не сопровождается, к сожалению, географическим указателем, в рубриках которого были бы представлены не только все континенты, но и мельчайшие островки, не только все без исключения великие державы и крупные страны, но и самые малочисленные народы Европы, Азии, Африки, Америки, Австралии,

Новой Зеландии, упомянутые в «Тетрадах». Словно безупречно точный скальпель хирурга, ленинский анализ проникает сквозь все ткани и покровы, обнажая под любыми хитросплетениями буржуазных политиков, социологов, экономистов, философов, под всеми хитроумными наслоениями буржуазных статистиков, лживыми фразами социал-оппортунистов злокачественную опухоль, имя которой — империализм.

Почти сто пятьдесят книг — русских, немецких, английских, французских, итальянских — и около двухсот пятидесяти статей законспектировал Владимир Ильич на страницах «Тетрадей», но, судя даже только по сохранившимся материалам, объем литературы, изученной им, или, по крайней мере, ставшей предметом его научных интересов, неизмеримо больше. Ведь в «Тетрадах» в той или иной форме упоминается около тысячи самых разнообразных работ конца XIX — начала XX века.

И в этом запутаннейшем лабиринте мнений, оценок, фактов, цифр, а порой демагогических инсинуаций или грубо сфальсифицированных данных, не имевших ничего общего с действительностью, Ленин безошибочно прослеживает главное, характерное, типичное. Он упорядочивает хаос, находит закономерное в стихийном, за лицемерным, ханжеским фразерством представителей колониализма видит его подлинное классовое содержание.

«Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт», — писал Ленин о научном предвидении основоположников марксизма. Таким же гениальным, но еще более точным и обоснованным, исторически конкретным и политически действенным предвидением отличались и его собственные научные труды. Ленин безошибочно находил очаги революционного огня, как бы ни подавляли и ни гасили угнетатели то тлеющее, то вспыхивающее, но неугасимое пламя.

Мы начали эти заметки с Конго, африканского государства, которое еще в конце прошлого века, как указывал Ленин, «Англия хотела скушать». Но в тех же «Тетрадах» речь идет и о Кубе, вышедшей ныне, как и предвидел Владимир Ильич, на передний край антиимпериалистической борьбы.

В недавнем выступлении на Генеральной Ассамблее Н. С. Хрущев заявил, что мужественная Куба стала объектом всевозможных нападков, интриг, подрывной деятельности, экономической агрессии и, наконец, плохо прикрытых угроз интервенцией. «Известно, — напомнил он, — что во всех отраслях экономики Кубы до победы там народной революции безраздельно господствовали американские монополии, наживавшие огромные прибыли на эксплуатации кубинских трудящихся и богатств их плодородной земли».

«Тетради» охватывают огромный фактический и статистический материал, научно подтверждающий этот вывод. Конспектируя (и резко критикуя!) диссертацию французского историка Жозефа Патуйе «Американский империализм», изданную в 1904 году в Дижоне, Владимир Ильич выписывает и подчеркивает на полях такое вполне обоснованное замечание:

«...война из-за Кубы была войной экономической в том смысле, что она имела целью захват сахарного рынка острова; точно так же причиной аннексии Гавайских островов и Филиппин было стремление завладеть кофе и сахаром, производимыми этими тропическими странами».

Но Ленин не ограничивается лишь экономическим анализом кубинской проблемы. Он приводит в своих записях и данные о стратегическом значении Кубы как базы наступления на азиатские рынки. Он разоблачает аргументацию заокеанских агрессоров, несколько не изменившуюся за последние полвека. Ведь и почти семь десятилетий тому назад агрессию против Кубы, как отмечает Ленин, «оправдывали интересами свободы, освобождения Кубы etc». Подчеркивает Ленин и позицию прогрессивных кругов США по отношению к кубинскому народу. Он отмечает, в частности, что автор вышедшей в 1898 году в Нью-Йорке книги «Интервенция Соединенных Штатов на Кубе» Фелпс и его единомышленники «объявляли войну кубинскую *«преступной»*. Агрессия против Кубы рассматривается в «Тетрадах» как составная часть идущих куда дальше захватнических замыслов американского империализма. Тремя чертами на

полях выписок из книги Гобсона «Империализм», сделанных Н. К. Крупской по поручению и, видимо, предварительным отметкам Владимира Ильича, выделен такой текст:

||| «Куба, Филиппины и Гавайи — это только «закуска» для возбуждения аппетита к более обильной трапезе».

Обнажает Ленин и подоплеку американской «привязанности» к Кубе: гигантские вложения в экономику острова, приносившие еще более колоссальную прибыль. Изучая работу немецкого экономиста барона фон Вальтерсхаузена «Народнохозяйственная система помещения капитала за границей», Ленин делает многозначительную заметку: «Американские капиталы... в *Кубе* — 159 миллионов долларов».

Прошло почти полвека, но нравы колонизаторов нисколько не изменились. В одну из «Тетрадей» занесена выписка из «Всемирной истории современности» Альбрехта Вирта: «Какая-нибудь страна вызовет корыстное вождение современной могущественной державы. Страна эта, — будь то Куба, или Либерия, или Иран, — находится в затруднительном положении, в ней происходят беспорядки, которые, однако, можно было бы уладить, если бы никто не вмешивался. Иностранная держава не дает закрыться ранам, усиливает существующие беспорядки и еще провокаторски присоединяет к старым новым... И вот в стране, где произошли беспорядки, возникает естественное озлобление против подстрекающих к беспорядкам чужеземцев. Дело доходит до взрыва народных страстей, до жестокостей. Чтобы отомстить за них, иностранная держава посылает войска и одновременно предъявляет подвергшейся вторжению стране счет за свое вторжение... И вот страна оказывается в лапах ростовщиков».

«Это пишет буржуазный писатель!» — восклицает Ленин.

В «Тетрадах» множество таких показаний, ибо перед нами составленный еще в те годы гневный обвинительный акт против мирового империализма, навеки приковавший его к позорному столбу истории.

Оставим на совести буржуазных авторов специфическую терминологию, при которой борьба за свободу и независимость именуется «беспорядками», а народная расправа со шпионами, провокаторами и террористами — «жестокостями». Важно иное. Еще в начале века элементарно честные буржуазные ученые подметили механизм империалистической агрессии. Научный подвиг Ленина состоял в том, что он показал народам, какими средствами следует остановить этот механизм и вышвырнуть его на овалку. Наши дни принесли полное подтверждение ленинских прогнозов. В новой исторической обстановке, когда империализму противостоят могучие силы социалистических стран и народов, сбросивших колониальное иго, агрессорам уже не удастся безнаказанно и беспрепятственно душить малые народы.

«Тетради» прослеживают историю империалистических захватов за половину столетия и служат грозным предостережением народам. Глубоко поучителен в этом смысле «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 года», последовательно обличающий колониальные захваты. «Англия берет Трансвааль», «Англия берет Кипр», — таковы записи В. И. Ленина, относящиеся к семидесятым годам прошлого века. Характеризуя события восьмидесятих годов, Ленин пишет: «81: Франция берет Тунис», «82: Англия берет Египет», «84: Германия берет юго-западные африканские колонии + Камерун», «85: Англия берет Бечуана (Южная Африка) ...Франция берет Тонкин... Англия берет Бирму».

Записи о девяностых годах открываются такими данными: «10.1.91: Ультиматум Англии португальцам (грабят Африку)», «93: Франция берет *Дагомею*». Середину и конец девяностых годов империализм ознаменовал новыми захватами: «Рейд Джемсона (Англия в Южной Африке)», «Англия берет *Ашанти*», «Франция берет Мадагаскар», «Германия берет Киао-чао»...

Выступая в Организации Объединенных Наций, Н. С. Хрущев образно сравнил современную Африку с кипящим и бурлящим вулканом. Он говорил, что все решительнее поднимаются на борьбу за свои права народы Кении, Танганьики, Уганды, Руанда-Урунди, Анголы, Мозамбика, Северной и Южной Родезии, Сьерра-Леоне, Занзибара

Интересно, что в «Тетрадах» как раз и идет речь об этих колониях. Ленин тщательно собирает данные, характеризующие численность населения **захваченных импе-**

риалистами территорий, их экономику и культуру. Еще нагляднее итоговый перечень исторических событий, озаглавленный Владимиром Ильичем «Главнейшие кризисы в международной политике великих держав после 1870—1871 годов». Здесь скучным языком исторических фактов показано, как Англия, Франция, Япония, Америка и царская Россия «грабят («делают»)» Китай, Африку, Корею, Марокко.

«Обменивают Марокко на Конго»,— пишет Ленин о сделке англо-французских империалистов с германскими, заключенной в 1911 году, за три года до первой мировой войны. «Грабят Кубу и Филиппины», «Грабеж островов Самоа»,— отзывается он о грязных делах империалистов США, явившихся к колониальному столу позднее других, когда уже были заняты самые удобные места и раскромсаны наиболее лакомые блюда.

2

Главным направлением экспансии Соединенных Штатов была, да, пожалуй, и остается, Южная Америка, которая в начале века находилась в полной экономической зависимости от англо-германского капитала. Ленин пишет «о стремлении и попытках Нью-Йорка занять это местечко...». Напомним, что Уолл-стрит расположен именно здесь, в символически названном — вместо Вашингтона — «Городе Желтого Дьявола».

Ленин изучает горы книг, так или иначе свидетельствующих об агрессивных замыслах американского империализма. Характерны заглавия этих работ, вышедших в разных странах мира в начале нашего века: «Американское наступление», «Америка на Востоке», «Американские идеалы», «Американская опасность», «Американизация мира», «Американский империализм», «Империалистская идея в Америке»... В собранном Лениным историческом материале мы узнаем сегодняшнюю тактику и политику американских агрессоров, по-прежнему вдохновляемых и поощряемых монополистами. Вот одна из сделанных Владимиром Ильичем выписок, характеризующих политику Теодора Рузвельта и тогдашних американских «республиканцев»:

«Авантюристский энтузиазм президента Рузвельта и его партии «ясного пред-
назначения» и «цивилизаторской миссии» не должен вводить нас в заблуждение.

Империализм нужен мистерам Рокфеллеру, Пирпону Моргану, Ганна, Швобу и их компаньонам, и они-то взваливают его на плечи великой республики Запада. Им нужен империализм, потому что они хотят использовать государственные ресурсы своей страны, чтобы найти выгодное помещение капиталов, которые в противном случае оказались бы излишними».

У вдохновителей нынешних республиканцев, столь же ретиво вопиющих о своей «цивилизаторской» или «освободительной» миссии, те же зловещие фамилии Рокфеллеров и Морганов, а у этих последних те же своекорыстные мотивы.

Вскрывает Ленин и сугубо империалистический характер пресловутой доктрины Монро «Америка для американцев», которую следовало бы сформулировать точнее: Южная Америка для североамериканских капиталистов.

В новом издании «Тетрадей» впервые опубликованы заметки о книге «Доктрина Монро», автор которой — американский историк А. Гарт — рьяно «защищает «доктрину»... «протекторатов»... для «охраны американского капитала». Двумя восклицательными знаками на полях Ленин подчеркивает лицемерие и лживость этой мотивировки.

Американские империалисты и сегодня всячески распинаются, доказывая свои симпатии к колониальным народам. Об их действительном отношении к народам Африки и Азии лучше всего свидетельствуют злодеяния расистов на территории «великой республик Запады».

Множество заметок в «Тетрадах» посвящено положению негров в Америке, которое, как известно, Ленин неоднократно объявлял позорным для ее господствующих классов. В конспекте «Всемирной истории современности» указывается: «Автор отмечает, что Соединенные Штаты уничтожили рабство, однако чем дальше, тем больше негров

южных штатов снова загоняют в крепостное состояние. так что в настоящее время они во многих местах по существу потеряли избирательное право». В другой выписке, заключенной в рамку, говорится, что гражданская война шестидесятих годов прошлого века в США

NB

«...не имела никакого смысла, так как негр, из-за которого шла война, теперь снова на пути к тому, чтобы быть лишенным всех прав».

3

Ленинские «Тетради» — это подлинный манифест пролетарского интернационализма, братства и дружбы между народами, отвергающий какую бы то ни было национальную исключительность, расистские представления о превосходстве одного народа по сравнению с другими, о господстве больших наций над малыми и так далее. Неприемимый враг и национализма и шовинизма во всех видах и проявлениях, Ленин сражается с идейными противниками на два фронта.

Особенно важно напомнить обо всем этом тем, кто ныне критикует — справа или «слева» — миролюбивую политику Советского правительства, когда наша страна, как заявил Н. С. Хрущев, верная политике мира и поддержки борьбы угнетенных народов за национальную независимость, политике, «провозглашенной основателем Советского государства В. И. Лениным, призывает Организацию Объединенных Наций поднять свой голос в защиту справедливого дела освобождения колоний и незамедлительно принять меры к полной ликвидации колониального режима управления».

Год за годом Ленин воссоздает весь ход империалистической агрессии, ярмо которой в нашу эпоху народы сбрасывают, опираясь на поддержку социалистического лагеря и прежде всего Советского Союза. Можно не сомневаться, что политическая карта мира могла выглядеть совсем иначе, если бы колониалисты не вынуждены были считаться с этой поддержкой и убираться восвояси из стран, захваченных в конце прошлого и начале нынешнего века.

Примечательно пристальное внимание Ленина к Африке, ставшей ныне вслед за Азией основным районом национально-освободительного движения. Протесты представителей «непритяжных племен Африки» против злодеяний империалистов отмечаются уже в первой «Тетради». Действительную расстановку империалистических сил в Африке характеризует такая выписка: «Украшенные золотыми позументами губернаторы Португальской Африки являются британскими марионетками». В «Тетрадах» читатель найдет данные об Алжире и Тунисе, Сенегале и Камеруне — во всех участках современного антиимпериалистического фронта.

Конспектируя книгу Розы Люксембург «Кризис социал-демократии», Ленин пишет о судьбе одного из национальных лидеров африканских народов, павшего от руки германских захватчиков и трусливо преданного тогдашними социал-оппортунистами: «Дуала Манга Белл в Камеруне... за... мнимое покушение (на государственную измену) ...под шум войны потихоньку был повешен без обременительной процедуры судебного процесса... Фракция рейхстага покрывала труп вождя Дуала скромным молчанием».

Ленин обличает коварную роль английского империализма в порабощенных им тогда странах Африки и Азии. Вот сопровождаемая многочисленными пометками выписка из книги Гобсона «Империализм»:

||| *«Британский мир, который всегда был **бесстыдной ложью**, за последние годы стал верхом чудовищного лицемерия. На наших границах в Индии, в Западной Африке, Судане, Уганде, Родезии **войны почти не прекращаются**».*

Ленин вскрыл паразитический характер западноевропейского империализма, выколочившего гигантские прибыли из колониальных владений в Африке. «Европа» — рантье (едет на неграх), — такой вывод сформулирован на полях одной из «Тетрадей». «Гнусности без числа со стороны английских капиталистов, хозяев рудников и правительства» видит Ленин в Южно-Африканском союзе, который и сегодня остается чудовищным застенком для негритянских трудящихся.

В другой «Тетради» зафиксированы самые разнообразные данные об освободительном движении африканских народов. В 1904—1905 годах — одновременно с первой русской революцией — в Юго-Западной Африке вспыхнуло восстание племени Гереро против немецких порабощителей, которым пришлось выставить для борьбы с по существу безоружными «мятежниками» чуть ли не целую дивизию почти в двадцать тысяч штыков. Ленин отмечает, что повстанцы создали песню «Кому принадлежит земля Гереро?», и воспроизводит ее боевой припев: «Нам принадлежит земля Гереро».

Ленин предвидел победу колониальных народов, борющихся за свое освобождение, и опирался при этом на высказывания классиков марксизма. Он выписывает основные положения одного из писем Энгельса, относящихся к осени 1882 года, в котором предсказывалась неизбежность революционных переворотов в Индии, Египте и Алжире. Народы Индии и Египта сбросили иго колонизаторов. Алжир продолжает героическую кровопролитную борьбу с французским империализмом.

„Привести к самостоятельности“ все, а особенно названные выше колониальные страны — такую задачу выдвинул Энгельс перед революционным пролетариатом Западной Европы. Ныне французские коммунисты возглавляют борьбу прогрессивных сил Франции за свободу и независимость, самостоятельность и процветание Алжира.

На XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций Советский Союз и другие социалистические и миролюбивые страны потребовали предоставления Китайской Народной Республике ее законных прав в ООН. От имени всех советских людей Н. С. Хрущев резко осудил ненормальное положение, при котором великий китайский народ, составляющий четвертую часть всего человечества, не представлен в организации, призванной быть самым широким международным форумом и основанной на принципе универсального представительства всех стран мира.

Ленинские «Тетради» содержат немало записей, характеризующих всемирно-историческое значение Китая, его прошлого и будущего. Еще в начале нынешнего века буржуазные идеологи панически высказывались по поводу быстрых темпов исторического развития Китая. «Китай-де пойдет ого куда...» — саркастически высмеивал Ленин империалистов, перепуганных «китайской опасностью».

Свои многочисленные заметки о китайской революции Ленин завершает пророческим высказыванием Маркса, который еще более ста лет назад предвидел, что, когда «реакционеры побегут от европейской революции в Азию, они добегают до «стен» Китая и найдут на них надпись: «Китайская республика. Свобода! Равенство! Братство!»

«Таково рассуждение Маркса», — пишет в заключение Ленин, снова и снова подчеркивая единство своих взглядов с взглядами основоположников научного коммунизма.

4

Борьба рабочего класса и его партий за разоружение — наряду с борьбой против колониализма — вторая основная тема «Тетрадей».

Национально-освободительная борьба народов колониальных и зависимых стран неразрывно связана с борьбой всех народов против новой мировой войны, несущей в наш век человечеству страшные разрушения и муки. Лучшее средство предотвращения такой войны — всеобщее разоружение под бдительным международным контролем.

Советский Союз по-прежнему в авангарде этой борьбы. Его правительство делает все, что от него зависит, добиваясь всеобщего и обязательно полного разоружения, избавляющего человечество от гонки вооружений и угрозы истребительной войны.

«Проблема разоружения — это центральная проблема современности», — отмечается в Заявлении правительства СССР по вопросу о разоружении, представленном на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. — «...Основатель Советского государства В. И. Ленин говорил, что разоружение — это идеал социализма».

В «Тетрадах» последовательно отвергаются доводы сторонников милитаризма, живо утверждавших (и утверждающих это и в наши дни), что материальное благо-

получие народов капиталистических стран якобы зависит от военных расходов. В книге немецкого экономиста Роберта Гёнигера «Хозяйственное значение германского военного дела» Ленин находит лишь болтовню

{ преданного милитаризму пошляка, который доказывает, что-де расходы на войско вовсе не потеря, ибо деньги остаются в стране, от них громадная прибыль, военная служба воспитывает и укрепляет etc. etc.

Точно так же болтают и современные сторонники милитаризма, запугивающие доверчивых простаков угрозой экономического кризиса при сокращении военных заказов, ростом безработицы и так далее. «Тетради» помогают сторонникам мира поймать лжецов с поличным. Есть, однако, известные социальные слои, которым далеко не безвыгодно заисилье военщины,— это держатели гостиниц, кабаков, игорных домов и еще более постыдных заведений, обслуживающих солдатчину и офицерство «свободного мира». Потому-то Ленин и отметил:

Мелкая буржуазия всячески выигрывает от гарнизонов. Одна из причин популярности милитаризма!

Долг рабочего класса и его партий в том, между прочим, и состоит, чтобы с ленинской прямотой и точностью показать классовые корни защиты милитаризма мелкобуржуазными политиками, будь то правые социалисты, лейбористы или какие-либо другие политические представители этой классовой прослойки. Ленин гневно отвергал лживые утверждения социал-шовинистов, которые, к примеру, устами П. Ленча заявляли, нагло обманывая рабочий класс, что Маркс «только-де знал «насмешку» по отношению к таким «благонамеренным представлениям», как разоружение...».

На самом деле Маркс и Энгельс были страстными сторонниками разоружения и, следовательно, максимального облегчения бремени, взваленного капитализмом на трудящихся. Отрицать это могут только ревизионисты и догматики, обнаруживая единство своих антимарксистских воззрений. Яркое доказательство последовательности взглядов основоположников марксизма-ленинизма на разоружение дает сделанный Лениным конспект брошюры Энгельса «Может ли Европа разоружиться?», изданной в 1893 году — уже в эпоху бурного вооружения сугубо империалистического характера.

Тремя вертикальными чертами на полях и отметкой «нотабене» Ленин отмечает предложенные Энгельсом меры, которые, по его мнению, каждое правительство «может принять без ущерба для обороноспособности своей страны» и доказательства того,

NB ||| «что с чисто военной точки зрения нет абсолютно никаких препятствий для постепенной отмены постоянных армий».

Столь же красноречивы заметки и другие выписки уже не из предисловия, а из основного текста брошюры. Приведем лишь немногие из них:

«§ 1. Вот уже 25 лет Европа вооружается «неслыханно»... «Не безрассудно ли тут говорить о разоружении?»

Но народные массы... призывают... «к разоружению» «во всех странах»... Разве нет выхода из тупика кроме опустошительной войны?

«Я утверждаю: разоружение, а тем самым гарантия мира, возможно»...

Энгельс призывал к выходу из тупика «опустошительной войны» за полвека до того, как американская военщина сбросила первую атомную бомбу на Хиросиму. Ныне, в эпоху ракетного термоядерного оружия, этот тупик еще страшнее, а необходимость разоружения острее и неотложнее. Оттого-то наша партия, верная ленинским заветам, так стойко и мужественно борется за разоружение.

Выдвинутые Советским правительством с учетом деловых предложений и возражений западных государств «Основные положения договора о всеобщем и полном разоружении» предусматривают роспуск всех вооруженных сил и запрещение их восстановления в какой бы то ни было форме. Они впервые в истории человечества избавляют его от смертельной опасности истребительных и опустошительных войн. Они воплощают лучшие надежды и чаяния народов.

«Самая энергичная борьба с милитаризмом...— сегодня и разоружение вместе с социализмом — завтра».— таким было центральное положение статьи базельского корреспондента газеты швейцарских металлистов, подписанной И. Г. и опубликованной 16 сентября 1916 года. «...Очень хорошая, чисто рабочая и революционно-интернационалистская»,— отозвался о статье Владимир Ильич Ленин. Мало выступлений социал-демократической прессы вообще, а особенно швейцарской, заслужили его столь горячее одобрение.

Статью, которую так высоко оценил Ленин, всячески дискредитировали швейцарские социал-оппортунисты. Один из них — некий Шнеебергер — договорился даже до того, что профессиональные союзы как таковые «не должны заниматься ни вопросом о сокращении вооружений, ни вопросом о разоружении». Под таким тезисом и сегодня подпишется любой милитарист, кровно заинтересованный в том, чтобы организованный рабочий класс не вмешивался в борьбу за разоружение. Прискорбно, что восстающие против разоружения «левые» догматики и здесь смыкаются с самыми что ни на есть правыми ревизионистами.

То же можно сказать и в связи с другим животрепещущим вопросом современности — проблемой предотвращения войн. Сложившееся в современном мире соотношение сил исключает фатальную неизбежность новой всемирной, термоядерной войны — это положение, отнюдь не противореча ленинской характеристике империализма, в самой природе которого заложены захватнические войны, точно характеризует историческую роль сил мира. Всякое ослабление этих сил, любой подрыв единого антиимпериалистического фронта развязывают агрессию. Империализм, разумеется, остался империализмом. Однако лагерь мира достаточно силен, чтобы сдерживать его натиск.

Включены в «Тетради» и первоначальные наброски к статье «О лозунге «разоружения», той самой статье, в которой Ленин заявил от имени большевистской партии: «Разоружение есть идеал социализма. В социалистическом обществе не будет войн, следовательно, осуществится разоружение».

Ленинские «Тетради» написаны около полувека тому назад. В новых исторических условиях многое изменилось. По-иному встали проблемы разоружения и обуздания империалистической агрессии в наши дни, когда почти половина человечества объединилась в могучем социалистическом лагере. Мы уверенно смотрим в будущее и знаем, что если империалисты все-таки осмелятся развязать атомную войну, они обретут в ней свою гибель. Огромные потери понесет в такой войне и все человечество. Вот почему, когда мы боремся за полное и всеобщее разоружение, запрещение атомного и водородного оружия, за ликвидацию военных баз, мы предотвращаем опустошительную мировую войну, сохраняя нерушимую верность духу, а не букве идейного наследия нашего великого учителя.

Жизнь подтверждает правильность ленинских слов,— заявляет наш народ перед всем миром. Это полностью относится к высказываниям Ленина об империализме и колониализме, о войнах и разоружении, о том, что особенно волнует ныне людей нашей эпохи, эпохи стремительного обновления форм существования человеческого общества, невиданного в истории взлета науки, овладения силами природы, победы передового социального устройства.

В МИРЕ НАУКИ

В. ПЕТРОВ,
кандидат технических наук
И. ОВЧИННИКОВ,
инженер

★

ПЕРЕД ПОЛОТОМ ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС

От первой межконтинентальной баллистической ракеты — к первому спутнику Земли, от спутника Земли — к спутнику Солнца, от первой космической скорости — ко второй, от полета на Луну — к облету Луны и Земли, от первого тяжелого космического корабля — ко второму, обитаемому, впервые в истории человечества вернувшемуся из космоса на Землю, — таковы этапы стремительного штурма советской наукой космического пространства.

Начинает осуществляться наиболее дерзновенная мечта человечества, еще совсем недавно, как и века назад, считавшаяся несбыточной, — стремление вырваться из невидимых целей земного притяжения, чтобы посетить далекие неведомые миры. Воплощение этой мечты приблизили грандиозные и всесторонние достижения Советского Союза.

Советские ученые и инженеры уверенно продолжают лидировать в освоении космической целины, вызывая живейшую радость и восхищение всего человечества, жгучую ненависть и зависть кучки империалистов, мечтания которых далеки от завоевания вершин науки и направлены на закабаление народов и увеличение своих сверхприбылей.

Да, разные цели преследуют и в области завоевания космоса Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. Выступая 16 сентября 1959 года в Национальном клубе печати в Вашингтоне, Н. С. Хрущев сказал:

«Советский Союз и США стоят перед выбором: либо новейшие завоевания научной и технической мысли — раскрытие тайны атома, создание ракет, проникновение в космос — будут поставлены на службу мирному будущему и процветанию человечества, либо они будут обращены на цели разрушения и уничтожения и, как результат этого, земля будет усеяна могилами и пеплом.

Советский народ давно сделал выбор в пользу мира».

Многие зарубежные ученые понимают бессмысленность гонки вооружений и предвещают катастрофические последствия, к которым она может привести. Крупный специалист в области ракетной техники Э. Зенгер пишет: «Неисчислимы миллиарды часов человеческого труда, затраченные в мире за последние десятилетия на обеспечение национальной безопасности (то есть на вооружение), могли бы превратить Землю в райский сад... В недалеком будущем все человечество должно будет признать, что война не только морально, но и технически бессмысленна; но тогда связанные с войной гигантские организации могут рухнуть, вызвав тяжелейшее потрясение мирового хозяйства. Естественным выходом из этой дилеммы является «полет в пространство», который не будет иметь ничего общего с архаическим понятием войны между людьми».

ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ

Историческая дата 4 октября 1957 года навечно вошла в летопись величайших побед человеческого гения над силами природы — в этот день был успешно запущен первый искусственный спутник Земли. Через месяц состоялся запуск второго спутника, а 15 мая 1958 года мир узнал о третьем спутнике. Он позволил провести новые важные научные наблюдения над плотностью, молекулярным и ионным составом разреженных газов верхних слоев земной атмосферы.

Продолжая планомерное изучение космического пространства, советские ученые создали еще более мощные управляемые ракеты, уникальные приборы и аппараты. Все это подготовило дальнейшие успехи нашей науки и техники. 2 января 1959 года состоялся старт космической ракеты в сторону Луны, 12 сентября — второй космической ракеты, доставившей на Луну вымпел с гербом СССР. Через три недели в космосе мчалась третья ракета, которая вынесла на сложную траекторию межпланетную автоматическую станцию. Как известно, ни одна из американских попыток запуска ракеты на Луну не увенчалась успехом. Правда, США запустили, как и СССР, искусственную планету, обращающуюся вокруг Солнца, но, как отметило агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл, если сравнить вес этих планет, то окажется, что «Советский Союз ведет со счетом 240 : 1».

В начале 1960 года были успешно проведены испытания более тяжелых ракет, запущенных с территории СССР в центральную часть Тихого океана. Обе ракеты, пролетев по двенадцати с половиной тысяч километров со скоростью, превышающей двадцать шесть тысяч километров в час, с изумительной точностью достигли заранее намеченного географического места. Эти испытания проводились с целью создания более мощных баллистических ракет-носителей для запусков новых тяжелых спутников Земли и осуществления космических полетов к планетам солнечной системы. И вот 15 мая 1960 года в СССР был осуществлен запуск первого космического корабля на орбиту спутника Земли, близкую к круговой.

Вес корабля-спутника был весьма внушительным и составил четыре с половиной тонны. На борту космического корабля находились герметическая кабина с грузом, равным весу человека, а также оборудование для предстоящих космических полетов. «Неуклонное наращивание веса и размеров советских искусственных спутников и космических ракет — это основная научно-техническая линия наших опытно-конструкторских работ, направленных к единственной цели — созданию космического корабля, на борту которого будут все необходимые условия для полета человека в космос», — сказал вице-президент Академии наук СССР академик А. Топчиев.

В июле 1960 года с территории СССР вновь были совершены два успешных запуска тяжелых межконтинентальных баллистических ракет в центральную часть Тихого океана. Макет последней ступени ракеты, приспособленной для прохождения через плотные слои атмосферы, достиг в обоих случаях водной поверхности в непосредственной близости от намеченной точки падения, удаленной от места старта на расстояние около тринадцати тысяч километров. С помощью специальных судов, находившихся в центральной части Тихого океана и оснащенных различной аппаратурой, были произведены все предусмотренные программой измерения и получены ценные результаты. Это была еще одна репетиция перед новым событием, не заставившим долго себя ждать.

Девятнадцатого августа весь мир вновь облетела замечательная весть. Дерзновенный по замыслу, блистательный по осуществлению полет второго советского космического корабля-спутника, рожденного гением советского народа, вновь взволновал умы и сердца миллионов людей.

Корабль-спутник вынес на орбиту кабину с животными, которая, облетев семнадцать раз вокруг земного шара, благополучно приземлилась в заранее намеченном пункте на территории нашей Родины.

Подробнейшие отчеты об этом выдающемся событии помещала не только советская, но и вся мировая пресса. Сообщения эти еще достаточно свежи в памяти, и мы не будем здесь их повторять.

Полеты советских космических аппаратов стали возможны благодаря успехам, достигнутым в самых различных областях отечественной науки и техники. С другой стороны, космические полеты вызвали к жизни развитие новых, ранее не известных научных дисциплин. Советские ученые, инженеры и техники идут в авангарде борцов за овладение космосом, за раскрытие неизведанных тайн природы. Все делается у нас для человека, для обогащения его жизни — материальной и духовной.

Обратимся теперь к тому, что сделано и делается Соединенными Штатами Америки в исследовании космического пространства.

Как сообщает американская периодическая печать, программа работ по освоению космоса находится сейчас под контролем военных властей и направлена исключительно на военные цели. Об этом свидетельствуют также типы космических летательных аппаратов, проектируемых и запускаемых в США.

Вынашивая планы новой войны, правительство США выделяет все новые ассигнования на подрывную деятельность против стран социалистического лагеря и в первую очередь против Советского Союза.

Давно уже США стремятся организовать разведывательную службу с воздуха. С ростом техники этот вид разведки все более «совершенствуется». Так, были предприняты попытки фотографирования нашей территории с помощью автоматических аэростатов фоторазведки.

Сейчас верхушка Пентагона вынашивает новые планы — использовать межпланетное пространство в военных целях. Об этих планах довольно подробно рассказал в номере газеты «Уолл-стрит джорнэл» от 21 марта 1960 года вашингтонский корреспондент Луис Краар.

Краар пишет, что секретная брошюра, распространяемая среди сотрудников Пентагона и научно-исследовательских работников военной промышленности, излагает широко задуманный план военного использования глубин космоса в ближайшие два десятилетия. Хотя детали плана раскрыть нельзя, указывает автор статьи, но известно, что этот документ военно-воздушных сил США объемом в тридцать пять страниц содержит между прочим предварительные планы создания военной базы на Луне и строительства вооруженных межпланетных космических кораблей. Один из них — спутник-убийца, с помощью которого можно было бы превратить космос в поле боя.

Военно-воздушные силы продолжают работу над созданием ракетоплана «Дайнасор» как прототипа пилотируемого или непилотируемого корабля, обращающегося по орбите вокруг Земли, с которого можно было бы сбрасывать бомбы или запускать ракеты из космоса по наземным целям.

Возможно, пишет далее Краар, что под воздействием призывов к ускорению темпов освоения космоса для военных целей работы над несколькими проектами, имеющими непосредственное военное значение, будут ускорены. Один из них — проект спутника «Мидас», который будет оснащен теплочувствительной аппаратурой для обнаружения пусковых площадок противника через несколько секунд после запуска с них ракет.

Другой проект — спутник-шпион «Самос» и «Дискаверер», которые смогут использовать либо фото- либо телевизионное оборудование для обнаружения объектов на Земле. «Самос», как известно из печати, был запущен на орбиту в порядке испытаний в апреле 1960 года.

В сообщении агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл 19 августа 1960 года говорится, что спутники системы «Дискаверер» являются «младшими братьями» спутников-шпионов «Самос», которые должны заменить разведывательный самолет типа «У-2». Представители ВВС США заявили, что с помощью «Дискаверера» должны быть усовершенствованы запуск, вывод на орбиту и возвращение кабин спутников-шпионов.

Искусственный спутник «Дискаверер XIV» был запущен на орбиту 18 августа с авиабазы Ванденберг (штат Калифорния). Через двадцать четыре часа на семнадцатом обороте вокруг Земли «Дискаверер» выбросил кабину с полезным грузом приборов весом в тридцать восемь с половиной килограммов. 19 августа самолет военно-воздушных сил США, оснащенный специальным спасательным оборудованием, поймал на высоте трех тысяч метров эту кабину, возвращавшуюся с орбиты на парашюте.

С мыса Канаверал 18 августа была совершена новая неудачная попытка запуска американского спутника под шифром «Курьер-1-А». Что это за спутник? Ответ на этот вопрос мы находим в журнале «Авиэйшн-Уик». Оказывается, «военный отдел управления перспективных исследований США планирует работы по созданию трех систем глобальной (мировой) связи с использованием искусственных спутников Земли, которые, как ожидается, радикальным образом улучшат военные средства дальней связи».

Первая система такой глобальной военной связи и названа «курьер». Этот проект предусматривает использование искусственного спутника Земли весом в двести двадцать пять килограммов, движущегося по круговой экваториальной орбите на высоте около двух тысяч километров. При этом на спутнике устанавливается ретрансляционная приемно-передающая станция мощностью лишь в несколько ватт с питанием от кремниевой солнечной батареи.

Вторая система связи предусматривает использование искусственного спутника весом в двести семьдесят килограммов, движущегося по экваториальной орбите на высоте около тридцати шести тысяч километров и занимающего в этих условиях, как известно, неподвижное положение относительно какого-нибудь пункта на Земле близ экватора (поскольку скорость его углового вращения вокруг Земли равна скорости вращения земного шара вокруг его оси).

Ретрансляционная станция сантиметрового диапазона будет в этом случае осуществлять непрерывную двухстороннюю радиотелефонную и радиотелеграфную передачу между двумя наземными станциями по ста сорока телефонным или несколькими сотням телеграфных каналов. Вычислено, что три таких спутника, равномерно размещенных на экваториальной орбите, дадут возможность вести передачи между двумя любыми пунктами земного шара, исключая зоны широт свыше восьмидесяти градусов. Для уменьшения мощности радиопередатчика, размещенного на спутнике, предполагается использовать остронаправленные антенны, что, в свою очередь, потребует средств стабилизации положения спутника относительно Земли и мирового пространства.

Первые попытки запуска опытного варианта спутника «Курьер» не увенчались успехом. Однако, по сообщению агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл, с мыса Канаверал 4 октября был запущен на экваториальную орбиту спутник «Курьер-III-B». Спутник имеет форму шара диаметром 129,5 сантиметра и весит 216,5 килограмма. На нем имеются записывающая аппаратура и радиопередатчики, которые, по словам агентства, будут служить для ретрансляции секретной военной информации.

«Армия США, — сообщает «Авиэйшн-Уик», — собирается запустить несколько спутников связи под шифром «курьер», которые будут получать, накапливать и передавать информацию по мере обращения вокруг земного шара. Из таких спутников можно будет соткать новую сеть военной связи, которую противнику будет трудно нарушить, если предположить, что его ракеты не уничтожат ее».

Стратеги из Пентагона подчеркивают, что спутники, запущенные задолго до нападения, могут оставаться на орбите до тех пор, пока не будет дан сигнал с Земли спуститься, чтобы нанести удар по объекту. При этом спутники либо несут бомбы, либо сами запускаются как бомбы.

«В то время как в Соединенных Штатах Америки ведется лихорадочная пропаганда использования маленьких спутников для шпионских целей, — писала 19 августа этого года румынская газета «Ромыния либера», — советские ученые, идя по пути использования новейших завоеваний науки и техники в мирных целях, улучшения благосостояния всего человечества, открывают новые возможности полетов человека в космос. Это еще раз подтверждает последовательную мирную политику Советского Союза в деле завоевания космического пространства».

Любой летательный космический аппарат, запущенный в СССР, имел на своем борту только научную аппаратуру и средства биологической защиты для решения проблемы полета человека в космос. Никаких военных целей при этом не ставилось. Все наши космические летательные аппараты и их научная аппаратура неоднократно демонстрировались на открытых выставках всего мира.

Американцы, как известно, демонстрировали лишь свои первые спутники «Эксплорер», запускаясь действительно с научными целями для исследования космического пространства. Все же последующие типы разрабатываемых и запускаемых ими спутников — таких, как «Бикон», «Дискаверер», «Эхо», «Журьер», «Скор», «Самос», «Мидас» и другие, — носят исключительно военный характер. Такие спутники США начали создавать сразу же, как только научились запускать на орбиту груз весом более пятидесяти килограммов.

Планы США по использованию космического пространства в военных целях не ограничиваются применением спутников-шпионов. Стратеги из Пентагона, а также некоторые американские ученые высказывают предположения о возможности использовать Луну и Солнце для уничтожения населения земного шара и городов. Луна могла бы, например, стать ракетной базой, так как, по их мнению, исключительная точность, требуемая при таком большом расстоянии, не представляет непреодолимой трудности. Уже сейчас, несмотря на то, что еще ни одна американская ракета не достигла Луны, они стремятся сократить время полета от Луны до Земли до нескольких часов с помощью нового типа ракетного двигателя. «Трещины и кратеры на Луне, — утверждает один из американских специалистов по космическим проблемам, — могут служить почти недосыгаемыми пусковыми площадками».

Газета «Лос-Анжелос таймс» сообщала: «Идут споры относительно того, снабжать ли направленную на Луну ракету атомным зарядом или просто порохом, дающим вспышку, чтобы обозначить место удара ракеты о поверхность Луны».

О последствиях взрыва водородной бомбы на Луне пишет газета «Нью-Йорк таймс». В письме, направленном американскому ракетному обществу и американскому обществу межпланетных сообщений, шведский ученый Роберт Энгстрём указывает, что взрыв на Луне водородной бомбы может повлечь нарушение звездной связи между Землей и Луной и вызовет на Земле наводнение огромного масштаба. Реки, моря и океаны зальют поля, горы, города, что приведет к ужасным бедствиям и страданиям населения земного шара. Взрыв водородной бомбы на Луне освободит огромное количество энергии, часть которой будет рассеяна в виде тепла, а часть создаст импульс, стремящийся оттолкнуть Луну от Земли. Фактически этот импульс будет, по словам шведского ученого, действовать подобно приливному трению, то есть тому самому эффекту, наблюдаемому в природе, в результате которого ежедневно происходят приливы и отливы в морях и океанах.

В американской печати обсуждались и планы создания пожаров на Земле с помощью спутников. Журнал «Нью-Йорк мэгэзин» писал о возможности использования солнечной энергии, сконцентрированной с помощью надувных зеркал, находящихся на стационарном спутнике Земли, построенном для военных целей. Изменяя с помощью радиосигналов фокусное расстояние этих изогнутых зеркал, предполагается сконцентрировать на небольшом участке Земли солнечные лучи и достигнуть температуры в двести семьдесят тысяч градусов для уничтожения городов неугодных государств. Тот же журнал указывает, что разработка подобного проекта поручена фирме «Локхид», той самой, которая изготавливает самолеты-разведчики «Локхид У-2» и «РБ-47», спутники-шпионы «Самос», а также ракеты «Поларис», которые Соединенные Штаты Америки решили передать западногерманским реваншистам для оснащения бундесвера.

Таковы вкратце лишь некоторые планы человеконенавистников из Пентагона.

Какие же проблемы еще ждут своего решения перед тем, как человек начнет свое первое путешествие на космическом корабле?

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Полету человека на борту космического корабля должен предшествовать целый ряд экспериментов, которые помогут обеспечить безопасность космонавтов и дать ответы на ряд вопросов.

Условия космического полета весьма специфичны, и поэтому прежде всего необходимо выяснить, как действуют они на человека. Возникает довольно широкий круг проблем медико-биологического характера.

На старте космического корабля, когда ракета за сравнительно небольшой промежуток времени развивает колоссальную скорость, возникают большие инерционные силы, действующие на элементы конструкции, приборы и обитателей корабля. Эти перегрузки, испытываемые космонавтом, будут в несколько раз превосходить его собственный вес, они могут вызвать ряд нарушений в нормальном функционировании организма, и прежде всего в системе кровообращения.

Опыты по изучению действия перегрузок на человеческий организм проводятся давно — с развитием скоростной авиации. Было установлено, что человек может перенести довольно большие перегрузки в течение малого времени. Оказалось также, что лучше всего человеческий организм переносит перегрузки, действующие в поперечном направлении. В связи с этим наиболее целесообразной должна быть такая конструкция кабины космического летательного аппарата, в которой результирующая ускорений, действующих на тело космонавта, была бы направлена наиболее благоприятным образом.

Физиологический предел и симптомы, вызываемые поперечными перегрузками, тщательно исследовались многими учеными. Испытуемые вначале находились в оцепенении и чувствовали усталость, но вскоре приходили в нормальное состояние.

Некоторые исследователи указывают на возможность уменьшения перегрузок посредством полного или частичного погружения человека в воду. Было найдено наиболее выгоднейшее положение тела человека, при котором он сохраняет полную подвижность. Правда, в этих условиях длительность эксперимента составила всего четыре минуты.

Вредное действие перегрузок может быть ослаблено также применением специальных костюмов.

Второй характерной особенностью космических полетов является длительное состояние невесомости. При полете обитаемого космического корабля по орбите вокруг Земли сила притяжения любого предмета уравнивается центробежной силой, и таким образом предмет «ничего не весит». Если космический корабль, набрав вторую космическую скорость (11,2 км/сек), преодолел силу притяжения Земли и летит далее по инерции, то на его борту также будет существовать состояние невесомости.

Проблема невесомости является весьма важной. Не говоря уже о целом ряде бытовых неудобств, возникающих в условиях невесомости (гигиенические процедуры, прием пищи и т. д.), следует тщательно изучить ее влияние на жизнедеятельность организма.

Сведения, которыми в настоящее время располагает медицина, свидетельствуют о том, что живые существа переносят кратковременные условия невесомости без каких-либо нарушений в нормальном функционировании организма.

В чем же состоят особенности длительного пребывания человека в условиях невесомости? Это прежде всего прекращение направленного в одну сторону возбуждения вестибулярной нервной системы, а также ослабление гидростатического давления в системе кровообращения.

В результате этих явлений происходит нарушение координации движений и ориентировки. Претерпевают значительные изменения такие «обычные» для земных условий операции, как способность брать и удерживать предметы, ходить и т. д. Чтобы в случае длительных полетов предотвратить атрофию мышц, необходимы регулярные физические упражнения и тренировка. С другой стороны, состояние невесомости может благоприятно сказаться на работе сердца, которое будет частично «разгружено».

Сравнительно кратковременные состояния невесомости (до пятидесяти секунд) достигаются при особых режимах авиационного полета. Действие длительного состояния невесомости на живой организм впервые было изучено в Советском Союзе благодаря успешным запускам спутника Земли с собакой Лайкой на борту, а также запуску и возвращению второго космического корабля с животными.

Для изучения действия длительного состояния невесомости на человека некоторые иностранные ученые предлагают следующий опыт, имитирующий состояние невесомости в лабораторных условиях.

Испытуемый помещается в горизонтально расположенный цилиндрический сосуд, который приводится в умеренно вращательное движение вокруг горизонтальной оси. Если при этом тело человека будет покрыто плотно облегающей оболочкой и погружено

в соляной раствор, имеющий удельный вес, равный среднему удельному весу тела, то испытываемый лишь в малой степени будет ощущать давление, оказываемое весом его тела. Скорость вращения цилиндра постепенно увеличивается, пока не будет достигнут так называемый психофизиологический оптимум, высвобождающий вестибулярный аппарат от эффективного воздействия силы тяжести в любом направлении.

Важнейшей проблемой длительных космических путешествий является обеспечение экипажа кислородом и питанием. Для полетов небольшой продолжительности (несколько суток) кислород автоматически по мере надобности может подаваться в кабину из баллонов. Специальная система должна поддерживать допустимую концентрацию кислорода и удалять вредные примеси (углекислоту и другие газы, выделяющиеся при работе аппаратуры). Процесс регенерации воздуха (поглощение углекислого газа и выделение кислорода) может осуществляться двумя способами: с помощью высокоактивных химических веществ или биологическим методом — с помощью выращиваемых растительных организмов (например, водорослей). При полетах продолжительностью до пятнадцати — двадцати суток наиболее целесообразным считается использование высокоактивных химических соединений. Однако регенерация воздуха этим способом в кабине малого объема встречает трудности, заключающиеся в том, что выделение кислорода не всегда соответствует потребности в нем животных. Чтобы создать требуемое равновесие, на втором советском космическом корабле нужный газовый состав воздуха поддерживался специальными автоматическими устройствами.

Для биологического способа регенерации особенно перспективной считается водоросль хлорелла, которая под действием солнечного света поглощает углекислоту и выделяет кислород. Хлорелла является подходящим материалом и при изготовлении пищи для космонавтов.

В настоящее время проблема питания космонавтов уделяется значительное внимание. По мнению ученых, организация питания и водоснабжения должна осуществляться либо за счет создания запасов пищи и воды на все время полета (кратковременные полеты), либо за счет искусственных условий, аналогичных круговороту пищи и воды в условиях Земли (полеты большой длительности).

За рубежом существуют проекты различных «космических» рационов, совмещающих калорийность, витаминность и хорошую усвояемость. Некоторые из этих проектов кажутся на первый взгляд парадоксальными. Таково, например, предложение, о том, чтобы идеальной пищей для космонавтов стали... водяные блохи (вернее миниатюрные креветки и рачки) величиной с булавочную головку, обитающие в покрытой гнилой прудах. В этих организмах содержатся почти все необходимые элементы питания: белки, жиры, сахар, витамины и минеральные вещества. Изготовленный продукт предлагается употреблять в виде жидкой массы или в виде сухих таблеток. При длительных путешествиях запасы рачков пополняются новыми поколениями, выращиваемыми в специальных сосудах с водорослями. Этот проект еще не испытан.

Для питания собак на втором космическом корабле был создан рацион, с помощью которого удалось обойти трудности, связанные с условиями невесомости. Рацион представлял собой мягкую, желеобразную смесь, содержащую необходимые питательные вещества и требуемое количество воды.

В КАБИНЕ КОСМОНАВТА

Условия жизни на космическом корабле должны наилучшим образом имитировать условия жизни на Земле, к которым человек привык. Поэтому к кабине космического корабля предъявляются особые требования.

Одним из основных является герметичность кабины. Даже небольшая утечка воздуха поведет в течение длительного времени к бесполезной трате запасов кислорода, необходимых для поддержания нормального давления внутри кабины. Не менее важно обеспечить нужную температуру воздуха и его влажность. Эта задача была успешно решена на втором советском космическом корабле благодаря системе кондиционирования воздуха. Нормальный температурный режим особенно необходим во

время спуска корабля, когда его оболочка интенсивно нагревается при входе в плотные слои атмосферы.

Специальные меры тепловой защиты, выбор наиболее рациональной формы и материала оболочки корпуса, обеспечение расчетной траектории посадки — вот то, что должно гарантировать приемлемые температурные условия при посадке. Опыт посадки контейнера с животными второго космического корабля говорит о том, что все это было успешно выполнено.

Полет человека в мировое пространство может быть осуществлен лишь после того, как будет получена максимальная гарантия безопасности. Прежде всего нужно тщательно изучить такие факторы, как космическое излучение и метеориты.

В верхних слоях земной атмосферы, на высоте в сотни километров, интенсивность космического излучения, представляющего собой потоки частиц очень больших энергий, значительно возрастает. Это излучение, обладающее высокой проникающей способностью, может оказывать вредное воздействие на жизнедеятельность и наследственные свойства живых организмов. Действие излучения может проявиться не сразу, и поэтому весьма ценной является возможность наблюдений за животными, вернувшись из космического полета. Они помогут более достоверно оценить ту опасность, которой будет подвергаться человек в аналогичных условиях, а также дадут те или иные рекомендации, если понадобятся специальные меры против космического излучения.

Другой опасностью, возникающей при космических путешествиях, является возможность столкновения космического корабля с метеоритами.

Если учесть, что скорость метеоритов достигает тридцати—сорока километров в секунду, то встреча даже с весьма малым метеоритом, обладающим огромной пробивной силой, приведет к тяжелым последствиям. Ведь метеорит размером всего в один сантиметр может пробить алюминиевую плиту толщиной в одиннадцать сантиметров! Все же метеоритная опасность в действительности не так уж велика. Дело в том, что вероятность встречи космического корабля с метеоритом ничтожна. Например, для спутника диаметром в один метр ожидается вероятность столкновения с метеоритом размером в один сантиметр один раз в сто лет.

Значительно более частые встречи космических летательных аппаратов с микрометеоритами (частицами метеорного вещества размером в доли микрона) при скоростях, достигнутых сейчас (примерно восемь—одиннадцать километров в секунду), практически не страшны. Однако и эти встречи могут причинить неприятности, когда скорости космических кораблей будут гораздо более высокими.

Тщательно должен быть изучен также вопрос, связанный с состоянием психики космонавта во время длительного путешествия.

Одиночество, полная оторванность от внешнего мира, отсутствие привычных для земных условий раздражителей, ограничение движений, эмоциональное напряжение — все это факторы, отрицательно влияющие на состояние психики космонавта, что в конце концов приведет к серьезному его травмированию. Пока что опыты, имитирующие специфику космического полета, показали, что человек может преодолеть психологическую опасность полной изоляции, если он будет соблюдать определенный режим работы и отдыха.

Мы вкратце рассказали о комплексе вопросов медико-биологического характера, которые необходимо решить для успешного полета человека в космос. Теперь остановимся на ряде научно-технических проблем; частично они уже решены учеными и инженерами.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Первой из них следует, пожалуй, считать проблему создания мощных и экономичных двигательных систем, способных вывести тяжелый космический корабль на трассу полета, доставить его в намеченный район, а затем вернуть обратно на Землю.

В настоящее время для космических полетов единственно приемлемым считается реактивный принцип движения. На возможность использования ракетных двигателей

для космических летательных аппаратов указывал еще К. Э. Циолковский. Современные достижения науки в этом направлении являются блестящим подтверждением его смелых идей.

Следует все же упомянуть и о другой двигательной силе, способной перемещать тело, не подверженное сколько-нибудь существенному влиянию «вредных» сил (например, притяжению Земли). Речь идет о давлении света, которое, подобно давлению ветра в земных условиях, может служить источником даровой энергии.

В США предложен проект космического корабля, использующего для движения парус диаметром в несколько сот метров, надуваемый давлением света. Парус будет раскрываться после того, как космический корабль с помощью ракетных двигателей выйдет на орбиту.

Несмотря на кажущуюся перспективность этого проекта, заключающуюся в экономии топлива на основной трассе полета, едва ли он будет реализован в ближайшее время из-за ряда конструктивных трудностей. Поэтому реактивный принцип движения следует пока считать единственно практически приемлемым.

Как известно, космический корабль выводится на трассу полета с помощью ракетных двигателей. Реактивная сила, создаваемая ими, возникает при истечении потока газов из выходного отверстия — сопла двигателя. Для класса «химических» ракет поток газов образуется за счет химического взаимодействия (сгорания) двух компонентов топлива: горючего и окислителя. Такими компонентами могут, например, быть: спирт — жидкий кислород, керосин — азотная кислота, а также многие другие сочетания химических веществ. Существуют также двигатели на твердом топливе, представляющем собой как бы сочетание горючего и окислителя (например, порох).

О необходимой мощности стартовых ракетных двигателей можно судить хотя бы по тому, что для доставки груза в сто килограммов на высоту в несколько сот километров необходима ракета со стартовым весом в девяносто тонн. Двигатель такой ракеты должен развивать на старте тягу около двухсот тонн. Какой же мощности должны обладать двигатели, способные вывести на орбиту корабль в четыре с половиной тонны! А именно таким был второй советский космический корабль-спутник. Создание таких сверхмощных безотказных систем оказалось под силу только Советскому Союзу.

Двигатели «химических» ракет, развивающие колоссальную тягу, потребляют очень много топлива. Его запасы на борту космического корабля, предназначенного для дальних полетов, должны быть поэтому огромны. Это обстоятельство заставляет изыскивать другие источники для создания движущей силы. Ими могут служить ядерная энергия, электрическая энергия, энергия Солнца.

В последнее время появились описания возможного действия ионных двигателей. Принцип их работы заключается в том, что процесс ускорения истекающих частиц, создающих тягу двигателя, обеспечивается электрическим или магнитным полем. Ионный двигатель, обладающий весьма малой тягой, оказывается экономически выгодным при полете по космической трассе в течение длительного времени.

Особенно перспективным, по мнению иностранных специалистов, следует считать фотонно-реактивный двигатель, являющийся ключом, открывающим человечеству двери в отдаленные области Вселенной. Этот двигатель характеризуется тем, что он превращает массы горючего в энергию излучения. Порции энергии (кванты) излучаются в выбранном направлении со скоростью света. Фотонно-реактивный двигатель не только осуществляет максимальную скорость выталкивания, но и является самым экономичным для ракет будущего. Расход горючего для такого двигателя может стать исключительно малым. Различают две разновидности фотонного двигателя — фотонно-ракетный и прямоточный фотонно-реактивный.

Ракеты, оснащенные двигателями первого типа, время от времени пополняют запасы горючего, находящегося на борту. Ракеты с двигателями второго типа непрерывно черпают массы «горючего» из окружающего пространства, например, из межзвездной материи, и непрерывно расходуют его. Таким образом, с помощью фотонно-реактивного двигателя, возможно, будет решена важнейшая проблема космических путешествий на сверхдальние расстояния — проблема запасов топлива. Однако перед

наукой стоят еще такие принципиально важные для фотонных ракет задачи, как превращение вещества в излучение, создание направленного излучения, тепловая изоляция и охлаждение двигателя и другие.

Многочисленные приборы, установленные на космическом корабле, вспомогательные механизмы, приводимые в движение электродвигателями, освещение, связь — все это требует электроэнергетического обеспечения бесперебойной работы в течение продолжительного времени. Так возникает вопрос об источниках электрического питания всей аппаратуры.

Если учесть, что электрическая энергия может использоваться в нехимических ракетных двигателях для нагрева, ионизации топлива, а также ускорения погока ионов, то можно предположить, что потребность в электроэнергии будет колебаться от нескольких киловатт до десятков, сотен и тысяч киловатт, а в отдельных случаях даже больше. Естественно, что покрытие этих потребностей в течение длительного времени за счет только аккумуляторных батарей невозможно из-за весьма высокого веса аккумуляторов.

Проблема электропитания частично уже решена для летательных аппаратов с относительно низким уровнем электрической мощности (таковы, например, советские спутники). Это достигается с помощью солнечных батарей, преобразующих энергию Солнца непосредственно в электрическую энергию. Однако солнечные батареи не могут быть использованы в установках большой мощности (которые необходимы для длительных космических путешествий) вследствие значительного увеличения их веса и габаритов.

В космическом корабле, предназначенном для весьма дальних полетов, должны быть применены установки, основанные на использовании ядерной энергии. Наиболее перспективной считается термоядерная синтезная система, непосредственно преобразующая ядерную энергию в электрическую. Расчеты, произведенные за рубежом, показывают, что установка этого типа позволит получить мощность в двадцать тысяч киловатт при весе в двадцать семь тысяч килограммов.

КОСМИЧЕСКАЯ НАВИГАЦИЯ

Космический корабль должен точно следовать по рассчитанному курсу, чтобы попасть к месту назначения с наименьшими затратами топлива и времени.

В земных условиях мореплаватели и летчики имеют в своем распоряжении комплекс приборов, служащих для определения местоположения корабля и самолета и помогающих штурману выдерживать предписанный курс. Начиная от старого магнитного компаса и до новейших гирокомпасов, от астрономических секстантов, изобретенных еще Ньютоном, до современных радиосекстантов и других приборов, — все служит для навигационного обеспечения морских и воздушных транспортных средств. Помогает и большая сеть искусственных ориентиров: световых маяков, радиомаяков и так далее.

В условиях космических полетов большинство этих устройств становится непригодным. На смену приходит более сложная, точная и совершенная аппаратура.

Перед полетом необходимо рассчитать наивыгоднейшую траекторию космического корабля или, как говорят, составить эфемериду полета. Она передается затем в систему управления величиной и направлением тяги двигателя. Приборы, установленные на борту, будут определять положение корабля. Зарегистрированное отклонение от заданной траектории, преобразованное в сигнал (например, электрический), воздействует на величину и направление тяги двигателя таким образом, чтобы вернуть ракету на правильный курс. Так осуществляется автоматическое управление полетом космического корабля по заданной траектории.

Средства, обеспечивающие решение навигационных задач в условиях космического полета, состоят из гироскопических приборов, приборов, измеряющих ускорение и определяющих скорость корабля, счетно-решающих приборов, точных часов и других. Если в какой-то начальный момент времени положение космического корабля известно,

а также известны величина и направление его скорости (начиная с начального момента), то по этим данным счетно-решающий комплекс (автомат счисления пути) может решать уравнения движения корабля, определяя его координаты, соответствующие текущему времени. Точный хронометр, являющийся в условиях космического корабля своеобразным эталоном времени, должен быть основан, вероятно, на принципе процесса радиоактивного распада, отличающегося большой стабильностью временных характеристик (существуют также проекты точных часов, основанных на высокой стабильности частот колебаний атомов молекул некоторых веществ).

В качестве естественных ориентиров, относительно которых также может быть определено местоположение космического корабля, будут, очевидно, выбраны планеты и Солнце.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Одной из наиболее ответственных операций, завершающих полет человека на космическом корабле, является процесс посадки корабля на Землю. Трудность заключается в погашении грандиозной скорости космического летательного аппарата. Прежде всего уменьшение скорости не должно происходить слишком резко, иначе возникнут недопустимые перегрузки. На первом этапе уменьшение скорости осуществляется путем включения тормозных ракетных двигателей, создающих «отрицательную» тягу. Поэтому процесс торможения требует определенной ориентации корпуса космического корабля с установленным на нем тормозным двигателем. Если бы в процессе торможения ориентация отсутствовала, то есть положение корпуса не было зафиксировано нужным образом, то тормозной импульс не обеспечил бы необходимого уменьшения скорости, а в отдельных случаях мог бы даже ее увеличить.

При полете по орбите вокруг Земли процесс ориентации заключается в поддержании положения поперечной оси корпуса корабля в направлении на центр Земли, а второй оси — продольной — в плоскости орбиты.

После срабатывания тормозного двигателя скорость корабля становится меньше первой космической скорости (восьми километров в секунду), и он начинает снижение, входя в плотные слои атмосферы, сопротивление которой постепенно уменьшает все еще высокую скорость космического аппарата. Эффективное торможение в атмосфере начинается с высот порядка ста километров. При этом процесс приземления может происходить по траекториям трех типов.

Наименее продолжительным будет приземление по баллистической траектории (напоминающей по форме нисходящую ветвь траектории обычного артиллерийского снаряда). Однако в этом случае возникают большие перегрузки и, кроме того, происходит сильный нагрев оболочки корпуса. Эти факторы в значительной степени зависят от угла входа корабля в атмосферу, который должен быть очень малым.

Приземление может осуществляться по планирующей траектории, предполагающей наличие у корабля крыльев. Перегрузки и опасности нагрева тогда значительно уменьшаются, но продолжительность посадки возрастает. Полет аппарата по планирующей траектории может корректироваться космонавтом путем воздействия на аппаратуру, управляющую аэродинамическими рулями.

Наконец, возможно снижение корабля по волнообразной «рикошетирующей» траектории. Эффект рикошетирования аналогичен в этом случае рикошетированию камня, брошенного под малым углом к поверхности воды.

При снижении по баллистической траектории на высоте нескольких десятков километров может быть произведено отделение (катапультирование) от корпуса корабля кабины с экипажем. Затем раскрывается скоростной парашют, значительно уменьшающий скорость снижения. На высоте нескольких километров можно применить второй парашют, снижающий скорость до величины, безопасной для посадки.

Весьма важно обеспечить точную посадку в заранее намеченном районе. Для того, чтобы снижение аппарата происходило по необходимой траектории, необходимо уметь точно контролировать его скорость после подачи тормозного импульса, в начале процесса снижения. Необходимо также выдержать расчетный угол входа в атмосферу.

Помимо этого, следует знать положение корабля на орбите в момент подачи команды на снижение. Все это предъявляет серьезные требования к системе управления кораблем, системе связи с Землей, а также к счетно-решающему комплексу, вычисляющему элементы орбиты на Земле. Понистине изумительной кажется точность приземления в десять километров, достигнутая при отделении кабины второго космического корабля. Для сравнения укажем, что американский проект посадки кабины предусматривал точность приземления порядка ста сорока километров от намеченного района.

Рассмотрим более подробно процесс посадки второго советского космического корабля. Этот гигант весом в четыре с половиной тонны был выведен на почти круговую орбиту с апогеем 339 и перигеем 306 километров. Уже самый факт запуска на орбиту, практически не отличающуюся от расчетной круговой, говорит о высоком совершенстве аппаратуры ракеты-носителя. Для получения круговой орбиты необходимо прежде всего, чтобы в момент отключения двигателя направление вектора скорости ракеты было точно перпендикулярно направлению местной вертикали (если принять спутник за точку, то таким направлением будет воображаемая линия спутник — центр Земли). Необходимо, кроме того, чтобы величина скорости строго соответствовала расчетной. Если эти требования не будут выполнены, спутник пойдет по эллиптической орбите.

Чтобы обеспечить точную посадку в намеченный район, необходимо было знать положение корабля в любой момент времени для выбора момента включения тормозной установки. Сеть наземных станций на территории СССР передавала результаты наблюдений в вычислительные центры, где эта информация обрабатывалась на электронно-счетных машинах, вычислявших элементы орбиты и прогнозирувавших движение корабля. О жестких требованиях к точному знанию элементов орбиты и скорости корабля-спутника говорит следующий расчет: ошибка в определении скорости корабля всего в один метр в секунду вызывает отклонение точки приземления почти на пятьдесят километров!

Команда на спуск, включившая тормозную установку, была подана с Земли на восемнадцатом витке орбиты. Траектория спуска была рассчитана так, чтобы не допустить больших перегрузок для живых организмов, находившихся на борту. Торможение кабины в плотных слоях атмосферы осуществлялось специальной тормозной системой, причем на высоте семи-восьми тысяч метров было произведено катапультирование контейнера с животными, который приземлился со скоростью шести-восьми метров в секунду. Для обнаружения контейнера были включены радиопеленгационные системы, позволившие запеленговать кабину и контейнер во время спуска и после приземления. Совершенство системы обеспечило полное отсутствие повреждений кабины и контейнера с животными.

ПОКОРЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

Итак, впервые в истории человечества обитаемый космический корабль вернулся на Землю. Этот выдающийся успех советской науки и техники имеет колоссальное значение: доказана возможность полета человека на борту космического корабля уже в ближайшем будущем. Об этом говорит ряд успешно проведенных медико-биологических экспериментов и ценнейшие сведения, полученные в результате исследования космического пространства.

Можно предполагать, что недалеко время, когда окажется возможным не только полет человека на борту космического корабля по орбите вокруг Земли, но и создание постоянной, приспособленной для жизни людей межпланетной станции — гигантского спутника-лаборатории. Это будет осуществлением гениальной идеи Циолковского.

Регулярную связь станции с Землей могли бы поддерживать специальные ракеты. Такая космическая лаборатория далеко подвинула бы исследования околосолнечного пространства, ибо при помощи сравнительно небольших космических ракет, стартующих с нее, стали бы возможны полеты к Луне и ближайшим к Земле планетам. Приближенные расчеты дают основание предполагать, что крупный космический корабль для полета на Марс, снабженный двигателем с химическим топливом, при отделении

от Земли в первую секунду израсходует более ста тонн топлива. Если же старт будет произведен со станции-спутника, движущейся по орбите со скоростью, почти равной скорости ухода из поля притяжения Земли, то космический корабль сможет покинуть орбиту при небольшой тяге, создаваемой, например, экономичными ионными двигателями.

Естественно, что гигантская станция-спутник должна собираться постепенно, по частям, и для ее создания придется преодолеть много трудностей технического порядка. Полет космического корабля, стартующего со станции-спутника, будет происходить с весьма малыми ускорениями. Примерно половину пути скорость будет увеличиваться; вторую половину направление тяги будет изменено на обратное, с тем чтобы можно было осуществить посадку на планету или выход на орбиту вокруг нее при приемлемой скорости. Можно предположить также, что космическая станция будет создана на Луне, которая может стать своеобразной лабораторией для исследователей и трамплином для проникновения человека в глубины космоса.

По мнению иностранных специалистов, Луна может быть использована как запра-вочная станция и для обычных химических ракет и для ракет с ядерными двигателями. Естественными хранилищами топлива могут служить лунные кратеры, соответствующим образом покрытые.

Некоторые иностранные авторы считают возможным сооружение на Луне заводов-автоматов, производящих топливо для ракет. Предлагается также проект постройки на Луне электростанции, преобразующей энергию Солнца непосредственно в электрическую энергию. Ожидается, что съем электроэнергии с одного квадратного метра поверхности, покрытой светочувствительным составом, может достигнуть трехсот пятидесяти ватт.

Судя по высказываниям различных авторов, в ходе дальнейшего исследования космоса можно предположить следующее.

Создание сверхмощных ракет-носителей и неуклонное наращивание веса космических кораблей; космический корабль будущего — это лаборатория с огромным количеством оборудования различного назначения; в таком летательном аппарате должны быть необходимые условия для жизни и нормальной работы экипажа; понятно, что вес такого корабля не будет малым. Конструирование экономичных ионных двигателей и двигателей нехимического типа, обеспечивающих полет корабля на дальних трассах после ухода из зоны притяжения Земли. Создание еще более экономичной системы энергетического обеспечения космического корабля и еще более эффективной системы управления и навигационного обеспечения полета космического корабля.

Все эти направления, по которым должно идти совершенствование космического корабля, объединяются единым требованием: максимальная надежность аппаратуры. Недостаточно в принципе решить проблему космического полета, обеспечив его соответствующими техническими средствами; надо, кроме того, иметь уверенность в надежности всех средств, гарантирующих благополучное возвращение экипажа на Землю.

Наше поколение стало свидетелем великих и многообещающих научных открытий «Ум и руки человека, — сказал Н. С. Хрущев в своем выступлении на XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, — создали космический корабль, движущийся вокруг Земли. Он способен уже отправить людей далеко за пределы нашей планеты».

Весь мир с нетерпением ждет сообщения о полете советского космического корабля с человеком на борту.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

ВЕРА ИНБЕР

★

ЭХО В ГОРАХ

1

Одну из наших очередных автомобильных поездок мы совершили по Закарпатыю.

В Ужгороде мы провели три дня. Осматривали город, навестили друзей: у писателя в редком городе нет друзей. Неподалеку от бывшего феодального замка-крепости (там теперь музей) любовались старыми-престарыми липами. Основания их стволов под стать средневековым башням: такие же неохватные и приземистые.

В центральной части города, где новые здания окружают просторную, с цветниками, площадь, я побывала на радио: меня попросили выступить, почитать стихи. Мое выступление записали на пленку, предупредив, что передавать его будут на следующий день в четыре часа.

Мы выехали из Ужгорода рано утром и стали подыматься все выше и выше, к озеру Синевир, «Синее око», одному из красивейших мест Закарпатья.

Стоял золотой август. Здешние леса хороши в любое время года, но осенью они особенно прекрасны. В воздухе — прохлада и мягкость.

Бук, чистое, прямое, гордое дерево, освещенное ласковым солнцем, отликает шелковистым блеском. Закарпатские ели наряднее наших среднерусских. У закарпатских ветви, далеко отходящие от ствола, изгибаются богатыми фестонами и заканчиваются длинной серебристой бахромой. Воздух так чист, что можно различить каждую ветку. Отчетливо видно стадо на далекой поляне — «полонине». Каждый барашек и тот виден. Пастух с высоким посохом в руке как бы врезан в синее небо.

К полудню мы очутились в деревне на высоком берегу Тиссы; ее строптивные воды текли глубоко вниз.

В этой деревне до чего хороши были детские ясли! На широко застекленной веранде в белых кроватках спали малыши — дети лесорубов, сплавщиков и пастухов.

Побывали мы и в общежитии для школьников. Оно рассчитано на студенты, короткие, обильные снегом недели, когда ребятишкам, живущим далеко от школы, трудно и даже небезопасно пробираться по заснеженным тропам.

Необычайно уютна была просторная, чисто выбеленная, с балками на потолке, кухня. Так и представляешь себе ребят, сидящих здесь в зимний вечер. В широкой печи трещат дрова. Над плитой сушатся варежки и носки домашней вязки. А за окошком гуляет метель.

Нам показали крутой склон горы по ту сторону Тиссы. Однажды снежной зимой по тропинке, черной точкой, в течение долгих часов пробирался там медведь, огибая вершину. То ли вовремя не обеспечил себя берлогой незадачливый мишка, то ли был застигнут лавиной — кто знает.

Может быть, посылал он в пространство свое медвежье SOS, но никто не мог прийти ему на помощь. Пришлось самому как-то выпутываться из беды. Только ребячьи глаза издали с тревогой следили за ним.

Молодые врачи, муж и жена, ясноглазые, светловолосые, румяные, похожие друг на друга, как брат с сестрой, с гордостью продемонстрировали нам рентгеновскую аппаратуру, правда не новую, но еще в хорошем состоянии. Врачи добыли ее в райцентре, где было уже другое, более совершенное оборудование.

В промытые до блеска окна небольшой здешней больницы глядело осеннее солнце, прошедшее уже большую часть своего пути. Пора было двигаться дальше, для того чтобы до темноты добраться до Синевира, заночевать там и встретить восход...

Мы продолжали подниматься. Горы как бы расступались, давая дорогу нашей машине. Детище города, привыкшее к асфальту, она тем не менее так уверенно продвигалась по кремнистой дороге, как будто ее радиатор от рождения питался водой горных ручьев, а серебристый усик антенны всегда оведался горным воздухом.

Хотя я родилась в степи, у моря (а может быть, именно поэтому), я страстно люблю горы. Для меня в них заключено какое-то колдовство. Чего стоит рождение погоды, — а ведь она рождается в горах.

В дни молодости, проведя год на легочном курорте, в Швейцарских Альпах, высоко над долиной Роны, я имела возможность наблюдать рождение облаков и туч: они живут там совсем рядом с людьми.

Среди горных ущелий всем были известны «котлы», где закипали ветры и заваривались дожди.

«Кухня погоды» — это, пожалуй, слишком прозаично. Скорее это лаборатория: в гигантских атмосферных колбах смешиваются составы воздуха, ветра, влаги и солнца.

Порой можно было наблюдать, как «малое облачко, меньше ягненка», запросто влетало в открытое окно, пересекало комнату и удалялось через балконную дверь.

Лучшее время в Альпах — это зима. Тогда сплошная облачная пелена, «море облаков», ложится над долиной. О таком «море» писал и Владимир Ильич в письмах к родным.

«Внизу везде в Женеве туман, сумрачно, а на горе (около 1200 метров над уровнем моря) — роскошное солнце, снег, салазки, совсем русский хороший зимний денек. А внизу под горой, — «la mer du brouillard», — настоящее море тумана, облаков, за которыми не видно ничего, только горы вырисовываются, да и то только очень высокие».

Внизу, на равнине, льет дождь, валит снег, а наверху, над облаками, райская тишина, солнечная синева.

А однажды в Альпах мы были свидетелями совсем уже волшебного зрелища: гроза бушевала под нами. Раскаты грома сотрясали пол. Молнии бороздили тучи у наших ног.

В другой раз, спускаясь по фуникулеру с горы, я смогла проследить всю гамму времен года. Вверху валом валил снег, несколько ниже мы прошли зону холодного дождя. Еще ниже он сменился отдельными теплыми каплями, замирающими в лесных мхах. Далее была сухая ясность, аромат фиалок на сухих полянках. И, наконец, в долине, под Лозанной, знаменитые нарциссовые поля в цвету.

Направляясь из Германии в Италию в 1786 году, Гёте записал в своем дорожном дневнике: «На ровной земле хорошую и плохую погоду принимаешь уже в готовом виде, в горах же присутствуешь при ее образовании».

Встретив в горной местности одиннадцатилетнюю странствующую девочку-арфистку с отцом, Гёте берет их в свою коляску.

Трудно удержаться от соблазна, чтобы не привести еще и эту запись Гёте.

«Маленькая арфистка утверждала, — пишет Гёте, — что будет хорошая погода. По ее словам, у них при себе свой собственный барометр — арфа. Если дискант повышается, как сегодня, то должна наступить хорошая погода. Я ухватился за это предсказание, и мы расстались в самом радужном настроении, в надежде на скорое свидание».

Переписав эту страничку из гётевского дневника, я совсем забыла о ней. Но недавно, перелистывая свои записи, я снова встретилась с прелестной маленькой арфисткой. И ее арфа очень пригодилась мне для стихотворения «Нота ля», которое я как раз в те дни писала.

Хороши, очень хороши бывают эти переписанные в тетрадку выдержки из книг, но еще лучше — быстрые записи из самой жизни. И плохо приходится тем, кому болезнь руки, например, мешает вести эти записи.

Но в Закарпатье, по дороге на Синевир, я не думала о записных книжках, я перечитывала то, что было записано у меня в памяти.

Снова видела я Швейцарию, людей, окружавших меня в то время: из них почти никого уже не осталось в живых. Вспомнила себя молодую и свой первый, только что вышедший сборник стихов.

Как раз во время моего пребывания в Швейцарии мой сборник набирался в русской типографии в Париже. Вышедший, он был прислан мне. Волнуясь, я развернула бандероль и увидела свою книжку среди гор, где громоздились облака.

Один из первых присланных мне экземпляров я, набравшись смелости, отправила в Петербург Александру Блоку и (о гордость!) получила ответ.

Короткое письмо Блока в числе других дорогих мне писем пропало в дни войны под Москвой, когда сама я была уже в Ленинграде. Но одну фразу этого письма я запомнила дословно. «В некоторых Ваших стихах, — писал Блок, — ощущается горечь полыни, порой настоящая...»

Внезапно я очнулась. Я была не в Швейцарии, а у себя на родине. В родной стране, в другие годы. Приближался час литературной радиопередачи, о которой я, занятая своими мыслями, почти забыла.

Карпаты — это не Швейцария. Здесь нет ни могучих вершин, ни острых зубцов, от которых захватывает дух, ни пылающих на закате снегов.

Но округлая мягкость невысоких лесистых гор приобретает иной раз если не грандиозность, то во всяком случае величавость. Таково было и то место, где мы остановили нашу машину. Антенна как бы встала на цыпочки, стараясь нащупать нужную волну. Вот и она! Но нет, это было не то. Сначала раздался невнятный шум, затем глуховатый мужской голос сообщил о начале постройки еще одной гидроэлектростанции. «Мою» передачу отменили или перенесли на другой день.

Выйдя из машины, мы подошли к обрыву высокого берега Тиссы. С приближением заката еще свежее сделался воздух, еще сильнее пахли травы. Где-то очень далеко работала лесопилка. Отчетливо слышался плеск реки. Внизу тонкой полоской прочерчивался висячий мост. Такие мосты живописны, но ходить по ним с непривычки страшно.

Какая-то крупная хищная птица с загнутыми вверх концами крыльев парила над нами.

Внезапно в этой тишине я услышала свой голос: с запозданием, но радиопередача все же началась.

Я читала «Москву в Норвегии», стихотворение, написанное много лет тому назад среди осенних, черно-золотых фиордов, по дороге из Бергена в Осло.

Стихотворение о тоске по ушедшей юности, тоске, особенно ошутимой иногда в чужих краях.

И печаль об исчезнувшей прелести дней
Полоснула меня, как ножом.
И подумала я: «Ничего нет грустней
Одиночества за рубежом».

Дальше шла речь о встрече, согревшей мне сердце. Это был простой норвежский парень, рыбак. Говорившие на разных языках, мы поняли друг друга по слову «Москва».

Хорошо, что на грусть мы теряем права
И что, как бы он ни был далек,
Человек с удивительным словом «Москва»
Не бывает нигде одинок.

Слушая себя, я пришла в смятение. Никогда еще я не выступала в такой обстановке, перед такой аудиторией.

Я находилась под открытым небом, с птицей над головой. Поросшие лесом горы были моими слушателями. Ропот реки служил мне звуковым фоном.

А главное — я услышала (этого мне не забыть!), как ожило эхо, живущее в горных амфитеатрах. Как от вершины к вершине оно передавало мои строки, удваивая и утраивая их звучание. Слово «Москва», с его открытыми гласными, долго еще клубилось вдали.

Я замолкла. И все смолкло вокруг. Только роптала река и предзакатный ветер трогал придорожные кусты.

«Эхо поэзии!» — сказал один из моих спутников с тем налетом ироничности, под которой мы скрываем порой подлинное волнение.

Остальные промолчали.

2

Да, эхо поэзии! Эхо литературы!

Каждое утро маленьким плоским ключом я отпираю всякий замок моего почтового ящика. В нем — журналы, газеты, повестки, извещения, приглашения, напоминания о сроке сдачи работы. Все это важно. Все это часть нашей писательской жизни. Но наиболее интересные в моем почтовом ящике читательские письма.

Не все они одинаково значительны. Иные пишутся, видимо, просто от некоторого избытка свободного времени, иные — по вопросам, не имеющим прямого отношения к литературе, в других заключены мало-выполнимые просьбы.

Есть письма, огорчающие своим плохим пониманием прочитанного, желанием уязвить, обдать холодом. Но есть письма, о которых помнишь потом весь день. Их даже носишь с собой, такое тепло излучают эти почтовые листки.

Как и все наши писатели, получаю такие письма и я.

«Мы, группа старых большевиков, проживающих в городе Симферополе по улице Фрунзе 30, собрались в своем дворе под могучим каштаном, которому от роду 121 год, и читали Ваши произведения», — сказано в одном письме.

«Я люблю рассказывать о Вас своим ученикам, люблю читать вслух Ваши стихи», — пишет Лидия Николаевна Гераськина, учительница на станции Оловянная, в далеком Забайкалье.

«Вы успели прожить целую эпоху. Ведь Вам было 28 лет, когда Ленин заложил фундамент грандиозного здания Народного Государ-

ства. Вы, наверное, хорошо помните это бурное время. Может быть, Вы даже видели Ленина вот этими Вашими глазами, что на фотографии, может быть, даже беседовали с ним. Вы счастливый человек: Вы живете в поворотную эпоху истории человечества».

Это написал индийский студент Саччиндра Лал Коли. Он прочитал мой рассказ, переведенный на английский язык и включенный в сборник рассказов, выпущенный нашим Издательством на иностранных языках.

Саччиндра Лал Коли шлет мне свой подробный адрес:

Комната 42

Мусульманское общежитие

Мирутский колледж

Мирут

Индия.

Такие письма — это овеществленное эхо писательского слова. То небольшое эхо, которое есть у каждого из нас, пишущих. Частица могучего социального эха, рожденного всей советской литературой в целом.

«Вы счастливый человек...» Да, это счастье жить и работать в стране, где Человек встал во весь свой исполинский рост, коснулся рукой Луны, проник в космос. Где ребенок, мальчик, пишет в Академию наук:

«Дорогая Академия! Я очень хочу быть первым пассажиром. Мама мне разрешила».

«Вы счастливый человек: Вы живете в поворотную эпоху истории человечества» — эти слова важны еще и потому, что долетели ко мне из дальней дали. Прodelали огромный путь, одолели хребты Гималаев, самых высоких на земном шаре гор.

Больше того: преодолели гигантский горный перевал истории, за которым начинается новая эра в развитии человеческого общества. Эпоха коммунизма.

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

★

О СОБИРАТЕЛЯХ РЕДКОСТЕЙ

В февральской книжке «Нового мира», в разделе «Дневник писателя», редакция опубликовала рассказ Ираклия Андроникова «Личная собственность». Речь шла о том, как был доставлен в Москву из Актюбинска чемодан, в котором оказалось полторы тысячи рукописей — автографы знаменитых русских писателей, композиторов и художников, ученых, полководцев, государственных и общественных деятелей XVIII—XIX веков и начала XX века; как затем пришлось отыскивать в Астрахани другие документы из этой коллекции, часть которой растеклась и погибла во время войны. Писатель ставил вопрос о необходимости широко собирать и бережно сохранять исторические документы, картины, редкие книги, автографы, составляющие достояние народа. Напомнил о том, что лица, в чьих руках сегодня находятся такие сокровища, в ответе перед историей.

Рассказ вызвал много откликов, особенно после того, как был передан по Всесоюзному радио. Советские люди горячо обсуждают затронутую проблему. Отвечая на письма читателей, И. Андроников делится мыслями о работе советских коллекционеров.

1

Перед мной глазами аккуратно разложено стопками около трехсот писем. Это отклики на рассказ об актюбинском чемодане и о поисках в Астрахани утраченных рукописей из коллекции Бурцева. Впечатления. Вопросы. Советы. Указания, как продолжать поиски остатков этой коллекции. Адреса, по которым можно найти другие собрания редких книг, картины и рукописи, брошенные на произвол судьбы или попавшие в руки людей несведущих, равнодушных. Мысли по поводу собирателей и частных коллекций.

Попробуем разобраться в этой корреспонденции. Коснемся сначала тех писем, в которых сообщаются новости о коллекции Бурцева.

Калининград. Пишет Александр Шабанов. Слушая рассказ «Личная собственность», он вспомнил, что в Астрахани, где прошла его юность, в 1944 году его родственница Любимова случайно купила на рынке большой — размером около метра — портрет Льва Толстого. Волосы, борода, блуза на этом портрете смонтированы из текста «Крейцеровой сонаты». Теперь ему — Шабанову — кажется, что портрет мог попасть на базар из коллекции Бурцева. С этой целью он сообщает астраханский адрес своих родных.

Да, почти с полной уверенностью можно сказать, что он прав: вот ответ его родственницы Е. В. Любимовой. Портрет Толстого куплен ею в 1944 году на астраханском базаре у какой-то старушки. Но откуда взяла старушка портрет, нынешняя владелица сказать ничего не может. На портрете клеймо издателя Хазина: местечко Ярышев, Подольской губернии.

А вот другое письмо. Тоже из Астрахани. В нем — фотография с рукописи. Шлет ее В. Логинов, племянник художника Токарева, имя которого упоминалось в рассказе. «В мои руки случайно попал исторический документ, очевидно из коллекции Бурцева, — пишет товарищ Логинов. — Буду очень просить: сообщите, что это за документ?»

Отвечаю: это письмо 1827 года с подписью императрицы Марии (матери Николая I), обращенное к тогдашнему министру народного просвещения, известному писателю адмиралу Шишкову.

Директор казанского горьковского музея М. Н. Елизарова сообщает, что музей приобрел шестьдесят иллюстраций к произведениям Гоголя, находившихся раньше в коллекции Бурцева. Принес их в музей художник Архипов, тот самый, что первым сообщил Астраханской картинной галерее о старухе, торгующей рисунками на базаре.

Но это отдельные, частные указания. А вот рассказ о судьбе бурцевской коллекции в целом. Содержится он в письме режиссера, бывшего художественного руководителя астраханских — татарского и колхозно-совхозного — театров, члена астраханского отделения Союза художников Александра Михайловича Василькова, проживающего ныне в Москве, в Доме ветеранов сцены. С волнением вспоминает товарищ Васильков один из дней 1944 года, когда он находился в помещении астраханского товарищества «Художник» и зашедший туда работник астраханского отделения Художественного фонда СССР Сергей Георгиевич Масленников стал доставать из папки принесенные им рисунки Репина, Серова и других замечательных русских художников.

Васильков вспоминает, что, демонстрируя свои приобретения, Масленников рассказывал, как он и другие наткнулись на барахолке на старуху, распродававшую эти рисунки, как он, Масленников, ходил на «базу» этой старухи и рылся — теперь это Василькову становится ясным — в той самой корзине, о которой шла речь в рассказе, напечатанном во второй книжке «Нового мира». «Увидев рисунки Репина и Серова,— пишет старый художник,— я был потрясен».

Большого, однако, он в тот раз вызнать не смог. «Тогда,— продолжает он,— у меня осталось впечатление, что это был случайный эпизод на астраханской барахолке, что работник Художественного фонда случайно наткнулся на какую-то старуху, к которой также случайно попало два-три десятка рисунков наших великих мастеров». «Правда,— говорится далее в письме,— Масленников упоминал фамилию какого-то Бурцева, бывшего владельца этих рисунков, но ни я, ни другие не придали этому тогда никакого значения, так как никто из нас не знал, что такое был Бурцев». «У меня сейчас сердце обливается кровью,— продолжает, обращаясь ко мне, Васильков,— когда я вспоминаю строки Вашего очерка с именами Петра I, Багратиона, Федотова, Чехова... Но все это, я уверен, и сейчас цело. Оно только может быть перепродано в другие руки, но не погибло! Ни в коем случае! Может быть, погибла мелочь в руках пожарника... Те, в чьих руках оказались все эти вещи, хорошо знали, что они приобрели...»

Васильков называет фамилии людей, к которым могли попасть части коллекции Бурцева. Не будем перечислять их пока. Видимо, придется вновь побывать в Астрахани, хотя дело теперь — это ясно — не в том уже, у кого находятся сейчас автографы и картины из бурцевского собрания. Ясно уже, что из одной частной коллекции они перекочевали в другие. А между тем по характеру своему бурцевская коллекция должна была бы полностью стать доступной для широкого изучения. Но, во всяком случае, уверенность художника Василькова в том, что эти ценности хранятся в других руках, что они не погибли, все же более радостна, нежели сознание об их невозвратной потере. Впрочем, к судьбе этой части коллекции мы еще, надеюсь, вернемся...

Интересный отклик получен из Харькова. Пишет К. Я. Юрченко. В 1949—1950 годах она жила в Астрахани на квартире Полины Петровны Горшеневой — той самой, у которой в свое время жили Бурцевы. Клавдия Яковлевна считает, что Горшенева могла бы рассказать о судьбе коллекции куда больше, чем она рассказала... Будем надеяться, что все эти указания приведут к новым находкам.

Но вот письма, уже не имеющие отношения ни к Астрахани, ни к собранию Бурцева.

«Решила предложить Вам оставшуюся у меня от бабушки книжку с автографом писателя Гончарова — «Четыре очерка», подаренные автором писательнице Надежде Дмитриевне Зайончковой...» — пишет Татьяна Николаевна Королева. Это — Москва.

«У меня имеется любительский снимок Федора Ивановича Шаляпина, очевидно с семьей,— сообщает из Ярославля Леонтий Андреевич Серапионов.— Распоряжайтесь

им по своему усмотрению. Где будет он находиться — в Театральном музее Бахрушина или в Литературном архиве — мне безразлично».

В конверте — неизвестная фотография великого певца в окружении детей.

«После смерти отца...— это письмо Анастасии Владимировны Шеболковой из Горького,— у меня остался альбом с портретами актеров России и Европы конца прошлого — начала двадцатого века: Тартаков, Петипа, Чинизелли, Славина, Собинов, чета Фигнер. ...Посылаю Вам фотографию Мазини с автографом и портрет Баттистини, затем фотографию Тургенева с его подписью...»

В письме просьба: посоветовать, куда эту коллекцию передать.

Москвич Н. Л. Сигель охотно расстанется с визитной карточкой Айвазовского, на которой имеется собственноручная приписка художника.

Артист Мосэстрады И. А. Гип-Толин хочет подарить в Литературный музей фотографии, снятые им в Тобольске: домик Ершова — автора «Конька-Горбунка», дома, в которых жили декабристы Фонвизин и Кюхельбекер, украинский писатель П. Грабовский.

Письмо художника К. Ф. Юона шлет в редакцию радио из Саратовской области Ф. Ф. Резников. П. К. Дорошев из курского села Хлюстино ставит в известность, что в Старом Осколе имеются неопубликованные материалы о Кольцове и Щедрине. Карина Зверева, проживающая в Липецке, сообщает, где искать автографы Маяковского и Есенина, владельцем которых был историк литературы В. Л. Львов-Рогачевский. Открытка: в Казани, в собрании покойного профессора Егерова, хранится автограф Некрасова.

В 1940 году, будучи студентом Художественно-керамического техникума, Д. Д. Шарабанкин попал в Карачарово — бывшее имение художника прошлого века Григория Гагарина (это в Калининской области) и, копаясь на чердаке в куче бумажного хлама, нашел старинную, в коленкоровом переплете тетрадь, в которой постоянно встречалось имя М. Ю. Лермонтова и названия кавказских населенных пунктов. Зная, что Лермонтов и Гагарин были дружны, Шарабанкин передал тетрадь одному из преподавателей техникума, который подтвердил, что это неизвестный дневник Гагарина. Это было в Москве в мае 1941 года. Демобилизовавшись после войны, Д. Д. Шарабанкин узнал, что преподаватель его ушел в ополчение и вскоре погиб. В письме сообщаются данные, которые могли бы навести на след дневника...

Вот еще письмо — из Архангельской области от Сергея Ивановича Тупицына, учителя Красноборской средней школы. Четыре года назад, совершая туристский поход по своему району, он и ученики его видели в селе Белая Слуда у одного из жителей — бывшего старообрядческого попа Осиева — около сорока книг, большая часть которых печаталась в XVII веке. Одну, напечатанную еще раньше — в 1592 году, — Оснев отдал ребятам, и она находится теперь в их школьном музее. В 1959 году Оснев умер. А некоторое время спустя на складе, где принимают макулатуру, Тупицын обнаружил две книги из собрания Осиева. Одна напечатана в 1632 году, а другая в 1642 году. Естественно, это вызвало беспокойство Тупицына; предлагая послать своих учеников в Белую Слуду поискать у местных жителей остальные старинные книги умершего собирателя, он спрашивает, нужно ли за них предлагать деньги и как вести поиски.

Забегая вперед, скажу, что письмо С. И. Тупицына я переслал в Институт русской литературы — Пушкинский дом — в Ленинграде. И оттуда в Красноборск к С. И. Тупицыну выехал аспирант А. М. Панченко. Печатных книг из библиотеки Осиева они пока не нашли, зато обнаружили у других жителей рукописные, в их числе книги XVI — XVII веков.

О ценном собрании сообщает Л. Раев из Энгельса. Оказывается, в Хвалынске Саратовской области, в краеведческом музее, с 1927 года лежат без употребления «дониконовские» рукописные и старопечатные книги, свезенные туда из старообрядческих монастырей в Черемшанах. «Возможно, среди этих книг имеются редкие или даже уникальные, представляющие историческую и культурную ценность,— высказывает предположение автор письма.— Не возьмете ли Вы на себя,— пишет он,— заинтересовать этим собранием соответствующие организации и добиваться командирования специалистов в город Хвалынский?»

Желание товарища Раева выполнено. Сектор древнерусской литературы Пушкинского дома уже вступил в переговоры с дирекцией Хвалынского краеведческого музея. Ещё одно важное указание — из города Каменска-Уральского.

Пишет Владимир Захарович Разумов. В 1942 году он был назначен комиссаром эвакогоспиталя, размещенного в одном из сел Пермской области. В селе Ильинском — бывшей вотчине графов Строгановых — «в подвале дома, где в свое время жил управляющий», он обнаружил библиотеку и огромный баул, туго набитый старинными — главным образом французскими — письмами, а в числе книг — первые издания великого просветителя Н. И. Новикова, журнал «Телескоп», комплект герценовского «Колокола», три экземпляра его «Полярной звезды», «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 1837 года, в том числе номер, в котором было напечатано сообщение о гибели Пушкина; среди писем лежали два листка голубой бумаги с написанным от руки текстом пушкинских «Стансов».

Эти книги и рукописи командиры и комиссар привели в порядок с помощью эвакуированной учительницы Анастасии Александровны Бабушкиной. И когда в 1943 году госпиталь отправляется на фронт, товарищ Разумов захватил часть материалов с собой, с тем чтобы отвезти их в Москву. Дорогой стало известно, что эшелон минует столицу, и он сдал их во Владимире в областной отдел народного образования.

К сожалению, обнаружить их покуда не удалось. Передо мной ответы — Владимирского областного архива, отдела народного образования облисполкома и редакции газеты «Призыв».

Письма о том, что там-то валяются без присмотра ценные полотна и книги, а там остались без хозяина старинные документы, идут из Краснодарского края, Костромской области, Ставрополя, Челябинска, Новосибирска, Смоленска, Харькова... В ответ на призыв собирать и бережно хранить памятники культуры поступают вопросы: куда передать чугунные часы XVIII столетия? Старинные туалетные украшения из яшмы и хрусталя? Сундучок матроса Миронова, сражавшегося в Цусимском бою? Французско-русский словарь, изданный в пушкинскую эпоху? Изделия из кости, насчитывающие более четырехсот лет? Н. Кроневальд (Чебоксары) спрашивает, как сдать в государственный фонд хранящиеся у него этюды замечательного казанского художника Н. И. Фешина, одного из лучших учеников Репина.

Нельзя не порадоваться этим письмам. В поиски ценностей архивных, художественных, исторических включаются читатели «Нового мира», включаются радиослушатели — мощный актив, который охватывает весь Советский Союз. Работа может приобрести небывалый размах. А это сулит множество новых находок. Москвич А. Г. Григорьев уверен, что если копнуть хорошенько — нашелся бы не один вагон с корзинами, подобными бурцевской. В этом нет никакого сомнения! Нет горда в нашей стране, где бы не было собирателей! И при этом коллекций самых различных!

2

«Возможно ли в наше, советское время заниматься частным коллекционерством, причем не спичечных коробок, не почтовых этикеток, а исторических документов, произведений искусства? — пишет тамбовская жительница Н. Кузнецова. — Мне кажется, — продолжает она, — что частные коллекционеры наносят вред, пряча в сундуки то, что должно храниться там, где тому положено».

Остановимся на этом письме. Подобная точка зрения все чаще высказывается — и не только в разговорах и письмах, но и на страницах печати. У многих людей, никогда никаких коллекций не составлявших и далеких от дел, связанных с собиранием и хранением художественных ценностей, документов и книг, возникает представление о коллекционировании, как о некоей эгоистической прихоти, во всех случаях наносящей ущерб общественным интересам. Так ли это?

Ввиду того, что этот сложный вопрос затронут и в моем выступлении и в многочисленных откликах, давайте его выяснять. Оставим те зарубежные страны, где царят иные порядки и понятие личной собственности наполнено совсем иным содержанием. Поговорим о своих.

Коллекционированием в нашей стране занимается множество лиц разного возраста и самых разных профессий. Передо мной справочник. Кто собирает?.. Врач. Инженер-строитель. Экономист. Радиомонтажник. Летчик. Артист оркестра. Искусствовед. Книжный работник...

Что собирают? Помимо марок и спичечных этикеток, денежные знаки, монеты, медали. Картины. Автографы. Грампластинки. Фарфор. Но бывают коллекции и более редких предметов. Один собирает веера, подзорные трубки, бинокли. Другой — изображения мостов всех времен и конструкций. Третий — все о море и флоте. Четвертый — фотографии кладбищенских памятников. Пятый — часы. Афиши. Театральные программы. Меню. Пряники. Я не шучу. Москвич Н. Д. Виноградов собрал за долгие годы две с половиною тысячи пряников: тверские, тульские, вяземские, черниговские, архангельские Сусальные. Мятные. Тут и всадники на конях, украшенных сахарной сбруей. И девицы в кокошниках. И жаворонки с глазом-изюминкой. Это тоже один из видов народного творчества, кстати сказать, близкий к народной игрушке. В каком музее вы найдете еще такое удивительное собрание?

Ленинградец В. А. Домбровский собирает все, что относится к шахматам. Картины и книги. Игровые комплекты начиная с шахмат XVI столетия, принадлежавших русскому боярину, и кончая современными, в число которых входят и фронтовые — из винтовочных гильз, и блокадные шахматы — из картона. В его коллекции можно увидеть русские доски из уральских камней, японские — из перламутра, эфиопские, выложенные из кусочков слоновой кости...

Архитектор Перепелкин собрал двенадцать тысяч граммофонных пластинок.

Майор технических войск в отставке Б. А. Вилинбахов — восемнадцать тысяч эскизбрисов, книжных знаков, выполненных художниками и украшающих книги общественных и личных библиотек.

Проживающий в Курске старый спортсмен И. Д. Булгаков собирает все, что относится к истории русского спорта, — афиши, газетные вырезки, письма и портреты спортсменов.

В коллекции экономиста А. М. Макарова пять тысяч книг по военным вопросам, десять тысяч портретов военных деятелей, две тысячи боевых орденов разных эпох и народов, сотни пуговиц и оловянных солдатиков.

Ленинградский искусствовед Н. С. Таггин собрал четыреста двадцать тысяч открыток; главные разделы — искусство, история, география. Кажется, такого обширного собрания открыток не имеет ни одно государственное хранилище. От петровских времен до наших дней представлен в них Ленинград, портреты замечательных людей, исторические события.

Геофизик Е. А. Румянцев задался целью создать своеобразную энциклопедию Ленинграда. У него триста тысяч рисунков, гравюр, фотографий, чертежей, планов, рукописей...

За перечнем этих предметов скрыт колоссальный труд, неистовая страсть собирателя, терпение, упорство, огромные знания. Все это не готовым попало в руки. Все это надо было найти, угадать ценность каждой бумажки, сберечь. Не трудно понять значение для истории листовки 1905 года или эпохи гражданской войны сегодня. Но в те дни кто думал о них как о будущих исторических документах? А коллекционер в заботе о полноте своего собрания подымал и берёг. В коллекции Румянцева имеется, скажем, листовка Военно-Революционного комитета, выпущенная в канун Октябрьской революции — 24 октября. Откуда она у него? Нашел ее в свое время в одном из ленинградских дворов.

Если хотите знать, какую пользу приносят коллекционеры, — спросите у работников киностудий, музеев, библиотек, у театральных работников, реставраторов, музыковедов: пусть они вам расскажут, в каких коллекциях они отыскали уникальные записи русских певцов, узоры старинных решеток, планы дворцовых ансамблей, уничтоженных фашистскими бомбами. Старты первых русских авиаторов. Первый автомобильный пробег из Петербурга в Москву.

Нет возможности даже и приблизительно перечислить все, что коллекционируют советские люди. Поговорки. Пословицы. Афоризмы. Маяковский писал стихи для рекла-

мы; сейчас исследователи его поэзии обнаруживают множество не учтенных ранее строк у собирателей конфетных оберток.

Московский инженер В. Матко коллекционирует материалы, связанные с творчеством Гашека — автора бессмертной книги о храбром солдате Швейке. В Чехословакии такой полной и такой интересной коллекции нет.

Литературовед профессор Розанов Иван Никанорович всю жизнь собирал книги русских поэтов XVIII—XIX веков. И оставил подбор изумительный! А критик Тарасенков Анатолий Кузьмич решил собрать все книги русских поэтов XX века. И библиотека его — едва ли не самое полное собрание советской поэзии. В ней имеются книги, которые в годы гражданской войны и последней войны не попали в государственные хранилища, потому что печатались в походных типографиях, в агитвагонах, в партизанских отрядах и в условиях военной жизни были безвозвратно утрачены.

Если бы эти люди не собирали книг и портретов, открыток, шахмат, фотографий, гравюр? Ну что ж! Малая часть этих вещей, несомненно, попала бы в наши музеи. Но большая — можете быть в этом уверены! — погибла бы, расплылась. А расплывшись, в глазах очень многих людей не представляла бы никакой ценности. Кому практически нужны сегодня шахматы из картона или засохшие пряники?

Москвичка О. В. Мамет-Сваричовская более двадцати лет собирает этикетки винных бутылок, консервных коробок, образцы мод; из того, что люди привыкли бросать, она сделала десять тысяч самодельных открыток с изображением костюмов, причесок, посуды, военных мундиров. К ней обращаются художники, декораторы, бутафоры.

Осмысленные по-новому приложенным к ним творческим трудом, вещи обретают в коллекции новое значение и новую ценность. Но чаще всего понятно это бывает только специалистам. Описывая библиотеку, оставшуюся после умершего московского собирателя, родные, с благословения нотариуса, вытряхивали из всех шести тысяч книг вложенные в них записки, портреты, рецензии. А в этой необыкновенной полноте и состояла особая ценность коллекции.

Вы можете возразить: существуют музеи, государственные книгохранилища. Они тоже ведут собирательскую работу!

Правильно! И все же находкам коллекционеров очень часто могут позавидовать крупнейшие государственные коллекции. Я уже не говорю, например, о библиотеке народного артиста Н. П. Смирнова-Сокольского, у которого хранятся единственные экземпляры книг, уничтоженных в свое время царской цензурой. Любая библиотека мира была бы рада владеть подобными ценностями. Нет! Не о таких уникалах идет речь! Но собирает, к примеру, московский бухгалтер материал о Крылове. Гоняется за каждым изданием басен, за маркой с крыловским изображением, за тарелкой, расписанной картинками на крыловские темы. Тратит на это всю жизнь, все свободное время, все деньги. Литературный музей посвятить себя поискам материалов об одном лишь Крылове не может. И чаще всего для музея очень важной бывает покупка такой вот коллекции.

Но это все речь шла о предметах, которые любитель подбирает, покупает, получает в подарок, выменивает. О вещах, которые мог бы собрать и музей.

Однако есть и другой вид коллекций: человек просит написать в его альбом несколько строк, музыкальную фразу, набросать шарж. В альбоме писателя Корнея Чуковского можно увидеть автографы Горького, Блока, Алексея Толстого, рисунки Репина, Маяковского, занесены множества современников наших — целая полоса культуры отражена в этом альбоме. Если бы не Чуковский, никакому музею не могли бы приниться эти сокровища!

Или другой пример: в дни ленинградской блокады полковник В. И. Цветков стал обращаться к писателям и художникам с просьбой внести в его фронтовой блокнот несколько строк о городе, который вместе они защищали. С тех пор его коллекция превратилась в своеобразную летопись Ленинграда военных и послевоенных лет. В ней хранятся записи Тихонова, Вишневского, Прокофьева, Алексея Толстого, Федина, академика Гарле, Улановой, Качалова и многих других. У него больше двух тысяч плакатов, листовок, открыток, брошюр и журналов, изданных в Ленинграде в годы войны, сатирические рисунки, стихи, эпиграммы, шаржи, портреты. Страсть собирателя, его

инициатива, его любовь к великому городу, забота о будущих историках ленинградской блокады, частые встречи с поэтами и художниками предопределили характер и полноту этой коллекции. С полной уверенностью можно сказать, что после войны такую богатую коллекцию составить было бы уже невозможно. Кто решится при этом настаивать, что коллекционирование — пережиток прежних времен, что руководят собирателем интересы эгоистические?! Нет. Тут уж собиратель участвует в создании духовных ценностей. Тут он причина всему и начало начал. Так что сказать: «Незачем в наше время заниматься коллекционированием. Для этого существуют музеи» — значит сказать, не подумав. Тем более, что можно и не быть коллекционером, а все же оказаться владельцем архивных ценностей. Я говорю о личном архиве — о рукописях и письмах, фотографиях, дневниках, записных книжках, отражающих важные факты общественной и культурной жизни, — о документах, которые впоследствии могут представить общественный интерес. Если бы не было на руках у советских граждан всех этих архивных ценностей, государственным хранилищам осталось бы принимать и хранить одни лишь архивы государственных учреждений. Поэтому вопрос о взаимоотношениях музея или архива с отдельными собирателями, с владельцами музейных ценностей — вопрос не простой. Вот, скажем, около двадцати лет назад возникла мысль централизовать архивные фонды СССР, свести в одно место все архивы, в которых хранятся документы, связанные с историей нашей культуры. Потом отказались от этого. И одна из причин — что тем самым централизованное хранилище навсегда потеряло бы связь с периферией страны. Ведь Кострома или Томск уже не могли бы приобретать материалы от костромичей или томичей. Тем самым прекратилось бы дальнейшее пополнение централизованного архива, нарушилась бы «система питания».

Когда мы говорим о коллекционерах, то не должны забывать, что коллекционер — это первая ячейка музея, коллекционеры — актив музея. Это — «кровеносная система», связывающая государственное хранилище с жизнью. А кроме того, в большинстве случаев работа отдельных коллекционеров вливается потом в общую сокровищницу культуры.

И. П. Павлов считал, что, развивая «рефлекс цели», коллекционирование представляет собой великолепную тренировку волевых качеств. Нет сомнений также, что коллекционирование — одна из самых доступных форм творческого труда. И чем ближе мы становимся к коммунизму, тем все большее число людей будет принимать участие в благородной работе по собиранию памятников культуры. Разница в том, что с каждым годом все большее число людей будет собирать вещи для коллекций общественных, а не личных. Усматривать же в собирании коллекций нечто антиобщественное — значит отворачивать людей от внимания к памятникам культуры и человеческого труда.

3

Я сказал, что работа коллекционеров вливается в общую сокровищницу культуры. Да. Во многих случаях. Но, увы, далеко не всегда.

«Умер инженер Виктор Павлович Денисов, — начинает письмо москвичка А. Жегалова. — Все последние годы он коллекционировал редкие книги — русские, иностранные, коллекционировал монеты и марки... Никого из близких людей не имел. После смерти коллекцию опечатала милиция. Со слов очевидцев, марки описывались «чохом», так же, как книги...»

Другое письмо. Скончался В. И. Измайлович, художник, рисовавший когда-то Ленина. Рисунок его, подписанный собственной рукой Владимира Ильича, висит сейчас в Смольном, а личный архив Измайловича — зарисовки, фотографии, письма — свален в сарай в одну кучу. Об этом сообщает ленинградский инженер В. А. Меньшиков.

А разве книги XVII столетия из коллекции Осиева, которые обнаружил на складе утильсырья архангельский педагог Тупицын, не являются собой прискорбнейшее свидетельство негосударственного, антиобщественного отношения к ценным коллекциям?

Надо прямо сказать. гибель коллекций после смерти их собирателей наносит тяжелый ущерб общественным интересам.

Кто виноват в этом?

Прежде всего владелец, не позаботившийся передать при жизни многолетний свой труд в верные руки или не завещавший его в государственное хранилище.

Виноваты наследники, если таковые имеются.

Виноваты государственные хранилища.

И вот этот вопрос широко обсуждают в письмах своих советские люди.

«Разве не делают вину в истории с коллекцией Бурцева архивы, музеи и другие учреждения, поставленные и призванные страной разыскивать, собирать и хранить для потомства все духовные и материальные ценности?» — пишет из Горького А. И. Голванова.

«У радиослушателей осталось мнение, — делится впечатлением военнослужащий Н. Ф. Пашенко, — что не сообщи вам доктор о коллекции Бурцева — никто и до сего дня не знал бы о кладах в Актюбинске...»

А. П. Шалагин из города Балашова уверен, что судьба астраханской корзины постигнет и другие собрания ценных бумаг, если архивные учреждения не будут принимать мер к тому, чтобы следы коллекций не исчезали со смертью владельца. «Ружье охотничье, хоть и личная собственность, — добавляет московский сторож И. Я. Жарков, — но и оно находится на учете». За недостаток инициативы укоряют архивные учреждения и другие радиослушатели.

В некоторых письмах содержатся упреки конкретные. У А. В. Шеболковой в Бахрушинском музее отказались принять фотографии артистов с автографами на том основании, что в музее такие портреты есть.

Точно так же ответили в Ленинской библиотеке товарищу Парфенову из Уфы, который принес издание XVIII столетия.

Москвичка Антонина Александровна Поперек хотела передать туда же — в Ленинскую библиотеку — библию, изданную в 1662 году. Ей ответили: «Мы вашей библией не интересуемся».

«Умру, — замечает Парфенов, — книги выкинут, как старье. А библиотека обязана, если у нее уже есть такие издания, пересылать их в другие библиотеки, где подобных изданий нет». И он, разумеется, прав.

Много замечаний прислал доктор юридических наук профессор А. М. Ладыженский. Между прочим, он пишет, что вещи, передаваемые в музеи страны, долгие годы находятся там под спудом. И это понятно: наши музеи располагают таким огромным количеством картин, что выставить могут только часть своих богатейших запасов. Поэтому, говоря о дальнейшем расширении государственных фондов, надобно ставить одновременно вопрос и о музейном строительстве.

И — как ни странно это звучит — при этом не всегда хорошо обстоит дело с комплектованием фондов. Бывает, что музей или архивное учреждение отвергнут полотно, сомнительный автограф, тетрадь неизвестного автора — глядь! они уже заняли почетное место в частной коллекции. И новый хозяин уже зовет друзей поглядеть на свое приобретение, оказавшееся великолепным подлинником, вещью, заслуживающей самого серьезного изучения. А все потому, что коллекционер действует решительнее, нежели дирекции и оценочные комиссии.

Я лично коллекций не собираю, редкими вещами никого удивить не могу. Но даже и в моих руках оказалась недавно тетрадка воспоминаний, писанных петербургским чиновником тридцатых годов прошлого века, которую отвергли несколько крупнейших архивов страны. На деле же она оказалась весьма интересной, а погоня за ней после того, как ее окончательно вернули владелице, могла бы составить сюжет небольшой повести.

Каждый просчет, неудача подобного рода в работе государственных наших хранилищ превращается неизбежно в удачу отдельного собирателя. Поэтому, призывая к широкой охране культурных реликвий, мы прежде всего должны обратиться с этим призывом к хранилищам государственным. Вот еще упрек и очень серьезный упрек по их адресу.

А. Г. Григорьев сообщает, что в Павловской слободе Истринского района в руках одного из жителей он видел фотографию, на которой тот снят как рядовой матрос

охраны рядом с Лениным, Свердловым и Дыбенко. «Такой фотографии ни в одной газете я не встречал,— пишет товарищ Григорьев. И продолжает:— От Москвы до Павловской слободы езды не более часа, но, вероятно, этого бывшего матроса из охраны Совета Народных Комиссаров не взял на учет ни архив, ни Союз писателей, ни Союз журналистов, ни Всесоюзное радио — словом, никто. А сам владелец показывает эти сокровища к случаю, к слову...»

Это, может быть, самое сильное доказательство того, что государственные хранители не должны дожидаться, когда к ним, как говорят, «самотеком» будут поступать исторические реликвии. Они должны вести планомерные розыски, посылать за материалами экспедиции. Одиннадцать лет назад научный сотрудник Института русской литературы Академии наук Малышев Владимир Иванович, историк древнерусской литературы, стал ежегодно выезжать на Север — на Печору, на Пижму, Усть-Цильму к рыбакам и охотникам — за старинными рукописными книгами. Не стану говорить сейчас даже о самых важных находках — назову лишь цифру приобретений: собрание древних рукописей Института литературы за одиннадцать лет возросло в триста раз!

Но вернемся к основному предмету — к ответственности владельцев за судьбы коллекций.

Да, конечно, коллекционер — труженик. И энтузиаст. И знаток, который может поспорить с ученым-специалистом. А часто и сам ученый-специалист. Он сохраняет ценности от распыления и гибели. Опознает, изучает их. Все это верно. Но есть и другая сторона: коллекция — это собственность. И очень часто он поступает с ней, как с любой своей собственностью: оставляет в наследство людям, которые ничего в ней не понимают. Вот в этих «вторых руках», для которых реликвия уже перестает быть духовным богатством, а превращается в одну материальную ценность, и ценность тем большую, что реализовать ее не стоит никакого труда, а продать можно всегда тому, кто больше за нее даст, причем лучше по частям, нежели полностью, — вот в этих «вторых руках» коллекция чаще всего распадается, и собранное с великим трудом растекается снова, остается недоступным, а впоследствии нередко и гибнет.

Речь идет не о марках, не о спичечных этикетках, которые выпускаются огромными тиражами и имеются во многих коллекциях. Особо серьезные опасения внушают, конечно, судьбы исторических документов, художественных полотен, автографов, редких книг, словом, ценностей уникальных, единственных, по характеру своему представляющих достояние национальное.

И правильное решение тут, на мой взгляд, может быть только одно: в конечном счете — передача собранных ценностей в руки общества. Эту мысль, между прочим, великолепно сформулировал пасечник Фролов со станции Заводоуковская Тюменской железной дороги, который пишет по этому поводу:

«Собирающий уже решимость собирать подписывает завещание в пользу Отечества». «Ценности духовной культуры в коллекции советского собирателя,— продолжает он в том же письме,— имеют два подданства: личной собственности и национального достояния».

У пасечника Фролова много единомышленников. Один из них — П. И. Князев из деревни Потанино Новоладожского района (Ленинградская область). «Благородная честь советского человека,— заявляет товарищ Князев,— собрать сокровища в любом жанре искусства, сохранить и определить в государственное хранилище, чтобы пользовались ими потомки».

Так и поступают многие советские собиратели начиная с Алексея Максимовича Горького. Далеко не все знают, что Горький был страстным коллекционером и что немного было в России таких знатоков фарфора, гравюры, редкой монеты, старинной миниатюры, вазы, картины, книги. Изучить вещь, знать ее — вот что интересовало его. А сами по себе коллекции были ему не нужны. И, собрав редчайшие вещи, Горький дарил их, отдавал на общую пользу — в художественную галерею города Горького, в Эрмитаж, в Русский музей, в Пушкинский дом Академии наук СССР.

Поныне здравствующий известный наш пианист профессор Александр Борисович Гольденвейзер целую жизнь собирал ноты, книги о музыке, автографы музыкантов, со множеством из которых он был в деятельной переписке, хранил программы решительно

всех концертов, которые посетил. А не так давно передал всю коллекцию советскому государству в дар. Теперь в его бывшей квартире — музей, филиал Государственного музея музыкальной культуры.

Вот в таком бескорыстном, широком движении души проявляется настоящий коллекционер. Невольно вспоминаются тут имена П. М. Третьякова, А. А. Бахрушина, художника А. П. Боголюбова — основателей Третьяковской галереи и Бахрушинского музея в Москве. Радищевского музея в Саратове...

Другой современник наш — о нем много писали — инженер Б. В. Бородин, работающий в Донбассе. Собирал на трудовые сбережения произведения живописи. А несколько лет назад подарил свое собрание — двести семнадцать полотен — родному городу Горловке. И тем самым заложил основу городской галереи.

Ленинградский преподаватель С. М. Вяземский, собравший, скопивший в своих папках свыше миллиона газетных вырезок на самые разные темы, решил передать их в музей города. И пряники, о которых мы уже говорили, тоже пойдут в государственное хранилище. А вот шахматный собиратель — В. А. Домбровский — предлагал Комитету физкультуры и спорта создать специальный музей и передать туда свое удивительное собрание. Предложение это в свое время, как говорится, поддержки не встретило.

На это жалуются и другие. Коллекция Н. А. Никифорова в Тамбове, известная даже за пределами нашей страны, насчитывает около двенадцати тысяч предметов — автографы государственных деятелей, писателей, художников, артистов, рисунки, книги, картины. И все это набито в маленькой комнатке. От такого хранения портятся не только бумаги и ткани, но даже бронза и слоновая кость. Никифоров — немолодой человек — неоднократно заявлял о своем желании завещать коллекцию родному Тамбову. Городские и областные организации обещали помочь ему с помещением, где можно было бы сохранить его экспонаты, но годы идут, а дело не движется...

Между тем совершенно ясно, что со своей стороны мы — общественность — должны проявлять всемерную заботу по отношению к тем собирателям, которые заявили о своем желании передать свои сокровища государству. Это было бы справедливо. Вот уже скоро исполнится двадцать лет, как Николай Спиридонович Тагрин завещал государству свое уникальное собрание открыток, в которое, кстати сказать, вложены без остатка трудовые сбережения всей его жизни. Огромная ценность безвозмездно перейдет в собственность общества. И, конечно, собиратель вправе рассчитывать на то, что ему помогут еще более умножить на его средства сокровища, уже взятые под государственную охрану.

Надо поощрять передачу коллекций, надо информировать об этом общественность через газеты, радио, телевидение. «Сколько людей, — пишет в редакцию «Нового мира» А. М. Смирнов, — жертвовали всем во время войны, не считаясь ни с чем. И пример вызвал подражание!»

Это, разумеется, верно. Но все-таки надобно помнить, что в интересах государства сосредоточить в архивах, музеях, библиотеках как можно большее количество ценностей. И тут на одни подарки рассчитывать нельзя. Советский собиратель, вложивший в коллекцию все свои сбережения, имеет право ее и продать. Это право сохраняет за ним советский закон. А брать или не брать деньги — это дело его и его материальных возможностей. Несомненно только одно: с каждым годом число поступлений, передаваемых в государственные хранилища в дар, безвозмездно, — будет расти. Поручкой тому — неуклонное изменение сознания людей, строящих коммунизм.

Но это все речь идет о коллекционерах подлинных, чей труд умножает духовные ценности и тем самым приобретает общественное значение.

Есть другая категория — люди, которые покупают картины, фарфор, редкие книги, не ставя перед собой никакой определенной цели — собрать что-то одно, скажем, посуду определенной эпохи или определенной фабричной марки. Они покупают все что придется — без системы, а случается, и без точного представления о предмете: так, раздобыв одного Коровина, они откажутся от второго, может быть лучшего, на том основании, что второй не нравится им по сюжету. Собирают они, чтобы удовлетворить свои

эстетические потребности. На здоровье! Есть среди них и такие, для которых коллекция — разновидность сберегательной кассы. Купив в комиссионном магазине вазу или картину, они несут ее к себе в дом. Это их дело: на то и существуют комиссионные магазины! Но подлинными коллекционерами таких собирателей не назовешь, хотя сами они таковыми себя считают. Правда, некоторые начинают со временем разбираться в своих приобретениях, определяют направление своих интересов и становятся коллекционерами подлинными.

Есть, наконец, третья категория — это те, кому чужда этика советского собирателя — человека бескорыстного, преданного своему делу. Под видом составления коллекций эти лица занимаются систематической перепродажей вещей. И вот по ним-то судят о коллекционерах вообще. И даже делают на этом основании выводы.

Однако, если кто-то наживается на чулках или театральных билетах, то это не склоняет нас к мысли, что следует прекратить выпуск нейлоновой продукции или перестать посещать театры. Точно так же следует подходить и к вопросу о собирательстве.

4

Путь здесь, мне кажется, может быть только один — всемерное поощрение работы обществ советских коллекционеров. Создание их широко разветвленной сети. Покуда эти общества объединяют только собирателей марок, этикеток, открыток, медалей и денежных бонн. По рекомендации Министерства культуры такие общества возникли в Российской Федерации в шестидесяти четырех городах. Надо расширить работу! Охватить все виды культурного собирательства! Оказывать коллекционерам необходимую помощь. Проводить консультации. А со временем создать и печатный орган, чтобы хранящееся в личных коллекциях появлялось на свет. Надо связать коллекционеров с широкой общественностью. Помочь им обнародовать их накопления.

За примером ходить недалеко. Вот уже около тринадцати лет при ленинградском Доме ученых каждый вторник происходят собрания. За это время ленинградские коллекционеры заседали около тысячи раз, читали сообщения и доклады, провели десятки концертов в грамзаписи, организовывали выставки. Все это привлекало и привлекает множество посетителей.

Систематически, уже многие годы, Центральный дом работников искусств в Москве организует великолепные выставки, на которых экспонируются картины из частных собраний. Эти выставки посещают тысячи. Такое широкое ознакомление с коллекциями надо было бы только приветствовать. Между тем не так давно «Вечерняя Москва» поместила письмо, авторы которого возмущались, что на выставке картин Б. М. Кустодиева многие полотна были снабжены этикетками: «из собрания такого-то». «Как можно мириться с тем, — восклицала газета, — что картины скрываются от народа!»

Пример не вполне удачный. Ибо в данном случае авторы письма противоречат себе: раз картины представлены на государственной выставке — значит их не скрывают.

Полезно будет напомнить и то, что было время, когда музеи неохотно приобретали Кустодиева. И естественно, что полотна его в большом количестве сосредоточились в личных собраниях.

Чем чаще полотна великих художников из коллекций советских граждан будут появляться на общественных выставках, тем реже вопрос о «личной собственности» будет возникать с такой остротой, с какой он возникает сегодня.

Народная артистка Ирма Петровна Яунзем считает, что уникальным произведениям не может быть места в частной квартире. Глубокоуважаемая Ирма Петровна! Любое произведение истинного художника (если только это не копия) — уникально! И границу провести тут довольно трудно. Уникальны не только картины Брюллова или Крамского, но и полотна выдающихся современных художников. Однако это не значит, что советские граждане не должны вешать в своей квартире картин. Да художник и творит не для одних только музеев. Он волен продать или подарить свое полотно кому хочет.

Не в том дело, чтобы в квартире не было места произведениям искусства: важно, чтобы человеку, владеющему сокровищем, хотелось бы поделиться своим приобретением: чтобы он разрешил напечатать с него репродукцию, предоставил для выставки, позаботился бы о его дальнейшей судьбе и тем самым позаботился о потомках...

Несколько лет назад мне довелось побывать на слете юных туристов на уральском озере Тургояк. Вспоминаю, как отряды, пришедшие из Сталинграда, Свердловска, Казани, Уфы, Кузбасса, Сибири, Осетии, с увлечением готовили выставки — раскладывали в лесу на самодельных стендах гербарии, коллекции насекомых, коллекции минералов и фотографий. Оказалось, что можно быть охваченным и коллективной собирательской страстью. Трудно предугадать, конечно! Но мне думается, что коллекции сегодняшних юных туристов — это прообраз тех форм коллективного собирательства, из которого будут рождаться по всей стране тысячи новых музеев, книгохранилищ и фонотек!

5

Рассказ «Личная собственность» вызвал отклики, расширяющие пределы темы. Вот письмо читателя «Нового мира» П. Веденеева. Считая, что в выступлении журнала «затрагивается принципиально, можно сказать, государственно важная идея, и притом актуальная», он приводит примеры покушений на архитектурные памятники. В Чернигове — одном из древнейших городов Руси, родине «Слова о полку Игореве», где были написаны Завещание Мономаха, Изборник Святослава, — несколько лет назад произошел анекдотический случай. Председатель Черниговского горисполкома, рассказывает Веденеев, вкуче с городским архитектором «возбудили ходатайство о сносе трех уникальных памятников зодчества — Борисоглебского собора XII века, Пятницкой церкви XII века и Екатерининской церкви XVII века. Есть у нас еще Иваны, не помнящие родства, — возмущается автор письма, — не понимающие, что памятники культуры — это наследство всего народа».

По счастью, это покушение на древние памятники поддержано не было. Напротив, нынешние руководители Черниговской области позаботились о капитальной реставрации всех трех соборов. Но это не умаляет важности вопроса, поставленного читателем П. Веденеевым. Дикой кажется даже самая мысль об уничтожении культурных ценностей!

Идет обсуждение, что такое в большом понимании «личная собственность». Как собирать? Как хранить реликвии нашей культуры? И, может быть, самый удивительный документ, в котором, я бы сказал, символически отразилась вся суть нашего отношения к культуре, — отклик, пришедший из города Острова.

«В первые дни войны, — пишет автор этого письма Е. Николаева, — я подобрала в разрушенном доме большую книгу — полный том Пушкина с комментариями, издания 1929 года. Конечно, неразумно было тащить его с собой в такое страшное время на территории, занятой врагом, с двумя малыми детьми, но я почему-то не могла поступить иначе. Я пять недель пробиралась из-за Львова к своим в Киевскую область, и он был со мной. И сейчас он — мой старый друг, стоит на полке среди иных книг».

Прекрасные, благородные строки! Только так и может относиться настоящий человек ко всему, что олицетворяет культуру!

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Б. РУНИН

★

СПОР НЕОБХОДИМО ПРОДОЛЖИТЬ

1. ЧЕЛОВЕК ВЫРАЖАЕТ СЕБЯ

*Нами
лирика
в штйки
неоднократно атакована...*

Маяковский.

Кто это? Я. Все люди я. — записал когда-то себе в тетрадь Ленин. — «Этот»? Всякий есть «этот».

В сущности, это мудрое в своей простоте замечание может стать ключом для понимания познавательной и личной природы творчества. Да, все люди — «я», и, быть может, никогда еще это «я» не звучало в искусстве так полноценно, как в советской лирике.

Есть нечто знаменательное и исторически закономерное в том, что самый политический, самый агитационный поэт двадцатого века, каким все признают Маяковского, был самым личным поэтом. Характерно, что почти все его «крылатые выражения», прочно вошедшие в наш речевой обиход, начинаются одинаково: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо», «Я волком бы выгрыз бюрократизм», «Я земной шар чуть не весь обошел...», «Я знаю — город будет...», «Я себя советским чувствую заводом, вырабатывающим счастье», наконец — наиболее важное для нашего разговора — «Я сам рассказу о времени и о себе».

И есть нечто удивительное и непонятное в том, что это самое лирическое «я», прямо и непосредственно выражающее себя в стихах, время от времени подвергается обстрелу со стороны некоторых представителей поэтической критики.

То это нападки на Маяковского из лагеря

пролеткультистовцев, обвинявших поэта в «ячестве» и нескромности.

То это внешне благонамеренные разговоры о лирическом мелкотемье и попытке ограничить круг переживаний поэта, а тем самым его «я», за счет интимных движений души, связанных с любовными переживаниями.

То это стремление лишить лирику драматизма, изгнать из ее обихода чувства, порожденные трагическими противоречиями жизни, — скорбь утраты, печаль разлуки.

То, наконец, это уже совсем недавние призывы «Долой самовыражение!», то есть намерение вообще лишить поэта права на выражение своей личности. Тут берутся под сомнение уже не частные проявления лирического творчества, а его основы.

Так порой высказывания критики последних лет снова возвращают нас к тем давно ушедшим временам, когда прозвучала раздраженная реплика Маяковского:

*Пролеткультцы не говорят
ни про «я»,
ни про личность.
«Я»
для пролеткультца
всё равно что неприличность.*

Кстати, о термине «самовыражение». Помню, как на Втором съезде писателей А. Фадеев, коснувшись разгоревшегося не-

Из книги «Личность и творчество». Редакция журнала «Новый мир» приглашает писателей, критиков, читателей принять участие в обсуждении вопросов, поднятых в статье Б. Рунина.

задолго до того в нашей печати спора, в котором Ольга Берггольц так страстно и убедительно отстаивала права лирики, высказался в том смысле, что самовыражение, конечно, правомерно, но что самый термин не кажется ему удачным. На том спор тогда и угас. И, как это часто бывает, полная ясность внесена не была, а предубеждение осталось. И вот уже слово «самовыражение» грозит превратиться в некое клеймо, которое шпые критики поспешно ставят на стихи, почему-либо негодные им.

Недавно критик Виктор Панков, разбирая стихи Маргариты Алигер «Разговор в дороге», произвольно приписал этим стихам то, чего они не содержат, и противопоставил им как раз то, что в них отчетливо выражено. И все потому, что усмотрел в них злощастное самовыражение.

В своем стихотворении Маргарита Алигер говорит о роли мировоззрения и жизненного опыта художника, о том, насколько существенно для него постоянное ощущение неразрывной внутренней связи с тем, что происходит вокруг. Она отвергает самое деление на «свое» и «чужое» в лирике. Полную душевную поглощенность жизнью, органическую причастность ко всем ее проявлениям ничем не восполнишь, говорит она. Никакое стороннее, преднамеренное изучение действительности, предпринятое со специальной целью, как заданный урок, не заменит поэту безраздельной слитности его дум и чувств, его поведения с тем, что составляет содержание жизни современников.

Изучать положено от века
ремесло, науки, языки.
Но живые чувства человека
жар любви и холодок тоски,
негасимый свет, огонь горячий,
тот, который злу не потушить...
Это называется иначе.
Понимать все это — значит жить.
Сколько ни пытаюсь, не умею
изучать, как алгебру, людей,
боль чужую делаю своею,
что-то радость делаю своей.
Сколько ни стараюсь, не умею,
жизнь моя, делишь тебя межой:
моя, досюда ты была моею,
а отсюда делалась чужой.

Кажется, сказано ясно и недвусмысленно. Тем не менее стихи Маргариты Алигер послужили поводом для рассуждений Виктора Панкова о том, насколько ошибочна позиция поэта, который «озерцает лишь жизнь своего сердца, одной своей души».

Нету мне ни праздника, ни славы,
люди, отгороженных от вас.
Жизнь моя — судьба моей державы
каждый суиций день ее и час.
Бурь ее железные порывы,
лучезарных полдней синева,
все — мое,

и всем, чем люди живы,
я жива. покуда я жива!

Виктор Панков словно проскочил мимо этих строчек. Он даже позволил себе упрекнуть Маргариту Алигер в том, что она хочет «отгородиться «на своем паде» от большой жизни народа». «Надо ли писателю отделять любовь к жизни от изучения жизни?» — риторически вопрошает он. И тут же сам резко противопоставляет одно другому, проводит непроходимую границу между личным и общественным. «Наивно думать, — говорит он, — что только в личном существовании одного поэта могут быть заключены все источники его творчества», словно не замечая, что Маргарита Алигер как раз и не признает для себя этого изолированного, личного существования.

Если бы перед нами был случай всего лишь критической близорукости — куда ни шло. Но перед нами явление более серьезное — фетишизм понятий, лишаящий, как видно, способности судить об искусстве последовательно и непредвзято. Маргарита Алигер против изучения жизни — вот и все, что вынес Виктор Панков из этого стихотворения, прочитав его букву и не восприняв его идейного смысла.

В том-то и дело, что М. Алигер отстаивает здесь более глубокие и более прочные формы связи с действительностью, чем эпизодические выезды «на натуру». Не гастрольное знакомство с «периферией», а повседневное кровное родство с людьми, общность чувств, единство судьбы, ощущение себя частицей общенародной жизни — отсюда начинается творчество. Поможет ли поэту плацкарта трансибирского экспресса, если он отправляется в путь, побуждаемый лишь профессиональной необходимостью, а не душевной потребностью? Нет, кому нечего сказать о жизни, тот будет глядеть на нее со стороны и мало что в ней узрит. Но тот, кто ощущает себя участником современности, тот уловит ее содержание во всем и повсюду.

Нужно ли поэту ездить и видеть? Конечно, нужно и как можно больше, кто же станет против этого возражать. Но для того, чтобы его наблюдения претворились в

искусство, надо увиденное душевно испытать, внутренне пережить. А уж тут одним «изучением» не обойдешься. Для лирического поэта не должно быть деления жизни на свою и постороннюю, но высказать в стихах он может лишь свое собственное, личное переживание.

Вот почему я не вижу ничего плохого в этом термине «самовыражение». На мой взгляд, он достаточно точно передает суть лирического творчества, хотя тут можно, наверно, найти и подходящие синонимы, если в них встретится нужда. Например, «самораскрытие» или «самовыявление». Однако дело не в терминах, а в существе вопроса, решение которого очень важно для определения путей развития лирики социалистического реализма.

К сожалению, некоторые критики по сей день твердо убеждены, будто самовыражение всегда и непременно противоречит вмешательству поэта в жизнь, что оно — в лучшем случае вдохновенная отрешенность, а вообще — опасное искушение, уводящее поэта от истины.

Много места, к примеру, уделяет проблеме самовыражения поэта Борис Соловьев в своей книге «Поэзия и жизнь». Но рассуждает он об этом столь противоречиво, что определить четко его позицию весьма трудно. С одной стороны, он признает, что «художник-реалист, даже и тогда, когда изображает отношения и чувства сугубо личные, частные, вместе с тем раскрывает и жизненно важные стороны действительности, отвечает на назревшие потребности и запросы общества». С другой стороны, он осуждает такую точку зрения на лирику, согласно которой «сам поэт является главным персонажем своих произведений, единственным героем своего романа» и «стоящие перед ним задачи сводятся к изображению его собственной личности, его личного отношения к окружающей действительности...»

Что же получается? В первом случае Борис Соловьев признает, что объективное может быть выражено через субъективное, во втором он категорически противопоставляет одно другому. А в результате мы добавок узнаем, что, по мнению Бориса Соловьева, вообще «теория «самовыражения» всегда и неизменно утверждает примат личного и субъективного над общим и объективным...». Путаница весьма характерная.

Самораскрытие поэта, обычно говорят нам, это одно, а отображение окружающе-

го мира — совсем другое. Мол, это занятия прямо противоположные, взаимно исключающие друг друга. Вопрос ставится так: либо — либо. Либо изучение и отображение действительности, общественной жизни — тогда, мол, это правильная, материалистическая точка зрения. Либо самопознание и отображение самого себя, своих представлений, личных переживаний — тогда это порочная, идеалистическая позиция.

А не порочно ли само противопоставление этих двух начал, не противоречит ли оно материалистической диалектике? Видимо, тут что-то неладно, это чувствуют и сами противники самовыражения. И тогда следуют оговорки: конечно, на каждом произведении лежит печать творящей личности, конечно, в творчестве происходит «суммирование» жизненного материала и идей автора, действительности и таланта. Но самовыражение здесь ни при чем.

Ну, а в чем заключается это «суммирование» объективного и субъективного, как оно происходит? На этот вопрос ответа обычно не дается. Стоит ли вдаваться в подробности, если всего важнее подчеркнуть, что самовыражение — занятие для лирического поэта вредное, опасное, тем более что и сама-то лирика по сравнению с эпосом — второстепенный род искусства.

Категоричность подобных рассуждений завершилась в одной статье на эту тему не менее категоричным выводом: «Сейчас проблемка «самовыражения», немало повредившая нашей литературной жизни... — на погосте, по причине чуждости ее нашей литературе и практической никчемности».

Итак, идеализм, субъективизм, чуждая нам, никчемная и потому оказавшаяся на погосте «проблемка».

Приведу еще высказывание одного из самых решительных и убежденных противников самовыражения — поэта Николая Грибачева, сделанное им уже значительно позже разгоревшегося в нашей печати, а потом заглохшего спора о лирике.

«Есть поэты, которые всю жизнь пишут стихи, как собственную биографию, стараясь объяснить миру самих себя, — читаем мы в одной статье Н. Грибачева. — У них бывают порою значительные успехи, — добавляет он и объясняет: — когда личное совпадает с общественным и общечеловеческим...»

Н. Грибачев прав в этом утверждении, и с ним нельзя не согласиться, хотя

слово «порою» придает всему утверждению характер вынужденного, неохотного признания, да и снисходительная интонация фразы не обещает впереди ничего утешительного для лирики.

Так оно, впрочем, и есть. Далее говорится буквально следующее: «...Но так как случается это (совпадение личного с общественным и общечеловеческим.— *Б. Р.*) не часто, искусство от поэзии такого рода в конечном счете не бывает в большом выигрыше». Короче говоря, дело обстоит бы очень скверно, но, продолжает Н. Грибачев, «есть поэты, которые понимают поэзию как средство живописать словом весь окружающий их большой мир, многообразно показать и объяснить жизнь. Для литературы такой путь предпочтительнее, для поэта — труднее; от него требуется больше знаний и специфического умения проникать в судьбы и психологию других людей».

Прежде всего тут надо заметить, что и раньше совпадение личного с общественным «случалось» гораздо чаще, чем представляется Н. Грибачев. Тому порукой вся мировая лирика, которую мы по праву унаследовали от прошлого. Ведь все замечательные творения, созданные лирическими поэтами на протяжении нескольких тысячелетий, потому и дошли до нас, сохранив свое обаяние, потому и входят поныне в наш арсенал культуры, что личное в них совпадало с общественным и продолжает совпадать с общечеловеческим по сей день. Именно потому они и сохраняют для нас эстетическое и познавательное значение и представляют собой нетленные ценности. Да и вообще, вне этого «совпадения» еще не было, да и никогда не будет создано ни одно сколько-нибудь стоящее произведение искусства.

Но это о прошлом. Что же касается настоящего, то ведь мы живем в обществе, для которого как раз наиболее характерно совпадение личного с общественным, по крайней мере оно характерно для подавляющего большинства граждан нашей страны. Как же можно от такого факта отмахнуться?

Кроме того, как читатель, наверно, уже заметил, в приведенном высказывании содержится совершенно неправомерное, хотя и слегка завуалированное противопоставление эпоса лирике, точнее говоря, возвеличение эпоса и дискредитация лирики, с чем тоже нельзя согласиться.

Ведь если воспользоваться логикой этих рассуждений, то следует признать, что, к примеру, «Поэма о Зб» Есенина для нас предпочтительнее, чем его интимная лирика. В самом деле, в первом случае перед нами «живописание словом окружающего мира», судьбы других людей, а во втором — всего лишь «объяснение миру самого себя». А, как нас пытаются убедить, от поэтических опытов такого рода искусство «не бывает в большом выигрыше».

У древних греков была муза эпической поэзии. Ее звали Каллиопа. И была муза лирической поэзии, которую звали Эвтерпа. Насколько мы знаем, эти две музы всегда жили в мире и согласии. И вот теперь их пытаются поссорить. Вернее, хотя бы назвать Каллиопу начальницей над Эвтерпой. Вряд ли из этого что-нибудь получится. Жизнь показывает, что сама Каллиопа противится присвоению ей таких прерогатив. Она куда покладистее своих не в меру рьяных покровителей и хочет остаться равной Эвтерпе в своей проницательности и в своих правах. Ведь будучи равными, они всегда так хорошо дополняли друг друга...

Нет, противопоставлять эпос лирике, повествовательную поэзию поэзии лирической в смысле их общественного значения, независимо от качества и содержания, вне конкретного анализа, а в принципе — занятие мало плодотворное. Быть может, действительно интересно было бы выяснить, почему поэзия двадцатого века все больше и больше тяготеет к лирике, а в больших формах — к лиро-эпосу (Блок, Маяковский, Багрицкий, Твардовский), почему повествовательная поэма как таковая встречается все реже и реже. Но это проблема другая, требующая специального рассмотрения.

Даже в таком солидном и авторитетном издании, как недавно выпущенный Институтом философии и Институтом истории искусств Академии наук том «Основы марксистско-ленинской эстетики», отдана дань тому же предрассудку. И здесь потребность самовыражения решительно противопоставляется стремлению художника к объективной истине. Вот хотя бы такое утверждение: «Искусство начинается там, где мастер хлопочет не о самовыражении, а о выражении правды и красоты жизни. И тогда-то он только по-настоящему и выражает себя».

По-моему, это все равно, что сказать: «Человек ест не для того, чтобы насытиться, а

для того, чтобы поддержать свою жизнедеятельность». Конечно, такая глубокомысленная сентенция не противоречит истине. Но все же, если у человека нет пищи, то он меньше всего думает о своей жизнедеятельности, он просто хочет есть и испытывает удовлетворение, когда получает эту возможность.

Нет никакого сомнения, что художник для того и творит, для того и воссоздает в образах жизнь, чтобы постигнуть ее правду и красоту. Но вот вопрос — может ли он это сделать помимо самовыявления? Ведь оно не самоцель, а необходимое и неизбежное условие познания. Ведь для того, чтобы познать какой-нибудь объект, человек, то есть субъект познания, прежде всего должен проявить себя, проявить свою волю, свою энергию, выявить как можно полнее свои представления об этом объекте. Иначе он никак не сможет воссоздать его. Вот почему Ленин и говорит, что процесс познания, его шаги, ступени «направляются от субъекта к объекту». Самораскрытие и есть эта устремленность накопленных представлений вовне, эта познавательная направленность всего существа человека, всех его нравственных и интеллектуальных сил.

Тут надо понять простую вещь: выражая свое личное отношение к действительности, поэт тем самым познает эту действительность. Он для того и воссоздает в поэтических образах свои субъективные переживания, чтобы постигнуть таким путем объективную истину. Всегда ли ему это удается? Конечно, нет! Все зависит от того, кто раскрыл нам свою душу, какова эта личность, каково явившееся нам мироощущение.

Если же мы будем исходить из жесткого, категорического противопоставления лирики эпосу, субъективного объективному, личного общественному, мы никогда не проникнем в природу художественного творчества. Ведь живописать словом окружающий мир, изображать судьбы и психологию людей, не выявив при этом своего «я», своей индивидуальной сущности, еще никому не удавалось. Такова объективная, от нас не зависящая природа искусства. Ведь и в эпосе выбор и оценка явлений неизбежны, а значит, поэт неизбежно раскрывает и самого себя. И в эпосе все определяет его мироозернение.

Партия говорит нам, что какую бы тему ни взял художник, какие бы явления жизни ни легли в основу его произведения, оно

всегда будет отвечать нашим интересам и целям, если только автор действительно носит в своем сердце коммунистические идеалы и благо народа ему дороже всего на свете. Вот откуда следует начинать разговор о самовыражении. Нет, оно вовсе не порочно по своей природе. Оно — единственная форма проявления партийности в лирике, и «отменить» его — значит обречь поэзию крылья, лишить ее убеждений.

Очень странно, что приходится доказывать это людям, которые сами на протяжении многих лет активно выражают себя, свое сознание, свою субъективность в равной мере и в лирике и в эпосе, и в стихах и в прозе, и в критике и в публицистике, посвоему отражая действительность. Одно без другого невозможно, ибо единство познания и самопознания, созидания и самовыражения есть условие всякой целенаправленной практической и духовной деятельности, в том числе и трудовой, производственной деятельности человека, ну и, конечно, искусства, независимо от его рода и вида.

Постигнуть эту простую истину не так трудно, и я еще коснусь этой темы ниже, но хочется уже сейчас подчеркнуть, что самовыражение художника не есть досадный атрибут лирики в противоположность эпосу, а необходимая предпосылка всякого творчества. Вне такого самообнаружения — в той или иной форме — творческий акт просто не может состояться.

Вряд ли можно найти более глубокую постановку вопроса о логике, психологии и содержании творческого процесса, чем та, которую мы находим в ленинских «Философских тетрадах». Там, где говорится, что «мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его». Там, где говорится, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». Там, где говорится, что человеку свойственно стремление реализовать себя, «дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя».

Вот, следовательно, как обстоит дело. Для того чтобы познать объективное, необходима активность субъективного. А нас пытаются убедить, что оно лишь побочный продукт творчества, придаток к нему.

Самое печальное, что призывы изгнать из поэзии самовыражениевольно или невольно умаляют роль творческой личности, урезают ее в правах, лишают художника ак-

тивности и превращает его занятие в не зависящее от индивидуальных «прихотей», но уж зато надежно объективное отображение.

Я думаю, что некоторые недостатки нашей литературы, и в частности поэзии, критики и публицистики, а также нашего искусства, в частности живописи, где так ошутим крен в сторону натурализма, связаны именно с приглушением личного, субъективного начала, с недостаточной активностью творческого «я» художника. Но стоит о нем заговорить, как нас сразу начинают пугать опасными причудами индивидуализма, идеалистическими прихотями, субъективистским произволом, самоизоляции, «герметизмом», отрывом от жизни и прочими ужасами.

Да, все это — распространенные болезни искусства, в особенности лирики. Подобные крайности встречаются даже и в советской поэзии, но они отнюдь не обязательное следствие самовыражения, не закон, а отклонения от общей нормы.

Как выразить поэту свою душу и свою думу, свой восторг и свою боль, свое сча-

стье и свое горе, свою любовь и свою ненависть, если самовыражение ему противопоказано? Вот отсюда и пошли сразу исчезающие в Лете сборники бесстрастных, бестрепетных стихов. В них названы все чувства, перечислены все волнения, упомянуты все помыслы, но себя человек в эти строки не допустил, оставшись автором, но не став творцом.

Бегство от себя в лирике — это вывернутое наизнанку бегство от действительности, какими бы соображениями оно ни прикрывалось. А кроме того, оно тщетно, ибо то, как поэт устраняет себя из стиха, тоже есть раскрытие его сущности, тоже есть самораскрытие.

Противники самовыражения хотят свести проблему творчества к теме, к объекту, исключив из него личность или в лучшем случае сведя ее значение к роли исполнителя. А ведь разговор о творчестве как о познании жизни как раз и должен начинаться с личности художника, которая в процессе творчества, выражая себя, свои представления, вступает в единство с темой, сливается с объектом.

2. ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА

Я — поэт. Этим и интересен.
Маяковский.

*Надо,
чтоб поэт
и в жизни был мастак.*
Маяковский.

Предмет искусства — человек. Это мы все знаем со школьной скамьи. Но вот мы рассматриваем пейзаж, допустим, Сарьяна. Чем он нас привлек? Той маленькой человеческой фигуркой, вон тем едва намеченным силуэтом на фоне огромных гор? Нет, духовным обликом автора, который так видит эти горы и обогащает наше представление о мире соотношением объемов и красок, света и тени, воздуха и земли, той гранью действительности, которую дано подсмотреть только ему.

Да, искусство всегда рассказывает о человеке. Искусство выражает его даже тогда, когда прямо не изображает. Пейзажи того же Сарьяна не становятся менее «человечными» оттого, что на многих из них не найдешь даже и силуэтов людей. Зато они содержат в себе человеческий характер

художника, богатейший строй его чувств, неповторимые особенности постижения им родной природы. Очевидно, рассказать что-либо о себе и значит неминуемо рассказать о себе.

Что бы ни изображалось в лирическом стихотворении — пейзаж, вещи, животные, космос, о чем бы в нем ни говорилось — об уличном происшествии или о событии всемирно-исторической важности, но содержанием его с непреложностью является человек в его отношениях к действительности. Лирика вся — выяснение отношений, и через их «субъективность» входит в поэзию объективная картина жизни.

Поэзия рождается из соприкосновения человека и мира. Из взаимодействия сложившихся представлений поэта и фактов окружающей действительности. Из того про-

живоречия между внешней и внутренней жизнью, которое каждый раз обретает единство, разрешаясь в акте художественного самовыявления. Ведь для того, чтобы осознать содержание своих чувств, своих переживаний, их надо объективировать, им надо придать конкретность, их надо выразить. Так складывается облик лирического героя.

Что такое лирический герой? Многие считают это понятие загадочным. Обычно говорится, что лирический герой есть не что иное, как автор. С таким утверждением трудно спорить, и все же с ним нельзя согласиться. Правильнее всего будет сказать, что здесь обязательно единство, но тождества нет и не может быть.

Существует старая истина, которая гласит, что искусство не требует признания своих произведений за действительность. Как и всякое художественное познание, лирика дает нам образное претворение действительности. Раскрывая свой душевный мир в процессе творческого познания, поэт создает образ современника. Лирическое стихотворение — не рентгеновский снимок души автора, а произведение искусства, то есть обобщение авторских чувств и переживаний. Авторское «я» выступает здесь в своем художественном инобытии как образ самого поэта, как литературный характер, как определенный тип отношения человека к действительности.

Лирика создает художественное обобщение самого познающего человека. Образ поэта потому и называется лирическим героем, что он, как и всякий художественный образ, как и всякий литературный герой, тяготеет к типическому воплощению. В этом смысле правомерно говорить о лирической «самотипизации», которая является другой стороной лирического самораскрытия.

В образе своего героя поэт возвышается над собой, над своим опытом. Именно так он осуществляет себя как личность. В глубокой древности слово «личность» (persona), по свидетельству ученых, означало сперва маску, которую надевал актер, а затем стало означать его самого и его роль. Да простят мне поэты такую метафору, лирик — это актер, играющий самого себя.

Личность автора... Чем полнее и охотнее вложит поэт себя в стихи, тем достовернее будет его герой. Так проявляется реализм в лирической поэзии.

«Самовыявление поэта в виде поэтическо-

го образа и есть то самое, что придает нам такую неодолимую притягательную силу», — писал крупнейший поэт современной Германии Иоганнес Бехер в статье «Лирический поэт как поэтический образ».

Почему мы хотим, чтобы поэт вложил в стихи всего себя? Почему мы все сходимся на том, что поэт должен иметь свое лицо, свой облик, свою интонацию? Только ли потому, что мы хотим отличать его среди других? А почему это так важно? Почему своеобразие, оригинальность, самостоятельность, самобытность мы все столь высоко ценим? Да именно потому, что «свое лицо» означает умение поэта выразить свое отражение мира, свою неповторимую сущность, а следовательно, характер своего героя.

Самораскрытие — единственный способ типизации в лирике. Только таким путем может войти в стих то индивидуальное, без чего невозможен характер, то единичное, особенное, вне чего не может в искусстве воплотиться общее, типическое. Это — условие художественности лирической поэзии.

Лирическое, индивидуальное не только в поэзии, но и во всех сферах советской действительности становится по духу своему все более и более общественным и тем самым получает все больший простор для выявления. Все более разными и становится люди. Поэт стучится в наши сердца, и мы спрашиваем: «Кто это?» «Я», — отвечает поэт. «Все люди — я, — говорим мы. — Поведай нам о себе, расскажи нам, чем ты — «этот».

Лирик — тот, кто способен через правду своей личности выразить правду времени. Собственно, к этому и сводится поэтический талант. «Быть в поэзии по-настоящему оригинальным и самобытным, не похожим на других, — это прежде всего значит оставаться самим собой, — говорит М. Исаковский. — Это значит проявить в поэзии те человеческие качества, те духовные силы, которые в тебе заложены».

Поэтический талант для Исаковского «неразрывно связан со всем внутренним обликом поэта» и «является лишь средством особого (поэтического) проявления личности человека, его характерных черт, его мыслей и чувств».

Высказанная М. Исаковским мысль, на мой взгляд, касается искусства вообще, а

лирики в особенности, ибо здесь мы имеем дело с самовыраженным в наиболее наглядной форме непосредственно личного переживания художника.

Поэт стремится отразить окружающее. Спрашивается: а куда же девается при этом эй сам, его сознание, его индивидуальность? Очевидно, сумма представлений об окружающей действительности, связи с окружающим миром, общественный опыт поэта как раз и составляют главное содержание его индивидуальности.

Мы можем с ним спорить, не соглашаться с его оценками, не принимать его отношение к фактам или наоборот — во всем разделять его взгляды, но и в том и в другом случае поэт представляет для нас интерес лишь постольку, поскольку он является субъектом познания.

Лирика тем и замечательна, что она способна передать во всей жизненной конкретности данного характера свойственные ему — и только ему — мгновения полного слияния внешней и внутренней жизни, когда человек может сказать вслед за Тютчевым: «все во мне, и я во всем». И потому мы, критики, анализируя лирику, обязаны прежде всего установить индивидуальное и неповторимое в человеке, проникнуть в «тайну личности» поэта. Она-то все и освещает, о чем бы ни говорилось в стихах. Да и не только в стихах.

Лев Толстой еще в молодости записал в дневнике, что для читателя чуть ли не «главный интерес составляет характер автора, выражающийся в сочинении». И потом он не раз возвращался к таким мыслям.

Что касается поэзии, то тут это особенно очевидно. Лирический поэт живет в виду у всего мира. Но его право на откровенность достигается духовным богатством его личности и интенсивностью выражения его чувств. Они становятся содержательными, когда сквозь них проступают другие судьбы и его время.

В лирике можно говорить обо всем, что стало личным. Напрасно нас пытаются уверить, что сокровенные признания чревата индивидуализмом. Ведь общественная тема в лирике только и может проявиться, став глубоко личной. Иначе — не поэзия, а уведомление. И все же мы еще продолжаем делить лирику на личную и общественную, искусственно разгораживая внутреннюю жизнь человека на изолированные

отсеки. И еще делаем в этом духе рекомендации поэтам.

Даже теперь у нас часто неверно толкуют формулу лирической поэзии, предложенную Маяковским: «Я сам расскажу о времени о себе». Ее у нас приняли, но приняли в разобщении, в обособлении, а не в единстве внутренней и внешней жизни. Здесь, мол, поэт пусть рассказывает о времени, а здесь — о себе. Это, дескать, вещи разные. Но ведь смысл этой фразы, смысл лирического творчества заключается в ином — о чем бы ни рассказывал поэт, он обязательно рассказывает о своей эпохе, но рассказывает с о б о й, духовным содержанием своей личности.

Современный советский человек, проникший в космос и в атом, в законы общественного развития, победитель германского фашизма и участник социалистического преобразования мира, с волнением читает или снова и снова повторяет мысленно: «Я вас любил: любовь еще, быть может...» — строки, написанные о себе человеком, жившим более ста лет назад, ездившим на перекладных и дравшимся на дуэли. Как это объяснить? Очевидно, в субъективности поэта была та объективная правда человечности, которая составляет основу лирической поэзии. Очевидно, в его глубоко личных переживаниях было нечто общезначимое, что сопутствует нам и теперь.

Один из столпов современного индивидуализма, известный американский драматург Теннесси Уильямс, рассматривает творчество, исходя из тезиса об антиобщественной природе человека. Для него это отчаянная и тщетная попытка преодолеть извечное одиночество, на которое мы якобы обречены. «Личный лиризм, — говорит он, — это крик одного заключенного другому, крик, раздающийся из одиночной камеры, в которую каждый из нас заключен на всю жизнь».

Конечно, такой подход к проблеме, подход с позиций заведомой и роковой разобщенности людей, извращает самую суть лирического творчества. Но ведь для нас-то, для марксистов, человек — существо общественное, сформировавшееся в совместном труде, в коллективе.

Собственно говоря, лирика — всегда синтез личного и общественного, человека и времени, и чем значительнее поэт как личность, тем органичнее и крепче этот сплав. Вещество этого сплава, его молекулярное строение будет повсюду однородно, гово-

рится ли в стихах о любви или о революционных событиях. Оно скажется в особенностях мироощущения, интонации, ассоциативных связей, образности, ритмики, логики — словом, в характере предстоящего перед нами человека.

Всякий художественный образ многозначен, всякое поэтическое переживание вбирает в себя самые различные, порой самые неожиданные стороны человеческого опыта. Потому-то истинная лирика всегда шире по мироощущению и богаче по содержанию своего отвлеченного «прозаического» смысла. Тут, собственно, нет ничего нового. Мне лишь хочется подчеркнуть тем самым, что чем полнее и активнее выявился в стихотворении его автор, тем явственнее будет для нас реальная картина общественных отношений, совокупность которых он собой являет как человек. Иначе говоря, тем нагляднее и обширнее будет картина проявившейся через него современности.

Вы читаете широко известное стихотворение Блока, обращенное к женщине, стихотворение о волнующей близости, с первой до последней строчки проникнутое атмосферой любовного уединения, нежнейшей отрешенности.

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

Но только ли упоение, только ли страсть выражена в этих строчках? Не сообщает ли вам уже первый образ — черный ворон на снегу — ощущение беспокойства, неустroенности, неблагополучия? Вы читаете дальше, контрасты все нагнетаются, и вот вы уже чувствуете, что выражено тут куда больше, чем сказано, что именно в размышлении о своей судьбе и об этих мгновениях близости проскальзывает нечто не менее важное, значительное, касающееся жизни других людей.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак...

И сразу раздвигаются границы, меняются масштабы. Внезапно эти мчащиеся по снежной равнине санки с мужчиной и женщиной обретают грозный исторический фон. За ними — страна, погруженная в ночь, за ними — гнетущая тишина безвременья. И

теперь все уже воспринимается совсем по-другому. Та же иступленная чувственность, та же лихорадочная смена впечатлений, но в самом переживании вдруг открывается глубокая социальная перспектива, хотя оно и не утрачивает своей интимности.

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Не надо знать хронологию творчества Блока, чтобы понять, что стихотворение это написано в годы реакции, после революции 1905 года, ибо оно вобрало в себя настроения тех лет. Тут и горечь несбывшихся надежд и ощущение нерастратченных сил, тут и стремление забыть от всех невзгод и потребность вырваться на простор, тут и давящая тяжесть прошлого и жажда, тревожная жажда будущего, нетерпеливое предчувствие грандиозных по размаху событий.

Разве не однородна по образному строю, по мироощущению эта любовная лирика Блока с его стихотворной публицистикой, относящейся примерно к тем же годам? Разве не созвучны приведенные строки известным строкам из «Возмездия», которые уже тогда пророчили «неслыханные перемены, невиданные мятежи»?

Блок имел полное право утверждать, что любая личная страсть подлинного поэта неизбежно насыщена духом эпохи, что время внушает ему не только свои идеи, но даже свой ритм, свои размеры. «Ибо в поэтическом ощущении мира,— говорил он,— нет разрыва между личным и общим; чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он «свое» и «не свое»; поэтому, в эпоху бурь и тревог, нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой».

«Я» в лирике может и не произноситься. Но, пусть даже негласно, мы должны ощущать его присутствие в стихотворении. Одно из главных отличий искусной версификации от подлинного творчества как раз и заключается в отсутствии этого неповторимого «я» как характера общественного человека.

Разумеется, само по себе присутствие в стихах этого местоимения еще ни о чем не говорит. Есть лирика, которая создавалась безлично. И воспринимается она не как вы-

сказывание от первого лица, а как декламация от третьего лица, да еще от третьего лица множественного числа. Личность поэта не выявлена, хотя местоимение «я» налицо в каждой строчке. Есть и такие стихи, которые действительно высказаны от первого лица, но лицо это никому не интересно.

Ведь лирика, как и все в искусстве, драгоценна благодаря своему нравственному началу. Оно проявляется здесь в форме прямого эмоционального высказывания, в форме переживания. И оно тем более впечатляет, чем более оно лично, чем больше в нем человеческой конкретности. Но, придя к такому выводу, тут же необходимо задаться вопросом, в какой мере авторское «я» созвучно опыту современников, их духовным запросам и представлениям, их идеалам и общественной практике.

Вот простое сопоставление. Интимность Блока, его «духовность», его эмоциональность была столь содержательна, столь органична для эпохи, что мы еще долго будем соотносить признания автора приведенного выше отрывка из «Трех посланий» с нашим духовным опытом. А вот экстравагантные «переживания» его современника Игоря Северянина уже совершенно явно не имеют никакого отношения к нашей жизни, хотя в потребности выразить себя ему тоже не откажешь.

Блок дарит нам свою откровенность, и через нее мы начинаем лучше понимать собственную жизнь. Северянин духовно заголяется перед нами, и мы смущены, раздосадованы нескромностью его претензий. Первый мучительно выясняет себя в мире. Второй крикливо заявляет себя миру. Первый жаждет познания. Второй домогается признания. В первом случае перед нами человеческая личность во всем богатстве ее интеллектуальных и эмоциональных проявлений, во втором — праздность ума и ничтожность чувствований мещанина, претендующего на элитарность.

Можно ли привести другие примеры? Да, конечно. Мы помним, что где-то по соседству с Маяковским витийствовал Бальмонт. Что возле истерзанного сомнениями Есенина паясничал и злобствовал Клюев. А скольких мы не помним, потому что народ и время безошибочно и начисто отвергли их? Что же, из-за того, что и ныне может объявиться какой-нибудь Бальмонт, прикажете ограничить в правах всю лирику? Да

полноте, так ли уж он будет опасен в наши дни?

Нет. Очевидно, тут нужно совсем другое. Нужно научиться внимательно и добросовестно анализировать общественную суть раскрывшегося перед нами лирического характера, каждый раз вдумчиво уяснять себе его идейную устремленность, его содержательность.

Самовыражением поэта являются стихи Пушкина и Бенедиктова, Некрасова и Майкова, Демьяна Бедного и Ходасевича, Упмена и Киплинга. Каждый из них утверждал в лирике свое «я», свой характер, свое мировоззрение. В каждом случае это «я» наполнено разным содержанием. Все дело в том, каково это «я».

Итак, лирика не праздный самоанализ одиночки, а общественное «самочувствие» познающего мир человека. Именно поэтому лирика всегда тяготела к философии. Во все времена лирические поэты стремились познать коренные проблемы человеческого бытия.

В этом смысле характерно высказывание видного английского критика С. Холройда, опубликованное не так давно в журнале «Поэтри ревью». Из этого высказывания видно, что даже современная буржуазная лирика, отравленная духом модернизма и оторванная от реальных противоречий эпохи, тоскует по утраченной содержательности и пытается нащупать пути для выхода из тупика. Вот что пишет С. Холройд:

«Оптимизм, вера в прогресс, аккуратные организованные знания наших предшественников — людей девятнадцатого века — подверглись потрясению до самых своих оснований, и теперь, когда человек вглядывается в самого себя или в окружающий его мир, он встречает пустоту. Эти обстоятельства породили в нынешнем столетии изменения в восприятии мира; изменения, оказавшие глубочайшее воздействие на все виды человеческой деятельности». Изменения эти привели к тому, говорит далее С. Холройд, что в современную поэзию вновь вернулся элемент философичности. Отсюда он делает вывод: игнорировать этот философский элемент — значит низвести поэзию «до приятного развлечения или простого ухода от жизненных забот».

С. Холройд прав, это будет уже не поэзия. Но тут же возникает вопрос: о каком философском содержании может мечтать

он на своей почве или применяется к литературной местности, вобрал ли он в себя энергию времени или только подключился к ней? Выразитель он насущных общественных процессов или соглядатай чужих усилий?

Да, лирик типизирует с в о й опыт, он, выражаясь словами Гегеля, угощает нас собой. На первый взгляд это облегчает его задачу — его собственная жизнь охотно предоставляет ему материал для обобщений. Тут очень соблазнительна доступность художественного освоения фактов бытия, не требующая специальных изысканий. Не в этом ли объяснение раннего прихода лирических поэтов в литературу и массовости претензий на лирическое творчество?

Но не в этом ли и причина множества неудач? Ведь легкость эта только кажущаяся. «Самотипизация» палагает на поэта серьезную ответственность. Во многом положение его даже более затруднительно по сравнению с повествователем. Ведь он не только субъект, но в значительной степени и объект своего творчества. Ведь он может «домыслить» далеко не все, а лишь то, что уже содержится в его душевном опыте.

Вот почему в идеале биография поэта должна быть в главном, в существенном типична для времени, для общества, в котором живет поэт. Тут дело не в творческих командировках, а в полной душевной причастности к жизни народа, в постоянной близости к его усилиям и свершениям, к его стремлениям и надеждам.

Для истинного художника его жизненное поведение в какой-то мере уже творчество, так же как его творчество неминуемо становится его общественным поведением.

Всякая подлинная лирика лична, будь то «Левый марш» или «Про это». Но именно потому право на типизацию своих переживаний предоставляется далеко не всякому. При входе на Парнас каждый приносящий стихи неизбежно и справедливо подвергается очень серьезной проверке на общественную значительность. И уж тут, прежде чем пропустить новичка, придирчивая муза лирической поэзии не раз посоветуется с музой истории. Меньше всего здесь может рассчитывать на снисхождение нескромный самовлюбленный Нарцисс, так же, впрочем, как и скромный обыватель, ревнитель умеренности и аккуратности

Всякое творчество есть выражение осваиваемого жизненного содержания. В лирике

этот процесс с необходимостью приобретает форму прямого и явного самовыражения личности. Не вообще человека, а личности, ибо художественное творчество предполагает сознательное отношение к действительности, наличие определенного общественного опыта и общественных устремлений.

Что делает человека личностью? Богатство, осознанность и действительность его отношений. К миру, к человечеству, к людям. Это категория не узко этическая, не только интеллектуальная, а прежде всего социальная.

Личность — это индивидуальность, сознающая себя таковой только в соотношении с коллективом и его требованиями. Это и есть выявляющая себя субъективность, столь характерная для творчества вообще, а для лирического в частности. Тут перед нами выступает не сумма идей, не комплект тезисов, а индивидуальный человек. И его значительность определяется тем, в какой степени этот человек утверждает себя членом общества со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями

Если мера самораскрытия поэта является условием художественности лирики, то его поглощенность делами и думами своих современников является условием ее общественной ценности. Оба эти начала взаимно питают друг друга, и только их взаимодействие способно вдохнуть в стихи долгую жизнь.

Нельзя путать внутреннюю свободу художника, индивидуальность и субъективность творческого начала как предпосылки лирической поэзии с тем объективным смыслом, который она приобретает, становясь формой общественной идеологии. Нельзя забывать также, что это еще далеко не все необходимые предпосылки лирического творчества.

Понятие личности не может исчерпываться для нас такими признаками, как своеобразие характера или яркость индивидуальных свойств. Понятие индивидуальности не покрывает понятия личности. Оно уже ограниченнее, беднее содержанием. Оно не включает в себя самого главного, определяющего для лирики качества — гражданских устремлений поэта, его близости к прогрессивным идеям своего времени, его причастности к преобразованию мира на справедливых началах. Потребность общественного служения — вот что делает стихотворца поэтом.

А личное твоё бессмертие
не в том, что—кто ты, как ты, где ты,
а всѣй земли людей соцветие,
содружество земной планеты...—

писал Н. Асеев, для которого счастье есть «соучастие в добрых человеческих делах». И этот мотив характерен для лирики социалистического реализма вообще, независимо от языка, на котором пишет поэт.

Ту же мысль настойчиво проводит в своём творчестве Назым Хикмет:

Ведь если я гореть не буду,
и если ты гореть не будешь,
и если мы гореть не будем,
так кто же здесь
рассеет тьму?

(Перевод Л. Мартынова).

Лирика рассказывает нам о том, как объективная закономерность времени становится внутренней, субъективной необходимостью личности. Изображая себя, лирический поэт в то же время ставит проблему своего столетия, совершенно справедливо говорит Иоганнес Бехер. Поэтом как личностью движет стремление познать и исполнить в стихах веление времени как закон своей жизни. И это характерно для всей многонациональной советской лирики, для представителей различных поколений.

Лирика только тогда может претендовать на общественное звучание, когда она через волнения данного человека выражает идеалы бесчисленного множества отдельных личностей. Это долг поэта, его право, его внутренняя необходимость. Самое ценное, что вносит он в культуру,— понимание исторической роли своего поколения, общественной сути своей биографии, общечеловеческого содержания своей жизни.

Расцвет личности советского человека не имеет ничего общего с буржуазным принципом индивидуальной автономии. Наши творческие идеалы очень далеки от лозунга «личной независимости», провозглашаемого западными публицистами.

«Мы за полную свободу личности, мы за полную свободу творчества, мы за полную независимость от каких-либо установлений и норм!» — кричат они. Прикрываясь демократической фразеологией и ратуя за право на творческий произвол индивидуальности, современные декаденты по существу лишают свое искусство остатков гуманистического содержания. Они лишь освежают давние проповеди «аристократа духа» Ницше,

проникнутые социальной брезгливостью по отношению к простому человеку и его идеалам.

«Равные обязанности,— отвечаем мы им словами Энгельса,— для нас это особенно важное дополнение к буржуазно-демократическим равным правам, дополнение, отнимающее у последних их специфически-буржуазный смысл». Да, мы признаем индивидуальное начало в искусстве, да, мы за расцвет творческой личности, но мы отдаем себе отчет в том, что социалистический коллективизм — необходимое условие такого расцвета. Только в коллективе и соотносясь с интересами коллектива творческая индивидуальность получает возможность для полноценного выявления своих задатков, для духовного роста и совершенствования мастерства. Только в коллективе возможна творческая свобода личности.

Пользуясь непосвященностью своего читателя, наши недруги за рубежом клеветают на нашу литературу. Они кричат об упадке советской поэзии после двадцатых годов, об угасании индивидуальности, о нивелировке личности в наших стихах. Но практика нашей литературы свидетельствует об обратном. Какая еще поэзия за последние сорок лет может продемонстрировать такое многообразие ярких лирических характеров, такую широту внутренней жизни человека, такую полноту чувств, такое активное вмешательство в жизнь!

У Михаила Светлова есть строчки:

И не бог поручил,
И не сам я надумал такое.
Это старого старше,
Это так повелось искони,
Чтобы прошлое наше
Не оставалось в покое,
Чтоб артист и художник
Вторгались в грядущие дни.

Именно потому, что наши поэты стояли в центре общественной жизни страны и делили с народом все его испытания — и в эпоху гражданской войны, и в эпоху первых пятилеток, и в годы войны Отечественной, и в годы послевоенного строительства,— именно поэтому нашей лирике есть чем гордиться.

Поэзия! Ты—служба крови!
Так перелей себя в других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих.

Такими словами определил свое призвание поэт Илья Сельвинский в 1941 году, находясь в действующей армии. Личность любого советского поэта прежде всего характеризуется тем, что он всегда и во всем ощущает себя рядовым великой действующей армии своих сограждан, строителей нового общества.

Весь этот разговор о правах и обязанностях поэта, о его назначении, конечно, не нов. Но пока еще он требует повторения, чтобы мы действительно могли вести борьбу против субъективизма и индивидуализма в лирике, уважительно относясь к творческой индивидуальности, понимая роль субъективного начала в творчестве.

Как только мы убедились, что перед нами поэт, что он принес в литературу характер лирического героя, а не набор отвлеченных и разрозненных высказываний, безличных и равнодушных прописей, так мы обязаны уяснить себе общественную суть этого характера, содержание его типичности, его жизненные корни и связи, его социальную позицию и идейную перспективу, меру его человеческой значительности.

В чем принципиальное отличие самовыражения поэта от самовыражения, ну, допустим, безответно влюбленного восьмиклассника, который неожиданно для себя впервые в жизни излил свою душу в стихотворной форме?

Еще во времена Фета юноши, не способные написать грамотное письмо, строчили в изобилии вирши. Но уже тогда никого такое пристрастие к лирике не умиляло. Даже Фет, для которого, казалось бы, превыше всего были «сладкие звуки», очень трезво говорит, что подобные стихи «имеют мало общего с истинной поэзией, с тем непосредственным, невольным ясновидением, которое привело древних к смешению понятия поэта и пророка в одном и том же слове *vates*¹. Поэт,— продолжает он, подчеркивая познавательное начало поэзии,— тот, кто в предмете видит то, чего без его помощи другой не увидит, и вот это-то открытие, эта высшая правда нас так радует каждый раз, когда мы с ней встречаемся».

Дело в том, что для бедного юноши стихи не больше, чем «домашнее средство», с помощью которого наивный автор пытается облегчить свое измученное сердце. Именно «домашнее средство», как верно подметил

Гегель. Что же касается поэта, то он в сходных обстоятельствах ставит перед собой принципиально иную задачу — не просто освободить свою душу от чувства тоски, а в самом осознании этого чувства найти освобождение. Поэзия, говорит Гегель, «не ограничивается простым выкидыванием содержания... а превращает его в объект».

Безответно влюбленный восьмиклассник садится писать лирические признания в стихах. Он пылок, искренен, откровенен. Значит, он поэт? В большинстве случаев — нет. Он испытывает необходимость излить свои переживания, но испытывает ли он необходимость их осознать?

Для юноши писание стихов просто «отдохновение чувствительного человека», как говорил Пушкин. Для поэта (тоже пользуясь словами Пушкина) — потребность «удерживать вниманье долгих дум».

Поэт обобщает свои переживания, приводит их в связь со своими идеалами, воссоздает их образную картину. В отличие от автора доморощенных стихов, он познает таким образом жизнь, выносит суждение о ней. А это очень важная особенность подлинно поэтического объективирования своих чувств.

Так входит в лирику мысль, вернее — так рождается она из самой образной ткани стиха, потому что это не отвлеченная, а именно поэтическая мысль. Так лирическое самовыражение становится средством художественного постижения действительности.

«Для того состояния духа, в котором я тогда находился, лирическая поэзия должна была стать первой темой — по крайней мере самой приятной и близкой», — признался когда-то один влюбленный юноша.

Уже очень скоро он понял все недостатки своих стихотворных излияний. «...Неопределенные, бесформенные чувства, отсутствие естественности, сплошное сочинительство из головы, полная противоположность между тем, что есть, и тем, что должно быть, риторические размышления вместо поэтических мыслей, но, может быть, — добавляет он, — также некоторая теплота чувства и каждая смелого полета... Вся ширь стремления, не знающего никаких границ, прорывается здесь в разных формах, и стихи теряют необходимую сжатость и превращаются в нечто распыленное».

Этот юноша написал довольно много стихов, он писал их, пока не почувствовал, что находится на ложном пути. «...Внезапно,

¹ Вдохновенный прорицатель.

как бы по удару волшебного жезла,— ах, удар этот вначале был сокрушающим,— передо мной блеснуло, словно далекий дворец фей, царство подлинной поэзии, и все, что было создано мною, рассыпалось в прах».

Автор этих самокритичных признаний — юный Карл Маркс.

Как известно, он не стал поэтом, но многие его мысли, высказанные по другим поводам, имеют прямое и непосредственное отношение к природе лирического творчества и помогают нам понять объективный смысл и объективную необходимость человеческого самовыявления.

Перенесем мысленно в те уже более поздние времена, когда Маркс работал над «Святым семейством». Вот он размышляет с пером в руке о том общественном строе, в котором живем мы с вами. Он старается разглядеть человека будущего, живущего при социализме, когда пролетариат упразднит частную собственность на средства производства. Многое изменится в самосознании людей. Как он себе это представлял? Вот как:

«...На место политико-экономического богатства и нищеты становятся богатый человек и богатая человеческая потребность». Что же такое этот духовно богатый человек? — рассуждает Маркс. Это «человек, нуждающийся в выражении человеческой жизни во всей ее полноте, это — человек, в котором его собственное осуществление дано как внутренняя необходимость, как нужда...» Такой человек может сказать о себе, что потребность осуществить, то есть выразить себя, это «бурное чувственное проявление моей существенной деятельности, это — страсть, которая, таким образом, становится здесь деятельностью моего существа».

Человек, нуждающийся в полном выражении своей жизни, — вот что характерно для советского гражданина и для советского поэта в частности. Завоеванная социальная свобода дает ему на это историческое право. Эта нужда, эта страсть не знает деления на личное и общественное. Она захватывает человека целиком.

3. О МЕЛКИХ ТЕМАХ И ГЛУБОКИХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ

«...Мое собственное бытие есть общественная деятельность».

Маркс.

Две опасности подстерегают лирическую поэзию на каждом шагу. Одна из них — рассудочная категоричность непережитого, другая — пустая эмоциональность неосмысленного.

Мы ценим в искусстве ту меру субъективности, через которую автор познал и раскрыл нам объективную истину. Конечно, пустое самолюбование, бесцельное «выбалтывание» себя в стихе не может стать поэзией, не может стать художественной истиной. Ведь чувства, высказанные поэтом даже со всем жаром души, окажутся бессодержательными, если ему чужда потребность познания их. Вот тогда-то драгоценная субъективность творчества уступает место бесплодному субъективизму.

Да, так бывает тоже, и об этом забывать нельзя. Но не следует забывать также, что в искусстве всякая идея вырастает на эмоциональной основе. Образная конкретность идеи в лирике — это и есть «я», мои чув-

ства, мои переживания, мое отношение к миру, мое видение, мой кругозор.

«Поэт — эхо мира, а не только — няня своей души», — справедливо писал М. Горький. Но не заглядывая в собственную душу, не прислушиваясь к ней, поэт не услышит и гула времени. Самоустранение неизменно оборачивается в искусстве верхоглядством. То, о чем пишет поэт, обязательно должно содержаться в его душевном опыте. Не в отвлеченном знании, не в логическом понимании, не в умственном допущении, а в личном переживании.

Воспроизвести свои представления о жизни в художественных образах, дабы познать ее таким путем, — вот задача каждого писателя. Для лирика она означает: воспроизвести в художественных образах свои представления, свои чувства и волнения в форме собственного душевного поиска истины.

Значит, недостатки лирики надо искать не

в ее субъективности, а в содержании этой субъективности. Личное, сугубо интимное переживание может стать ничтожным и великим, никому не нужным словоизлиянием и общезначимым пониманием сложности жизни. Бесплодно противопоставлять в лирике объективное субъективному, но каждый раз совершенно необходимо установить объективную ценность выраженной субъективности, наличие в ней смысла, важного для каждого.

Мелкотемье, камерность, неактуальность — вот наиболее распространенные обвинения, которые то и дело выслушивают наши поэты. Во многих случаях эти обвинения относятся к действительно слабым, незначительным стихам. Но тут таится опасность отнестись под рубрику «мелкотемья» истинные произведения искусства лишь потому, что содержание их трудно определить привычной формулой.

Прежде всего кто возьмет на себя смелость составить перечень рекомендуемых «крупных» тем и нежелательных «мелких»? Правда, относительно «крупных» договориться будет легко. Все сойдутся на том, что сюда следует отнести всю область гражданской лирики, стихи о родине, о партии, о мире, о задачах, стоящих перед нашим обществом. Но ведь «любовная» или «пейзажная» лирика сюда уже не попадет. Или все-таки попадет? Короче говоря, где проходит граница и каким вооружиться критерием, чтобы ее не переступить?

Очевидно, сама постановка вопроса схоластична. Если подойти с таким меркантизмом, например, к Есенину, то от него мало что останется. А уж о Рыленкове и говорить нечего; его творчество все «пейзажно». Но как же все-таки различить, что перед нами: «смешной недуг или высший дар?..»

У молодых поэтов эмоциональность, как правило, еще не приложена к жизненному опыту, ибо он — опыт — еще слишком мал, а она — эмоциональность — велика и рвется наружу. Это эмоциональность как таковая, когда выговориться важнее, чем убедиться, когда признание кажется более насущным, чем познание, когда банальность и та окрыляет и любое чувство грозит заслонить собой чувство времени.

«Я пел «утраты», — читаем мы у Н. А. Некрасова, — когда важнейшею из них во всей моей детской жизни была потеря мячика; я пел «страдания», когда самое высшее из них было — розги. И... увы! все это

было... напечатано! Широко зеваю я и судорожно краснею, перечитывая стихотворные грехи моей юности. Я не понимал, да и не мог тогда понимать высокого и святого значения поэзии, но смело и громко говорил себе и близким приятелям: я поэт!»

Темы были «крупные», но опыт их питал ничтожный.

Если бы меня спросили, на какой вопрос труднее всего ответить в области лирики, то я бы сказал — определить грань между интимной, камерной лирикой и лирикой общественно значимой. И все же тут можно руководствоваться достаточно проверенными критериями, такими, как чувство времени, интенсивность переживания, сила темперамента, правда страстей, эмоциональная насыщенность, ощущение человеческой судьбы, проявленность характера, достоверность душевного состояния. Вот что тут важно!

Вы прочли книгу стихов, искреннюю, задумчивую, но уж очень скромную и уклончивую по чувствам. Дело даже не в теме, а в эмоциональном строе, который в данном случае легко соотнести с частностями нашего быта, но не с содержанием нашего современного бытия. А вам хочется, чтобы чувства, драматизм, страсти отвечали напряжению времени, конфликтности творимой истории.

Чудо поэзии каждый раз привлекает человека не уходом от житейской прозы, а стремлением проникнуть в реальные душевные обстоятельства, осознать присущие нашему современному опыту переживания. Им нельзя придать нормативность. Как говорит Михаил Светлов —

Только надо, чтобы поколению
Мы сказали нужные слова
Сказкою, строкой стихотворенья,
Всем своим запасом волшебства.

Самые немасштабные, казалось бы, переживания поэта иной раз нравственно обогащают человека этим «запасом волшебства» и формируют его личность не менее успешно, нежели «важные» прописи. Что тут главное? Я думаю, что если мы находим в стихах познание какой-то стороны современной жизни и характер современника в становлении — задача выполнена.

Пока «тридцатый век обгонит стаи сердце раздиравших мелочей» (Маяковский), мы будем писать и читать о них, какими бы мелкими по теме они ни казались ревнивателям грандиозного в лирике. Высокомерное

забывать, что тема — это самое общее, самое отвлеченное из всех возможных определений, которые мы применяем для характеристики произведений искусства. Тема — это о чем, но еще далеко не что и не как. В отвлеченном виде это скорее категория классификации, нежели оценки. Она входит в наши критерии, но лишь проявившись в качестве конкретной проблемы, породившей идею, то есть в индивидуальном, неповторимом преломлении, каждый раз требующем особого анализа.

Нельзя сказать, что тема нам безразлична, как нельзя сказать, что нам все равно, кто к ней обратился. В художественном творчестве всякая тема как бы множится на личность автора, и только произведение есть смысл мерить «на глубину». И тут уже будут существенны оба множителя, ибо эстетическое качество возникает из их единства, из того, как, обратившись к той или иной теме, поэт ответил на запросы и потребности современников, как он раскрыл ее, что нового он в ней уловил.

Вот я читаю стихотворение, названное автором «Той, которую любил». Это стихотворение можно прочесть по-разному. Одни могут сказать, что его не следовало печатать, потому что оно слишком «альбомно» и тема его не представляет интереса для широкого читателя. Другие не согласятся с таким суждением и будут доказывать, что стихи на такую тему имеют бесспорное право стать предметом общественного внимания. Заранее скажу, что я присоединяюсь ко вторым, и, чтобы разговор приобрел большую конкретность, приведу стихотворение полностью:

Прости за все, что я принес
Не по своей вине... Прости
За боль разлук, за горечь слез,
За письма краткие с пути,

За то, что не хватило сил
Мне удержать тебя, когда
Едали с фронтами колесил
Недели, месяцы, года.

Умна, честна, ты все поймешь:
Что глубока любовь была,
Что не измена и не ложь —
Нас буря в жизни развела.

Я сердцем и душой все тот,
Опять я в спешке день-днемской,
Лишь сердце радостно замрет,
Чуть мимо женщина пройдет,
Напомнив чем-то облик твой.

И хоть нельзя соединить
Минувших и грядущих дней.
Я всё стараюсь лучше быть
Во имя памяти твоей,

Чтоб ты не смела упрекнуть
Сама себя наедине,
Что ошибалась в чем-нибудь,
Протягивая руку мне!

Я хорошо представляю себе критиков, которые усмотрят в этом стихотворении отсутствие социальных идеалов, поэтизацию тоски, размазывание своих сугубо интимных переживаний. Словом, пороки «самовыражения» в его «чистом» виде. Мол, автор занимается тем, что «объясняет самого себя», свою разбитую любовь, но нам решительно нет дела до его элегической исповеди.

Нет, есть дело! Ведь перед нами душевная драма нашего современника. Ведь им руководит стремление разобраться в своей судьбе, в своей биографии, а тем самым — в сложности современной жизни. А это уже само по себе не может оставить читателя равнодушным. Скорее наоборот — должно толкнуть его на раздумья.

Многие, наверно, удивятся, узнав, что эти стихи принадлежат Николаю Грибачеву, заявившему себя столь убежденным противником тех самых лирических излишней, которые здесь налицо.

Что же произошло? Очевидно, на этот раз призвание поэта опрокинуло его собственный эстетический кодекс. Очевидно, естественные человеческие побуждения оказались сильнее умозрительных теоретических установлений.

Нет, не в теме я вижу недостатки этого стихотворения. И, конечно, не в том, что поэт, вопреки собственным декларациям, пришел к самовыражению «по личному поводу». Это его право. Мне это стихотворение кажется неудачным именно потому, что поэт этим правом воспользовался так робко. В том-то все и дело, что он не сумел раскрыть свою душу настолько, чтобы преодолеть эмоциональную скованность и пробиться к правде своих переживаний, к правде своего характера. Как раз в том и заключается недостаток стихотворения, что в нем мало «себя», своего «самочувствия», личного и неповторимого.

Отсюда и несамостоятельность интонации и старомодность лексики. Отсюда обилие общих мест, не передающих драматизма ситуации, и заимствованных, ставших «ро-

мансовыми» оборотов речи, таких, как «прости за все», «боль разлук», «горечь слез», «буря в жизни» и т. д. Отсюда его сухость, несмотря на мелодраматизм. Ему не хватает непосредственности волнений, чужие слова делают его рассудочным, рациональным.

«Наш лиризм личный, наше счастье и несчастье — личное счастье и несчастье. Доктринаризм со всей своей логикой так же мало утешает в личной горе, как и римские консоляции со своей риторикой. Ни слез о потере, ни слез ревности вытереть нельзя и не должно, но можно и должно достигнуть, чтоб они лились человечески... и чтоб в них равно не было ни монашеского яда, ни дикости зверя, ни вопля уязвленного собственника». Так мудро подходил к этой проблеме Герцен.

А ведь лирическая проникновенность во все не чужда Николаю Грибачеву. Я напому читателю строфу из его давней поэмы «Весна в «Победе», где чувство автора выражает себя легко и свободно, где непринужденность самовыявления подсказывает поэту нужные слова и становится радостью искусства:

По селу стекольщик
ходит у окошек,
ходит да вставляет в каждое оконце
сколько надо — неба, сколько надо — солнца,
чтоб светиться дому,
словно золотому,
чтобы так светиться,
будто в нем Жар-птица,
чтобы над портретом, чтобы под часами
прыгал зайчик светлый с желтыми усами,
чтоб в глазах хозяйки, у ребенка в зыбке
золотые зайки искрились в улыбке!

«Мелкая» тема, а правда, ведь хорошо? Почему же в стихах о разбитой любви мы не ощущаем эмоционального напора, трепета, волнения? Уж не ограничивает ли поэт самого себя своими ложными установками? Уж не стал ли он жертвой собственной теории «самозакрытия»? Я думаю, что именно это и произошло.

Вне выражения своей человеческой сущности поэт ничего не рассказывает нам о жизни, и самое великое явление современности останется под его пером алгебраическим знаком, отвлеченным обозначением. С другой стороны, даже мельчайший факт, став источником человеческих переживаний, может вырасти в огромное обобщение. В лирике все дело в содержательности характера лирического

героя, и если бы этого не признаем раз навсегда, то нам никогда не избавиться от мнимого глубокомыслия, с одной стороны, и от безликих и бесполезных стихотворных комментариев к действительно важным явлениям жизни — с другой. Они-то, явления жизни, от этого, правда, не станут менее важными, но искусство может утратить свой авторитет.

Есть стихи, все очарование которых в неповторимом сочетании образов, в счастливом взаимодействии деталей, выражающем высокую духовность нашего современника, то есть в эмоциональном синтезе, который отражает общий рост культуры наших чувств. Иной раз нравственное озарение придает даже малозначительному, на первый взгляд, поводу масштаб душевного события.

С другой стороны, можно привести множество примеров элементарной невзыскательности, когда интересный и любившийся читателям поэт не утруждает себя раздумьем и «гонит» в стих первые пришедшие на ум образы.

С чем первую сравнить любовь?
Сравнений нет, нет слов таких!
Нет ни цветов, ни гор таких,
Глубоких нет озер таких!

1953.

Нужно ли было перо такого яркого, зрелого и самобытного лирика, каким зарекомендовал себя армянский поэт Ованес Шираз, чтобы создать процитированное стихотворение? Помеченное датой и занимающее отдельную страницу в книге избранных произведений Ширази, оно приобретает комичную многозначительность, лишь подчеркивающую пустословие.

Поэтическая суть далеко не всегда соответствует «наружным» тематическим признакам стиха и не покрывается ими. Образное содержание может быть и беднее и богаче той логической формулы, которой данное стихотворение проще всего обозначить. Тема, внушающая нам априорное уважение, иной раз — увы! — не получает в стихах никакого внутреннего раскрытия; зато она обычно гарантирует автора от обвинений в мелкотемье. И не удивительно, что некогорые поэты хорошо усвоили спасительную силу громких деклараций.

Что такое отсутствие характера в лирике? Это когда стихи состоят из случайных, необязательных признаний. Не одной тема-

тикой определяется их удельный вес. Стихи могут быть о самом главном, но если в них не сказана внутренняя необходимость, настоятельная требовательность субъективного творческого побуждения, они тут же испаряются из сознания читателя. И обратные случаи возможны — на первый взгляд мелочь, незначительный факт, случайное наблюдение, но столько оно пробудило чувства, столько нитей протянуло в окружающую жизнь, столько вызвало отголосков пережитого и столько готовностей, устремленных в будущее, что за этим внешне несущественным поводом открываются необозримые просторы бытия.

Нельзя отвлеченно мерить темы по их «величине». Ведь в каждом произведении искусства тема уже не существует сама по себе, а получает индивидуальное преломление и выступает в единстве с личностью художника. И уж тут все зависит от того, насколько данная тема стала для художника нравственной проблемой, какова его пронизательность, каков уровень его эстетического понимания жизни, что он может сказать о ней людям.

Но при этом нельзя забывать, что талант отзывчивости и богатый личный опыт всегда ставят истинного художника перед необходимостью ответить на самые насущные вопросы современности, творчески осознать происходящие вокруг процессы. Одна и та же тема может породить у разных поэтов несоизмеримые по степени общественной важности проблемы. Один может взять самую современную тему и скользить по поверхности вещей, изрекая банальные истины, повторяя общие места, а другой раскроет на той же теме глубинный смысл явлений, покажет их новое содержание.

«Я помню чудное мгновенье...» стало явлением русской национальной культуры не потому, что стихотворение это написано о встрече с женщиной, и не потому, что этой женщиной была Анна Керн, а потому, что его написал такой человек, как Пушкин, и передал в нем свое духовное величие, красоту человеческого чувства, которое захватило его и подчинило своей власти. Оно, это чувство, и стало для него насущной проблемой.

Сфера идейности в лирике (как вообще в искусстве) гораздо шире сферы непосредственной практической пользы, утилитарной целесообразности. Поэзии нельзя навя-

зывать прикладной характер, рассматривать ее как наглядное пособие. Это сфера общественной морали, а не требований внутреннего распорядка, сфера социальной этики, а не правил хорошего тона.

Уже познанное и освоенное приходит в столкновение с открывшимся и познаваемым. Я думаю, что именно так возникает переживание. Оно тем взволнованнее, чем больше затронут в этом столкновении привычных представлений и чувств, чем больше оно связано с человеческой судьбой. Масштаб переживания определяется не только темой, но и степенью участия в этом столкновении характера, активностью его проявления, глубиной задетых психических пластов.

И воспитательной функцией лирика обладает не потому, что она показывает — так надо, а так не надо, а потому, что она стремится осмыслить жизнь современного человека в ее сложностях и противоречиях, в ее свершениях и достижениях, во всей ее неустроенности и борьбе.

К сожалению, в нашей поэтической критике очень ощутима досадная прямолинейность суждений и скоропалительность оценок по принципу прямых соответствий: отобразил или не отобразил... Мы все-таки еще прикладываем к каждому отдельному стихотворению некую отвлеченную меру, приложимую разве что лишь ко всему творчеству поэта, а то и ко всей нашей поэзии в целом.

Вот и получается иной раз, что стихотворение явно всем нам нравится, чем-то нас трогает, хотя принятым «кондициям» определенно не соответствует. Часто приходится слышать: «Талантливо, выразительно, красиво, но незначительно, мелко». А может ли так быть в лирике? А кроме того, можно ли требовать от поэта, чтобы он непременно откликнулся на все события современности?

«Если в стихах одного поэта отразились бы все стороны жизни, человеческого мышления и чувствования, то не нужны были бы другие поэты. И как скучно было бы тогда! Лес тем живее, чем больше в нем птиц. А у каждой птицы своя пища и своя песня». Так совершенно справедливо рассуждает современный башкирский лирик Мустай Карим.

Переживание в лирике всегда сопряжено с определенной лирической ситуацией, с теми «предлагаемыми обстоятельствами»,

на которые никогда не скупись жизнь. Но содержательность ситуации измеряется в лирике не отвлеченной значительностью темы, а эмоциональным напряжением, взволнованностью и направленностью мыслей, которые она вызвала.

Я не знаю, что такое «лирическое мелко-темье», но я хорошо представляю себе, что такое мизерность чувств, душевная бедность, интеллектуальная скудость применительно к темам любого масштаба. И вот об этом надо говорить полным голосом.

Много лет назад в «Общедоступной истории стихотворцев» Николай Тихонов высмеял виршеплетов с холодным сердцем, изготавливающих стихи на «крупные» темы.

Ножицы рядом, под рукой,—
Таков арсенал победы;
Размеры и рифмы находят легко
Щипцами в карманах соседа.

Затем из газет имена вождей
Стригут и, спутав старательно
С метафорой жиденькой—вместо
дрожжей,
Разводят ряд прилагательных.

Встряхнув, остыть немного дают
И, клеем соединивши,
Ставят вариться похлебку свою.
От бедности не посоливши.

Красного лака пускают тут
Застыть на словесной массе,
Влестит лакированный пресный пруд,
И вот тебе — новый классик.

Похлебка в журнальный котел на
приход
Записана между прочим:
Читатель читает (читатель растет)—
Читатель читать не хочет.

Да, читатель-то, конечно, отворачивается от такого варева, но редакторы отнюдь не столь требовательны, благо всеобщее уважение к большой теме избавляет от последующей критики. Пусть «без божества, без вдохновенья». зато сказано о самом важном и значительном. Особенно широко узаконено деловитое ремесленничество в стихах, предназначенных для пения и положенных на музыку.

Вот и думаешь: почему стихи, которые Пушкин и Лермонтов писали красавицам в альбомы, издаются геперь для народа и их знает вся читающая Россия? И почему же многие стихи наших современных поэтов, адресованные ко всей России и напечатанные на газетной полосе в сотнях тысяч экземпляров, читатели так редко переписывают в свои заветные тетрадки?

Ко всему, что утверждает и отстаивает поэт, он приходит самостоятельно, через свой эмоциональный опыт, через переживание. О том, как он пришел к своему открытию, и призваны рассказать стихи. Пусть истина, к которой он пробился, давно уже известна людям. Важно, чтобы она стала событием для него, тогда она может стать поэтическим фактом, тогда он ее открывает заново, открывает эстетически, тогда она, независимо от масштаба явления, отражает в себе закономерности жизни. Тогда мы ощутим ее художественную новизну.

Но если стихи лишены личного постижения, если в них нет элемента эмоционального познания, то есть самовыражения, если в них лишь зарифмована готовая, заводская истина, открытая другими, то, как бы она сама по себе ни была значительна, она прозвучит для нас досадной банальностью. В этом смысле стихи, навеянные пролетевшей под окном бабочкой, могут оказаться событием в литературе, а стихи, допустим, о взаимопределенности движения звезд и планет в Галактике — досадным пустословием.

Лирика социальных предчувствий, их сокровенность и прямота, субъективность и всеобщность у Блока, не говоря уже о раннем Маяковском, дает богатый материал для размышлений об исторической чуткости поэзии; о том, как сугубо личные переживания вбирают в себя у самых разных, но подлинных поэтов назревшие в обществе перемены, как камерное иной раз таит в себе монументальное; о том, как лирика частных признаний под пером поэта-гражданина вырастает до эпоса души современника, позволяя выразить биографию эпохи через историю собственных страстей.

Характер как единство индивидуального и общественного, психического и социального, биографии и истории проявляется в лирике особенно красноречиво. Судьба человеческая — судьба народная предстает перед нами здесь в обличье рвущегося наружу чувства.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Что это — личная лирика? Конечно, личная. Алексей Сурков говорит в этих стихах о самом важном для себя лично, но ни у кого теперь уже не повернется язык назвать их «камерными» или жалобными. Никто уже не рискнет упрекнуть поэта за выраженное в них такое естественное чувство человеческой тоски. Значит, не так-то все просто в поэзии, чтобы делить ее на «мобилизующую» и «демобилизующую» по внешним признакам. В лирике «мобилизует» все, что нравственно возвышает, а следовательно, прежде всего правда чувства и сила чувства передового человека своего времени.

Мы довольно много и часто говорим теперь о грехе иллюстративности, но замечаем ее только в повествовательных жанрах, а в лирике почему-то миримся с ней. Между тем нигде порок иллюстративности не получил такого распространения, как в лирической поэзии. Здесь иллюстративность откровенна и безнаказанна. Она как бы узаконена обилием унылых стихотворных откликов, родившихся вне познания и переживания.

Подлинный художник извлечет из неприемлемого на первый взгляд, но взволновавшего его факта общезначимую истину, содержательный образ, а холодный ремесленник с легкой душой скомпрометирует самую святую истину. Упрощенной житейской логикой тут не обойдешься, а логика искусства каждый раз говорит сама за себя — мелко получилось или глубоко.

Если не принимать этого в расчет и подходить к лирике тематически предвзято, то неминуемо столкнешься с неожиданными и просто необъяснимыми вещами.

Представьте себе, что молодой поэт написал стихи о том, как он, возвращаясь из Калининской области к себе в Ленинград, посмотрел из машины на небо и вспомнил глаза милой девушки, встреченной им в поездке. Девушка ему очень нравилась, но он, хоть и привык к победам, на этот раз не посмел потревожить ее своими признаниями. Он заранее понимал, что, окунувшись в суету городской жизни, все равно скоро позабудет о милом существе. Разве что через год хорошо бы опять навестить ее в те же места и снова влюбиться до осени.

Ну как, мелко или глубоко? Конечно, мелко. Незначительно, несерьезно, бедно — словом, не заслуживающий внимания пустяк.

Ну, а как быть, когда такие стихи пишет Пушкин и получается —

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза...

Как быть, когда очарование поэзии превращает этот пустячок в праздник чувства, и получаются стихи, пронизанные светом, радостью бытия, ощущением полноты жизни? Если рассуждать отвлеченно, данная тема может показаться трижды банальной и ординарной, но богатство внутренней жизни лирического героя придает ей эмоциональную значительность.

«Искренность драгоценна в поэте, — подчеркивал Пушкин, словно предвидя наши современные разговоры о «мелкотемье». — Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств — и в Ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...»

Да разве только Пушкин так решал эту проблему!

«Всякий писатель, не лишенный таланта (это, конечно, первое условие), — всякий писатель, говорю, старается прежде всего верно и живо воспроизводить впечатления, вынесенные им из собственной и чужой жизни, всякий читатель имеет право судить, насколько он в этом успел и где ошибся; — но кто имеет право указать ему, какие именно впечатления годятся в литературе и какие — нет? Коли он правдив — значит, он прав; а коли у него нет таланта — никакая «объективность» ему не поможет». Так считал Тургенев.

Значит, содержательность стиха определяет поэт, его творческая концепция действительности, его художественное мировоззрение.

Мы знаем, что с уничтожением частной собственности человек возвращается к самому себе как целостный человек. Он обретает свою всестороннюю сущность всесторонним образом. Тут важны все его отношения к внешнему миру, все его индивидуальные и общественные реакции, все его ощущения, восприятия и представления, его мышление, созерцание, хотение, его практическая деятельность. И, конечно, любовь. И даже страдание, потому

что оно тоже позволяет человеку постигнуть свое «я».

Однако и здесь, как и всегда в искусстве, необходим конкретный анализ каждого данного произведения. Иначе общие суждения могут завести нас очень далеко от истины. Нельзя путать беспорядочную импульсивность с подлинной внутренней свободой, которая как раз и подсказывает художнику вкус и эстетическое самоограничение.

Я очень ценю талант Евгения Евтушенко. Его поэтическому темпераменту, его лирической непосредственности могут позавидовать многие. Но, к сожалению, читая его «мужские» признания, я испытываю порой такое чувство, будто не он владеет стихом, а стих столь капризно и своевольно владеет им.

Когда его герой со снисходительным выскомерием усталого сердца рассказывает о том, как женщины балуют его, как норовят украсть одна у другой, или просят поцеловать себя, или, млея от счастья, гладят себя его рукой, и как он не подходит к телефону, когда они звонят ему, как они ему наскучили, и как он все-таки продолжает дарить им себя, то все это складывается в некий комплекс, который вызывает активный внутренний протест.

Поэт имеет право на «бесстыдство» в том смысле, что он волен говорить о самых интимных уголках своей жизни. Лишь бы его стихи не были «стыдными», лишь бы в них была поэзия. Пушкинское «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» или тютчевское «Люблю глаза твои, мой друг...» до сих пор поражают нас смелостью, прямотой и откровенностью разговора о вещах, в которых человеку свойственно признаваться лишь самому себе. Но, став искусством, высоким искусством, эти стихи по праву вошли в наш духовный опыт.

Лирика никогда не обходила стороной здоровую чувственность, скорее наоборот — всегда находила в ней окрыляющую силу, вдохновение и красоту. Но ей еще никогда не удавалось опозитизировать любовное кокетство и жеманство мужчины. Такие чувства не могут стать искусством. Это психологически противоестественно. Это аномалия, это противно природе человеческого существа. Именно потому подобные признания воспринимаются как «стыдные» и вызывают чувство неловкости.

Любовная лирика может быть драма-

тична и восторженна, она может выражать печаль и упоение. Но когда вам преподнесут самодовольные стихи про «расстеленные постели», про «роскошные плечи», про жалкую жертвенность раздетых обожательниц, то они воспринимаются не как поэзия, а, да простит меня поэт, как прихоти похоти.

«Я был самоуверен и слишком упоенно современен», — говорится в одном из таких стихотворений Евгения Евтушенко. Самоуверен — конечно, а вот по части современности, то что под этим понимать? «Альковную» лирику не он придумал.

Некоторые скажут: «Вот они, крайности самовыражения, вот до чего оно может довести, если его амнистировать». Нет, это не крайности самовыражения. Тут нет и не может быть крайностей. Это скорее крайности незрелой души, неустановившегося характера, в котором еще много зеленого (уж не вечно зеленого ли?), характера, еще не ставшего мужским (уж не «вечно женственного» ли?).

Вот и получается, что такие внешне современные, такие «дерзкие» стихи звучат совсем не ново и иной раз отбрасывают поэта прямехонько в надушенные будуары начала века.

Неужели автор таких стихов не замечает, что его хвастающий победами и скучающий от успеха герой, ложась в постель то с одной, то с другой особой женского пола, рискует уподобиться герою Северянина или Бальмонта? Те, конечно, будут рады уловить душу молодого человека, неожиданно явившегося к ним из будущего, и охотно подскажут ему позу пресыщенности, «аргентинские» страсти и жажду скандальной славы. Ничего другого они не могут подсказать. В те времена, когда критический реализм срывал все и всяческие маски, мещанское искусство в их лице занималось срыванием женских одежд.

Правда, обстановка не та, нет той изысканности антуража.

А вот недавно был я у одной
в невзрачном домике на улице Сенной...

У Северянина все это происходило в роскошных виллах, на берегу моря, под звуки арф. Он не скажет так грубо и пренебрежительно — «был я у одной», а обязательно у «девы» или у «принцессы». Но суть-то одна и та же.

ся богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, то есть развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому-либо заранее установленному масштабу?»

Вопрос поставлен прямо и определенно. Вернее, это даже не вопрос, а ответ в форме вопроса. Так прямо и сказано: «самоцель», «безотносительно к масштабу». И слова эти принадлежат Карлу Марксу. В обществе, сбросившем с себя бремя капитализма, «человек воспроизводит себя не в каком-либо одном определенном направлении, а производит себя во всей целостности...»,— говорит он.

Значит, при оценке лирики речь должна идти о степени душевного богатства человека, выражающего в стихах свою жизнь. Об истинности его страстей и правдивости чувствований. Важно, чтобы для поэта стихи были решением насущной, неотвратимой нравственной задачи. Каждый раз. Чтобы они были выявлением его человеческой целостности.

Идеи коммунизма вошли уже в плоть и кровь советского человека и так или иначе сказываются в любых его проявлениях. Как говорит Ярослав Смеляков:

Великая суть деклараций
и лозунги русской земли
уже в повседневное братство,
в обычную жизнь перешли.

И то, что на красных знаменах
начертано—в их широту,—
есть в жизни моей обыденной,
в моем необычном быту.

И потому, когда Ярослав Смеляков пишет глубоко интимные стихи о своей двоюродной сестричке Аленушке, о ее чисто вымытых лапушках, о ее детском голоске, косничках, платьице, у него получаются стихи, исполненные политического содержания. Таковыми их сделали не широковещательные декларации, не умозрительная установка на крупную тему, а естественность душевных движений нашего современника.

«...Не правы те,— писал не так давно известный латышский лирик Ян Судрабкалн,— кто пытается выбросить из поэзии политику, а каждый лозунг в стихотворении считает грехом или, в лучшем случае, отсутствием вкуса. Не правы в свою очередь и те, кто закат солнца, лунный свет, страдания или радости любви, холмы Видземе или озера Латгални в поэзии считает, не принимая никаких возражений, аполитичным, несоветским, вредным».

Нельзя не согласиться с Яном Судрабкалном. Он совершенно прав. И потому не будем лучше противопоставлять абстрактно взятую тему конкретному художественному содержанию стихотворения. Решающие противоречия времени непременно сказываются в лирике настоящего поэта, получая свое выражение порой в самых неожиданных темах и «сюжетах», в особенностях образного мышления, интонации, ритмике, словаре.

Напомню читателю спор Жоры Арутюнянца и Вани Земнухова в «Молодой гвардии» А. Фадеева. Вот, что говорит Жора:

«— Разве сейчас время писать любовные стихи, как этот Симонов, да? Когда надо воспитывать народ в духе непримиримой ненависти к врагу? Надо писать политические стихи! Маяковский, Сурков, да? Здорово!

— Не в этом дело, писать можно обо всем,— раздумчиво сказал Ваня.— Если мы родились на свет и живем жизнью, о которой, может быть, мечтали целые поколения лучших людей и боролись за нее, мы можем, имеем право писать обо всем, чем мы живем, это все важно и неповторимо».

Этими на редкость справедливыми словами фадеевского Вани Земнухова, собственно, и исчерпывается проблема так называемого мелкотемья. Наивно и недиалектично сводить разговор о лирике к объекту, исключая из него субъект познания. Действительность сама себя не делит на большое и малое. Но человек, который ее познает, может оказаться натурой более содержательной и менее содержательной. Все зависит от того, насколько поэт, если вспомнить эпиграф к этой главе, эстетически проявляет свое собственное, индивидуальное бытие как общественную деятельность. И вот этой-то мерой давайте мерить стихи.

Б. МЕЙЛАХ

★

УХОД И СМЕРТЬ ЛЬВА ТОЛСТОГО*

УХОД. В ПУТИ. АСТАПОВО

И вот наступила ночь с 27 на 28 октября, когда осуществилось созревшее почти в течение тридцати лет решение жить в новых условиях, окончательно разорвать со всем, что мучило Толстого, что казалось ему продолжением его связи с жизненным укладом, который был им давно осужден.

Во многих книгах и статьях утверждалось (а за рубежом утверждается и теперь), что уход Толстого был вызван стремлением уединиться, стать анахоретом, что он явился закономерным выражением и итогом его религиозно-нравственной философии. Однако для всех, кто воспринимал этот финал жизни Толстого в широком плане всей его деятельности, его взглядов, его отношения к жизни, уход был подвигом, но подвигом отнюдь не религиозным (как толковали его Чертков и другие толстовцы).

Вот, например, как говорили об этом студенты в телеграмме по поводу смерти Толстого, посланной из Ярославля: «Горестно оплакиваем остановившееся чистое сердце и погасший ясный великий ум. В благоговейном изумлении стоим перед этой смертью, пресекающей новый подвиг Льва Николаевича. Мы, гордящиеся тем, что были его современниками, чувствуем образовавшуюся пустоту в нашей жизни. Замолкла смелая проповедь, замолк независимый протест против удушающих условий нашей действительности». Уход оценивался в связи с деятельностью Толстого — бунтаря-протестанта. И так думали многие.

* Окончание. Начало см. «Новый мир» № 10 с. г.

Да, уход был подвигом. Подвигом не только потому, что уйти решился восьмидесятидвухлетний старец, невзирая ни на какие грозившие ему испытания и трудности. Этим поступком Толстой победил самого себя, пошел против своего религиозно-нравственного учения, которое требовало с любовью нести «тяжелый крест», никогда не стараясь изменять внешних условий жизни, тем более если перемены могут доставить тяжелые переживания близким людям. Ведь именно так Толстой раньше не раз объяснял, почему он не уходит из Ясной Поляны.

В апреле 1908 года в ответ на письмо М. С. Дудченко, советовавшего оставить Ясную Поляну, Толстой пишет: «Одно могу сказать, что причины, удерживающие меня от той перемены жизни, которую вы мне советуете и отсутствие которой составляет для меня мучение, что причины, препятствующие этой перемене, вытекают из самых основ любви, во имя которых эта перемена желательна». И даже в 1910 году (год ухода¹) он не раз повторял то же самое. 30 июля в ответ на предложение Семенова переселиться к нему в Рязанскую губернию, чтобы начать трудовую крестьянскую жизнь, Толстой просит ему передать: «Когда человек становится старше, его жизнь и отношения становятся сложнее и продолжать в них жизнь, стараясь меньше нарушать любовь, важнее, но и труднее, чем порвать и начать хоть и трудовую жизнь». И даже 26 октября еще могла появиться такая запись в «Дневнике для одного себя»: «М. А. [Шмидт] не велит уезжать, да и мне совесть не дает. Терпеть ее, терпеть, не изменяя положения внешнего,

но работая над внутренним». Отказ от ухода Толстой, следовательно, связывал с основами своего религиозно-нравственного учения.

Но все эти дни в его сознании происходила напряженная борьба. 20 октября он сказал приехавшему к нему М. П. Новикову о своих намерениях в ближайшее время уехать из Ясной Поляны. 24 октября он пишет ему: «В связи с тем, что я говорил вам перед вашим уходом, обращаюсь к вам еще со следующей просьбой: если бы действительно случилось то, чтобы я приехал к вам, то не могли бы вы найти мне у вас в деревне хотя бы самую маленькую, но отдельную и теплую хату, так что вас с семьей я бы стеснял самое короткое время. Еще сообщаю вам то, что если бы мне пришлось телеграфировать вам, то я телеграфировал бы вам не от своего имени, а от Т. Николаева. Буду ждать вашего ответа... Имейте в виду, что все это должно быть известно только вам одним». 26 октября — в «Дневнике для одного себя»: «Ничего особенного не было. Только росло чувство стыда и потребности предпринять». Предпринять — уйти. В тот же день наблюдательный Маковицкий записывает: «Итак, он на чеку. Вчера он спрашивал меня, когда утром идут поезда на юг. Марье же Александровне, а перед этим и нам, говорил, как ему не работает уже четыре месяца». Наконец, в тот же день Толстой в записной книжке набрасывает прощальное письмо Софье Андреевне. Все это говорит о том, что эпизод в ночь ухода (тайное чтение Софьей Андреевной бумаг в его кабинете) был лишь внешним поводом.

О цели ухода нельзя судить только на основании письма, которое Толстой оставил Софье Андреевне. Здесь он писал: «Положение мое в доме становится, стало невыносимым. Кроме всего другого, я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моего возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни. Пожалуйста, пойми это и не ездь за мной, если и узнаешь, где я».

Слова об уходе «из мирской жизни», «уединении и тиши» и послужили журналистам и критикам поводом для утверждения, что Толстой «уходит из мира», «бежит в пустыню» и т. д. На самом же деле слова Толстого об уединении означали лишь

желание Толстого, чтобы Софья Андреевна его не искала и к нему не приезжала.

Основная цель ухода заключалась в том, чтобы жить среди народа, постоянно общаться с ним и в новой обстановке продолжать свой литературный труд, осуществлять замыслы, о которых он так много говорит в дневниках и записных книжках последних лет. Жизнь среди народа означало для Толстого — жить «по-человечески разумно, т. е. в деревне, не на барском дворе, а в избе среди трудящихся...».

...Итак, ночью 28-го в страшной спешке и тревоге начинается подготовка к отъезду. Об обстановке отъезда можно судить по записи самого Толстого: «Бужу Душана, потом Сашу, они помогают мне укладываться. Я дрожу при мысли, что она [Софья Андреевна] услышит, выйдет — сцена, истерика, и уж впредь без сцены не уехать. В 6-м часу все кое-как уложено; я иду на конюшню велеть закладывать... Ночь — глаз выколи, сбиваюсь с дорожки к флигелю, попадаю в чашу, накальваясь, стучаюсь об деревья, падаю, теряю шапку, не нахожу, насилу выбираюсь, иду домой, беру шапку и с фонариком добираюсь до конюшни, велю закладывать. Приходят Саша, Душан, Варя. Я дрожу, ожидая погони. Но вот уезжаем».

Уверенность в правильности принятого решения не ослабевает: «...поднимается жалость к ней [Софье Андреевне], но не сомнение, сделал ли то, что должно. Может быть ошибаюсь, оправдывая себя, но кажется, что я спасал себя, не Льва Николаевича, а спасал то, что иногда и хоть чуть-чуть есть во мне». И даже на другой день, когда Толстой узнал о том, что Софья Андреевна пыталась покончить жизнь самоубийством, он не допускает и мысли о возвращении. В ответ на ее письмо с призывом вернуться он пишет (30—31 октября): «Если ты не то что любишь меня, а только не ненавидишь, то ты должна хоть немного войти в мое положение. И если ты сделаешь это, ты не только не будешь осуждать меня, но постарайся помочь мне найти тот покой, возможность какой-нибудь человеческой жизни, помочь мне усилием над собой и сама не будешь желать теперь моего возвращения. Твое же настроение теперь, твое желание и попытки самоубийства, более всего другого показывая твою потерю власти над собой, делают для меня

теперь неммыслимым возвращение. Избавить от испытываемых страданий всех близких тебе людей, меня и, главное, самое себя никто не может, кроме тебя самой. Постарайся направить всю свою энергию не на то, чтобы было все то, чего ты желаешь,— теперь мое возвращение, а на то, чтобы умиротворить себя, свою душу, и ты получишь, чего желаешь... Не думай, что я уехал потому, что не люблю тебя. Я люблю тебя и жалею от всей души, но не могу поступить иначе, чем поступаю». В конце письма — слова о громадной важности нового этапа жизни: «Может быть, те месяцы, какие нам осталось жить, важнее всех прожитых годов, и надо прожить их хорошо».

Куда же Толстой решил направиться? Можно с определенностью сказать, что какого-либо выработанного плана у него не было: все зависело от того, как сложатся обстоятельства. Покинув Ясную Поляну, Толстой обратился с вопросом к своему спутнику Д. П. Маковицкому: «Куда бы подальше уехать?» Маковицкий предложил направиться в Бессарабию к московскому рабочему Гусарову, который жил там с семьей на земле. На это Толстой промолчал. На станции Щекино после полуторачасового ожидания сели в поезд, а на станции Горбачево пересели в другой поезд, на Сухиничи—Козельск. В четыре часа пятьдесят минут дня Толстой приехал на станцию Козельск, а в семь-восемь часов вечера прибыли в монастырь Оптиная Пустынь. Маковицкий был явно не осведомлен о намерениях Толстого. Это можно заключить из следующих слов его воспоминаний: «Я думал, что Лев Николаевич уезжает на месяц от Софьи Андреевны в такое место, куда она за ним не поедет, пока в Шамордино, где не скоро отыщут его, а оттуда — дальше. Знай я, что он совсем уезжает, я настаивал бы на поездке в Бессарабию или за границу».

Скрыться надолго нельзя было, но мы хотели два-три дня выгадать, чтобы Софья Андреевна не настигла нас, пока не выедем за границу и там опять в глухое место, куда Софья Андреевна не поедет».

В Оптиной Пустыни Толстой пробыл недолго. На другой день, 29-го, в шесть часов вечера он отправился с Маковицким и прибывшим в Оптину Пустынь А. П. Сергеевко к сестре в Шамордино. Спешный отъезд из Оптиной Пустыни объясняется просто: из рассказа Сергеевко Тол-

стой узнал, что Софья Андреевна догадалась, где он находится (разузнав на железной дороге, куда брали билеты), и что «по распоряжению губернатора полиция и сыщики будут следить за дальнейшим путем Льва Николаевича». Обсуждение дальнейших планов поездки происходило вечером 30 октября в Шамордино.

Было намечено поехать в Новочеркасск к племяннице Е. С. Денисенко, затем через ее мужа, члена Судебной палаты И. В. Денисенко, достать заграничный паспорт и уехать в Болгарию, а если это не удастся, то на Кавказ. Таким образом, все было неясно. 31 октября утром Толстой уезжает из Шамордина, опасаясь приезда жены и сыновей. Со станции Козельск Толстой с Маковицким и дочерью садятся без билетов в поезд по направлению на юг, а на станции Волово билеты берут до Ростова-на-Дону.

Условия поездки были очень тяжелые. Еще по дороге в Щекино в пролетке Толстой сказал Маковицкому, что от Горбачева поедет в третьем классе. Поезд оказался товаро-пассажи́рским, с одним вагоном третьего класса, страшно переполненным и накуранным. Посидев в вагоне, Толстой некоторое время пробыл на площадке, затем вернулся в вагон и прилег, но тут же встал, увидев нахлынувших на одной из станций новых пассажиров. Дорога от Козельска в Оптину Пустынь также была очень тяжела: ехали на пролетке, в темноте, тряске. Но все эти переезды Толстой переносил со стойкостью. Трудности, тревога, вызванная известием о Софье Андреевне, опасение погони — все это переживалось ради великой цели: начать новую жизнь.

О настроениях Толстого в это время свидетельствуют два обстоятельства: его радостное общение с народом и не прекращавшаяся в пути работа.

В своей поездке Толстой решил соблюдать конспирацию, для того чтобы его маршрут не стал известен. С этой целью он, например, подписал телеграмму псевдонимом «Николаев». Казалось бы, что из этих же соображений он должен был не вступать в разговоры в поезде, чтобы не обращать на себя внимания. Но, оказавшись в вагоне среди народа, Толстой забыл о предосторожностях. В дневнике он записал: «Путешествие от Горбачева в 3-м, набитом рабочим народом, вагоне

было очень поучительно и хорошо...» То же он повторил в письме дочери из Козельска 28 октября: «Пришлось от Горбачева ехать в 3-м классе, было неудобно, но очень душевно приятно и поучительно». О своем настроении он в том же письме говорит: «Стараюсь быть спокойным и должен признаться, что испытываю то же беспокойство, какое и всегда, ожидая всего тяжелого, но не испытываю того стыда, той неловкости, той несвободы, которую испытывал всегда дома».

В разговорах, которые Толстой вел в вагоне, он касался любимых им тем крестьянской жизни, говорил о способах изменить ее и рассуждал с обычной для него ясностью и резкостью. Об этом можно судить даже по лаконичной записи Маковицкого:

«Когда в вагоне все затихли и прислушались, Лев Николаевич... стал говорить, излагать для всех. Лев Николаевич был возбужден, привстал и так продолжал разговор, завладев вниманием всех в вагоне. Публика с обоих концов вагона подошла к среднему отделению, обступила и очень внимательно и тихо прислушивалась. Были крестьяне, мещане, рабочие, интеллигенты, два еврея, одна гимназистка, которая сначала прислушивалась и записывала, потом сама вступила в разговор в защиту науки, возражая Льву Николаевичу».

Словно исчезли у Толстого его страшная усталость и тревога. «Лев Николаевич горячился. Как ни тихи были слушатели, все-таки надо было напрягать голос. Я несколько раз хотел его попросить перестать, но некогда было вставить слова, возражения ему так и сыпались. Говорили больше часа».

Обстановка и содержание беседы, которую Толстой вел в вагоне, настолько важны, что существенный интерес представляют даже детали. Поэтому приведем отрывки из записи, которую вела упомянутая Маковицким гимназистка, Т. Таманская, оказавшаяся в том же вагоне и участвовавшая в разговоре:

«После второго звонка Лев Николаевич вошел в наш вагон — единственный пассажирский вагон товаро-пассажирского поезда. Пассажиров много. Все больше крестьяне. В вагоне очень тесно, душно, пахло гульпами и махоркой.

Лев Николаевич поместился недалеко от меня и занял длинную лавку. Напротив сидели какой-то мужичок и женщина, здесь же поместился спутник Льва Николаевича.

Одет был Лев Николаевич в черную суконную поддевку. В вагоне он разделся и остался в черной рубашке, доходящей почти до колен, и в высоких сапогах. На голову, вместо круглой суконной шляпы, надел черную шелковую ермолку.

Затем Толстой завел разговор с крестьянином и очень интересовался его жизнью. Спрашивал, где работал, куда едет, сколько душ в семье, какой надел, кто помещик, бывают ли ссоры с помещиком?

На последний вопрос крестьянин отвечал, что ссоры случаются и дело доходило даже до губернатора, так что были присланы солдаты.

В разговор вмешался местный землемер г. В. и начал защищать помещика. Лев Николаевич, с большим вниманием слушавший крестьянина, быстро повернулся к заговорившему и спросил:

— Вы знакомы с этим делом? Расскажите, что вы знаете об этом.

Лев Николаевич слушал с большим вниманием.

Затем разговор перешел на хуторское хозяйство. Толстой высказался о нем отрицательно и заявил, что он против выделения крестьян из общины».

Отсюда можно заключить, что Толстой говорил также об антинародной, губительной для крестьянства столыпинской реформе (на эту тему, как известно, он не раз писал в своих статьях).

В корреспонденциях репортеров, которые ездили затем по следам Толстого, сообщается, что писатель постоянно вступал в разговоры с крестьянами, будь то ящик, который вез его, встречные путники на пароме или крестьяне деревни близ Шамордина. Он расспрашивал об условиях жизни, интересовался их положением. Подробности этих бесед до нас не дошли. Однако сам по себе факт таких разговоров показателен для понимания основной цели ухода Толстого — постоянного общения с народом.

Не мог ли уход Толстого затруднить его литературную работу, то есть препятствовать главной задаче его жизни? Какими способами удалось бы обеспечить получение необходимых материалов, книг, рукописей? Бывший секретарь Толстого В. Ф. Булгаков, работавший с ним до последних дней его отъезда из Ясной Поляны, в ответ на эти вопросы написал мне: «Уходя, Лев Николаевич безусловно и отнюдь не пред-

полагал прекратить литературную работу. На это указывает то, что он забрал с собой материалы для работы и уже из Астапова требовал некоторых дополнительных материалов и книг. Кроме статьи о социализме (рукопись которой я искал для него в его кабинете после его ухода), он был занят большой художественной работой «Нет в мире виноватых», чудное начало которой теперь уже опубликовано. В 1910 году он написал дома книгу «Путь жизни», рассказы «Ходынка», «Нечаянно», «Благодарная почва», комедию «От ней все качества». У него было не перечсть и других планов. Он никогда не собирался помирать (напрасно некоторые наивные люди писали, что он и ушел-то «куда-то», чтобы «умираться»), но, наоборот, до конца стремился работать и, конечно, работал бы, где бы и сколько бы еще ему ни пришлось жить... Такой колоссальный интеллект никак и никогда не мог бы остановиться в своей работе... Присылка «материалов, рукописей», книг для работы легко могла бы осуществляться в будущем и от Черткова, и из Ясной Поляны (библиотека!), и от тех, кто снабжал Льва Николаевича из столиц (подобно покойным В. В. Стасову и Н. Н. Страхову),— это, разумеется, можно было без особого труда организовать. И на письма, которые, без сомнения, продолжали бы поступать к нему в прежнем количестве (раз открыто было бы место его нового жительства), он отвечал бы по-прежнему, лично или через секретаря... Словом, его умственная и творческая деятельность продолжалась бы, конечно, и в новых условиях...» Эти же соображения высказал мне в беседе и постоянно общавшийся с Толстым А. Б. Гольденвейзер.

В самом деле, Толстой не мыслил себе и дня без работы. Приехав в Оптину Пустынь, после утомительной поездки он заканчивает для газеты статью о смертной казни. С просьбой об этой статье к нему обратился К. И. Чуковский. В Шамордине он читает статью В. Кожевникова об отношении социализма к религии, заинтересовавшись ею, по-видимому, в связи со своей собственной статьей о социализме. Там же по его поручению Маковицкий пишет письмо Новоселову с просьбой прислать все издания его «Религиозно-философской библиотеки». Днем раньше Толстой просит прислать или привезти книги: «Опыт» Монтэня, «Понятие о боге, как совер-

шенной основе жизни» П. П. Николаева, «Братья Карамазовы» Достоевского и «Жизнь» Мопассана. Не забывал Толстой и о необходимости продолжать обширную переписку, которую он вел с корреспондентами России и всего мира. В письме 31 октября из Шамордина (написано в четвертом часу ночи) он просил: «Всю мою переписку получайте и пересылайте». Но более всего характеризуют творческие намерения Толстого четыре записи, сделанные в Оптиной Пустыни и, несомненно, связанные с художественными замыслами.

Вот они:

- «1) Феодорит и издохшая лошадь.
- 2) Священник, обращенный обращаемым.
- 3) Роман Страхова Грушенька — эконком.
- 4) Охота; дуэль и любовые».

Насколько эти замыслы, возникшие у Толстого еще в Ясной Поляне, волновали его, свидетельствует обстановка, в которой он их вспомнил. Как рассказывает присутствовавший тогда в Оптиной Пустыни А. П. Сергеев, Толстой записал эти сюжеты на листочке, вернувшись с прогулки, после того как он узнал об ужасных его событиях, происшедших после его отъезда из Ясной Поляны. Мысли о художественной работе владели Толстым так сильно, что их не могло отодвинуть ничто.

Но не этим, ни другим замыслам не суждено было осуществиться. 31 октября уход Толстого к новой жизни был прерван болезнью, которая оказалась смертельной.

2

Еще вечером тридцатого в Шамордине Толстой жаловался на слабость и недомогание, но все же на другой день рано утром, несмотря на плохую погоду, выехал на лошадях в Козельск и там сел в поезд. Между четверьмя и пятью часами дня он почувствовал озноб. Оказалось, что температура выше 38°. Стало ясно, что продолжать путь нельзя.

О том, как Толстой появился на глухой, затерянной в полях станции Астапово, сохранилось письмо железнодорожного служащего П. Алексева:

«31 октября вечером в 6½ часов с пассажирским поездом приехал на ст. Астапово Лев Николаевич Толстой; мы... гуляли по

платформе, сразу пошел разговор: «едет Лев Толстой», всем хотелось посмотреть его, но из вагона он не выходил, только вышел доктор Маковицкий, поговорил что-то с начальником станции и опять скрылся, никто не подозревал, что этот великий человек останется у нас в Астапове, но через несколько времени вдруг загудело: Лев Толстой выходит,— и действительно в дверях вагона II класса показался старец, поддерживаемый доктором Маковицким под руку. Наш дорожный мастер подошел и взял его под другую руку и таким образом провели его в I класс...

Стало известно, что граф заболел, дальше ехать не может и остается в Астапове. Поезда уже ушли, время гуляния на станции кончилось, но народ не расходится, все ждут повидать еще того, которого знает весь мир. Начальник станции предложил комнату своей квартиры, куда сходили с доктором Маковицким, посмотрели и решили поместить его там... Как только Лев Николаевич показался в дверях... все бывшие в I классе как-то сразу встали — что-то особенное сказалось в этом, а в проходе все бывшие там обнажили головы. Лев Николаевич поклонился и пошел, поддерживаемый Маковицким и начальником станции, а за ними все бывшие на станции и таким образом довели его до крыльца дома, где квартира начальника станции. В этой толпе слышалось: «Не вести его надо, а на руках нести!». Дверь закрыла того, которого так жадно хотелось повидать всем».

Это письмо, простое и безыскусственное, хорошо передает общее настроение. Рядовые люди маленького поселка окружили Толстого вниманием, они старались сделать все, что было в их силах, чтобы создать нужную обстановку для больного, облегчить его положение. Начальник станции И. Озолин предоставил Толстому свою квартиру, стараясь как можно лучше приспособить комнату для больного. Озолин рассказывает:

«Принесли все вещи Льва Николаевича. Я запер двери. Варвара Михайловна (Феофритова.— Б. М.) стала стелить постель Льву Николаевичу, вынув белье из своих чемоданов. Сначала кровать Льва Николаевича была поставлена посреди комнаты, но потом ее переставили по просьбе Льва Николаевича к стене. Маленький столик, на котором стояла коробка с нарванными им самим бумажками, подсвечник и спички, он

тоже попросил приставить к кровати. На полу мы постелили коврик.

Видя, что и людей, и вещей много, я сейчас же решил предоставить для Льва Николаевича и другую, соседнюю комнату. Я ушел из комнаты Льва Николаевича, его стали укладывать. ...Мне сказали, что Лев Николаевич хочет поговорить со мной. Я поспешил к нему. Лев Николаевич опять стал благодарить меня за предоставление ему комнаты, извиняться, что столько сделал мне хлопот; потом, взяв мою руку, несколько раз пожал ее, приговаривая: «Благодарю вас, благодарю вас». Эта нежная, ласковая благодарность Льва Николаевича так взволновала мою душу и умилила меня, что я расстроился до слез и мог только говорить Льву Николаевичу в ответ, что я делаю все для него с радостью, от всей души...»

Врачи, бессменно дежурившие у постели Толстого, телеграфисты, работавшие день и ночь, обессилевшие от лавины телеграмм, поступавших из разных городов России и из-за границы, машинисты, старавшиеся как можно меньше беспокоить Толстого паровозными гудками, крестьяне окрестных деревень — все тревожились о нем, желали ему скорого выздоровления. В Астапово поступали письма и телеграммы с пожеланиями поскорее поправиться, с советами, рецептами народной медицины. Около домика, где лежал Толстой, в эти дни было особенно тихо. Люди у дверей ожидали сведений о состоянии здоровья Толстого, спрашивали, нет ли поручений. А в это время правительство, уже давно ожидавшее смерти Толстого, было озабочено лишь одним — как получше провести инсценировку его «раскаяния» и не допустить публичных проявлений народной любви к писателю.

На всем пути следования Толстого, а затем и в Астапове была организована разветвленная система полицейского наблюдения и шпионажа. Толстой, стремившийся после отъезда из Ясной Поляны соблюсти конспирацию, не знал, что с ним в поезде ехал со специальным поручением помощник начальника сыского отделения в Туле Жемчужников. Маршрут Толстого контролировался жандармами. 31 октября, в три часа двадцать минут дня жандармский вахмистр Пушков телеграфировал из Белева жандармскому унтер-офицеру на

станцию Куркино: «По прибытии п. № 12 немедленно справиться, едет ли с этим поездом писатель Лев Толстой; если едет, то где он остался от поезда». Менее чем через три часа пришел ответ: «Едет п. № 12 по билету 4 класса Ростов—Дон. Унтер-офицер Дыкин». Толстой высадился в Астапове в шесть часов тридцать пять минут вечера, а в семь часов сорок три минуты станционный жандарм телеграфировал своему начальнику: «Елец. Ротмистру Савицкому. Писатель граф Толстой проездом п. 12 заболел. Начальник станции г. Озолин принял его в свою квартиру. Унтер-офицер Филиппов». В дальнейшем Астапово было наводнено не только рядовыми полицейскими агентами, но и различными «ответственными чинами» начиная от начальника Елецкого отделения жандармского управления железных дорог Савицкого, начальника Рязанского губернского жандармского управления генерал-майора Глобы и кончая приехавшим в строжайшей тайне вице-директором Департамента полиции Харламовым. О состоянии здоровья Толстого и положении дел на станции систематически направлялись шифрованные телеграфные донесения в Министерство внутренних дел и в Московско-Камышинское жандармское управление железных дорог.

Сохранявшаяся официальная переписка свидетельствует о том, что власти мешали созданию необходимой Толстому обстановки и боялись огласки всего, что может произойти в Астапове. Характерна, например, шифрованная телеграмма жандармского генерал-майора Львова ротмистру Савицкому: «Телеграфируйте, кем разрешено Льву Толстому пребывание Астапове станционном здании, не предназначенном помещения больных. Губернатор признает необходимым принять меры отправления лечебное заведение или постоянное местожительство».

Телеграмма, присланная в Астапово жандармскому унтер-офицеру Филиппову, гласит: «Никому из прибывших на вокзал не проживать... Кроме квартиры начальника станции в станционных зданиях никому не оставаться. В квартире Озолина жить только четверым раньше прибывшим. Ротмистр Савицкий».

Корреспондент «Нового времени» Ежов телеграфировал четвертого утром в редакцию: «На станцию Астапово прибыл рязанский губернатор Оболенский и сделал рас-

поряжение, чтобы со станции были удалены все, кто здесь остановился. Чем вызвано это распоряжение — неизвестно».

Когда стало ясно, что выдворить корреспондентов и членов семьи со станции не удастся, жандармы попытались сделать так, чтобы они находились как можно меньше на территории станции. Корреспондент газеты «Утро России» телеграфировал в Москву: «Станционные жандармы требуют, чтобы семья, корреспонденты не проводили станции целые дни, только часы прихода утреннего, вечернего поездов. Корреспондентам не позволяют ночевать вагоне, предоставленном управлением дороги».

Все это следует объяснить не только ненавистью к Толстому и боязнь инцидентов: власти давно задумали во что бы то ни стало «организовать» раскаяние Толстого, примирение его с церковью и предпринимали все меры для того, чтобы удалить возможных свидетелей. Поэтому такое озлобление вызвал у рязанского губернатора князя Оболенского приезд Черткова, известного своей фанатической преданностью Толстому. Очевидец рассказывает об эпизоде в Астапове: «...князь Оболенский подзывает к себе жандарма Филиппова и говорит ему: «Сюда приехал Чертков, пойдите и скажите ему, что ему выезд из Тульской губернии воспрещен и чтобы он в 24 часа убрался отсюда». Филиппов пошел исполнять приказание и через несколько минут (так как комната Льва Николаевича находилось в 20—30 шагах) вернулся и доложил: «Ваше сиятельство, Чертков ответил, что он находится не в Тульской и не в Рязанской губернии, а у постели опасно больного друга и не оставит его, что его могут взять отсюда только трупом». Ничего не сказав Филиппову, Оболенский пошел в вокзал».

От первоначальных попыток запретить больному Толстому оставаться в Астапове, разогнать корреспондентов, удалить друзей и близких властям пришлось отказаться.

А в это время в ставшей исторической маленькой комнате, где лежал Толстой, шла борьба между жизнью и смертью, борьба, вселявшая в окружающих то надежду, то отчаяние.

Предсмертные дни Толстого освещены в записях и воспоминаниях находившихся тогда рядом с ним родственников, друзей и лечивших его докторов. Из сохранившихся материалов видно, что уже с самого начала болезни положение было весьма серь-

езным. 1 ноября врачи поставили — пока предположительно — диагноз: воспаление легких. Очень тревожило состояние сердца. Ночи проходили беспокойно, почти без сна. Стремясь, как всегда, не выказать боли, Толстой тем не менее не мог удержаться от стонов. Днем 2 ноября поставленный накануне диагноз был подтвержден окончательно. Ночью состояние ухудшилось.

Однако Толстой не падал духом, порою даже шутил с врачами, с окружавшими его людьми. Врач Д. В. Никитин вспоминает, что, увидев его, Толстой сказал: «Ну, вот как хорошо, что приехали. А я вот умирать задумал, ну, да что делать,— всем нужно. А может быть, и обману»,— прибавил он, смеясь». И в другой раз в присутствии Черткова и С. Л. Толстого, четвертого утром: «Может быть, умираю, а может быть... буду стараться бороться».

Эта борьба выразилась и в попытках работать, которые Толстой делал в первые дни болезни. Вечером 31 октября он записал в дневник несколько строк о приезде в Астапово и о болезни. В тот же день диктовал дочери свои мысли в дневник. Назавтра продиктовал письмо для Сергея Львовича и Татьяны Львовны, которое просил передать им после его смерти. 2 и 3 ноября по его просьбе ему читали газеты. 3 ноября он говорил с Чертковым о предложении английского переводчика «Воскресения» Э. Моода прислать деньги из прибыли от этого издания для яснополянских крестьян и диктовал по-английски текст ответа ему. В тот же день интересовался полученными в Ясной Поляне письмами, попросил прочитать ему наиболее важные. Прослушав четыре письма, сказал, что ответить их авторам. В тот же день беседовал с приехавшими в Астапово И. И. Горбуновым-Посадовым и А. Б. Гольденвейзером. В разговоре с Горбуновым интересовался ходом печатания книжечек в издательстве «Посредник».

Его беспокоило душевное состояние Софьи Андреевны, хотя он не раз говорил, что свидание с ней для него невозможно. Третьего же он продиктовал Черткову и Никитину телеграмму в Ясную Поляну: «Состояние лучше, но сердце так слабо, что свидание с мамой было бы для меня губительно». Толстой не знал, что еще 2 ноября вечером специально заказанным поездом в Астапово прибыли Софья Андреевна, Андрей Львович и Михаил Львович

(Сергей Львович приехал в тот же день несколькими часами раньше). На семейном совете, учитывая желание отца и советы врачей, было решено не говорить ему о приезде матери и не допускать ее к отцу.

Состояние Толстого становилось все более тяжелым. Четвертого он уже не писал дневника, порой бредил и днем. Он несколько раз пытался диктовать что-то очень его волновавшее доктору Никитину. Никитин расслышал только отдельные слова: «Я хочу, чтобы мои писания...», «Оставьте мои замыслы...» Он просил читать ему написанное, сердился, тревожился: «Почему вы не читаете?.. Как странно... Это непонятно...» Он уже не мог справляться с мыслями. Чтобы отвлечь внимание больного, ему стали читать «Круг чтения», и он успокоился. Затем снова собрался что-то диктовать Черткову и снова не мог.

Грозной была ночь на пятое: он почти не спал, был очень возбужден, все время бредил, метался, то садился, то снова ложился, говорил невнятно. Но временами сознание было ясное. Не принесла надежд на улучшение и ночь на шестое, хотя первую половину ночи он спал спокойно. Шестого днем состоялся консилиум с приехавшими из Москвы известными врачами Щуровским и Усовым. Было найдено, что воспалительный процесс в легком в том же состоянии, что деятельность сердца очень слаба. Около двух часов дня — неожиданное возбуждение: сел на постели и отчетливо, громким голосом сказал: «Вот и конец!.. И ничего!..» И после этого:

«Только одно советую вам помнить: есть пропасть людей на свете, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва».

Эти слова Толстого были последними, отчетливо сказанными. В тот же день он позвал Сергея Львовича и сказал фразу, которую нельзя было разобрать. Маковицкий расслышал в этой фразе слова: «Истина... Я люблю много... Как они...»

Наступило резчайшее ослабление сердечной деятельности (коллапс). Пульс едва прощупывался. Казалось, близится конец. Но после камфары, кофеина, кислорода, согревания тела пульс стал улучшаться, и Толстой заснул.

Ухудшение состояния больного вызвало прилив энергии у властей и духовенства, объединившихся в стремлении во что бы то ни стало представить Толстого раскаившимся. История подготовки этого преступления

может быть обрисована на основании сохранившихся документов и просочившихся в прессу сведений в следующих чертах.

Проведению намеченной и разработанной синодом и Министерством внутренних дел инсценировки «раскаяния» Толстого должен был предшествовать ряд выступлений представителей духовенства в печати. 3 ноября газеты опубликовали интервью с Парфением Тульским, заявившим, что «Толстой несомненно ищет сближения с церковью», и бывшим тульским vicарием Митрофаном, который сказал, что уход Толстого он рассматривает как «акт обращения его, возвращения к церкви».

В «Биржевых ведомостях» под заголовком «Тайна епископа Парфения» было приведено следующее его заявление корреспонденту: «Я лишен возможности сообщить вам содержание моей беседы с Толстым, и никому в православной Руси я этого сказать не могу. Я был в Ясной Поляне, долго беседовал со Львом Николаевичем. Старец просил меня, чтобы я никому не говорил о нашей беседе. «Я говорю с вами,— сказал мне Толстой,— как всякий христианин говорит с пастырем церкви на исповеди». Поэтому наша беседа должна сохраниться втайне».

Злонамеренная, преступная ложь Парфения обнаруживается при сопоставлении его заявления с записью, которую Толстой сделал 22 января 1909 года, после свидания с ним: «Вчера был Архиерей, я говорил с ним по душе, но слишком осторожно, не высказал всего греха его дела. А надо было. Он, очевидно, желал бы обратить меня, если не обратить, то уничтожить, уменьшить мое, по их — зловредное влияние на веру и церковь. Особенно неприятно, что он просил дать ему знать, когда я буду умирать. Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я «покаялся» перед смертью. Поэтому заявляю, кажется повторю, что возвращаться к церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки и потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причастии — ложь... Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу также без так называемого богослужения...».

На заседаниях синода, как сообщалось в газетах, было решено «принять меры, чтобы убедить больного раскаяться перед церковью». При этом официальная пресса пыталась создать впечатление, что «меры» эти заключаются только «в попытках убедить» Толстого и что синод действует совершенно самостоятельно, никак не будучи при этом связан с правительством. Однако истинный характер этих «мер» выясняется из документов, свидетельствующих о самом тесном контакте духовенства с правительством.

Пятого ноября в Астапово одновременно, точно по единому знаку, прибыли игумен скита Оптиной Пустыни Варсонофий в сопровождении иеродиакона Пантелеймона, вице-директор департамента полиции Харламов, рязанский губернатор Оболенский и ряд жандармских чинов. Неподалеку, на станции Лебедянь, ждал событий и приехавший туда епископ Кирилл Тамбовский. С этого же дня началась концентрация стражников и солдат как в самом Астапове, так и в прилегающих станциях. В Рязск, Козлов, Лебедянь, Белев и другие пункты понеслись телеграммы с требованием держать в постоянной готовности возможно большее число унтер-офицеров «при полном боевом вооружении», «с винтовками и патронами».

Варсонофий сразу же после приезда упорно и настойчиво пытался проникнуть к больному. Корреспондент «Саратовского вестника» в порядке «внутренней информации» телеграфировал в редакцию шестого утром: «Монахи прибыли с дарами, совещались с дорожным священником, ночью тайно пробрались к дому. К Толстому не проникли...». Сначала Варсонофий пытался уверить корреспондентов, что заехал в Астапово случайно, по пути на богомолье, но благодаря его болтливому спутнику Пантелеймону стало известно, что Варсонофий имеет совершенно официальное поручение от синода. Выполнить его, однако, он не сумел. Варсонофий говорил и с Софьей Андреевной, и с сыновьями, и с дочерьми, и с врачами, но ничто не помогло: к Толстому он не был допущен. Ничего не могли придумать ни вице-директор Департамента полиции, ни рязанский губернатор.

О том, что вся «организация» «раскаяния» проходила через правительственные инстанции, свидетельствует телеграмма Харламова товарищу министра

внутренних дел генерал-лейтенанту Курлову от 5 ноября, где он, информируя о положении дел, спрашивал: «Вступить ли в доверительные сношения с Александрой Львовной» о допуске священника к Толстому, «так как с остальными родными говорить по-видимому бесполезно». На другой день в телеграмме тому же Курлову Харламов сообщал: «...вся семья решительно не находит возможным допустить к больному монахов, опасаясь волнением ускорить развязку. Переговоры губернатора оказались безуспешными».

Шестого вечером Варсонофий телеграфировал епископу Веннмину: «Здоровье графа внушает опасения. Консилиум докторов ожидает окончательно кризиса через два дня. Стараюсь видеть больного при посредстве родных, но успеха нет. Доктора никого не допускают. Предполагаю дожидаться кризиса болезни графа. Испрашиваю святительских молитв, архипастырского благословения моей трудной миссии. Астапове губернатор, много высших чинов Петербурга. Доступа графу тоже не имеют. Грешный игумен Варсонофий».

Как раз в этот вечер телеграфные провода разнесли по всему миру хорошие вести: самочувствие Толстого улучшилось. Он просил есть, пил молоко. Однако после полуночи появилась очень сильная одышка, он стал стонать, метаться по постели, ему не хватало воздуха, он задыхался. Состояние больного было настолько мучительным, что врачи решили впрыснуть морфий. Он заснул. Но с двух часов ночи пульс стал катастрофически падать и сделался нитевидным: камфара больше не помогала. Сознание еще теплилось, он реагировал на оклики, сделал один-два глотка воды. Но надежды уже больше не было.

В комнату пригласили семью, друзей. Все встали вокруг постели. С пяти часов утра пульс стал исчезать. Первая остановка дыхания, затем вторая... В шесть часов пять минут утра Толстого не стало.

Весь день седьмого ноября и всю ночь на восьмое происходило прощание с Толстым. Вереницей проходили через комнату, где он лежал, железнодорожные служащие, крестьяне, солдаты... Слышались сдержанные рыдания. По очереди дежурили родные и близкие. Корреспондент «Киевской мысли» телеграфировал седьмого вечером: «Происходят трогательные сцены. Крестьяне целуют сложенные руки, многие

плачут. Одна крестьянка подняла девочку, чтобы та поцеловала; сказала: «помни его, он жил для нас...» из группы выделился молодой человек в форменной фуражке, говорят, народный учитель. С большой искренностью сказал слово: «Я, сын народа, земно кланяюсь тебе от имени русского народа. Ты весь наш, хотя многие сочинения твои печатаются за границей, доходят к нам в отрывках. Ты был бы счастлив, если бы знал, что умер здесь среди крестьян, которые любят, еще больше будут любить тебя». Другой очевидец, железнодорожный служащий, рассказывая о сценах прощания, воссоздает атмосферу глубокой скорби народа, кощунственно оскорбляемой жандармами: «С наружной стороны входа в комнату Льва Николаевича стояли два жандарма с шашками. Таким образом подходящим, прежде чем попасть в комнату, приходилось оскорбленно удивляться этой выходке обнаглевшей жандармерии. Эта ночь навсегда останется в моей памяти, как сейчас помню сцену: тихо, в комнате полумрак от керосиновой лампы, полно народа, обстановка гнетущая, вдруг где-то в углу раздается робко и нервно «Вечная память», стоящие в комнате подхватывают пение, двери в комнату со скрипом прижимаются к стене и ворвавшиеся в комнату жандармы с шашками резким голосом командуют: «прекратить пение», все сразу смолкают. Опять недолгая тишина. Потом тот же голос и так же робко опять запевае «Вечную память», и вновь подтягивают все стоящие, но сейчас же появляется пара жандармов, опять приказание «молчать!..», и так до утра ушли одни, приходили другие — всю ночь (петь «Вечную память» было строжайше запрещено, так как Толстой считался «еретиком», отлученным от церкви).

Начался вынос гроба из домика Озолина. «...Как только гроб показался в дверях, хор запел «Вечную память». В это время стоявший на крыльце жандармский ротмистр Савицкий... бросился к хору, приказывая замолчать. Хор смолк, гроб молча был перенесен в вагон. Публика сняла головные уборы, и в это время жандармы провокаторски закричали «ура», часть публики, не разобравшись, нестройно поддержала жандармов. Поезд медленно, как будто оберегая свой ценный «груз», отошел».

Ярчайшим обвинением церковникам, которые пытались обмануть народ и объявить

Толстого раскаявшимся, является неопубликованный рассказ С. Л. Толстого о том, как вел себя после смерти его отца тульский епископ Парфений:

«Я приведу разговор моего брата с Парфением. Андрей себя повел в этом случае очень хорошо. Он пошел к Парфению, подошел под благословение, и у них произошел такой разговор. Парфений спросил: «Не известно ли вам, не примирился ли Лев Николаевич с церковью, не высказывал ли он желания примириться с ней». Андрей ответил: «Не знаю». Затем Парфений спросил: «Вы видели Льва Николаевича?» Он ответил: «В сознательном состоянии не видел, потому что нас всех позвали в 12 часов после морфия, и отец в сознание не приходил». «Может быть, вам известно, что какое-нибудь духовное лицо с ним говорило по этому предмету?»... «Может быть, кто-нибудь из семьи слышал от Льва Николаевича о желании примириться с церковью?» Андрей ответил: «Не могу этого сказать». «Может быть, кто-нибудь из вашей семьи может это утвердить?» Парфений, по-видимому, прямо наталкивал его на ложь. Андрей это понял и сказал: «Владыка, я православный и верующий и желал бы, чтобы отец примирился с церковью, но я лгать не могу». Тогда Парфений сказал, что синод очень озабочен, чтобы погребение было по христианскому обряду и что это было бы возможно, если бы было дока-

зано, что к Льву Николаевичу не допустили священника или что окружающие скрыли его желание примириться с церковью... Потом он стал просить поговорить с моей матушкой наедине, я ему тогда сказал, что моя мать очень возбуждена, и поэтому позвольте мне присутствовать. Он повел нас в купе и стал опять говорить, что отчаяние есть грех, о самоубийстве и т. п., приглашал приехать в Шамордино, в Оптину Пустынь, чтобы успокоиться, и все посматривал, когда я уйду. Наконец он сказал: «моя миссия окончена» — и вышел. Тут стояли кинематографщики, и он побежал, чтобы не попасть на картину, но все-таки попал; в кинематографе видно, как он удирает от вагона».

«Миссия» реакции провалилась. Отбыл из Астапова и Варсонофий. В страхе, что ему достанется от начальства за невыполненное поручение, он увозил с собой «справку»: «Сим свидетельствую, что настоятель скита Оптиной Пустыни Козельского уезда Калужской губернии, игумен Варсонофий, несмотря на настоятельные просьбы, обращенные к членам семьи Графа Льва Николаевича Толстого и находившихся при нем врачам, не был допущен к Графу Толстому и о его двухдневном пребывании на станции Астапово покойному сообщено не было. Исполняющий должность Рязанского губернатора князь Оболенский. Ст. Астапово. 7 ноября 1910 года».

ГРАЖДАНСКИЕ ПОХОРОНЫ. СКОРЬБЬ РОССИИ И ВСЕГО МИРА

1.

Вся Россия жила в эти дни думами о Толстом. В ночь на седьмое телеграф станции Астапово передавал почти ежеминутно короткие сообщения, полные то надежд, то тревоги. А утром по всем направлениям молнией промчалось слово «Скончался».

«Сейчас, в туманный день, на грязной улице провинциального города мне подали телеграмму. Газетчик сказал только одно слово: умер! Двое прохожих остановились, повернувшись к нам. Четверо незнакомых людей знали, о ком можно сказать это роковое слово, не прибавляя, кто умер». Так писал Короленко седьмого ноября в заметке, озаглавленной одним словом: «Умер».

«Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть», — красу этих слов всегда чувство-

вал, но — никогда они не доводили меня до слез и рыданий, и не представлял я, что эта смерть, столь естественная и неоднократно извещавшая о близости своей, придя, так яростно ударит по сердцу, — писал Горький с далекого итальянского острова... — Отошла в область былого душа великая, душа, обьявшая собою всю Русь, все русское...»

Миллионы людей мысленно провожали траурный поезд, который тронулся 8 ноября в час пятнадцать дня из Астапова. По дороге на каждой станции его встречали толпы людей с венками, но поезд гнали, гнали без остановки, в спешке, подобно той, с которой когда-то по требованию Николая I хоронили Пушкина.

Бесчисленное множество людей хотело принять участие в похоронах Толстого —

первых гражданских публичных похоронах в России, без церковных обрядов, без отопления. Но их желание оказалось неисполнимым. «...Было сделано все, что только можно, чтобы лишить похороны Толстого их всероссийского значения,— писал Валерий Брюсов. — Прежде всего, за трое суток, прошедших со дня смерти Толстого, из дальних местностей не было физической возможности попасть в Ясную Поляну. Правда, Толстой сам завещал похоронить себя как можно скорее. Но ведь еще он просил не класть венков на его гроб: эту последнюю его просьбу решили не уважить и предоставить всем «свободу поступков». Почему же так охотно поторопились с погребением?»

Потом из Москвы запрещено было отправлять экстренные поезда. Тысячи желающих остались на вокзале. И об этом воспрещении экстренных поездов было объявлено лишь вечером, так что не пришлось воспользоваться обходными путями, по Рязанской и по Брестской дороге...»

И все же в Ясную Поляну прибыло не менее пяти тысяч человек — студенческая молодежь, крестьяне, интеллигенция, в том числе более ста делегаций. О том, как организовывали поездку на похороны Толстого студенты Московского университета, сохранилась запись одного из участников этой делегации: «Утром 8 ноября я отправился в университет. На 12 часов была назначена сходка, посвященная Л. Н. Толстому. Аудитория № 1, на Моховой улице, была битком набита. Сидеть было негде, почти все стояли. Параллельно шли сходки еще в 4-х аудиториях. Все коридоры были забиты сплошь. Было по меньшей мере тысяч пять студентов... По поручению сходки мне с товарищем... было поручено исплопотать поезд в Ясную Поляну. Мы направились к начальнику на Курский вокзал. Нам дали 23 вагона на 1200 человек, из коих мы заказали нашим студентам 800 мест. Возвращаемся с вокзала на сходку. Аудитория № 1 набита так, что стоять негде, студентами, ждущими вестей: поедет или нет? Едем. И вот начинается нечто невообразимое. Начинается шум, давка, все хотят попасть в число 800, а записалось более 1500... 8 ноября вечером к Курскому вокзалу со всех сторон стекаются массы студентов, желающие ехать в Ясную Поляну. Выстраиваются в колонну, по четверо, перед вокзалом. Иду внутрь

вокзала. Мне сообщают: из Петербурга приказ — никого в Ясную Поляну не пускать. Начальник станции и начальство соединяются телефоном с Петербургом, со Столыпиным. Дают знать, что если поезд пущен не будет, то произойдут большие беспорядки, а студенты могут разгромить вокзал. Из Петербурга дается распоряжение: поезд со студентами пустить, профессоров и другую публику не пускать. Студентов пускают, профессоров нет. Профессора вынуждены сесть в автомобили и ехать таким путем. По дороге автомобиль их испортился, и они приехали лишь после похорон».

Во время подготовки к похоронам в кабинетах департамента полиции шла разработка «мер» для «пресечения и недопущения могущих быть беспорядков и противоправительственных акций». Вот несколько образцов этого полицейско-бюрократического творчества.

«Секретно.

Полициеймэстерам и приставам

Установите наблюдение магазинами венков, обяжите не выпускать лент революционными надписями. Не допускайте убранства трауром зданиям. Имейте наблюдение ожидаемыми частными собраниями на общем основании.

№ 452

Модль.

7 ноября 1910 года».

«Приставам 2-го Басманного, 2-го Пятницкого, 2-го Мещанского и 2-го Рогожского участков.

Установите наблюдение вокзалах проезжающими похороны Ясную Поляну. Возвращении 9 и 10 ноября не допустите демонстративных шествий.

№ 541

Модль.

7 ноября 1910 года».

«Московскому градоначальнику

Согласно сообщению Департамента полиции, прошу немедленно командировать мое распоряжение для похорон Толстого трех опытных цензуре речей членов полиции.

Губернатор Кобеко».

Однако «цензоры» не понадобились не потому, что принимавшие участие в похоронах испугались полиции. Несмотря на то, что жандармы и стражники, пешие и конные, стояли на всем пути от станции

Засака до Ясной Поляны и, кроме того, отрядами были расположены поблизости от усадьбы, речи безусловно были бы произнесены: записалось для выступлений более ста человек. Однако, зная о воле Толстого (выраженной в одной из его дневниковых записей), чтобы на его могиле не было речей, профессор Цингер договорился с приехавшими об отмене выступлений (тем более что семья Толстых боялась инцидентов с полицией во время похорон)... Поэтому с точки зрения полиции все прошло спокойно и расположенные здесь полицейские силы не пришлось пустить в «дело».

...Девятого ноября утром траурный поезд с телом Толстого прибыл к станции Засака. Яснополянские крестьяне и родственники вынесли гроб из вагона. Далее его несли на плечах до Ясной Поляны, сменяясь, сотни людей. Очевидец рассказывает: «Долго двигались мы процессией, растянувшейся в длинную ленточку, по промерзлой, особенно удобной для ходьбы, земле, цепью окружив гроб и ближайших родственников, следовавших за гробом. Всю дорогу поют «Вечную память». Ни духовенства, ни церемоний никаких нет». Другой из присутствовавших делегатов вспоминает: «Хор был огромный, человек в 700. Так как хор был очень велик, то он был разделен на три части. Когда первая часть кончала, начинала вторая часть, затем третья... Вслед за длинным хором тянулась цепь из крестьян, студентов и курсисток, в центре которой крестьяне преимущественно несли гроб... Два крестьянина на двух березовых палках пронесли полотнище, на котором написаны слова: «Лев Николаевич! Память о твоём добре не умрет среди нас, осиротевших крестьян Ясной Поляны».

В одиннадцать часов процессия подошла к дому Толстых. Началось последнее прощание. Гроб был поставлен в комнате рядом с террасой.

В комнате остаются родные. Но даже в эти минуты полиция ведет себя бесцеремонно. Тульский полицмейстер несколько дней спустя доносил: «По поводу присутствования полиции в доме старший сын умершего графа, Сергей Львович Толстой, выразил мне свое неудовольствие и требование удалиться в следующей форме: «Я не позволю, чтобы в доме, где лежит мой отец, находились эти...» Опасаясь, что в отсутствие полиции у гроба могут быть

произнесены какие-либо противоправительственные или противорелигиозные речи, которые затем будут оглашены в печати, как бы публично произнесенные, я не нашел возможным удовлетворить желание графа Толстого, о чем и заявил ему в сдержанной, но категорической форме и оставил в доме одного чиновника».

Длинными цепочками стояли люди в парке. Начали впускать собравшихся. «В одну дверь входили, проходили мимо гроба, прощались и выходили в противоположную дверь, на террасу, в сад», — рассказывает делегат московского студенчества.

В два часа тридцать минут дня сыновья и друзья поднимают гроб, передают крестьянам, студентам, и несколько тысяч человек двигаются в лес, к так называемому «Заказу». В два часа пятьдесят минут гроб тихо опускают в могилу. Все становится на колени. Л. А. Сулержицкий, режиссер Московского Художественного театра, коротко говорит, что Толстой хотел быть похоронен в этом месте, где, по преданиям, слышанным им в детстве, зарыта «зеленая палочка» с надписью, как сделать всех людей счастливыми...

На могиле, на деревьях — всюду венки. Одни из них с красными лентами: «Тихо спи, яркое солнце России».

Паломничество на могилу Толстого продолжалось и на другой день, и на третий, и не было ему конца. За приходившими на могилу было установлено наблюдение. Секретный сотрудник охраны доносил: «После того, как в день похорон в Ясной Поляне собралось от 5 до 7 тысяч человек, в ближайшие 5—6 дней на могиле каждый день собиралось по несколько сот человек. Преобладало в этой массе студенчество. В эти дни выступали многие ораторы, и говорились, как можно судить по осторожным отзывам яснополянских крестьян, революционные речи...». «В первые дни после похорон был... революционные выступления. Точный смысл речей путем самого тщательного опроса крестьян (понятно, в самой осторожной и окольной форме) выяснить не удалось, но, по-видимому, речь шла о несправедливом владении помещиками землей, о притеснениях народа правителями, о смертных казнях и т. п. Во всяком случае признаки агитаторской работы в первые дни после похоро-

рон, когда на могиле собирались большие толпы, безусловно имеются».

Приезжавшие оставляли на могиле надписи на русском и иностранных языках. Среди первых надписей:

«Вечная память просветителю умов».

«Вечная память Льву Николаевичу от тульских рабочих, всех работающих на фабриках и заводах».

2

«Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по своему, мировое значение русской революции». Этими взволнованными словами начинается статья Ленина, напечатанная 16 ноября 1910 года в газете «Социал-демократ». В признании Лениным всемирно-исторической роли Толстого звучал голос революционного пролетариата, народа, всей революционной России, всего прогрессивного человечества. Ленин видел великое значение писателя в том, что Толстой с замечательной силой передал настроение широких масс, угнетенных современным порядком, выразил их протест и негодование, разоблачил основы строя, который держался на лжи, насилии, на порабощении трудящихся.

Крупные деятели партии, публицисты, критики, используя и нелегальные средства пропаганды и легальные возможности, выступили с разъяснением значения наследия Толстого, против фальсификаторов. В. В. Воровский в ряде статей и фельетонов, напечатанных в «Одесском обозрении» и других изданиях, разоблачал реакционеров, которые травили Толстого. Непосредственным откликом на смерть писателя явилась взволнованная статья Воровского «У великой могилы».

«Вся Россия, — писал Воровский, — пришла к его могиле, воздать ему почести, ибо знала, что хоронит «одного из величайших сынов своих».

Со статьями, посвященными Толстому, выступили С. М. Киров, Степан Шаумян, Сурен Спандарян и другие деятели партии. В статьях большевистских публицистов звучал протест против использования буржуазными либералами религиозно-нравственного учения Толстого в борьбе с революционной партией рабочего класса.

На смерть Толстого сумели откликнуться и многие революционеры, томившиеся в тюрьмах и ссылках. Из Холмогор, Архангельской губернии, была послана телеграмма за подписью К. Е. Ворошилова (находившегося тогда в ссылке) и других лиц: «Политические ссыльные города Холмогоры выражают глубокую скорбь по поводу смерти страстного искателя правды, великого художника слова, будильника мысли, Льва Николаевича Толстого».

Как сообщил К. Е. Ворошилов автору этих строк, политические ссыльные напряженно следили за всеми вестями об уходе и обстоятельствах смерти Толстого. Уход Толстого оценивался ими как акт протеста писателя против основ существовавшего порядка.

Приходили, прорываясь через цензурные кордоны, отклики и преследуемых самодержавием политических эмигрантов.

«Вместе с родной оплакиваем на далекой чужбине великого мыслителя и гения, бесстрашного борца за правду, печальника о народных страданиях и выразителя мировой совести. 82 русских эмигранта в Париже». Г. В. Плеханов прислал в Ясную Поляну телеграмму из заграничной эмиграции с выражением глубокой скорби по поводу смерти великого писателя.

Движение политического протеста, которым Россия откликнулась на смерть Толстого, стало одним из предвестников нового революционного подъема. «Смерть Льва Толстого, — писал Ленин, — вызывает впервые после долгого перерыва — уличные демонстрации с участием преимущественно студентов, но отчасти также и рабочих». Попытаемся восстановить общую картину бурных ноябрьских дней 1910 года, пользуясь секретными документами Министерства внутренних дел, Департамента полиции, Министерства просвещения и отчасти информацией, проникавшей в прессу.

В день похорон Толстого забастовали рабочие на заводах и фабриках Бромлея, Листа, Вестингауза, Менделя, Гивартовского, Рогаткина, Леонтьевых, Платонова и других. В телеграммах, посылавшихся на имя С. А. Толстой и В. Г. Черткова, рабочие подчеркивали роль Толстого как великого художника, обличителя лжи и насилия, врага «фарисеев и мракобесов», проповедника «освобождения человечества от вековых пут угнетения и рабства», «борца за идеалы лучшей трудовой жизни». На сходках вы-

носились требования об отмене смертной казни во исполнение призыва Толстого в статье «Не могу молчать».

Полиция рыскала по предприятиям, вылавливая зачинщиков, и непрерывно посылала «по инстанциям» одну за другой телеграммы о происходящем.

Девятого ноября пристав Симоновского участка Москвы телеграфировал одновременно градоначальнику, полковнику Модлю, канцелярии градоначальника, полицей-местеру 4-го отделения, охранному отделению и сыскной полиции: «Сего числа рабочие механического цеха заводов котельного Бари 350 человек трубопрокатного Геш 125 человек, котельного Кравчуновского 22 человека вышли обычное время работу, тотчас же оставив таковую. Работу оставили в знак... внимания похорон графа Льва Толстого». В тот же день полковник Заварзин сообщал в Петербург, директору Департамента полиции, что отказались работать тысячи рабочих московских предприятий. Об однодневной забастовке рабочих на заводе Гуревича жандармское управление Одессы извещало Департамент полиции.

Особый надзор был установлен за деятельностью социал-демократической фракции Третьей Государственной думы. Когда в петербургское охранное отделение поступили сведения о том, что социал-демократическая фракция намерена внести законопроект об отмене смертной казни и устроить в день внесения этого проекта однодневную забастовку петербургских рабочих, вся полиция была поднята на ноги. В деле Департамента полиции о думской фракции РСДРП имеется записка начальника С.-Петербургского охранного отделения от 12 ноября 1910 года:

«В виду полученных агентурных сведений, что думская социал-демократическая фракция намерена выпустить литографированный листок по поводу смерти графа Льва Толстого с призывом поддержать вносимый фракцией в Государственную Думу законопроект об отмене смертной казни, и в виду полученных тем же путем указаний, что печатание сказанных листков взяли на себя известные Отделению крестьяне Витебской губернии Полоцкого уезда Иван Павлов и Илья Андреев Добрановы, в ночь на сегодня у них был произведен обыск, коим было обнаружено два не вполне готовых гектографа с принадлежностью и переписка. Оба Добрановы арестованы...»

Несмотря на полицейскую слежку, революционные прокламации по поводу смерти Толстого все же выпускались. Одна из них была написана Я. М. Свердловым и отгектографирована Выборгоким районным комитетом партии. Высоко оценивая роль Толстого как обличителя самодержавия и критика существовавшего строя, она вместе с тем предупреждала, что в преддверии грядущего революционного штурма пролетариату следует беречь свои силы и не идти под пули в демонстрациях, которые ограничены лишь требованиями демократических свобод путем «нажима» на правительство. Но это не означало, что партия отрицала значение начавшегося в связи со смертью Толстого движения. В статьях «Не начало ли поворота?» и «Начало демонстраций» Ленин высоко оценил эти выступления рабочих и студенчества.

Седьмого ноября 1910 года Министерство народного просвещения разослало попечителям учебных округов шифрованную телеграмму, в которой предупреждало, чтобы на собраниях, которые «могут иметь место в связи с возможной смертью Л. Н. Толстого», не были возбуждены вопросы «противоправительственного и противоцерковного характера». Были приведены в боевую готовность не только полицейские силы, но и военные части. Боясь, что открытое размещение войск в Петербурге и Москве в траурные дни может еще более усилить общественное недовольство, власть придумала «эластичную форму» предупредительных «прогулок» военных частей в сопровождении оркестров по улицам.

Режим жесточайшей «охраны», полицейские угрозы, запрещение устраивать гражданские панихиды, касаться в речах каких-бы то ни было политических мотивов, связанных с деятельностью Толстого и его смертью, наконец, преследования осмелившихся петь на сходках «Вечную память» — все это вызвало возмущение даже отнюдь не революционно настроенных людей. Леонид Андреев так, например, мотивировал в заявлении 12 ноября 1910 года свой отказ участвовать в вечере памяти Толстого:

«При тех условиях: что на улицах происходит избиение молодежи, желающей выразить свое уважение и благодарность к почившему учителю; что на предполагаемом собрании речи вво-

дятся в крайне узкие рамки: ораторы обязуются не говорить ни о синоде, ни об отношении Льва Николаевича к правительству, ни о его протесте против смертной казни, ни обо всем том, следовательно, что составляет общественную сторону деятельности уопшного;

что воспрещается возглашать Толстому вечную память;

что ответственность за сказанное падает не на сказавшего, как это должно быть, а на распорядителя вечера М. М. Ковалевского, чем внутренняя связанность ораторов возводится почти в прямую невозможность говорить искренне и прямо,—

от участия в вечере 13 ноября я отказываюсь. Глубоко убежден, что в этом я только следую заветам великого Толстого, который требовал от людей во всех обстоятельствах их жизни прямоты и правды. Не может быть прямоты и правды там, где искренняя и наиболее горячая любовь к почившему натывается на обнаженную шашку жандарма, а вдохновение ораторов вводится в узенький рукав дозволенного полицией красноречия».

Несмотря на все принятые меры и на репрессии, самодержавию не удалось сорвать движение протеста. Одним из главных центров его в Петербурге стал университет.

Восьмого ноября состоялась сходка, на которой присутствовало около четырех тысяч студентов. Эта сходка, как отмечено в докладе полиции, по энтузиазму собравшихся несколько напоминала «собрания 1905—1906 годов». По донесениям агентов, ораторы говорили о правительстве и синоде: «И вы, сидящие напротив, за Невой, знайте, что умрете и вы», «святые отцы с руками, запятнанными кровью, отлучили Толстого от церкви», «помните, студенчество, что миллионы страдают» и т. д. Было решено послать депутацию в Ясную Поляну, отменить занятия в день похорон Толстого и устроить в этот день гражданскую панихиду у Казанского собора.

Девятого ноября днем молодежь, несмотря на угрозы и требования полиции «расходиться малыми группами», сплотившись огромной толпой и взявшись за руки, пыталась пройти к Казанскому собору, но была рассеяна полицейскими с шашками наголо и нагайками. Около четырех часов дня на Дворцовом мосту и на Среднем проспекте Васильевского острова проходившие большими партиями студенты

и курсистки пели «Вечную память». В это же время в Александровском саду, против Святейшего синода, собрались сотни студентов и курсисток, которые — по деликатному выражению в полицейском донесении — были «вытеснены» из сада жандармами. В восемь часов вечера на Невском проспекте, у Литейного, снова появились несколько сот студентов и курсисток, которые с пением двинулись к Казанскому собору. Здесь должны были соединиться группы молодежи, подходившие с разных сторон. Но теперь уже полиция не только «рассеивала» демонстрантов, но арестовывала наиболее активных. «Васильевский остров напоминает городок на военном положении», — писал очевидец.

Петербургский университет, таким образом, стал в столице центром общественного движения, связанного со смертью Толстого. В других учебных заведениях — в Горном и Политехническом институтах, на Высших женских курсах — в эти дни также происходили бурные собрания и шла подготовка к грандиозной общегородской студенческой демонстрации. Власти были напуганы. Как сказано в докладе, подготовленном для Николая II Министерством внутренних дел, «революционная часть студенчества намеревалась заняться 10 ноября с утра агитацией среди рабочих с целью вызвать общую забастовку». Правительство усиливало репрессивные меры. В газетах стали мелькать сообщения о «задержании» полицией лиц, «нарушающих общественный порядок». Вскоре в Петербурге был арестован ряд членов бюро профессиональных союзов за попытку организовать рабочую демонстрацию.

Десятого ноября в университет, который уже стал известен как штаб подготовки студенческой демонстрации, с утра стали стекаться со всего города студенты и курсистки. Здание университета было осаждено полицией, всюду шныряли юнкера. Но, несмотря на это, в двенадцать часов дня здесь состоялась явочным порядком сходка, на которую собралось около трех тысяч пятисот человек. Она продолжалась два часа. С большим подъемом было принято постановление устроить 11 ноября многочисленную демонстрацию. За участие в ней высказались в этот день на своих сходках студенты Технологического, Политехнического институтов и других учебных заведений.

Наступило 11 ноября. К двенадцати часам Университетская набережная была запружена большими группами молодежи. Демонстрация началась. Так как Дворцовый мост оказался разведенным, собравшиеся направились к Николаевскому мосту, но были задержаны полицией. Тогда же на Невском проспекте, между Большой Конюшенной и Садовой улицами, стали собираться студенты других высших учебных заведений столицы и слушательницы курсов. У Казанского собора демонстранты были оттеснены жандармами и конной полицией частью на Садовую улицу, частью к Екатерининскому скверу. Однако они снова собрались и подняли флаг с надписью «Долой смертную казнь!». Начались речи, но здесь налетели жандармы с обнаженными саблями. В ход пошли нагайки, но попытки демонстрантов сгруппироваться не прекращались. Демонстрация вновь возникла на Садовой улице и на Невском проспекте, и вновь полиция напала на безоружную толпу.

Между тем утасаяся молодежь на Васильевском острове, не имея возможности из-за полицейских кордонов поддержать демонстрацию на Невском проспекте, решила устроить митинг в университете. Натолкнувшись на сопротивление, студенты выломали калитку, проникли сначала во двор университета, а затем и в самое здание. Здесь они взломали дверь актового зала, развесили флаги с надписями «Долой смертную казнь!» и стали обсуждать предложение об устройстве 14 ноября новой студенческой демонстрации с участием рабочих...

Студенческие волнения в Петербурге продолжались почти неделю.

Волну общественного возбуждения вызвала смерть Толстого и в Москве. Восемь тысяч студентов собрались в Московском университете почтить память Толстого как великого защитника угнетенных.

Девятого ноября занятий в высших учебных заведениях не производилось. С утра к зданию университета стали стекаться поодиночке студенты и курсистки, организовавшись, двинулись с пением «Вечной памяти» к дому Толстого в Хамовниках. Полиция задержала многих демонстрантов. Затем были попытки устроить шествие на Девичьем Поле и в Хамовниках, но участникам демонстраций преградила дорогу жандармерия. Книжные

и некоторые другие магазины в этот день были закрыты. На фабриках и заводах тысячи рабочих отказались работать в знак траура.

В университете 10 ноября происходила сходка медиков, выступивших с протестом против смертной казни и подписавших обещание отказаться от присутствия при исполнении смертных казней (этого могли требовать от врачей).

Волнующим и напряженным днем было в Москве 11 ноября. В новом здании университета толпа студентов, около полутора тысяч человек, выломав дверь одной из аудиторий, открыла запрещенную начальством сходку. Был выдвинут план устройства общестуденческой демонстрации у дома Толстого. Сходка закончилась пением революционного похоронного марша. Затем студенты, невзирая на угрозы полиции, направились колоннами с портретами Толстого и с пением «Вечной памяти» в Хамовники.

На другой день на собрании в университете обсуждался план политической демонстрации с участием рабочих. Приехавший сюда представитель Петербургского университета обратился к московскому студенчеству с призывом поддержать петербургскую молодежь решительными выступлениями.

Четырнадцатого ноября демонстрация в Москве состоялась и вызвала огромный резонанс. На демонстрации раздавались лозунги «Долой самодержавие!». Полиция жестоко расправлялась с собравшимися, избивала их. Эта расправа вызвала воззвание информационного бюро высших учебных заведений ко всем студентам с призывом в знак протеста объявить трехдневную забастовку. Было арестовано около двухсот человек.

О настроениях студенчества и о мотивах движения молодежи в эти дни дают представление воспоминания одного из студентов Московского университета, хранящиеся в Государственном толстовском музее:

«11 ноября начались демонстрации. Сходки с разгоном полицией. Демонстрации с разгоном конной полицией: вдоль бульваров по направлению к Арбатским воротам. Кончилось тем, что университет закрыли, много студентов переарестовали, выключили, выслали. И только несколько лет спустя им удалось экстернами держать выпускные экзамены.

Под 13 ноября 1910 г. у меня в дневнике написано: Что творится в стране? Что значат все эти демонстрации? Какой они имеют смысл? И есть ли в них вообще смысл?.. Все, что есть в России живого, мыслящего, стремящегося к лучшим формам жизни, все объединилось в едином стремлении воздать последнюю дань почести великому старцу, вся Россия подписалась под его лозунгами с протестом против смертной казни, против гнета и произвола правительства, против мертвечины и тисков церкви...

Конечно, одни студенческие демонстрации недостаточны. Рабочая масса, крестьянство, войска стоят вдали от этого движения. Одни студенческие демонстрации будут выявлять скорее наше бессилие, чем силу. И все-таки иначе нельзя. «Не могу молчать» — теперь лозунг каждого. Слишком велик мрак, реакция, слишком забита и загнана общественная мысль, ниоткуда не видно просвета. И мы не должны молчать. Мы все должны выйти на улицу и громко крикнуть, что не можем и не будем больше молчать. И пусть нас бьют, пусть нас калечат и арестуют: мы не можем молчать, мы не должны молчать, мы должны добиваться лучшего будущего».

В этих признаниях много наивного, но в них хорошо отражены чувства и переживания широких слоев студенчества.

Волнения, сходки, демонстрации и шествия происходили не только в столицах. В Киеве для подавления демонстраций и митингов были призваны войска. Более ста человек было задержано. Такая же картина наблюдалась в Одессе, Харькове, Варшаве, Казани, Юрьеве (ныне Тарту).

Для правильной оценки движения протеста в ноябре 1910 года нужно учитывать, что оно происходило в обстановке правительственных репрессий и террора. Ведь арестам и преследованиям подвергались даже лица, которые предлагали почтить память Толстого вставанием! В Москве градоначальник не постеснялся издать такие распоряжения, как, например, категорическое предписание кинотеатрам прекратить исполнение траурного марша Шопена во время демонстрации кинохроники, посвященной Толстому. Театрам было указано, чтобы они не смели отменять спектакли в день похорон.

В Одессе в день смерти Толстого генерал Толмачев вывел на улицы полицию и при-

казал «функционировать» всем увеселительным заведениям. В сормовском клубе 8 ноября исправник под угрозой ареста распорядителей заставил организовать танцы, которые хотели было отменить. Принимались самые дикие меры, чтобы «не способствовать изъявлению скорби» по отлученному от церкви писателю. Даже такая вполне умеренная газета, как «Современное слово», заметила по поводу «забот» администрации: «Не огорчайтесь, не испросив на то предварительно разрешения местного начальства» В провинции были случаи конфискации газет только за траурные рамки, ареста редакторов даже за самые робкие статьи о Толстом.

Для выражения скорби приходилось прибегать... к молчанию. Вот два характерных сообщения корреспондентов «Русского слова». В Тифлисском драматическом театре полиция запретила поставить на сцене портрет Толстого и что-либо говорить о Толстом на спектакле, посвященном его памяти (шли «Плоды просвещения»). Тогда «после первого акта артисты, участвовавшие в пьесе, вышли на сцену и простояли молча несколько времени. Публика поняла... Все поднялись со своих мест, почтив память Льва Николаевича». Примерно то же произошло в Киеве, в театре Соловцова. «Когда раздвинулся занавес, вся труппа стояла на сцене, склонив головы. Публика, как один человек, тоже поднялась... Молчаливое чествование памяти великого Толстого вышло весьма торжественным».

3

Не было ни одной части света, ни одной страны, где смерть Толстого не вызвала бы волны откликов. Вся мировая пресса была в эти дни полна сообщениями о последних днях его жизни, о похоронах, всюду печатались некрологи, соболезнования русскому народу. Французская газета «Temps» не ошибалась, когда утверждала: «Ни один король на смертном одре, ни один агонизирующий император, ни один умирающий министр никогда не вызывал к себе такого горячего всеобщего внимания». «Человечество облеклось в траур. Сегодня оно обнажает голову перед бессмертием», — писала французская газета «Matin».

Английский «Times», объясняя, почему внимание всего мира приковано к печаль-

ному событию, отмечал в передовой статье: «Среди современников нет ни одного человека, который по своему гению был бы равен Толстому». Итальянская газета «*Soggiege della Sera*» комментировала скорбное известие словами: «Не человека мы хороним, целый мир. Толстой стоял в мире как факел, светящийся маяк над океаном...»

Многие крупные писатели, в том числе и те, которые были по своим взглядам далеки от Толстого, с искренним волнением говорили о постигшем мир горе. «Человечество потеряло великого художника и редкую личность... преклоняюсь перед титаническим обаянием его гения»,— заявил Г. Гауптман. Октав Мирбо сказал: «Гигант мировой культуры оставит глубокий след во всем мыслящем человечестве».

«Покинувший нас — дух огромной величины. Он потрясал совесть, боролся за страдающих, сеял добро. Я рада, благодарна, что земные деяния его совершались в мое время»,— писала Сельма Лагерлёф.

Памяти Толстого были посвящены собрания в Лондоне и Стокгольме, Риме и Брюсселе, Будапеште и Гааге, Софии и Праге.

В столице Португалии на одной из площадей собралась многотысячная толпа и возник импровизированный митинг памяти Толстого. После выступлений ораторов по предложению одного из участников митинга на площади грянуло русское «ура» в честь России, давшей миру Толстого.

В Испании состоялись гражданские панихиды в Барселоне, Бильбао, Валенсии. Власти приказали полиции следить за тем, чтобы собрания по поводу смерти Толстого «не носили политического характера». Кое-где в связи с этим произошли столкновения публики с жандармами (такие же столкновения были и в Бельгии).

Народы славянских стран, прогрессивные круги общественности Польши, Болгарии, Чехии восприняли смерть Толстого как потерю своего близкого, лучшего друга. В Чехии был объявлен национальный траур. В Праге на ратуше был поднят черный флаг. «Курьер польский», преклоняясь перед «гражданской смелостью Толстого», писал в эти дни: «Человеку великой души, великой работы и великого характера от всех народов следует воздать честь». «...Обвинитель и судья» замолк,— говорилось в «Курьере варшавском»,— но после него осталось наследство, которое принадлежит не одному русскому народу».

Получив известие о смерти Толстого, болгарское народное собрание (парламент) почтило его память вставанием. На массовом собрании в Софии с горячими речами выступили известные болгарские писатели Пенчо Славейков, Петко Тодоров, сербский писатель Дучич и другие. Однако и в Болгарии администрация не разрешала выходить за «дозволенные рамки». Так, по газетным сообщениям, в Софии «траурное шествие студентов по не зависящим от студентов обстоятельствам не состоялось».

В Белграде при открытии заседания скупщины, когда председатель объявил о кончине Толстого, депутаты встали со своих мест с возгласами: «Слава Толстому!»

Глубокою печалью вызвала смерть Толстого в странах Востока. Порабощенные колониальным империализмом народы в большинстве этих стран не были знакомы с произведениями Толстого, мало знали о нем. Но образованным людям он был хорошо известен. С Толстым состояли в переписке многие деятели культуры Индии, Японии, Китая и других стран, где в силу известных социально-исторических причин его ценили не только как великого писателя, борца с несправедливостью, врага колониализма, но и как религиозного мыслителя.

Первые отклики в Китае на смерть Толстого появились в газете «Шэнь чжоу жибао», где рядом с прочувствованным сообщением о кончине писателя был напечатан краткий очерк его жизни и деятельности. В журнале «Дун фан» («Восток») Толстой был охарактеризован как «великий мудрец России».

В откликах на смерть писателя в индийских изданиях говорилось о том, как велика утрата, понесенная человечеством: «Смерть увела одного из тех людей, значение которых огромно не только в масштабе своей страны, но и во всем мире». С особенным уважением отмечалась непреклонность Толстого, до конца оставшегося верным своим убеждениям. «Толстой умер не примиренным с церковью»,— писала «Хинду лидер».

Восхваление Толстого как «апостола любви», несущего свет новой религии, соседствовало в индийской прессе с оценкой его проникнутого сочувствием народу истинного демократизма, его вражды ко всем формам угнетения.

В Японии память Толстого особенно горячо почтили университеты, научные обще-

ства, литературные кружки. Правительством в Японии многие произведения Толстого были запрещены. Поэтому официозные газеты, например «Токио ници-ници», признавая гениальность Толстого и тяжесть понесенной миром утраты, отмечали, однако, что, несмотря на «возвышенность» идей писателя, «распространять их в народе опасно».

О том, как отнеслись к печальным вестям из России в арабских странах, корреспондент «Русских ведомостей» писал из Бейрута: «Вся арабская печать... все журналы и газеты, не исключая мелких листков,—все без исключения горячо оплакивают «великого московитского мудреца».

Казалось бы, что отклики, приходившие со всех концов земного шара, свидетельствовали о единодушном отношении к памяти Толстого во всех странах. Однако на самом деле единодушия не было и не могло быть в мире, охваченном острой социальной борьбой, да еще по отношению к писателю, который обратил свое гневное слово против основ современного строя.

Наиболее верные оценки исторической роли Толстого принадлежали тем, кто принимал участие в революционной борьбе рабочего класса, кому были дороги идеалы справедливости, гуманизма, свободы.

Роза Люксембург, выражая чувства немецкого и международного пролетариата, писала о Толстом в журнале «Die Gleichheit»: «...его могучая критика, одетая в гениальные художественные произведения, будила в сотнях тысяч сердец и голов мысль, искру сознательной жизни и любовь к массе неимущих».

Дело его жизни — это кусок культуры, и сознательный рабочий класс, грядущий наследник культуры, склоняет свои знамена с благодарностью и уважением у гроба великого художника и великого человека, который по-своему до конца боролся против эксплуатации и угнетения...»

Памяти Толстого посвятил свою статью и другой крупнейший деятель немецкого социалистического рабочего движения — Франц Меринг (журнал «Die Neue Zeit»). Говоря об откликах буржуазной прессы на смерть Толстого, Меринг указывал, что в ней «редко звучал во всей своей чистоте основной тон всей жизни Толстого», тон друга угнетенных. Между тем, заключал Меринг, сила писателя — в глубоких кор-

нях, которыми он связан со своим народом и временем.

Волнующие отклики на смерть Толстого появились в газете «Humanité» (в то время орган объединенной социалистической партии Франции). Этим выступлениям газеты были в какой-то мере свойственны идейные слабости, характерные в то время для французского социалистического движения в целом. Но как отличаются оценки Толстого в «Humanité» от бесцветных или искажающих значение писателя многочисленных статей буржуазных общественных деятелей!

Жан Жорес напечатал в «Humanité» свое выступление под заголовком «К русскому народу». В нем он говорил: «Умирающий Толстой... не услышит, конечно, слов, идущих из Франции; но они поведают всей России о нашем восхищении человеком, который сумел выразить внутреннюю, сокровенную жизнь русского народа. Вот великая дружба, вот великий союз, который заключают люди, страстно преданные свободе...»

В речи, посвященной памяти Толстого, Жорес кое в чем повторил традиционные ошибки французской критики того времени, но высказал верные мысли о его мировом значении. Заслуги Толстого Жорес оценил так:

«Он предостерегает консерваторов, что современная общественная система не продержится, что она осуждена не только гневными требованиями тех, кто страдает, но и внутренним протестом совести наиболее благородных людей, которые чувствуют себя подавленными, видя, сколько в этом обществе нищеты, нужды, горя. Революция здесь, она всюду: в организованной силе тех, кто страдает, и в высоком протесте тех, кто мыслит... Готовьтесь же к созданию нового, более справедливого общества!»

«Humanité», солидаризируясь со всей передовой Россией, выступила с обличением синода и церковников, пытавшихся инсценировать раскаяние Толстого перед смертью. В редакционной статье «Бессильные черви» газета писала о «слепом безумии этих служителей бога».

Среди выступлений виднейших мировых писателей выделяется проникновенное слово Анатоля Франса:

«Толстой дает нам также пример непревзойденного интеллектуального благородства, мужества и великодушия. С героическим спокойствием, с суровой добротой он

изобличал преступления общества, все законы которого преследуют одну цель — освящение его несправедливости, его произвола. И в этом Толстой — лучший среди лучших...»

Толстому было посвящено грандиозное собрание в Сорбонне. Оно имело международный резонанс как дань уважения французской интеллигенции памяти великого писателя.

Итог мнению передовой Франции о роли и значении Толстого был как бы подведен в книге Ромена Роллана «Жизнь Толстого», вышедшей в 1911 году. Она явилась ответом и тем консервативным критикам, которые осуждали Толстого за его демократизм и «разрушительные идеи», и другим, кто ограничивал его значение открытиями «мастера формы» (а порой оспаривал и эти открытия). Ромен Роллан писал: «...нам было мало восхищаться совершенством книг Толстого — мы жили ими, они стали нашими. Нашими — благодаря трепету жизни, их наполняющему, благодаря неуязвимой их молодости. Нашими — благодаря трезвой иронии, беспощадной прозорливости, неотвязным думам о смерти. Нашими — благодаря мечтам о братской любви и мире между людьми. Нашими — благодаря грозному обличению живой цивилизации.

Книги Толстого были для нас... чудодейственным зеркалом нашей силы и наших слабостей, наших надежд и наших опасений».

Соболезнования, которые посылались в Россию буржуазными правительствами ряда стран, не означали «примирения» с Толстым как критиком капиталистической эксплуатации, милитаризма, частной собственности, церкви, социального неравенства. Именно потому и в речах, которые произносились в парламентах, и в принятых резолюциях эти стороны деятельности писателя, как правило, обходились. Но так или иначе, парламентские резолюции и речи были вольным или невольным признанием колоссального авторитета Толстого, международного значения его деятельности.

Французская палата депутатов заявила, что «присоединяется к горю русской нации и цивилизованного мира». Эта резолюция при всей ее сдержанности вызвала злобное раздражение французской реакции. Л. Дему-

лен выступил в «Gaulois» со статьей «Неуместная почесть», где соболезнование палаты объявил бестактным по отношению к русскому правительству. Ведь Толстой, писал он, «социалист, который... высказал безрассудную любовь к равенству».

Газета «La vita», восторженно отзываясь о Толстом как «славе человечества», писала о «всеобщности печали». Конечно, печаль была «всеобщей» для демократической Италии, которая видела в русском писателе друга всех народов, защитника всех угнетенных во всем мире. Это отношение прогрессивной общественности к Толстому вызывало озлобление реакции, в особенности католической. С грубой бесцеремонностью заявляя, что Толстой страдал «бредовой идеей», ватиканский орган «L'Osservatore Romano» заявил: «Он хотел достигнуть счастья людей на земле, но никогда не мог этого осуществить. так как не желал искать этого в римской церкви».

Несмотря на чинимые реакцией препятствия, передовые, демократические круги самых разных стран почтили память Толстого.

На всем земном шаре — от Парижа до Бомбея и от Бодайбо до Токно — скорбело человечество о писателе, отразившем, по словам Ленина, «великое народное море, взволновавшееся до самых глубин...».

Вновь и вновь * * * * * возвращаясь к истории последних дней Толстого, невольно задаешь себе вопрос: как ни важны причины его ухода, нужно ли было все-таки ему уходить? Ведь тем самым он сократил свою жизнь, каждый час, каждая минута которой драгоценны для человечества.

Но Толстой не мог предвидеть рокового конца, и уходил он не умирать, а жить, жить деятельной жизнью.

Когда-то лондонский «Times» недоуменно восклицал по поводу ухода Толстого: «...В крайней старости он действовал так, как будто вся жизнь у него еще впереди» Да, именно так!

Ответом на вопрос о том, стоило ли Толстому уходить, лучше всего, пожалуй, могут служить его собственные слова, написанные в ночь ухода:

«...Пойми и поверь, что я не мог поступить иначе».

МИР — ЗНАМЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

«Мир — народам!» — это программное положение нашей партии с первых же дней Октябрьской революции стало знаменем восставших рабочих и крестьян.

Ленинский призыв: «Долой войну! Да здравствует мир!», с новой силой прозвучавший на Втором Всероссийском съезде Советов, был горячо подхвачен трудящимися всех стран.

Знамя Октября — мир, — гордо поднятое сорок три года назад, — вдохновенный символ всей международной политики Советского государства.

Публикуемые ниже документы воскрешают отдельные страницы истории борьбы Советской власти за прекращение войны и установление всеобщего мира (октябрь — ноябрь 1917 года; числа месяцев указаны по старому стилю). Публикация подготовлена кандидатом исторических наук В. Кондратьевым. В выявлении архивных материалов приняли участие Л. Зверева и П. Борисов. Документы со ссылкой на фонды Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР) публикуются впервые.

★

«Декрет о мире», написанный В. И. Лениным и единогласно принятый Вторым Всероссийским съездом Советов, в подлинном виде не сохранился. Его текст был напечатан 27 октября 1917 года в газетах, а затем широко распространялся в листовках.

В декрете говорилось:

«Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций».

(В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 217).

Борьба за мир на фронте в те дни являлась наиболее трудной и сложной. «Дело мира в ваших руках, — обращался к солдатам Владимир Ильич Ленин. — Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!»

О вдохновенных призывах вождя армия узнавала из революционных листовок и приказов солдатских революционных комитетов.

Так, в приказе Военно-революционного комитета района 12-й армии от 12 ноября 1917 года говорилось:

«Всем товарищам солдатам и офицерам. Всем, всем и всем!

Военно-Революционный комитет района 12-й армии передает следующую телеграмму — приказ Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного комиссара по военным делам и Верховного главнокомандующего.

«Всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам, всем солдатам революцион-

ной армии и революционного флота.

7-го ноября ночью Совет Народных Комиссаров послал радиотелеграмму главнокомандующему Духонину, предписывая ему немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях.

Эта радиотелеграмма была получена Ставкой 8 ноября в 5 час. 5 мин. утра. Духонину предписывалось непрерывно докладывать Совету Народных Комиссаров о ходе переговоров и подписать акт перемирия только после утверждения его Советом Народных Комиссаров. Одновременно такое предложение заключить перемирие было формально передано всем полномочным представителям союзных стран в Петрограде.

Не получив от Духонина ответа до вечера 8 ноября, Совет Народных Комиссаров уполномочил Ленина, Сталина и Крыленко запросить Духонина по прямому проводу о причинах промедления.

Переговоры велись от 2 до 4^{1/2} часов утра 9 ноября. Духонин делал многочисленные попытки уклониться от объяснений своего поведения и от дачи точного ответа на предписание Правительства, но когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину категорически, он ответил отказом подчиниться. Тогда именем Российской Республики и по поручению Совета Народных Комиссаров Духонину было заявлено, что он увольняется от должности за неповиновение предписаниям Правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и, в особенности, армиям. Вместе с тем Духонину было предписано продолжать вести дело, пока не прибудет новый главнокомандующий или лицо, им уполномоченное на принятие дел от Духонина. Новым главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко.

Солдаты! Дело мира в Ваших руках. Вы не дадите контр-рев. генералам сорвать великое дело мира. Вы окружите их стражей, чтобы избе-

жать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный порядок.

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

Совет Народных Комиссаров дает вам право на это.

О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами! Подписать окончательный договор о перемирии в праве только Совет Народных Комиссаров.

Солдаты!

Дело мира в ваших руках. Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!

Именем Правительства Российской Республики

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН).

Народный Комиссар по военным делам и Верх. главнокомандующий
Н. КРЫЛЕНКО».

Передавая настоящую телеграмму для немедленного и точного исполнения, Военно-революционный комитет района 12-й армии приказывает:

1) Командующему армией тотчас по получении сего обратиться к соответствующим военным властям соприкасающихся с нами неприятельских армий с формальным предложением немедленного прекращения военных действий и установления перемирия на участке армии.

Армейскому Исполнительному комитету всемерно способствовать ведению переговоров.

2) Командиры корпусов, дивизий, полков и отдельных отрядов, независимо от шагов, предпринимаемых командующим армией, самостоятельно обращаются к соответствующим неприятельским частям своего участка с подобным же предложением.

Наблюдение за точным и немедленным исполнением сего возлагается на корпусные, дивизионные, полковые и им соответствующие комитеты, которым дается право устранять ко-

мандиров, если последние откажутся приступить к переговорам. В последнем случае переговоры ведутся одними уполномоченными сих комитетов.

3) Переговоры о прекращении военных действий и установлении перемирия ведутся при участии уполномоченных на это представителей корпусов, дивизий и полков.

4) Срок временного перемирия на данном участке определяется с момента заключения соответствующего акта до момента заключения Верховным главнокомандующим перемирия на всех фронтах.

5) Все без исключения части обязаны непрерывно и срочно сообщать о ходе переговоров в Военно-Революционный комитет района 12-й армии, посылая для этой цели нарочных.

Всякое противодействие данному приказу и всякое промедление в его исполнении грозит гибелью армии и стране, а посему будет рассматриваться как государственное преступление и караться по всей строгости законов военного времени.

На Вас, товарищи солдаты всех видов оружия, возлагается наблюдение за тем, чтобы ваши Комитеты и командиры немедленно исполнили этот приказ. О всяком неисполнении или промедлении тотчас же сообщайте Главкомреву XII армии, чтобы мы могли принять соответствующие меры.

Да здравствует мир!

Приказ этот прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, сотнях, командах и отдельных учреждениях XII армии.

Военно-революционный комитет района 12-й армии.
(ЦГАОР СССР, отдел печатных фондов, инв. № 7524).

Для ведения переговоров о перемирии Советским правительством была выделена специальная комиссия. Она сообщала:

«Прибыли Двинск 12 ноября 9 час. [утра]. Делегацией Армейского комитета 5-й армии тов. Крыленко встречен как главнокомандующий. Армейский комитет взял на себя ор-

ганизацию перемирия на фронте 5-й армии...

Общее положение на фронте благоприятное: распространяется на немецком языке декрет о мире, 2-я и 3-я армии начинают переговоры о перемирии...»

(ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 88, лл. 7—8).

Тринадцатого ноября поступило дополнительное сообщение, подписанное Н. В. Крыленко:

«Наши парламентарии перешли в немецкие окопы, и начались переговоры о перемирии на всех фронтах. Давно жданный мир близится, но сразу ничего сделать нельзя. До заключения мира фронт должен быть непоколебим. Нужно помнить о нашей армии, четыре года несущей жертвы. Необходимо последнее напряжение всех сил страны. Фронт голодает, фронт раздет, разут, нет подвоза ни продовольствия, ни фуража. Советы рабочих и солдатских депутатов должны принять на себя заботу о фронте, накормить голодных, раздетых людей. Германии еще тяжелее, чем нам, и мы добьемся мира. Пока все внимание, все заботы должны быть сосредоточены на фронте. Нельзя ждать помощи от других, нужно самим взяться за дело».

(ЦГАОР СССР, отдел печатных фондов, инв. № 2642).

В приказе по 5-й армии, подписанном ночью 14 ноября, было сказано:

«Парламентарии... обратились к высшему командованию германской армии с предложением — согласно ли оно прислать своих уполномоченных для открытия немедленных переговоров об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран в целях начатия затем мирных переговоров. Германское верховное командование ответило в утвердительном смысле на поставленные прямо вопросы».

Товарищи! Наступил серьезный момент. Мечта о мире начинает превращаться в действительность. Мы узнали, что есть возможность вести переговоры о всеобщем перемирии, что

есть возможность сговориться, наконец, о будущем мире, и мы узнаем скоро, кто честно хочет прекратить позорную бойню...

Мы всегда знали, что мира нам не дадут те, кто лицемерно вел игру внешней политики. Теперь все зависит от нашей организованной силы и тесного сплочения. Мы призываем вас к бдительности, осторожности и серьезному исполнению ваших обязанностей солдата. Всем тем, кто будет мешать делу справедливого мира, мы должны оказать самое упорное сопротивление. Для этого вы немедленно выделите из своей среды революционные суды, полномочные пресечь все провокационные выступления врагов мира.

Дело мира в ваших руках.

Предс. армейского комитета
5-й армии — СКЛЯНСКИЙ». (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 88, лл. 13—14).

Прошло несколько дней, и в окопах появилось новое обращение Н. В. Крыленко:

«Именем революции. Ко всем солдатам революционной армии и флота.

Товарищи!

29-го ноября делегаты Российской Республики во второй раз отправились в Брест-Литовск, чтобы окончательно подписать договор о перемирии и одновременно приступить к определению основных условий мирного договора.

Рабочие и крестьяне Российской Республики открыто перед всем светом заявили, что они не намерены драться и умирать во имя интересов буржуазии...

Дело мира окрепло, и на всех фронтах России умолкли пушки. Товарищи! Мы десятки раз предлагали союзникам приступить вместе с нами к делу мира. Они молчат, они еще не верят, что весь русский народ хочет мира, что весь народ признает власть Советов. Если правительства союзников не хотят мира, то русские рабочие и крестьяне не хотят войны...

Товарищи, мир близок, но еще не выпита нами вся чаша страданий. Мир близок, но еще не все враги народа покорно сложили оружие.

Мир близок, [но] со всех сторон тянутся коварные руки. чтобы сорвать дело мира и снова набросить на шею народа намыленную петлю...».

(ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, т. 88, лл. 118—126).

Одновременно, считаясь с интересами соседних государств, Советское правительство дало указание вывести русскую армию с территории Румынии:

«Армия Румынского фронта с получением настоящего приказа предписывается приступить к организации планомерного отхода частей армии с территории Румынии. Военно-революционным корпусам и дивизиям войти в связь между собой. Средоточив полки за линией фронта, дивизиям отходить к русской границе, приурочивая расположение дивизий к железнодорожным линиям и грунтовым путям подвоза продовольствия...

Связь со Ставкой держать путем специальных нарочных курьеров.

Командование переходит в руки комитетов, минуя штабы армий и фронта.

Главковерх—КРЫЛЕНКО».

(ЦГАОР СССР, отдел печатных фондов, инв. № 2334).

Борьба Советского правительства за мир находила полную поддержку среди миллионных масс рабочих и крестьян. В адрес Второго Всероссийского съезда Советов, ВЦИК и СНК на имя В. И. Ленина шли приветственные телеграммы, резолюции, письма.

Рабочие и служащие Челябинского узла тяги, собравшись 27 октября 1917 года на общее собрание, приветствовали Второй Всероссийский съезд Советов и желали ему успешной работы. Резолюция, принятая собранием, заканчивалась словами:

«Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и их народных комиссаров.

Долой буржуазную войну!

Да здравствует перемирие и грядущий демократический мир всего мира!»

(ЦГАОР СССР, ф. 5498, оп. 1, д. 22, л. 135).

А вот письмо от Комитета Соснчанской селянской спилки (крестьянского союза):

«В Центральный исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов.

Сношение

Сим комитет спилки доводит до Вашего сведения, что на общем собрании членов спилки в числе 695 человек постановили:

Признать высшую власть в лице Советов и народных комиссаров, которым только и верить, что правительство р. и крест. даст всем окончить немедленно братоубийственную войну и закрепить права народа, по чему все единогласно поручил: поддерживать крестьянское правительство и вместе с тем и тут, на месте, бороться с произволом буржуазии и забирать власть в руки народа.

Держите власть в своих руках. Крестьянство за Вами. Костями ляжем, но Керенскому и его единомышленникам — предателям Родины народ не простит.

Председатель — Рожко.

С. Дзына, Максим Марченко,
Мефодий Чуб, П. Перебийнос.
(ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80,
д. 76, лл. 18—19).

В постановлении Совета рабочих и солдатских депутатов Мотовилихи, Пермской губернии, говорилось:

«...Декретом о мире, исходящем не от правительства российских империалистов, а от истинно рабочего и крестьянского правительства, будет разбита стена недоверия, которая отделяла западноевропейский и в первую очередь немецкий рабочий класс от русской революции, та стена, которая была воздвигнута усилиями империалистов в союзе с нашими оборонцами, двинувшими русскую революционную армию в авантюристическое наступление, чтобы этим самым убить у немецких рабочих всякую веру в силу и мощь русской революции, которая в самом начале призывала их к решительной борьбе за мир».

(Газета «Пролетарское знамя» № 6 от 7 ноября 1917 года).

Крестьяне села Млево, Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда, Казикинской волости, собравшиеся 3 ноября 1917 года в количестве полутораста человек, писали:

«...Приветствуем решительные шаги народного Правительства к достижению немедленного и справедливого мира для скорейшего окончания вызванной помещиками и капиталистами этой кровавой войны, которая длится уже четвертый год. И поэтому мы со своей стороны заявляем, что будем поддерживать новое народное Правительство всеми имеющимися у нас средствами...»

(ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 8,
д. 21, л. 68).

Среди других подобных многочисленных документов укажем еще на постановление «зачальных зборов Тишківської селянської спилки Лубенського повіту на Полтавщині, вид 29 листопаду 1917 року».

«...Пункт 2. Возбудилось питаня о прекращении войны. Обсудивше це, постановили: требовать немедленного мира, об чим довести до ведома Всеукраїнської Ради військових депутатів, Полтавський і Петроградський Совети солдатських, робочих і крестьянських депутатів, яких мы прохаємо заключить мир не с правительствами наших держав, а с народами всих держав, без аннексий и контрибуций, с правом полного самоопределения народив.

Яку постанову переслати в Петроградський исполнительный комитет и просити переслати за границу...»

(ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80,
д. 76, л. 33).

Грудящиеся Советской России, приветствуя миролюбивую политику своего правительства, требовали опубликования тайных договоров о подготовке и ведении империалистической войны.

Десятого ноября 1917 года на страницах газет «Известия Петроградского Совета», «Правда», «Рабочий и солдат» и других появились первые публикации ряда секретных документов из архивов царского двора и Временного правительства. А вскоре по заданию В. И. Ленина из печати вышел первый сборник этих материалов под редакцией матроса большевика Н. Г. Маркина. Этот

сборник, ставший ныне библиографической редкостью, открывался кратким предисловием:

«Долой тайную дипломатию!

Да здравствует открытое честное соглашение!

Целью настоящего Сборника является: ознакомление широких масс с содержанием документов, хранившихся в бронированных комнатах и нескраемых шкафах бывшего Министерства иностранных дел, как одного из филиальных отделений буржуазии всех стран.

Каждый документ есть предательство народа! Каждый документ есть позорное клеймо угнетателя!

Всё на свет Божий! Всё наружу! Пусть знают трудящиеся всего мира, как за их спинами дипломаты в кабинетах продавали их жизнь. Аннексировали земли. Беспочвенно поработали мелкие нации. Давили, угнетали, политически и экономически. Заключали позорные договоры.

Пусть знает всякий, как империалисты росчерком пера отхватывали целые области. Орощали поля человеческой кровью.

Каждый открытый документ есть острейшее оружие против буржуазии. Вся их адская работа нами будет опубликована.

У нас имеются тысячи телеграмм, писем и других документов, которые будут еженедельно помещаться в нашем Сборнике...»

(«Сборник секретных документов из архива бывш. Министерства иностранных дел», вып. 1. Петроград. 1917. Стр. 1).

Перепечатанные в зарубежной прессе, эти документы оказывали огромное влияние на общественность. Они раскрывали истинные цели и причины войны.

Советское правительство, выражая волю победившего народа, официально обратилось к правительствам капиталистических стран с предложением немедленного перемирия и открытия мирных переговоров.

Седьмого ноября 1917 года была направлена нота послу Франции.

«...Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов,— говорилось в ней,— организовал 26-го

октября новое правительство Российской Республики в виде Совета Народных Комиссаров. Председателем этого правительства является Владимир Ильич Ленин...

Обращая Ваше внимание на одобренный Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов текст предложения перемирия и демократического мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов, честь имеем просить Вас смотреть на указанный документ, как на формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров,— предложение, с которым полномочное Правительство Российской Республики обращается одновременно ко всем воюющим народам и к их правительствам...»

(ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 11, л. 16. На французском языке).

Восьмого ноября аналогичные ноты были отправлены послам и посланникам Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Италии, Сербии и Бельгии. Десятого ноября с предложениями мира Советское правительство обратилось к нейтральным странам — Дании, Испании, Нидерландам, Норвегии, Швейцарии и Швеции¹.

Правительства большинства стран саботировали мирные предложения Советского правительства. И тогда через головы правительства громко зазвучал голос народов.

«Слава и величие вам, русские трудящиеся! — писали румынские рабочие.

Да славятся ваши имена, русские товарищи, вы, которые своим героическим решением, своей пролитой кровью в борьбе с врагами народа укрепили в нас веру в силы социализма и показали всему свету правильный путь, который ведет к миру, братству народов...

Вы завоевали сердца всех угнетенных народов, ваш мирный дух вышел везде победителем над дьявольским духом войны, и если сегодня еще есть страны, где правители посылают

¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. 1. М. Госполитиздат. 1957. Стр. 16, 17, 22, 23 и др.

вам проклятья, то недалек час, когда народ, исстрадавшийся и жаждущий мира, сметет всех грабителей и подлецов, отталкивающих протянутую вами руку для заключения мира».

(Газ. «Адевэрул» («Правда»),
Бухарест, 26 ноября 1917 года.
Перевод с румынского).

Пятого ноября в Смольный на прием к В. И. Ленину и Я. М. Свердлову пришла делегация от трехсот бельгийских рабочих, живших в Петрограде.

«Делегация просила тов. Ленина передать русскому пролетариату, что бельгийские рабочие всем сердцем с ним в борьбе за мир и социализм. Число их сторонников растет среди бельгийских рабочих с каждым днем...»

(«Правда» № 182 от 20 ноября 1917 года).

«Известия ВЦИК» печатали 23 ноября 1917 года:

«По сообщениям в «Арбейтер цейтунг» от 7, 8 и 9 ноября старого стиля, движение в пользу мира все больше и больше ширится и принимает грандиозные размеры. В последнее время происходили митинги и демонстрации в следующих городах: Нейкирхен, Линц, Теплиц, Ландштрассе, Оттакринг, Штейр, Клейнмюнхен, Вельс, Эбензее, Винришгарстен, Нейцег, Кирхдорф, Вольфсег, Грац, Фрейвальдау, Пэльстен, Карлсбад, Зальцбург и целом ряде других городов Верхней и Нижней Австрии...»

А берлинская газета «Форвертс» сообщила 25 ноября 1917 года, что в разных местах Берлина

«происходили большие демонстрации за мир... Громадные массы народа двигались по улицам, здоровались Карла Либкнехта и требовали мира. На углу Шпандауштрассе и Кайзер-Вильгельмштрассе пришли к столкновению с полицией, которое привело к арестам».

(«Правда» № 199 от 8 декабря 1917 года).

Польские солдаты от имени своего народа так приветствовали Декрет о мире:

«Собрание польских военнослужащих приветствует декрет Правительства Народных Комиссаров, искренне и открыто ставящего вопрос о демократическом мире».

Принимая во внимание, что подобный мир, гарантирующий польскому народу в числе других народов действительное освобождение, может быть приобретен только самим народом путем международной революции, что теперешний переворот станет могучим двигателем, подымающим рабочих на борьбу на жизнь или смерть за мир, заключенный на развалинах империализма и тайной дипломатии, революционные польские солдаты во имя международной революционной солидарности и народных интересов Польши, а также согласно решениям 2-го съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, постановляют занять место в рядах борющегося пролетариата и революционных солдат России».

(Газета «Трибуна» от 24 ноября 1917 года. Перевод с польского).

«Правда» поместила 28 ноября 1917 года телеграмму вождя рабочего класса Болгарии:

«Благоев телеграфирует, что 2 декабря (новый стиль) 10 тысяч рабочих Софии приветствовали от имени болгарского пролетариата русский революционный пролетариат и требуют немедленного перемирия на всех фронтах и всеми силами будут поддерживать борьбу за мир».

Эти и другие приветствия, идущие от сердец простых людей Англии, США, Франции, Индии, Китая и других стран, являлись убедительным свидетельством великой правоты слов Ленина:

«Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах».

(В. И. Ленин. Сочинения, т. 26, стр. 208).

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

М. Блинкова. Саша Зеленин и его друзья.— **А. Берзер.** Путь ко второй книге.— **И. Виноградов.** Почему стало пусто в «каса марс»? — **А. Кондратович.** Слова и годы.— **А. Турков.** Книга о мастерстве Пушкина.— **Д. Альшиц.** Древнерусская проза в стихотворных переводах Н. В. Водовозова.

ПОЛИТИКА И НАУКА

А. Байкова, кандидат исторических наук, **К. Козырина.** Новое о В. И. Ленине за рубежом.— **В. Филиппов,** кандидат экономических наук. По ленинскому пути.— **М. Сидоров,** кандидат философских наук. Новый труд по истории философии.— **И. Ермашев.** Воспоминания советского дипломата.

Литература и искусство

Саша Зеленин и его друзья

Вот как произошла первая встреча сорокалетних и двадцатичетырехлетних. Инвалид и его друг — оба не вполне трезвые — захотели вступить на улице в задумчивый разговор с незнакомыми молодыми людьми и задали им вопрос: «Чем вы живете?», на что те ответили насмешливой. Сорокалетние заявили: «Мы, фронтовики, и сейчас знаем, что делать, а вы, видно, только по Невскому можете шмалить», «мразь», «ничтожные пижоны»... Драку предотвратил посторонний человек: «...Ты, друг, зря так: не знаешь людей, а называешь пижонами», — сказал он.

А действительно — каковы же они на самом деле, эти «городские парни, настроенные чуть иронически ко всему на свете, любители джаза, спорта, модного тряпья»?

Об этом рассказывает В. Аксенов в повести «Коллеги».

Мы знакомимся с коллегами — тремя только что окончившими вуз врачами — в тот день, когда они получают свое первое направление на работу. Перед нами проходят первые полгода их самостоятель-

ной жизни, насыщенные событиями и переживаниями, напряженные месяцы проверки себя, своих знаний и способностей, волн и честности, своего умения жить и работать с людьми и для людей. Неподходящие характеры, различный темперамент у друзей, по-разному они подготовлены к жизни и неодинаково вступили в нее.

Легче других прошел этот путь Саша Зеленин, избравший самую скромную и трудную тропу — работу в поселке, где два года не было доктора.

Врач уже не в первом поколении, Саша воплощает в себе традиционные черты, присущие русской интеллигенции, — сочетание духовной мудрости и житейской наивности, деликатности и твердости, высокое чувство долга, искренность, чистосердечие и даже некоторую восторженность. Он не согласен идти на компромиссы ни с чем, что считает неправильным, неразумным, некрасивым. Здесь, в поселке, «вот уже больше трех лет фельдшер Маркар Иванович благополучно обходился без рентгена и лаборатории... врачевал без страха и сомнения». А для кого же тогда все сложное, самое современное оборудование — томографы, электрокардиографы,

аппараты для исследования основного обмена? И Саша с энергией, которой, возможно, и не подозревал в себе, начинает добывать для своей больницы приборы, чинить, налаживать то, что было здесь заброшено. Сгорая, в порыве своего преобразовательского энтузиазма «прекрасный идеалист» мог обидеть старого человека и тут же почувствовать к нему «острую щемящую жалость». Насмешники друзья подтрунивали над Сашей, над его назначением, называли его будущим Ионычем. Но разве может стать Ионычем человек, который во что бы то ни стало хочет приобщить людей к той интересной жизни, к которой привык сам! Саша любит стихи, декламацию, шутку — и с искренним интересом, без тени высокомерия включает в работу местного клуба; он не представляет себе жизни без спорта — и здесь он организует волейбольную команду; он понимает толк в элегантной одежде, его коробит, что первая красавица поселка носит на груди черный клеенчатый цветок из тех, что в Ленинграде вышли из моды пять лет назад, — и он организует лекцию «об умении красиво одеваться». К лекциям Саша вообще поначалу относился с чрезмерной почтительностью. Борьбу с пьянством он тоже начал с лекции, и она явно не удалась, так же как и его первое выступление перед своими сотрудниками; зато его лечение алкоголизма (с использованием условного рефлекса!) дало отличные результаты.

Так вот и начинал свою жизнь доктор Саша Зеленин, сражаясь с болезнями, зеленым змием — и со своей собственной тоской по вечерам в пустой квартире, — «оказывается, это страшней, чем думалось. Как ни заполняй свой день, как ни мечись, — неизбежно наступает час, когда остаешься совсем один и только черные глазница — окна. И завтра, и послезавтра, и послепослезавтра...» Даже враг был у него здесь — страшный, отвратительный, здоровенный бандит. Как это замечательно, что друзья когда-то научили Сашу приемам бокса, — оказывается, и это бывает необходимо. Саша почувствовал себя очень счастливым, когда ответил бандиту на оскорбление мощным ударом, которого право же, никто не ждал от худого очкастого ленинградского доктора, такого вежливого и деликатного.

На наших глазах завоевывает молодой доктор признание и любовь окружающих.

Мы видим, какой ценой добывается он своего права на счастье — почувствовать, что «вошел как болт в эту хитрую машину — жизнь». А ведь иначе и не могло быть, потому что Саша деятелен и энергичен и потому что он первым из друзей понял и всем сердцем принял закон нашей жизни: «Мы в ответе не только перед своей совестью, но и перед всеми людьми».

Сложнее, драматичнее был путь к зрелости другого коллеги — Алексея Максимова.

В последнее время появилось несколько произведений молодых писателей, в которых освещается внутренний мир людей, чей переход к самостоятельной жизни происходил не гладко и не просто. Еще герой повести А. Кузнецова «Продолжение легенды» уехал из родного города на целину растерянный и обиженный. Но он был очень молод, сразу окунулся в кипучую, настоящую жизнь и поэтому быстро пришел от уныния к жизнеутверждению, к пониманию того, что хорошая, правильная жизнь — еще не значит «легкая жизнь».

Трагичнее складывалась судьба Игоря Серова, молодого футболиста, героя повести А. Гладилина «Дым в глаза». Непомерно раздутое честолюбие, эгоцентризм, отсутствие органического контакта с окружающей средой приводят его к духовной и интеллектуальной опустошенности, к потере вкуса к жизни. В повести рассказана история славы и падения Игоря Серова, а возвращение к жизни лишь обещается. Но это обещание кажется надежным, потому что Игорь — натура не порочная, а испорченная неправильным воспитанием и слишком легким — без труда и усилий — успехом.

Алексей из повести В. Аксенова «Коллеги» заявляет. «Мое кредо — быть честным, но и не давать себя облапошить, не попадаться на удочку идеализма».

«Удочка идеализма», «высокие словеса», «полированные словесные бульжники» — так выражает юноша свой протест против декларативности, демагогической ортодоксальности и догматизма, связанных с культом личности.

Нетерпимость к фальши и лицемерию вместе с неумением отделять главное от частного и случайного, гиперболизация, свойственная человеку в момент, когда он подсознательно ощущает свою неправоту, заставляют Алексея произносить с вызо-

вом: «Есть жизнь, сложенная из полированных словесных булыжников, и есть настоящая, где герои скандалят на улицах, а романтически настроенные девицы ложатся в постели к преуспевающим джентльменам. А сколько вокруг жуликов и пролаз! Они будут хихикать за твоей спиной и делать свои дела».

Алексея заносит даже в пучины солипсизма, и об этом он тоже сообщает подчеркнуто откровенно: «Какое мне дело до всего на свете, если я каждую минуту чувствую, что когда-то я исчезну навсегда!» Так он и вступает на самостоятельный путь, маскируя цинизмом, резкостью и бравадой свою растерянность.

Он не может найти ответы на вопросы: так в чем же смысл жизни? Что же это такое — счастье? Если это интересная, увлекательная работа, то как же с той — черновой, повседневной? Вот ему, Алексею, мерещилось — «пальмы, небоскребы, купола, пирамиды», поэтому и согласился он на работу судового врача. А обернулось это службой в порту, где ему приходилось разбираться в каких-то скучных бумажках... И ему уже кажется, что «большинство людей не нашло себя. Ведь это так трудно, и это такое счастье, когда сразу вступаешь на свой единственный, жизненный путь!»

А как с этими неизменно прекрасными и заманчивыми вещами — музыкой, стихами, вином, спортом, хорошей одеждой, автомобилями, горами, закатами, морем?.. Кто имеет право на наслаждение ими и как это все надо увязать с тем, что ты «звено в цепочке», о чем толкуют Алексею старый мудрый доктор Дампфер и «прекрасный идеалист» Саша Зеленин?

А живопись? Какое место занять в спорах о Пикассо и Матиссе, об абстрактном искусстве? «Не каждый проведет грань между этими вещами. Мне тоже трудно провести. Для того чтобы провести, нужно как следует разбираться в этом. Нужно знать все, а я всего не знаю. И кричу». Да, случается, что в запальчивости и раздражении Максимов выкрикивает какие-то, с чужого голоса, глупости. А потом ему самому делается стыдно.

Характерно, что и Алексей и гладилипский Игорь как бы выбиты из своего возраста. Игорь чувствует себя стариком, а Алексея часто инфантилен: из духа противоречия, из боязни показаться недоста-

точно самостоятельным или отважным он нет-нет да и совершает нелепые мальчишеские поступки, вызывая недоумение или насмешку окружающих.

Вот так и начинается поединок большого мира с маленьким мирком его трагических умпостроений. Это был недолгий поединок: жизнь неумолимо выталкивает из характера Алексея ненужное, наносное.

Многозначительна первая победа Алексея — она была одержана над воругой-хозяйственником в порту, где Алексей работал врачом. Далась она нелегко, потому что хозяйственник был хитер, ловок и нагл, а еще и потому, что Алексею надо было справиться с собственным, правда недолгим, искушением умыть руки, уйти от этого дела. Так уже первый шаг в самостоятельной взрослой жизни Алексея доказал ему, что честность и равнодушие никогда не могут соседствовать: его «кредо» оказалось несостоятельным.

Честен и щепетилен Алексей и в любви. У него и здесь все нелегко, непросто. Никто на свете не знал о его любви, в том числе и девушка, которую он любил, и его веселый друг Владислав, который ни от кого не скрывал своей любви к этой же девушке. А вышло так: «Курс отлично помнит, как она дала отставку Владьке Карпову и вышла замуж за доцента кафедры...» И лишь тогда, когда она была уже замужем и никак не могла решиться на ломку своей налаженной жизни, выяснилось, что и она тоже любила и до сих пор любит Алексея. Удивительно ли, что в его чувстве то тоска, то ликование, то озлобленность и ревность, то нежность, то растерянность? Ведь здесь был и страх оскорбить и потерять друга, и обман. А обмана Алексей терпеть не мог ни в чем.

Наступает такой момент, когда Алексей сбрасывает с себя маску цинизма и признается себе откровенно, без страха перед «высокими словесами»: «Мы атакуем не только то, что вне нас, но и то, что у нас внутри поднимается временами. Уныние, неверие, цинизм — это тоже оттуда, из того мира. Это еще живет в нас, и временами может показаться, что только это и живет в нас. Нет. Потому мы и новые люди, что боремся с этим и побеждаем...»

В этот момент происходит вторая встреча Алексея с нивалидом, назывшим его «пнижоном», — с человеком, которого в начале повести Алексей оскорбил насмешкой

и сомнением в его фронтовом прошлом. Мысль автора ясна и благородна: товарищи, не забывайте, что в жизни каждого могло быть много трудного, научитесь уважать друг друга, не судить по первому впечатлению о человеке: «А что у него за душой, ты знаешь?» Но не может не броситься в глаза, что автор несколько злоупотребляет своим правом сводить людей таким образом, чтобы их встречи носили почти символический характер. С такой же прямолинейностью, заметим кстати, — и тоже не без злоупотребления правом автора распоряжаться своими героями — почти каждому высказыванию мятущегося Алексея противопоставлены четкие и правильные ответы и «разъяснения» его антиподов.

...Повесть «Коллеги» написана очень чистосердечно. Ничего не утаивая, рассказывает нам ее автор о своих сверстниках. Он не скрывает своей тревоги и по поводу того, что из их же комсомольской, студенческой среды вышел мещанин и обыватель Петр Столбов — врач, не погнушавшийся участвовать в грязных махинациях вора-хозяйственника в портовых складах.

Осуждение мещанства отчетливо звучит в произведениях многих молодых писателей: они предостерегают от той опасности, которая ждет человека, чрезмерно увлекшегося приобретательством. Сильна эта нота и в повести В. Аксенова. В ней, между прочим, утверждается естественное право молодых людей на элегантный облик, на модные костюм и прическу (хотя при этом автор не отказывает себе в удовольствии слегка поиронизировать над своим героем, если того огорчает недостаточно модный фасон ботинок или если он, идя на свидание, надевает чужой нарядный шарф). С тем большей силой звучит здесь история падения Столбова, у которого, кроме стремления «хорошо жить», ничего за душой нет. Расстояние от корыстолюбия до преступления, до морального падения незаметно — недвусмысленно свидетельствует эта история.

Автор повести «Коллеги» откровенен и взволнован. Повесть его воспринимается как своеобразная исповедь, в которой раскрыто и смятение молодого человека в самую трудную полосу его жизни, и его пу-

ти к осознанию действительности и самоутверждению. Это рассказ о человеке многостороннем, воспринимающем жизнь во всем сложном единстве событий, красок, звуков. Поэтому здесь такие живописные и впечатляющие пейзажи, такие современные в своей экспрессии. («Ночь составлена из двух простейших цветов. Черный и белый. Черный неподвижен и величествен. Белый кружится. опускается на землю, на крыши, на деревья. Деревья тянут мягкие лапы, кусты топорщат сучья, похожие на оленьи панты. Где ты видел еще такой снегопад?») Поэтому вся эта реалистическая, созданная на правдивой жизненной основе повесть озвучена в лирико-романтическом ключе. Отсюда и многообразие стилистических и жанровых элементов: в ней — письма, дневники, монологи, с переходом прямой речи героя в косвенную, лирические отступления, своеобразные анкеты с самохарактеристиками и комментариями от автора, толкование поступков, переживаний и характеров героев устами их друзей. Правда, здесь есть и кое-что лишнее — не всегда, например, нужны лирические концовки, поясняющие то, что уже ясно по ходу действия; нет особой нужды в тех анкетах, с которых начинается повесть, тем более что в них несколько сливаются образы Алексея и Владислава; в многочисленных внутренних монологах иногда сливаются голоса Алексея и Саши, — тогда стирается грань между двумя этими образами и начинает казаться, что автор самого себя разделил на два этих образа.

Есть в повести «Коллеги» некоторые стилистические излишества, но вся ее художественная манера говорит о поисках автором собственного творческого почерка. Эти поиски не носят у него такого демонстративного характера, как, скажем, в повести Гладиллина «Дым в глаза», которой сочетание жанровой пестроты с откровенной условностью и элементом фантастики отчасти придает характер памфлета. Однако тенденция здесь общая: найти достаточно динамические и лаконичные способы художественного выражения тех современных проблем, которые волнуют молодое поколение. Иногда у молодых писателей стремление к лаконизму оборачивается пунктирностью, торопливостью. Но тенденция эта благотворная. Там, где ведутся поиски, всегда будут находки.

Удачей повести «Коллеги» является, на мой взгляд, слитность в ней лирики и юмора — веселого, острого, жизненного. Этот юмор связан не с комической ситуацией, а лишь с характером речи действующих лиц. В. Аксенов вводит в повесть ту речь, которая среди молодежи получила широкое распространение, но в литературу еще почти не проникла. Это разговор, в котором самая интимная мысль может быть произнесена с ироническим оттенком, и прежде всего по собственному адресу. Хорошо когда-то сказал об этом качестве Ю. Олеша: умение подтрунивать над самим собой — признак ума. Здесь в ходу постоянное цитирование (из Пушкина и современных песенок, из цыганского романа и приключенческой повести), чаще всего пародийное, и комическая стилизация.

Иногда лирическое начало прорывает легкую плотину иронии и выливается в проникновенные или неистовые монологи, романтическое звучание которых не слабеет от соседства с юмористическими оборотами, смешными своей сниженной обыденностью.

«Пусть будет тоска, пусть будет разлука, пусть любовь начинается с ревности... Это вот и есть то самое, из-за чего стоит жить. Люблю ее глаза, волосы, губы, ее тело, ее слова и костюмы, привычки, смех, ошибки, печаль, ее дом, ее улицу, весь этот район, люблю и доброжелательно отношусь к милиционеру, который в третий раз проходит мимо.

— Привет, сержант!

— В чем дело?

— Просто приветствую вас.

— Между прочим, документники при вас?

— Нету.

— А чем тут занимаетесь?

— Хочу прыгнуть в небо.

— Пройдемте».

Где молодость — там и лирика и шутка. Это счастливое сочетание хорошо «работает» на автора, помогая ему добиться своей цели — заставить нас понять и полюбить его сверстника, его друга. Мы даже прощаем ему излишнюю запальчивость в этом стремлении, ибо чем же, как не запальчивостью, можно объяснить тот спор, который ведет автор иногда с каким-то несуществующим противником? Этот странный субъект почему-то вдруг оказывается возле коллег, когда они бы-

вают наедине со своими возлюбленными, и тогда автор с яростью набрасывается на него.

«В центре Вселенной, пронизывая Млечный Путь, выросла и зашаталась гигантская тень влюбленной пары (Алексея и Веры.— М. Б.). Попробуйте осудить! Попробуйте осквернить! Попробуйте оклеветать!»

Отгоняет автор этого воображаемого противника и от Саши Зеленина и его будущей жены:

«Судите, рассуждайте резонно, вспоминайте «доброе, старое время», когда объявляли помолвки, дарили кольца и ждали, ждали... Двум молодым людям, сидящим у печки, нет никакого дела до ваших рассуждений».

Да нет же, мы верим и в любовь с первого взгляда и в то, что любовь «греховная» может быть крепче и чище «законной»! А ханжей и лицемеров никто не принимает всерьез, так что стоят ли они таких гневных тирад?

Чрезмерная слитность автора с основными персонажами повести, отсутствие необходимой дистанции между ними сказывается и в других элементах произведения, прежде всего — в художественной неполноценности некоторых действующих лиц второго плана. Они не предстают перед нами в своем собственном качестве, а лишь через пристрастное восприятие их главными героями.

Если мы, скажем, постараемся отвлечься от влюбленности Алексея и Владислава в Веру и Саши — в Инну и представим себе этих молодых женщин «со стороны», то они покажутся нам по-человечески не очень привлекательными, хотя автор стремился изобразить их достойными любви наших друзей. Да и вообще они как-то схожи друг с другом в своей условности, и не спасает их от этого и эффектное открытие молодожена Саши, что его жена — прекрасная пианистка.

Начитанные юноши, иногда устающие от цитат, которыми набиты их головы, многое воспринимают сквозь призму литературных ассоциаций. Поэтому привычным литературным персонажем, порядочным и пресным супругом прелестной юной женщины предстает перед нами муж Веры. Он неправдоподобно старомоден в речи и поведении. Таким он выдуман Алексеем, а как-то он на самом деле фактически остается

неизвестным. Есть и некоторая диспропорция в том внимании, которое уделяет автор своим героям. Собственно, основную нагрузку делят между собой Саша и Алексей. Третий друг — Владислав Карпов, который с самого начала объявлен полноправным участником действия повести, — в основном является слегка измененным вариантом образа Алексея, так сказать, облегченным и более веселым его вариантом.

...Вступающие в жизнь «коллеги» — богатые наследники: многие поколения людей, передавая друг другу эстафету, боролись и трудились для их счастья. Сверстникам В. Аксенова много дано, и, сами

с себя спрашивая многое, они идут навстречу трудностям, не терпят никакого и ни в чем компромисса. «Мы — поколение людей, идущих с открытыми глазами. Мы смотрим и вперед, и назад, и себе под ноги».

Поэтому, как бы крута ни была временами их тропа, но она ведет всегда вверх; поэтому к одним раньше, а к другим позднее, но обязательно приходит чувство того высшего счастья, которое дает лишь сознание своей необходимости людям, счастье деятельности, творчества, когда личная радость неотделима от гражданского долга.

М. БЛИНКОВА.

★

Путь ко второй книге

Хорошо, когда новое произведение писателя позволяет заметить какую-то новую грань его творчества, новую веку — может быть, и не такую грандиозную по масштабам, иной раз чуть заметную, но важную тем, что она есть, а значит, есть путь, есть движение.

Бывает иногда лишь видимость такого движения — от одного увесистого романа к другому, а по существу бег на месте, а то и вспять.

А порой новые черты возмужания проглянут и в маленьком стихотворении, или в очерке, или в рассказе. Так было, например, когда после по-детски угловатой, неровной повести «Первые испытания» молодая писательница М. Ганина напечатала рассказ «Настины дети», с его зрелыми чувствами и мыслями, уверенной и определенной манерой письма. Путь от первого произведения — нелегкий, порой мучительный путь — М. Ганина начала с честью. Это, конечно, не облегчает дальнейших поисков и не гарантирует от неудач, но именно этот путь — от первой книги ко второй — очень часто дает возможность понять, кто же перед нами — автор одного произведения или профессиональный писатель.

Именно по этому пути — ко второй книге — идет сейчас и молодой писатель Анатолий Кузнецов в своих рассказах, опубли-

кованных недавно в «Юности». Для него этот путь особенно сложен, потому что первая его повесть «Продолжение легенды» была высотой, успешно завоеванной, и поэтому таила большой соблазн для остановки.

«Продолжение легенды» — повесть счастливой судьбы. Ее сразу заметили, ее читали, о ней много и добро писали. И в числе причин этого успеха, кроме всех прочих, не раз уже названных и отмеченных, была еще одна, которую было невозможно различить при первом знакомстве с повестью и которая может быть видна только несколько лет спустя. Причина эта в том, что «Продолжение легенды» послужила началом той своеобразной современной юношеской повести, которая была открыта журналом «Юность» и на его страницах развивалась в повестях В. Московкина, А. Гладилина, В. Аксенова и других, развивалась, конечно, с переменным успехом. Но как бы ни были различны эти повести, «Продолжение легенды» А. Кузнецова до сих пор остается самой определенной в их ряду, самой звонкой, как бы задающей тон, что всегда бывает с произведениями, открывающими новую страницу.

Можно сказать, что современная юношеская повесть пришла на смену условно называемой школьной повести, которая в последние годы замкнулась в сфере узких отметочных конфликтов и умозрительных, не всегда связанных с жизнью проблем.

Именно жизнью рождена эта повесть,

Анатолий Кузнецов. Девочки. Юрча, бесштанная команда. Рассказы. «Юность», № 8, 1969.

очень конкретными историческими обстоятельствами времени, второй половины пятидесятых годов, когда вопросы воспитания, пути от школы в жизнь приобрели очень острое и вместе с тем практическое содержание.

Это практическое содержание, поиски собственного решения, выбор будущего, честное, мужественное отношение к себе, к жизни, к ее трудностям и радостям характеризуют эту повесть.

Есть и еще одно важное свойство. Как правило, повести эти пишутся очень молодыми людьми, и молодость эта является не только личной их особенностью, но и существенной чертой содержания и формы. Это очень взволнованный, чуть взъерошенный рассказ о себе, полудневник, полуповествование — свободный лирический, сбивчивый рассказ о себе, широкое раскрытие своих поисков, своих раздумий, желание все понять, во всем разобраться самому, полудетское, часто наивное, но очень честное осмысление жизни. Молодость пронизывает эти вещи и составляет главную их прелесть, основную эстетическую особенность.

Авторы этих повестей по-настоящему умеют большей частью воссоздать лишь один характер — свой собственный, но ведь это не так уж мало, при условии, что характер этот несет черты своего времени и своего поколения. Что же касается других людей, то в повестях этих горячо выражено отношение к ним, переданы черты их биографий, портрет, но все же это еще только чисто внешние зарисовки. Почувствовать, свободно проникнуть во внутренний мир людей другой судьбы, жизненного уклада еще не дано Кузнецову и его товарищам. И это — тоже признак молодости.

Но молодость не может, увы, длиться долго. Затянувшаяся молодость таланта так же опасна в искусстве, как старость его.

Новые рассказы А. Кузнецова интересны тем, что несут приметы начинающегося возмужания.

...В Туманную долину Сибири, на строительство металлургического комбината приехали московские комсомолки и среди них Натка, токарь «Красного пролетария» («неплохой токарь»), и десятиклассница Тамара. О них и написан рассказ «Девочки».

Очень еще не устроена, трудна здесь жизнь. «Кое-как сколоченные общежития

оказались переполненными, и девушек поселили на берегу реки, в палатке, поставленной прямо на траве без всякого помоста... Внутри в полутьме стояли скверно обтесанные столбы и ряды кроватей с никелированными спинками... Под кроватями росла трава. У Наткиной постели покачивался желтый луговой цветочек — бледный, без запаха, с холодными блестящими лепестками».

Неприкрашенно точное описание обстановки жизни, быта, тяжести непривычного труда — это то, что сближает рассказ с повестью «Продолжение легенды». Да и герои его очень молоды и тоже, как и герои повести, приехали на далекую стройку, чтобы найти здесь свой путь.

Можно подумать, что писатель повторяет себя, но это не так.

В «Продолжении легенды» автор часто прибегал к весьма своеобразным, неожиданным описаниям встретившихся героев людей — соседей по вагону, по общежитию, товарищей по бригаде. Обычно писатель рассказывал о них так:

«Валя Федорова. Она родом из Читы. Мать-одиночка. Курносая, скуластая, плотная, толстая и пресимпатичная!»

«Тася-медвежонок. Она маленькая, круглая, добрая и хорошенькая, только руки у нее страшные — большие, рабочие, красные» и т. д.

Девчонки эти мимоходом проходили через лирический дневник героя, и хотя мы представляем их облик, но все же внешне, немного со стороны. В новых рассказах А. Кузнецов отходит от своего лирического «дневника» и погружается в мир людей другого душевного склада, другой биографии, он в какой-то степени отходит от себя и старается глубже заглянуть в глаза другим людям.

Натка в Москве «зарабатывала девятьсот — тысячу рублей, ее в цехе любили, а провожали с музыкой и цветами, подарили лично от дирекции модельные туфли, а девчонки, не зная этого, купили вторые туфли, на микропоре, и еще ей выдали тысячу рублей подъемных...»

Об этих модельных туфлях, что «лично» от дирекции подарили Натке, и о вторых, на микропоре, о зароботке «девятьсот — тысяча» рублей в месяц Натка вспоминает часто и рассказывает очень охотно, особенно, когда ей становится тоскливо и одиноко. И не потому, что она так уж интере-

суется деньгами, а потому, что в этих очень простых, обиходных понятиях для нее ошестствлена ее прежняя достойная трудовая жизнь. Вместе с тем из этих чуть солидных рассуждений видно, что жизнь приучила Натку к хозяйственности и практическому опыту, потому что росла она у мачехи, в большой семье, где ее не баловали заботой и любовью. Поэтому она ведет не по возрасту рассудительные, смешноватые разговоры о заработках, поэтому, снаряжаясь в дальнюю дорогу, она, не в пример Тамаре, собрала вещи основательно и тщательно, прихватив и сумку с луком и домашнюю чашку, поэтому она очень переживала, что ей достались резиновые сапоги, «уже кем-то пошнелые, потертые и с дыркой повыше щиколотки. Каждый вечер, стаскивая их, она осматривала дыру, мечтая, что она станет шире. Тогда она пошла бы, потребовала сменить. Но резина не рвалась; видно, дырку пропорол случайно каким-то острым предметом, может, даже человек опасно поранился, и Натке было жаль его, но в то же время она осуждала его за то, что вот такие крепкие еще сапоги он пробил. Теперь у всех сапоги целые, а ей достались дырявые».

Еле заметная улыбка, легкий юмор, доброжелательный, понимающий, сочувственный,— вот, пожалуй, то новое, что появилось у Кузнецова по отношению к своим героям. И хотя Натка того же круга и возраста, что и герои «Продолжения легенды», но, читая о ней, чувствуешь, что сам писатель перешагнул какой-то рубеж и стоит уже на другой жизненной ступеньке, чем они. Поэтому «изнутри», с таким вниманием и дружелюбием, он старается передать ее душевный мир.

И мир этот оказывается и богатым и щедрым. Натка не радуется трудностям неустроенной жизни, она и плачет потихоньку и тоскует по Москве — это естественные человеческие чувства. Но вместе с тем она работает не покладая рук и при этом все время чувствует себя старшей по отношению к Тамаре и с такой безоглядой добротой, широтой и чуткостью поддерживает ее, что можно только удивляться. И несмотря на свой бережливый нрав, она готова все отдать подруге, даже драгоценные туфли на микропоре.

И вот самое тяжелое позади, на строительстве налаживается нормальная жизнь. «Я видела, как вы приехали катером,— го-

ворила комсорг.— Такие все были ужасно храбрые, ждали, наверно, подвигов, а у нас просто жить, работать, не бежать — и этот подвиг далеко не всем дается, к сожалению. И вам спасибо».

Но для Натки испытания не кончаются, потому что первая ее, еще детская, неосознанная любовь, которую и трогательно и немного смешно показал А. Кузнецов, принесла ей и первое настоящее горе, когда она поняла, что ее Никита любит совсем не ее, а Тамару. И вот она идет с кульком любимых конфет «морские камешки» и плачет...

Но тут писателю изменило чувство меры, желание обязательно привести рассказ к радостному, благополучному концу заставило вложить в уста Натки такие тирады:

«Ну, как хорошо, ну, какая же радость! — говорила она, вытирая льющиеся слезы, смеясь и прыгая с уступа на уступ.— Ведь он такой хороший, такой ласковый, скромный, смелый, и она такая хорошая, чистая, как я рада!» Или: «Господи, как красиво! Как хорошо, что я вижу все это, какой мир красивый, только плохо, что я плачу!»

На последней странице вдруг исчезает такая современная и живая девчонка Натка, бывший токарь «Красного пролетария», и появляется какое-то благостное существо, исполненное умиления и всепрощения,— и слова у Натки какие-то чужие, непохожие на нее. Неверная, фальшивая потка...

Этот срыв в конце не в такой грубой форме, но все же чувствуется и во втором рассказе А. Кузнецова — «Юрка, бесштанная команда», рассказе тонким и поэтичным. В нем описано случайное совместное путешествие в город шофера-забуддыги Горлова, тяжелого, скандального, неуживчивого человека, и семилетнего Юрки. Разговоры с Юркой, незримое присутствие его матери, молодой совхозной учительницы, соприкосновение с незнакомым миром детской чистоты и непосредственности пробуждают в этом до существу очень одиноком человеке новые, непонятные ему порывы и чувства, которые он выражает с присущей ему широтой и бесшабашностью. Все это показано естественно, с юмором и психологической достоверностью. Сам Горлов не может понять, что же с ним происходит, ночью он не спит и все думает, «как он истратил деньги и как это вышло

что он на свои кровные купил ботинки чужого мальчишке, тогда как копейка правит человеком».

Разговоры шофера Горлова и мальчика, их прогулки по городу, когда они «пошли просто так шляться, двое мужчин, никакой маме не подчиненных», посещение магазина, театра — все это написано достоверно, с полным и свободным проникновением в мир героя, точным воспроизведением душевной драмы, новых чувств и поворотов его внутренней жизни. Все, за исключением конца... Здесь намечающийся перелом Горлова показан несколько утрированно. Шофер тут же отказывается от денег за проезд на его машине, объясняя: «Свой брат, колхозники, что с них брать...» Он тоже, как и Натка, какими-то чужими, выпренными словами начинает славить красоту мира: «Этот мир был тревожен, красив и наполнен до краев, как бывает в детстве, как в дни любви. Горлов словно впервые в жизни изумленно увидел это и внутренне ахнул... Он подумал, что у мальчика будет впереди большая, длинная жизнь, и он — бог ты мой! — сколько раз еще узнает радость и красоту мира!»

Умиленность, которая вдруг, совсем неожиданно, начинает звучать в конце обоих рассказов, кажется совсем не свойственной дарованию Кузнецова.

Рассказы эти написаны, как мы видим, по-иному, чем «Продолжение легенды». В этой повести было много выдумки, чувствовались поиски новых путей, стремление по-новому написать. Это стремление вообще

свойственно молодой повести журнала «Юность». И это вполне понятно, легко объясняется и возрастом авторов и содержанием произведений. У Кузнецова это особенно ясно определялось содержанием, поэтому в его поисках формы мало было нарочитого, назойливого. «Продолжение легенды» делится не на главы, а на тетради — «Первая тетрадь», «Вторая тетрадь» и т. д., но ведь это вполне естественно для вчерашнего школьника, который ведет свой дневник в сохранившихся от прошлого года тетрадях. В повесть введены письма оставшегося в Москве Виктора, письма не очень интересные, но в самом их появлении тоже нет ничего нарочитого, как и в «Страницах из блокнота», характеристиках встреченных людей, веселых названиях подглавок.

Новые рассказы Кузнецова написаны более традиционно, как у нас принято говорить. И если в повести было видно, как он думает о форме, то здесь видно только, что он думает о своих героях, а сами рассказы текут плавно, естественно — их формы не замечаешь.

Мне не хочется при этом утверждать, что рассказы лучше повести. Просто «Продолжение легенды» — как всякая удача — неповторима. И хорошо, что писатель это понимает. Новые его рассказы свидетельствуют о возмужании мысли, о более зрелом отношении к людям. В целом это хороший путь ко второй книге.

А. БЕРЗЕР.

★

Почему стало пусто в «каса маре»?

Эта пьеса многим радует. Но кое в чем с ней хочется и поспорить.

...Перед нами просторная, по-крестьянски добротная комната в молдавском доме. Комната убрана и принаряжена с большой любовью. Это и есть «каса маре». Но не думайте, что это просто дом для жилья. Дом для жилья везде домом и называется. А это Большой дом. Дед Ион, отец хозяйки этой каса маре, помнит, как еще его собственный дед сказывал, что и тогда, когда

было больше лачуг, чем домов, у каждого настоящего человека была своя каса маре. «То есть был такой уголок в лачуге, который хозяйка убирала понаряднее, присматривала за ним, как за своим ребенком, и называла каса маре». А как же иначе? Ведь «здесь хозяйка бережет свои лучшие песни, а хозяин — свои шутки. Сюда приходит новый год и кладет свои подарки в детские башмачки, здесь справляются праздники, свадьбы, креснины...» Каса маре любит, когда людям в ней хорошо, и грустит, если уходит из дома радость. Она все понимает, все видит. Она знает, что такое настоящее счастье, и ее нельзя обмануть. Она улыбнется только тогда,

Ион Друцэ. Каса маре. Драма в 3 действиях, 10 картинах. Авторизованный перевод с молдавского И. Хазина. «Дружба народов», № 5, 1960.

когда тебе и в самом деле хорошо. «Великое дело, когда у человека есть своя каса маре».

Вот такую каса маре мы и видим на протяжении всех трех действий, и проходит год, прежде чем мы расстаемся с ее хозяйкой, молодой вдовой Василицей. Но оттого, что события развиваются все время в этой каса маре, то, что в ней происходит, приобретает, понятно, несколько особый смысл. Ведь каса маре, как мы уже знаем, не просто дом для жилья. И потому, читая пьесу, все время ощущаешь: нет, важно совсем не то, что перед нами именно молдавские крестьяне, живущие именно в этом селе, что у каждого из них такие-то и такие-то привычки; важны не конкретные подробности жизни, быта, столь необходимые, как правило, в обычном реалистическом произведении. Важно совсем другое. Важна та общечеловеческая природа чувств, переживаний, душевных состояний и нравственных отношений героев, которую и стремится прежде всего выявить Друцэ. Она-то и составляет самую суть этой психологической драмы, она-то и придает ей своеобразный, условный колорит, обобщенно-философское звучание. Оттого и действие пьесы внешне так мало драматично — она полна скрытым, внутренним движением чувств. Оттого и слова, которые произносят герои, так редко имеют буквальный смысл — все дело здесь во внутреннем подтексте, в интонации. Оттого и вообще в этой пьесе внешняя индивидуализация сведена к минимуму.

В самом деле, что мы знаем о Василице, главной героине пьесы? То, что она работает в колхозе — и, видимо, неплохо работает, потому что несколько раз в пьесе упоминается о прсмиях, которые она получает. То, что потеряла она на войне мужа, от которого у нее остался сын. То, что сын сейчас уже взрослый, служит в армии и после окончания срока службы собирается поступить в институт. Но вот мы видим, как принаряживает она свою каса маре, как мечтает о том, чтобы сплясать в ней периницу, — и ее жизнь, ее внутренний мир перед нами, мы сами уже желаем ей всей душой, чтобы она обязательно станцевала периницу в своей каса маре. Ведь нелегко она давалась, эта каса маре. Только успела поставить крышу, стены обмазать — началась война, ушел ее Андрей, оставил ее с малышом на руках. Сколько длилась эта война?

Четыре года? Нет, не четыре: «спросил бы ты молоденькую, оставшуюся с ребенком, и она б тебе сказала, сколько тысяч лет шла эта война...»

«В ту весну, когда кончилась война, — вспоминает Василица, — моя каса маре впервые заулыбалась, она спросила, как выглядит тот солдат, которого мы ждем, и когда он вернется? Но вместо него пришло извещение... Много лет прошло, как мы научились вдовствовать. Потом, даже не знаю, когда и как, вдруг стала я ждать кого-то другого... Долго я мучилась, потому что не знала этого второго мужа. Не знала, как его зовут, как он выглядит, что ему нравится и что нет. Но мне очень хотелось, чтобы ему понравилась эта каса маре... Если б он пришел, если б он только переступил порог...»

Не пришел. Ни любви между нами не было, ни разлада, но и этот оставил вдовой...»

И теперь вот бережет Василица каса маре для своего сына — придет, женится, пусть хоть с ним она будет счастливее... А все-таки мечтается ей, что, может быть, и сама она еще станцует в ней периницу. Знает она, что осудить ее могут люди, да и не судьба уж, видно, ей... Но разве можно заставить себя не мечтать о счастье?

И вот оно приходит как будто в этот дом. Приходит с молодым Павэлаке, первым деревенским гулякой, озорным и веселым парнем. Добрый, славный, сильный — совсем он не такой на самом деле, каким видят его односельчане на праздниках да пирушках. И все, казалось бы, хорошо, расцвести бы радости в этом доме. Но не улыбается каса маре. Проходит год, а ни разу не видим мы в ней счастья, хотя нет и ссор, нет и размолвок.

Может быть, в этом виноваты люди, которые увидели в женитьбе Павэлаке всего лишь очередную выходку шалолая, а Василицу осудили за то, что связала свою судьбу с парнем моложе ее, когда у нее уж и сын ростом с Павэлаке? Ведь и в самом деле это обидно, когда обходят люди твой дом, не хотят порадоваться твоему счастью, пожелать добра. И легко ли, когда и сын не хочет понять свою мать, осуждает ее?

И все же не такой человек Павэлаке, не так уж слаба Василица, чтобы согнуться перед людской молвой, отступить перед молодым, неразумным упрямством сына,

если верят они в свою любовь. И не такая каса маре у Василицы, чтобы перестать улыбаться из-за всех этих горестей, если видит она эту любовь. Ведь в конце концов не все же ослепли и оглохли: двадцать баб-сплетниц — это еще не село. И даже сын — не может же он в конце концов не увидеть, что ошибся, — поймет, порадует за свою мать.

Но не улыбается каса маре, пусто в ней, словно бы и не живут в ней люди. Проходит год, и настает день, когда Василица говорит Павэлаке, что они должны разлучиться, что должен он уйти — искать себе свою каса маре, другую жену. «Гонишь меня, Василица?» — удивленно и с горечью спрашивает Павэлаке. И Василица отвечает: «Какое там — гоню... Твоя молодость гонит тебя, Павэлаке... Ты не поддаешься, потому что ты сильный и славный, каких мало. Но молодость тебя гонит, она стеной стала между нами... Уходи, Павэлаке!.. Пожалей меня... Очень трудно голодному смотреть на каравай вкусного хлеба.

Павэлаке. Это твой хлеб, Василица.

Василица. Эх, будь он мой... Только он не мой. Целый год ползу на коленях, из последних сил хватаюсь, но не могу взять, не могу взять при всей твоей помощи... Годы не дают, Павэлаке. Мои годы уже стали уходить, а твои все приходят... В первый же вечер, как ты пришел сюда, стали они между нами, эти годы, как проклятая свекровь. Они высмеивали меня, они глумились надо мной.

Я смотрела тебе в глаза, а эта свекровь говорила — не видишь, как веселье искрится в этих глазах, но тут же гаснет, потому что не с кем его поделить...

Я смотрела на твои плечи, а свекровь говорила — не видишь, как отзываются они на каждый напев, а тебя волнуют только грустные песни?

Я смотрела на твои руки, а свекровь говорила — не видишь, как мечтают они поласкать ребенка, которого ты не родишь?.. Павэлаке, я не смогу быть матерью и бабушкой в одно и то же время. Есть в мире свой порядок, и если я его нарушу, что для меня останется святым?»

В этих прощальных словах Василицы раскрывается перед нами главная причина неудавшейся любви героев. Не косые взгляды, не людская молва разрушили в конечном счете их счастье. Оказалось, что и в самом деле те восемь — десять лет,

которые лежат между Василицей и Павэлаке, встали между ними стеной — по-разному чувствуют они жизнь, разным воздухом дышат. Потому-то Василица и решает порвать с Павэлаке.

В этом трудном, но достойном решении мы чувствуем большую человеческую силу. Ведь Василица продолжает любить Павэлаке. И если она решается на разрыв, то ведь это только потому, что невысказано для нее счастье, если Павэлаке не счастлив с ней. А она не чувствует в нем настоящей радости; кажется ей, что с молодой Софийкой, влюбленной в него, будет ему лучше. Да, он сильный и добрый, он «не поддается», но ведь не благородство, не доброта нужны Василице...

И потому решение Василицы — не просто трезвое предвидение много перестрадавшей женщины. В этом решении проступает перед нами высокий нравственный мир женщины, не умеющей строить свое счастье за счет счастья других.

Таков, казалось бы, большой гуманистический смысл человеческой истории, которую рассказывает нам Друцэ, таков, казалось бы, смысл и всей пьесы. Ведь и в самом деле звучит в ней это утверждение высоких человеческих чувств, нравственной чистоты и благородства.

И все же, хотя это и так, есть в пьесе ноты, которые врываются в это общее звучание явным истораживающим диссонансом. Они отчетливо слышатся именно в тех словах Василицы, которые говорит она Павэлаке на прощание, — в словах о неодолимой преграде, воздвигнутой между ними годами.

Да, это горькое признание не производит на нас впечатления чего-то неожиданного. Мы чувствуем, что то общее неблагополучие, та общая нерадостная атмосфера их жизни (которая сквозит уже в том, что ни разу не видим мы улыбки Павэлаке, обращенной к Василице) объясняется не только и не столько внешними трудностями (холодность окружающих, осуждение сына), сколько внутренней драмой героев. Нам ясно, что никогда Василица не сказала бы Павэлаке те слова, которые она произнесла на прощание, если бы она всем сердцем чувствовала, что она так же необходима ему, как и он ей. И надо признать, что в том, как одним только неуловимым «подтекстом», без всякого прямого выявления, Друцэ под-

готовливает читателя к этому разрыву героев, видна рука настоящего мастера.

Да, это так. И все же именно эта мастерская художественная «недоговоренность» — может быть, даже неожиданно для самого автора — придает пьесе и иное, настораживающее звучание. В самом деле, попробуем понять, почему же все-таки оказалось невозможным счастье Василицы и Павэлаке. Что же в их отношениях, в их характерах привело к тому, что разделяющие их годы стали действительно непреодолимой преградой? Словом, каковы же те всегда индивидуальные причины, которые одни и могут объяснить любой подобный случай? Но вот этого-то достаточно внимательного индивидуального объяснения как раз и нет — или почти нет — в пьесе. Более того, драматическая судьба героев показана так, что сама постановка такого вопроса как будто и вовсе исключается. Как будто самый случай такого рода, самый факт подобного возрастного «разрыва» заключает в себе неизбежную гибель любви. И драма неудавшегося счастья постепенно превращается в трагедию его фатальной обреченности.

Этот вывод словно бы нарочито подчеркнут последней символической сценой пьесы: когда Павэлаке уже ушел, согласившись с Василицей, и она начинает снова наряжать свою кассу маре — на этот раз для сына, — касса маре улыбается. Словно и в самом деле она хмурилась раньше лишь потому, что Василица и Павэлаке пренебрегли естественным порядком жизни, бросили ему вызов, посмели полюбить друг друга, несмотря на разницу в возрасте. А теперь вот все встало на свои места, оба они вернулись каждый в свой возраст, каждый к своему, predeterminedному судьбой и годами, счастью... И совсем уже отчетливо слышится эта фатальная нота в тех словах Василицы, когда она говорит, имея в виду будущую женитьбу сына, что не решится родить ребенка, не решится стать матерью и бабушкой в одно и то же время — ведь «есть в мире свой порядок, и если я его нарушу, что для меня останется святым?» Опять не само чувство определяет судьбу любви, а именно незыблемый «святой» «порядок» жизни, которому приходится подчиниться...

Автор, как мы это видели, хотел сказать своей пьесой о простой и мудрой жизненной истине: о том, что не может и не дол-

жен человек переступить через самого себя, и только то в его судьбе жизненно и полнокровно, что естественно, а то, что выключается из этого естественного хода жизни, — худосочно, вымучено и обречено на гибель. Но нельзя не заметить, что, когда в этой же пьесе естественным нормам жизни противопоставляется то, что никак не может им противостоять, — человеческое чувство, — получается обобщение совсем другого рода. Получается оправдание тех, кто осудил Василицу и Павэлаке, — в полном согласии с известным житейским представлением, что подобные браки несостоятельны и обречены. Получается, что внутренний смысл пьесы и состоит в художественном утверждении этой «мудрости», доведенной до широты философского обобщения.

Но так ли истинна эта житейская мудрость и действительно ли в ее основе лежит незыблемый закон жизни? Да, есть в ней, конечно, и своя правда, итоговая правда того, как «чаще всего бывает». Но это ведь не самая большая правда. Или, может быть, и в самом деле все не совсем обычное, не укладывающееся в рамки «нормального» течения жизни, обязательно нежизненно, противоестественно и обречено на гибель? Между тем большая любовь — тоже не совсем обыкновенная вещь. Недаром французы шутят: большая любовь как привидение — все о ней говорят, но никто не видел.

Молодое сердце легче находит отклик в молодом сердце, зрелости ближе зрелость. Сходный возраст сближает людей, как сближают их и другие общие особенности воспитания, образования, профессии, жизненного опыта и т. д. Но бывает и так, что и при отсутствии как будто бы подобных «обязательных условий» приходит большая, настоящая любовь. Если она возникла — настоящая, сильная, — значит, она естественна. Она идет своими путями, и никто еще не установил для нее непременных правил. Она сама себе закон, у нее своя воля и свое достоинство.

Вот почему так хочется остановить Василицу, когда она говорит, что есть в мире свой порядок и, если она нарушит его, для нее не останется ничего святого. А любовь, Василица, — твоя любовь, твое чувство? Что же это за порядок и может ли он быть святым, если самое большое и святое человеческое чувство не находит в нем своего места?

Вот почему так хочется, чтобы автор задумался, куда приводит его эта фатальная предопределенность судьбы героев. Ведь, в сущности, рядом с утверждением полноты и естественности человеческой жизни — при том двойственном, противоречивом объяснении, которое можно дать неудавшейся любви Василицы и Павэлаке, — эта полнота и естественность в то же время отрицаются, и перед суверенным человеческим чувством выдвигается еще одно догматическое «не смей!». А это не только неправильно, но и опасно. Известно ведь, что кодекс нравственных норм и представле-

ний, в цепь которых столь легко включается это «не смей!», основан порой на таких принципах отношения к человеку и служит укреплению таких общественных отношений, в которых нет ничего достойного человечества. Потому-то и досадно, что в пьесе, утверждающую силу и красоту человеческого чувства, врываются — нужно думать, в результате чисто художественного просчета — такие неприятные, металлические нотки. И обидно за касу маре, которую нельзя как будто бы обмануть и которая порой перестает все же верить самой себе.

И. ВИНОГРАДОВ.

★

Слова и годы

Тринадцатилетний мальчик написал стихотворение:

Обнял яблоньку в саду
Страстный ветерок
И стряхнул с ее ветвей
Лепестков снежок.

Ты над пряжею мечты
В тишине склонилась,
Не заметив, как снежком
Голова покрылась.

Наверно, это было написано о старой батрачке Цауне. Она знала множество рассказов, сказок, народных песен и просто народных напевов, для которых Роберт «подыскивал» свои слова.

Спустя много лет Роберт Эйдман, прославленный красный командир, герой гражданской войны, один из виднейших строителей Красной Армии, напишет рассказ «О смерти», в котором будут такие строчки: «С тех пор, как я стал спать в кровати, я боюсь смерти. Кровать напоминает мне гроб. Поэтому я иногда стелю на пол пальто и ложусь на него. Тогда я сплю спокойно, как спал все те годы, когда борцы за революцию еще не смели мечтать о кровати... Я еще не научился спать на полу, постелив пальто и подложив под голову локоть».

И такие:

«Наши разведчики почти без выстрела овладели станцией. Белые спешно отступи-

ли в степь. Перед станцией лежало около полусотни трупов. Там же, перед станцией, мы увидели черный закоптелый броневик с двумя обгоревшими трупами в нем.

Что случилось? Почему из броневика вырвалось пламя? Железнодорожники видели, как в пламени и дыму, сея вокруг себя ужас и панику, носился броневик Вавилова.

Так умер Вавилов. Он умер неплохо. Умирая, он, конечно, не думал о смерти. Он не думал о смерти, как не думал тогда о ней и я, не думали сотни людей, смотревших смерти в глаза. Мы умирали спокойно, зная, что умираем во имя лучшего будущего.

Черт побери, мы умирали за большинство человечества!»

Не знаю, как это лучше объяснить, но между наивным и тихим детским стихотворением и суровой, почти аскетической прозой, лишенной каких-либо украшений, безбоязненно повторяющей одни и те же слова, неожиданно чувствуется живая связь. И там и здесь любовь к человеку, гордость и восхищение им. И то неуловимое обаяние личности автора, нежного к людям и сурового к себе, столь искреннего, душевно открытого, что и в зрелую пору своей жизни он оставался чист и непосредствен, как юноша. Личности необычайно цельной и в такой же степени богатой. Увлекающейся и до конца преданной делу всей жизни.

Таких дел было два — революция и литература. Верен им он был одинаково. Но революция была важнее...

Р. Эйдман. Слова и годы. Избранное. 676 стр. Перевод с латышского О. Эйдман и Г. Горского. Редактор Н. Бать. Латвийское государственное издательство. Рига. 1959.

...Когда б я жил одной душой поэта,
Но я живу большой судьбой бойца,
Идущего в гражданскую войну
На Украине, Волге, на Дону...

(Из поэмы «Петроград», 1918).

Большая судьба коммуниста, бойца привела Роберта Эйдемана на передний край борьбы за власть Советов, сделала крупным военачальником. Он командовал отдельными отрядами, стрелковыми дивизиями, армией, его действительно видели и Украина, и Волга, и Дон, его части сражались против генералов Краснова и Деникина, барона Врангеля. Вместе с Фрунзе Эйдеман в 1921 году завершил разгром бандитских шайк на Украине.

С восемнадцатого по двадцать первый... Четыре года в боях, четыре года лишений, тревог, бессонных ночей и многодневных маршей. Вот откуда: «Я еще не научился спать на полу, подстелив пальто и подложив под голову локоть...»

Революция обнаружила в бывшем студенте петроградского Лесного института талант полковника, и он остался военным до последних дней жизни. В течение семи лет Эйдеман возглавляет Военную академию имени Фрунзе, воспитывая новое поколение командиров Красной Армии. Позднее он становится членом Реввоенсовета, затем председателем Центрального совета Осоавиахима. Разрабатывает теоретические вопросы военной науки, редактирует «Советскую военную энциклопедию», журнал «Война и революция» и другие военные издания.

Книжная повседневная деятельность. И если есть время между работой, то оно отдается не отдыху, а литературе. При этом литература не становится забавой, средством переключить себя от полезного к приятному. Литература — вторая жизнь Эйдемана, его страсть и призвание, и жаль, конечно, что ей можно посвящать лишь скупо отмеренное время. В предисловии к сборнику своих рассказов в 1930 году Эйдеман так и пишет, что для литературного труда он имел в своем распоряжении «только редкие передышки между работой».

В эти редкие передышки Эйдеман писал много и бурно. Уже после революции он выпускает на латышском языке поэтические сборники: «Земля и хлеб благоухают» (1924), «Неудержимый поток» (1925), «Наступление продолжается» (1930), «Слова и

годы» (1934), «С поднятой головой» (1936). Выходят и сборники прозы: «Местечковые рассказы» (1926), «Восстание камней» (1930), «На заре» (1931) и другие.

Все это удивительно.

Но еще удивительнее то, что, занимаясь литературой урывками, Эйдеман создал целый ряд замечательных произведений и в поэзии и в прозе. Если верно, что писать надо только тогда, когда не можешь не писать, то можно быть уверенным: Эйдеман только так и писал. У него просто не было времени писать иначе. И это верный признак таланта, побуждаемого к литературе не какими-либо посторонними расчетами, а одним лишь стремлением вывить свое отношение к жизни, рассказать людям «о времени и о себе».

Показателен в этом отношении рассказ «Поединок». Он датирован писателем так: «Ночью 22/23-X-1927 г.». Он словно создан на одном дыхании, одним творческим порывом, и при всем том в нем сплетаются разные интонации — и шутивая и патетическая, суховато-документальная и романтически-восторженная. И есть в этом рассказе точно очерченные характеры.

Сюжет рассказа прост — встреча красноармейцев с танком. В литературе о гражданской войне этот сюжет встречался не раз. И не только в книгах, но и в кино, в живописи. Казалось бы, все уже здесь знакомо, использовано, что еще может таить для художника такой эпизод?

Оказывается, может. Помимо бойцов, писатель выводит в рассказе командующего и начальника артиллерии. Вначале беглые, мимоходом брошенные детали: «Все свое имущество носил он (командующий. — А. К.) в легком мешке за спиной. (Начальник артиллерии — мы знали — возил с собой тяжелый кованный сундук и походную кровать)». Командующий: «...В трудные минуты он всегда появлялся. Бесстрашный, спокойный, ходил он среди умиравших и спокойно всем распоряжался, как хороший хозяин в поле... Белые холщовые крестьянские брюки были заложены в высокие сапоги, чторыжелые от времени и не доходившие до колен». Начальник артиллерии «...еще раз проверил по телефону мою боевую готовность. Он любил держать связь с фронтом по телефонным проводам... Признаться, я почувствовал глубокое уважение к начальнику артиллерии. Он умеет так

тонко рассчитывать. По телефонному поводу он был безжалостен и непобедим».

Так постепенно раскрываются два типа военных — народного полководца и военспеца, носившего «синие офицерские галифе и чистенький китель со следами снятых погон», два характера: один — человек, для которого она — служба. И боины остро чувствуют эту разницу. Герой рассказа латыш Гайгал встретается после боя с командующим и начальником артиллерии. Гайгал плачет от боли, от тяжелой раны, оттого, что стал калекой, потерял в бою ногу. И вдруг ему «стало стыдно за свою слабость, за слезы. За то, что эти слезы видел не только командующий и, но и начальник артиллерии». Грань между двумя старшими командирами проведена резко и окончательно: свой и чужой. Командующий — свой, потому что так же, как Гайгал, не пожалел бы ничего ради революции. Начальник артиллерии — чужой, хотя и служит честно, добросовестно — в этом Гайгал не сомневается. Все дело в том, что отдает человек общему делу — всего себя без остатка или часть, положенную обязанностями. А для Гайгала и его товарищей само слово «обязанность» применительно к революции звучало бы оскорбительно.

Невелик рассказ-монолог Гайгала, но поведано о его товарищах по оружию много, сильно и выразительно. Вот Ваня Петров, жизнерадостный парнишка, любитель анекдотов:

«Петров скоро вернулся бегом.

— Танк! — вскрикнул он, запыхавшись, и показал рукой — Танк там!

И вдруг упал с еще протянутой рукой.

— Что с тобой, Ваня?

— Я ранен...

— Ваня!

— Ваня!

Он не отвечал. Ваня Петров ошибся — он был не ранен, он был убит».

Вот Янис Зедынь, рассудительный, спокойный («После еды он долго и старательно чистил свой складной ножик. По утрам, делая гимнастику... он подбрасывал снаряды легко, как игрушки».)

«...Янис, давай же снаряд! Заснул, что ли, Янис?

Янис в самом деле заснул... Заснул, прислонившись к колесу артиллерийской повозки... Изю рта его текла красная струйка...

Я его оттолкнул от повозки. Тогда нам некогда было думать о смерти и уважении к мертвым. Янис Зедынь был тяжелый, как те кули, которые мы с ним когда-то таскали осенью в хозяйский амбар».

И сам Гайгал:

«Два человека выскочили из танка и, отстреливаясь из ручного пулемета, побежали в туман. Я погнался за ними. Махал своим револьвером с единственной оставшейся пулей и кричал: «Ур-ра!» Я хотел их поймать».

Герои Эйдмана — люди сильных чувств, они не делят жизнь по кусочкам — на то и на это. За душевную щедрость писатель больше всего и любит их. Они сродни его натуре, его взглядам на жизнь. Это люди его же революционной биографии. И потому он сдержанно, но нежно признается устами Гайгала: «Я хотел рассказать о танках, а рассказал о людях и... любви».

Словно эстафету, эти герои передадут свое мужество и решительность, свое порывистое стремление к лучшему будущему новому поколению — поколению строителей социалистической жизни. В повести «На заре» (1928—1929) Эйдман одним из первых в советской литературе показал начало колхозного строительства. В этой повести о латышских колхозах в Сибири мы видим все тех же упрямых, неунывающих, храбро идущих навстречу трудностям людей.

Стремясь охватить всю картину жизни, рисуя события переломные, драматические, писатель не проходит мимо тех, против кого он сам боролся с оружием в руках. Они ему интересны как человеческие особи уходящего мира. В этом смысле примечателен Борис Романенко из повести «Степной ветер» — зловещий образ врага, хищного и коварного, готового на все ради спасения белой России. Нигде не преуменьшает писатель силы противника, так же как он не делал этого, командуя войсками, — слишком дорого обходится шапкозакладательство. Но и не превеличивает. трупным запахом разложения тянет из салон-вагонов дальневосточного атамана (повесть «Агония»). Что-то еще там порываюся делать в перерывах между попойками, но уже все потеряно, конечно. Вокруг темные, безмолвные сопки. «Сопки знают два имени: Лазо и Хаджи-Омар Гетоев.. Тайга и сопки любят Лазо. Когда он говорит, смолкает тайга и одобительно

скрипит снег под тяжелыми сапогами партизан».

«Агония», как и многие другие произведения Эйдемана, написана с кинематографической динамичностью. Резкая смена эпизодов, кажущаяся разорванность повествования, напряженный, отрывистый язык — все это заставляет вспомнить не только кинематограф той поры, но и литературу с ее поисками нового стиля, соответствующего новой эпохе, поисками, нередко сводившимися к формалистическому кокетству. Веяний своего времени Эйдеман, разумеется, не избежал. Однако можно твердо сказать, что для него элементы новой формы всегда служили наилучшему выражению содержания, нигде у него не найдешь самовлюбленной демонстрации приема: литература для него никогда не была игрой.

В наследии Эйдемана есть произведения, стоящие как бы особняком, скажем, превосходный жанровый «Рассказ о портном Файтельсоне» или романтическая повесть «Восстание камней» — о борьбе татарской бедноты против господства богачей («О господстве, которое казалось непоколебимым, как скалы, о покорном Хассане, восставшем против господства, эта книга»). Не потому ли они так не похожи на другие его произведения, что писатель был в вечных поисках, в вечном творческом походе, а времени было мало. Очень мало...

Эйдеман-поэт — особая и большая тема разговора. Свой первый сборник стихов — «В потоке» — молодой поэт опубликовал в 1910 году, когда ему было всего пятнадцать лет. Через два года вышел второй его сборник — «Солнечной тропой». В ранних сти-

хах Эйдемана много поэтически наивного, но уже и тогда юноша видел то, чего не видели или «не хотели» видеть литературные «метры». Юноша не поддается унынию, царящему в поэзии тех лет, все отчетливее и отчетливее в его стихах звучат социальные мотивы, и вместе с ними крепнет вера в будущее, проясняется цель жизни.

Одна нишь радость есть земная —
Жечь мрак, своим огнем пылая,
Жечь мрак, своим огнем горя...
Иду, смеясь во тьме опасной:
Поэзия борьбы прекрасна!
Кто понял это — жил не зря!

(«В своем огне», 1912).

Лирический герой Эйдемана — современник великих событий, активный участник их, борец за правое дело. Это тот же Гайгал, но лишь говорящий с товарищами на высоком языке поэзии. Стих Эйдемана взволнован и конкретен, благородно демократичен. Любопытно, что его поэзию совершенно не затронула ни одна из формалистических мод того времени.

Эйдеман славил своими стихами первых каменщиков, тех, «кто возводит новые дома», взобравшись «на леса новой эпохи». Образ строителя новой жизни, большевика, не знающего «ни отдыха, ни тишины», встает в поэзии Эйдемана.

«Ни отдыха, ни тишины» не знала и сама поэзия Эйдемана. Она жила вместе со своей эпохой. «Слова и годы» — так назвал поэт один из своих последних сборников. Идущие от сердца слова. Великие годы. Потому-то время и не властно над этими словами.

А. КОНДРАТОВИЧ.

★

Книга о мастерстве Пушкина

Я прочел книгу А. Слонимского «Мастерство Пушкина» с большим опозданием: она вышла год назад. Кое о чем мне захотелось поспорить с автором. Но... ведь, наверное, это уже давным-давно отмечено рецензентами?!

И тут меня ждала неожиданность: книга о мастерстве Пушкина, предназначенная

для широкого круга читателей, почти не вызвала откликов!

А между тем я благодарен этой книге уже за то, что она заставила меня с новым интересом перечитать хрестоматийное стихотворение, в последний раз читанное еще в школе, и забытую строфу «Онегина» или скромно ютящееся в тени прославленных произведений «Путешествие в Арзрум» и чудесные письма поэта к друзьям и жене.

— Не возгордились ли вы? — лукаво и на-

А. Слонимский. Мастерство Пушкина. 526 стр. Редактор С. Краснова. Гослитиздат. М. 1959.

смешливо вопрошает читателей эта книжка.— Не думаете ли вы, что Пушкин известен вам от корки до корки? И не звучит ли в ваших отзывах о нем нечто такое, о чем заранее язвительно отозвался он сам в «Онегине»?

Быть может (лестная надежда!)
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!
Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

Перечтите-ка Пушкина! Как много в нем еще не открытого, не замеченного! Какие прозренья будущих путей русской литературы вдруг сверкнут перед вами!

Читайте книгу Слонимского не торопясь, и перед вами оживут журнальные перепалки, а в ушах зазвучат голоса друзей Пушкина и шиллене недругов, а за разговором о тонкостях какой-либо строфы вдруг всплывут картины уединенного житья в Михайловском или Болдине.

Превосходно, например, размышление о том, что в последней главе в мечтах Татьяны о покинутой деревне «лирика Татьяны сливается... с собственной лирикой Пушкина». В подтверждение этого Слонимский приводит слова Кюхельбекера: «Поэт в своей восьмой главе похож сам на Татьяну. Для лицейского его товарища, для человека, который с ним вырос... как я, везде заметно чувство, которым Пушкин преисполнен, хотя он, подобно своей Татьяне, и не хочет, чтоб об этом чувстве знал свет».

Любопытно, кстати, и письмо поэта к П. А. Осиповой, владелице Тригорского, где он мечтает купить соседствующее с Михайловским Савкино:

«Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году».

Тем же настроением проникнуты и многие письма к Наталье Николаевне («Ух, кабы мне удрать на чистый воздух» — из николаевского «нужника»).

Решительно восставая против плоских вульгарно-социологических мерок, напоминая, что «трудно уложить в единую формулу идейную суть Пушкина», А. Слонимский вместе с тем дает смелое истолкова-

ние некоторых, казалось бы политически нейтральных, стихотворений, вскрывая их связь с тогдашней современностью. Очень интересно анализирует он «Тучу», видя в ней печальное и ясное размышление о «расеянной буре» декабризма. И, действительно, в этом стихотворении о «последней туче» звучит замирающий голос одинокого Ариона, который уже не слышит отзвука своим «прежним гимнам».

Тонки и многие другие наблюдения А. Слонимского, причем некоторые из них выражены очень живо. Рассказывая про молчаливое горе черкешенки после исповеди пленника, автор замечает: «Тут уже есть чуточку Татьяны, которая с таким же безмолвным отчаянием выслушивает признания Онегина». «Воля и рассудка власть», которые помогли бедной Тане «усидеть за столом» при появлении Евгения на ее именинах, уже исподволь подготавливают нас, по справедливому замечанию Слонимского, к поразившему Онегина самообладанию Татьяны при встрече на петербургском балу.

Рамки рецензии мешают мне далее останавливаться на несомненных достоинствах этой книги. Я надеюсь, что она будет переиздана, и уже хотя бы поэтому хочу остановиться на нескольких случаях, когда А. Слонимскому изменяет присущее ему чутье исследователя.

Порой он слишком увлекается отыскиванием в стихах биографических и исторических параллелей и приходит к наивным выводам. Так, он пишет, что в «Арионе» «все находит соответствие в реальных фактах: и то, что «иные парус напрягали» (тут можно разуметь пропаганду), и то, что «другие дружно упирали вглубь мощны весла» (сюда можно отнести подготовку самого восстания)». Произвольность подобной трактовки очевидна. Сомнительна и правомерность отождествления семейных идеалов Евгения из «Медного всадника» и героев пушкинских сказок с мыслями самого автора, запечатленными в письмах. Вряд ли стоило воспринимать всерьез шутку, оброненную в «Онегине» относительно замера «писать поэму песен в двадцать пять», и усматривать здесь «новый объективный метод» повествования.

Досадное впечатление производят некоторые стилистические промахи: «Ангел, положительный полюс антитезы, представлен

всего в двух строках... Он (демон.— А. Т.) остается на своих позициях»...

Восхищаясь стихотворением «Ненастный день потух...», «художественной расщепленностью в этой недоговоренности и изумительной игре на паузах», автор вдруг берется «договаривать»: «Воображение поэта нарисовало две ступени разгорающейся страсти: сначала только предпосылки (!!) — плач, тоска, целование колен; потом уже целование плеч, «влажных уст» и, наконец,

«персей белоснежных»... Дальше продолжать поэт не смеет».

Да, анализ пушкинских стихов — дело очень трудное, и всякая неосторожность здесь поистине губительна. Это еще раз доказывают и редкие, легко устранимые промахи А. Слонимского и в особенности его многочисленные удачи.

Обходить эту интересную книгу молчанием — несправедливо.

А. ТУРКОВ.

★

Древнерусская проза в стихотворных переводах Н. В. Водовозова

Советские литературоведы и историки постоянно широко популяризируют среди современного читателя лучшие произведения древнерусской письменности. Неоднократно издавалось «Слово о полку Игореве», в серии «Литературные памятники» опубликованы «Повесть временных лет», «Сказания о Куликовской битве», «Хождение за три моря Афанасия Никитина», «Послания Ивана Грозного». Появились сборники «Художественная проза Киевской Руси», «Русские повести XVII века». Трудно даже перечислить все издания памятников древнерусской письменности, вышедшие только за последние десять лет. Все эти издания, как правило, выполнены на высоком научном уровне: на основе тщательных исследований они воспроизводят текст древнерусского произведения, сопровождают его переводом на современный русский язык, стремясь при этом передать оригинал с максимальной точностью. Необходимый комментарий разъясняет современному читателю существо и детали произведения.

Наряду с научными и научно-популярными изданиями предпринимаются и издания художественных переводов некоторых древнерусских сочинений и прежде всего «Слова о полку Игореве». Писатели стремятся в современных поэтических формах

передать замечательные художественные образы древнерусских авторов.

Совершенно особое место среди всех этих многочисленных изданий занимают предпринятые профессором Н. В. Водовозовым переложения (термин автора) стихами произведений древнерусской прозы: русских воинских повестей XIII века, «Хождения за три моря» Афанасия Никитина и Казанской истории.

Рассмотрим те посылки, из которых исходил Н. В. Водовозов, приступая к своей работе.

В предисловии к переложению «Хождения Афанасия Никитина», изданного в 1950 году, Н. В. Водовозов пишет, что путешественник сам «начал переделывать свои дневниковые записи в повествовательную форму, близкую к той, какую, например, написана позднейшая повесть о Горелочасти, то есть ритмической речью».

Такое утверждение является, на наш взгляд, необоснованным и не находит никаких оправданий ни в содержании данного памятника, ни в целях его написания, ни в облике самого автора, ни, наконец, в литературных традициях того времени.

Н. В. Водовозов рассматривает первые несколько строк «Хождения» как результат переработки Афанасием Никитиным своих дневниковых записей в стихи:

За молитву святых отец наших
Господи Иисусе Христе сыне божий
Помилуй мя раба своего грешного
Афонасья Микитина сына.

Эти четыре строчки действительно могут быть условно названы стихом. Более того, они обычно так и называются. Они, одна-

Сказание о царстве Казанском. Вступительная статья, переложение и примечания проф. Н. В. Водовозова. 526 стр. Гослитиздат. М. 1959.

Русская воинская повесть XIII века. Ученые записки МГПИ им. Потемкина, т. 87, в. 7, М. 1958.

Афанасий Никитин. Хождение за три моря. 184 стр. Гослитиздат. М. 1950.

И отцу его Юрью во Киеве,
И еще его деду Владимиру
Мономаху, которого именем
В колыбели детей своих половцы
Приучились пугать, а литовские
Люди все по болотам попрятались
От него, не пытаюсь осмелиться
Выходить, а венгерские войны
По своим городам затворялися,
За воротами их за железными:
Дабы к ним Мономаху Владимиру
Нельзя было войти со дружиною!

Не говоря о таких непоэтических оборотах, как «не пытаюсь осмелиться», об утрате таких зримых деталей, как строительство каменных стен, которые превратились в города, заметим, что здесь ничего не осталось от ритма произведения. Благодаря искусственной разбивке на строчки заданного размера, неизбежно возникшие после окончаний строк паузы получились именно там, где они мешают смыслу. «Владимиру (пауза) Мономаху», «...а литовские (пауза) Люди», «попрятались (пауза) От него»; «не пытаюсь осмелиться (пауза) Выходить».

Сплошь и рядом мы видим в переводах Н. В. Водовозова следы жестокого насилия над текстом оригинала, когда слова, которые нельзя ни заменить, ни выбросить, силой вкочлены в строки. Дата смерти великого князя Василия — пятое декабря тысяча пятьсот тридцать четвертого года — приняла, например, такой неудобочитаемый вид:

В декабря пятый день, лета тысяча
Пятьсот тридцать четвертое. Княжил он
Двадцать восемь лет трудного времени.

Бесконечные точки, запятые и скобки, расставляемые автором в середине строк, разумеется, плохо помогают читателю каждый раз вовремя останавливаться. Приведу только один пример того, что получается при чтении вслух некоторых стихов перевода Н. В. Водовозова. Речь идет о том, как во время Невской битвы Гаврила Олексич въехал на борт шведского корабля.

По доске поскакал он на палубу
(Та доска с корабля шла до берега),
Пред собою гоня неприятелей...

Очевидно, что, поставив слова о доске в скобки, Н. В. Водовозов не спас положения, и в его стихе, хочет он того или нет, доска идет с корабля на берег, гоня перед собой неприятеля.

Замечу, что в этом случае, как и во всех других приводимых примерах, древнерусские подлинники совершенно свободны от подобных казусов.

Одним из наиболее широко применяемых Н. В. Водовозовым средств заталкивания текста в колдовку заданного размера является нарушение правильного ударения в словах. Так, например: Ширванша́х на той же странице превращается в Ширва́ншаха, Ше́махá в Шема́ху, Аллади́н, восточное имя, слышанное всеми тысячу и один раз, в Алла́дина, шах Махмет-Эми́н стал Махметэ́мином, известное всем с детства имя Салта́н превратилось в Са́лтана. Не меньше пострадали имена русских людей. Уминая их в строки, Н. В. Водовозов перекрестил множество воевод и священнослужителей. Знаменитый при Грозном князь Иван Турунта́й Пронский превратился в Туру́нтая:

Князья: Пронский Иван, что Турунтаем
Прозван был, со Петром со Щенятевым.

Здесь, кстати, типичный случай перехлестывания смысла через знак препинания, отчего получается, что вместе с Иваном Пронским «Турунтаем» был прозван и Петр Щенятев.

Географические названия и простые существительные в неисчислимом множестве оказались побитыми градом неверных ударений. Для того чтобы читатель не ошибся и по привычке не сделал правильного ударения, Н. В. Водовозов специально проставляет нужное ему неверное ударение. Иногда, правда, он ошибается и ставит правильное ударение, но тогда тотчас ломается размер:

Запретил дѣларям драгоценностей...

Однако, чтобы войти в размер, слово «дѣларям» должно читаться «деларя́м», что уже не лезет, как говорится, ни в какие ворота, так же как «и́ндиго», «фа́рфор» и т. п. Слово «архимандрит» на протяжении нескольких рядов расположенных стихов фигурирует под тремя ударениями: «архи-ма́ндрит», «а́рхимандрит» и «архимандри́т».

Другим способом вдавливания прозы оригиналов в трехстопный анапест, широко применяемый Н. В. Водовозовым, является «усекновение» слишком длинных для данного сочетания слов. Он не только постоянно пользуется архаическими краг-

когласиями. вроде «чрез» — это было бы еще полбеды, — но сам искусственно усекает слова, в том числе и имена собственные. Рязанский князь Юрий Ипгваревич из «Повести о разорении Рязани Батыем» называется... «Ингорич», что является грубым искажением, князь Переяславский становится «Переславским», Серебряный — «Сребряным» и т. д.

Иногда же наоборот: сочетания слов оказываются слишком короткими для нужного размера — «недомерками». И тогда Н. В. Водовозов прокладывает между словами, несущими смысл, слова-паразиты. Эту роль выполняют в основном местоимения сей, сия, те, тот, сам, он и т. д., а также наречия там, тогда, тут... Естественно, что все эти распорные клинья забиваются только в интересах размера и поэтому засоряют речь. Выглядит это так: «Возрастая, Иван наш Васильевич», «Александр сему Ярославичу», «Александр тут Попович задумался», «Александр, а Попович по прозвищу», «Константну, тогда и Поповичу». Н. В. Водовозова не смущают возникающие при этом такие неблагозвучные сочетания, как «Александр же Попович».

Все сказанное до сих пор относилось к чисто внешним увечьям, нанесенным переложением сочинениям древнерусских авторов. К сожалению, это мероприятие повлекло за собой и более тяжкие последствия. В угоду избранной им форме Н. В. Водовозов внес серьезные изменения в содержание произведений. Ясный и образный текст оригиналов теряет подчас в переложении не только первоначальный, но и вообще здравый смысл.

Афанасий Никитин рассказывает, что во время торжественных шествий перед Бидарским султаном шел слон. «Да цепь у него велика железна во рте, да обиваеть кони и люди, чтобы кто на султана не наступил близко». Смысл сказанного ясен: слон машет цепью, прикрепленной к хоботу, далеко «обивая», то есть отгоняя, по сторонам толпу на почтительное расстояние. В переводе описание этого слона звучит так:

А во рту у него цепь железная,
Ею всех он людей околочивал.

Трудно поверить, чтобы после первого раза, когда «все люди» были околочены, или, лучше сказать, уколочены подобным

цепом, хоть один человек вышел бы смотреть на султанский выезд. Не лучше и слоны с «бойницами», в которых видны вооруженные воины. Поскольку «бойницами» называются отверстия для стрельбы, получается, что воины сидят внутри слона и выглядывают в амбразуры.

Можно допустить, что эти и им подобные курьезы явились в результате увлечения автора самим процессом апаестирования, при котором внимание к содержанию то и дело вытеснялось вниманием к форме. Есть, однако, в переводах большое число искажений подлинника, имеющих иное происхождение. Речь идет о сознательных искажениях древнерусского оригинала, сделанных Н. В. Водовозовым в угоду форме.

Перевод повести о битве на Калке Н. В. Водовозов начинает так:

В год шесть тысяч семьсот тридцать
третий...

Между тем в его оригинале стоит другая, правильная дата — «6732». Отчего же произошла эта замена? Видимо, оттого, что число «шесть тысяч семьсот тридцать второе» не влезает в размер, даже если применить здесь неверное ударение, а «тридцать третьье» как раз подходит.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» рассказывается: «...а великая церковь внутрь погоре и почернела». В переводе написано совершенно другое:

А великая церковь соборная
Внутри града обрушилась на землю.

Получается, что церковь, стоявшая у городской стены вне города, чего не только не было, но и не могло быть, упала внутрь города. В тексте же, как мы видели, написано, что церковь обгорела внутри и почернела от дыма.

Афанасий Никитин сообщает, что познакомился со многими индусами и «сказах им веру свою, что есмь не бесермени... есмь христианин, а имя ми Офонасей, а бесерменское имя Хозя Исуйф хоросани». Н. В. Водовозову, по-видимому, не нравится, что Афанасий Никитин сам распространял свое «бесерменское» имя среди индусов. Он поэтому «улучшает» текст путешественника:

И что звать меня надо по имени
Афанасием, сыном Никитиным,

А не Хозя Юсуф Хоросанином,
Как прозвали меня уже в Индии.

Свои переводы Н. В. Водовозов во всех случаях называет «Переложение древнерусского текста на современный русский язык». Вполне естественно, чтобы древний текст переводился именно на современный язык. Надо, однако, со всей решительностью сказать, что язык переводов Н. В. Водовозова отнюдь не может быть признан современным русским языком. Перевод нестрит всякого рода архаизмами и даже выражениями, отсутствующими в оригиналах, вроде «стогны города».

Массами архаизируются предлоги: «со Юрием», «со посадником», «во Бидаре», «ко Бидару».

Архаичны и обороты речи: «В ноябре во четвертый день на десять». Современному читателю даже трудно понять, что это за число. Сплошь и рядом не переведены даты: «В лето шесть тысяч семьсот тридцатое». Какой современный читатель, кроме специалиста, может перевести эту дату на современный счет? Да и вообще переводить обязанность переводчика. Но Н. В. Водовозов не всегда может заниматься переводом, потому что он всегда вынужден заниматься размером.

На фоне бесчисленных архаизмов особенно бросаются в глаза модернизмы. В переложении «Хожения за три моря» читаем:

И на каждом слоне разнаряженном
Меж ушами сидели водители...

Ногайские мурзы пишут турецкому султану:

От царя получаем Московского
Все, что нужно по нашим потребностям.

В качестве резерва для маневрирования в рамках избранного размера Н. В. Водовозов использует слова собственного производства вроде: копье «долгомерное», «лукострелы», стрельцы «многооружные», меч «двюострый» и т. д. и т. п. Наряду с этим Н. В. Водовозов широко применяет деформацию слов для придания им нужной размерности: «На своем языке саранцинском», «камень вызлачен», жен «доброликиих», «к шатру самодержцеву», брат «юнейший» и т. д. и т. п.

Неискушенный читатель, для которого и предпринимается популяризация, несом-

ненно примет все эти слова и выражения за язык подлинников, в то время как все это не что иное, как словесные распорки, затычки и прокладки, сконструированные переводчиком. Вся эта смесь архаизмов и модернизмов, слов придуманных и слов деформированных, неверных ударений и случайных пауз, краткогласий, слитных чтений и неправильного порядка слов ни в коем случае не может называться современным русским языком.

Мы рассмотрели те довольно многообразные приемы, при помощи которых Н. В. Водовозов формует свой перевод в анапест. Попутно мы выяснили, что о научной точности, об адекватности его перевода подлинникам не может быть и речи.

Обратим теперь внимание на художественную сторону дела. Н. В. Водовозов упорно избегает в применении к своим переложениям слова «стихи», полагая, видимо, таким образом избавить их от тех высоких требований, которые предъявляются стихам как художественной форме.

Учитывая вышеизложенное, такую скромность нельзя не одобрить. И все же, хотим мы этого или нет, организация речи стихотворным размером — «трехстопным анапестом с дактилическим окончанием» — делает ее стихом и вызывает к ней соответствующие требования. Проза произведений, переложенных Н. В. Водовозовым, в его переводах перестает быть прозой и превращается в прозаизмы, в тяжкий недостаток его сочинений.

Прозаизмами являются перечни расстояний между городами, цены на товары и тому подобные материалы, в изобилии «застихованные» Н. В. Водовозовым. «Поэзия не допускает технических подробностей... — писал Чернышевский. — Та точность... которая нужна в статьях политического или экономического содержания, противна духу поэзии... В поэзии не годится давать градусы и минуты широты и долготы... В поэзии неловко даже сказать «город с населением в 900 000 человек», — это слишком узкая точность».

Стихотворные переводы Н. В. Водовозова полностью подтвердили правильность этих слов Н. Г. Чернышевского. Иногда ему самому самому становилось «неловко» превращать в стихи «широты», «долготы» и расстояния между населенными пунктами, и тогда он

опускал в переводе такие места подлинников.

Древнерусские сочинения, переложенные Н. В. Водовозовым, — Воинские повести XIII века, Казанская история и местами «Хождение Афанасия Никитина» — произведения высокопоэтические. Лаконость речи, подбор самых нужных, самых точных для каждого данного случая слов придает этим сочинениям необычайную выразительность, яркость и образность. Истинная поэзия древнерусских произведений начисто исчезает в переложениях Н. В. Водовозова. Все время добавляя к оригиналу всякие случайные слова для достижения размера, Н. В. Водовозов как бы разбавляет водой яркие краски подлинников.

В повести о разорении Рязани Батыем читаем о побоище под Рязанью: «Ту убнен бысть благоверный князь великий Георгий Ингоревич, брат его князь Давид Ингоревич Муромский, брат его князь Глеб Ингоревич Коломенский, брат их Всеволод Проньской, и многая князи месныя и воеводы крепкыя, и воинство: удалцы и резвцы резанския». А вот какие из этого абзаца получились стихи:

Был убит в сече той Юрий Ингорич,
Был убит в сече той Давыд Муромский,
Был убит его брат Глеб Коломенский,
Был убит Пронский князь с ними
Всеволод

И другие князья еще местные,
Воеводы разумные крепкие,
Воспитанье рязанское славное!
Все равно они с честью умерли,
Удалцы, резвцы и узорочье.

Вместо одного «убнен бысть» четыре раза повторяется «был убит». Прибавилась

целая строка с восклицательным знаком — «Воспитанье рязанское...» Но ясность смысла, как всегда, не прибавилась, а убавилась от этих словесных пополнений. В переводе из перечисленных князей только двое являются братьями, в то время как в подлиннике братьями названы все четыре.

И здесь снова вспоминаются слова Н. Г. Чернышевского: «Поэзия и болтовня — вещи противоположные. Сущность поэзии в том, чтобы концентрировать содержание; разведение водой убивает ее».

Было бы, на наш взгляд, неверным приписывать все ошибки, искажения и прочие пороки перевода недостаточным знаниям или способностям Н. В. Водовозова. Низкое качество такого перевода предопределено заранее общей порочностью самой задачи — передавать произведения древнерусской прозы чуждым ей стихотворным размером. Все частные пороки перевода неизбежно вытекают из принципиальной порочности такого замысла, игнорирующего соблюдение единства формы и содержания.

На основании сказанного, учитывая, что приведенные в ходе изложения примеры можно было бы умножить в сотни раз, мы вынуждены сделать совершенно определенный вывод: стихотворные переводы произведений древнерусской прозы, принятые Н. В. Водовозовым, не удовлетворяют элементарным требованиям научности, не являются художественными и создают у читателя превратное впечатление об этих замечательных памятниках древнерусской культуры.

Д. АЛЬШИЦ.

★

Политика и наука

Новое о В. И. Ленине за рубежом

Девяностолетие со дня рождения В. И. Ленина отмечено во всех странах. Здесь можно рассказать лишь о немногих, наиболее характерных публикациях, которые посвящены образу Ленина и влиянию его идей на борьбу трудящихся.

Широко отозвалась на знаменательную дату печать демократических стран, идущих по пути социализма.

Как был отмечен ленинский юбилей в Китайской Народной Республике? На этот вопрос отвечает редакционная статья журнала «Пекинг ревью». Торжества, посвященные девяностолетию со дня рождения великого вождя, состоялись во всех городах, учреждениях, армейских частях, сельскохозяйственных коммунах Китая. В столице было проведено торжественное собрание, на котором присутствовало более де-

сяти тысяч человек. Доклад ЦК КПК «Объединимся под ленинским революционным знаменем» был встречен бурными приветствиями. Выставки, посвященные жизни и деятельности Владимира Ильича, организованные во многих крупных городах страны, пользовались неизменным вниманием.

В каждой газете, в апрельских номерах журналов печатались материалы о В. И. Ленине. Орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» вышла 22 апреля под лозунгом «Вперед по пути великого Ленина!». Борьба за социализм, борьба против угрозы войны, дружба и солидарность с СССР и всеми социалистическими странами — таковы главные задачи народного Китая в связи с юбилеем Ленина, отмечала газета. Партийный журнал «Хунци» поместил редакционную статью «Ленин о китайской революции» и текст доклада на торжественном собрании в Пекине.

Завершено издание произведений Ленина в тридцати восьми томах. Раньше предполагалось закончить выпуск собрания сочинений в 1962 году. Благодаря энтузиазму переводчиков и подготовителей издание вышло почти на три года раньше срока. Завершение этой огромной работы, содержащей свыше десяти миллионов иероглифов, — огромное достижение. Как отмечает Чжан Юнь-хоу в журнале «Проблемы мира и социализма», эта работа «имеет весьма важное значение для китайских коммунистов и всего китайского народа в деле глубокого изучения наследия В. И. Ленина, дальнейшего повышения марксистско-ленинского уровня народа, отстаивания принципов ленинизма и ускорения социалистического строительства в Китае».

С именем Владимира Ильича связаны многие яркие страницы польского революционного движения. Большой интерес представляют статьи и материалы, опубликованные в журнале «3 поля вальки». В. Найдус рассказывает о жизни В. И. Ленина и Н. К. Крупской в Галиции (1912—1914 гг.), об их связи с польскими революционерами, о том, как польские крестьяне переправляли ленинские письма в Россию. Автор показывает, как видные революционные деятели Польши поднимали общественное мнение в защиту Ленина при его аресте австрийскими властями в 1914 году. Журнал вновь публикует биографию В. И. Ленина, которая во время ее появле-

ния в 1920 году предназначалась для нелегального распространения в панской Польше. В интересной работе Ж. Кармановой приводятся сведения об издании ленинских трудов на польском языке в 1918—1939 годах. Многие из них, например, «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Государство и революция», выходили в свет по нескольку раз. «Подготовка и издание переводов работ Маркса и Энгельса, — пишет автор, — особенно «Капитала» во второй половине XIX века, можно рассматривать как один из показателей революционного созревания рабочего движения в разных странах. Подготовка и издание произведений В. И. Ленина стали, особенно после 1917 года, одним из показателей формирования и созревания коммунистических партий».

О судьбе ценнейшей коллекции ленинских документов — так называемого краковско-поронинского архива — рассказал Т. Добровольский в журнале «Жице литератке». Документы архива свидетельствуют о напряженной теоретической и практической революционной деятельности В. И. Ленина в годы перед первой мировой войной. Они отражают не только тесные связи Владимира Ильича с борьбой народных масс царской России, но и его выдающуюся роль в развитии международного, в частности польского, рабочего движения. Долгое время архив считался утерянным. В 1953 году он был разыскан польскими товарищами и передан Центральному Комитету КПСС.

О влиянии Ленина и его идей на борьбу чехословацкого народа пишет Я. Прохазка в статье «Как нам помогли труды Ленина» (журнал «Прага—Москва»).

На страницах этого же журнала помещен отрывок из книги видного деятеля чехословацкого рабочего движения Богумира Шмерала «Правда о Советской России 1920 года» под названием «Я слышал Ленина».

«Ленин и современность» — так называется статья Павла Реймана в чешском журнале «Нова мысль». Учение Ленина, говорит автор, живет в успехах социалистических стран, в размахе национально-освободительного движения зависимых стран, в небывалом развитии естественных наук и техники.

Известно, насколько велика популярность произведений В. И. Ленина в Болгарии. И тем не менее данные о тиражах из-

даний ленинских работ в этой небольшой стране поражают: до конца 1959 года здесь были изданы сто шестьдесят две работы Ленина общим тиражом около двух с половиной миллионов экземпляров! Эти данные приводит Е. Фурнаджиева на страницах центрального органа БКП «Работническое дело». Автор рассказывает далее, что ленинские труды начали переводиться на болгарский язык уже в 1904 году: тогда в болгарском рабочем журнале были напечатаны две главы из работы «К деревенской бедноте». После победы Октябрьской революции в болгарской периодической печати в 1918—1923 годах было опубликовано свыше ста двадцати статей, речей и выступлений Ленина, а за последние три месяца 1944 года, после освобождения Болгарии Советской Армией, работы Ленина вышли в свет в количестве ста тридцати двух тысяч экземпляров.

«Работническое дело» сообщает интересный факт из биографии Владимира Ильича. В 1901 году в Швейцарии Ленин жил по паспорту на имя болгарского гражданина доктора Стойко Йорданова. Паспорт этот был доставлен ему известным болгарским революционером Г. Бакаловым. С этим документом В. И. Ленин ездил в Мюнхен, Брюссель и в Лондон на Второй съезд РСДРП.

С большой и глубокой по содержанию статьей «Осуществление ленинских идей в Венгрии» выступил товарищ Янош Кадар в журнале «Таршадалми семле». В статье поставлены важнейшие для современной народной Венгрии проблемы.

В журнале «Мадыар тудомани» помещены статьи крупных венгерских ученых К. Новобацки и И. Сабо «Ленин и естествознание» и «Ленин и общественные науки».

В обстоятельной работе А. Рейсберга (ГДР, журнал «Вопросы немецкого рабочего движения») рассматривается влияние учения В. И. Ленина о мирном сосуществовании народов на нынешние международные отношения. Автор показывает, как последовательно осуществляются Советским Союзом ленинские принципы братских связей между странами. Этой же теме посвящена статья Петера Флорина в немецком журнале «Айнхайт». Флорин рассматривает учение Ленина применительно к вопросу о Германии, о значении воссоединения страны как фактора укрепления мира в Европе.

В интересной работе Х. Кольбе на страницах того же журнала прослежено влияние книги Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» на немецкое рабочее движение. Никакая другая книга, пишет Кольбе, не сыграла такой роли в идейно-политической борьбе немецких коммунистов.

Журнал «Современная Монголия», издающийся в Улан-Баторе, воспроизводит впервые созданный в этой стране портрет В. И. Ленина. Портрет висел в рабочем кабинете Сухе-Батора, руководителя монгольской революции, а ныне экспонируется в музее. Журнал сообщает, что уже переведено на монгольский язык девятнадцать томов сочинений В. И. Ленина. Секретарь ЦК МНРП Тумур-очир в своей статье показывает, как ленинское учение о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран применяется в современной народной Монголии. Тумур-очир говорит и о том, как беседы монгольских товарищей с Владимиром Ильичем в 1920 и 1921 годах и его советы стали боевой программой действий, легли в основу генеральной линии Монгольской народной революционной партии.

В статье «Образ Ленина бессмертен» (журнал «Новости Кореи», издается в Пхеньяне) Сон Ен пишет: «Впервые я услышал о Ленине в 1917 году, когда залп «Авроры» потряс земной шар... Я грезил Лениным, жил Лениным, усердно изучал его труды... Каждая работа Ленина — чудесный плод, семена которого благодатные ветры разнесли по вселенной, семена которого дали в каждом народе наилучшие всходы...»

Ценные материалы о В. И. Ленине опубликованы и в прогрессивной печати капиталистических стран.

Жан Брюа, видный французский историк-коммунист, на страницах журнала «Пансэ» пишет: «Это Ленин открыл новую страницу в нашем учебнике истории... А его произведения! Эти книги в красных переплетах, с эмблемой Спартака, разрывающего цепи, сколько раз они были читаны и продуманы...» Перу Брюа принадлежит также биография Владимира Ильича, изданная в Париже в этом году.

В биографическом плане написан яркий очерк Флоримона Бонта «Ленин и Франция» (журнал «Кайе дю коммунизм»), по-

священный периоду жизни Владимира Ильича в Париже (1908—1912 гг.).

Журнал австрийских коммунистов «Вег унд циль» поместил статью Франца Марека, посвященную ленинскому анализу буржуазной и подлинной демократии. Автор поясняет важность теоретических положений В. И. Ленина для настоящего времени, их значение для борьбы рабочего класса буржуазных стран.

В Англии трудящиеся могут теперь глубже изучать ленинизм и жизнь В. И. Ленина благодаря выходу в свет двух ценных книг — сборника ленинских работ под объединенным заглавием «Об Англии» и воспоминаний Н. К. Крупской. Джемс Кругман в английском коммунистическом журнале «Марксизм тудей» пишет, что сборник «Об Англии» «содержит богатый материал о каждом из основных вопросов политической борьбы в Англии — развитии английской экономической системы, природе государства, политических партиях, освободительной борьбе в Британской империи и английском рабочем классе». Компартия Великобритании со всей остротой ставит перед рабочими, молодежью задачу творчески овладеть учением Ленина, глубже изучить связи Владимира Ильича с английским рабочим движением, методы научного ленинского анализа. Ведь не случайно, пишет Джемс Кругман, до сих пор старые посетители крупнейшего книгохранилища Англии — Британского музея — вспоминают Ленина-читателя, внимательного, упорного в своем труде (Владимир Ильич занимался в Британском музее в 1902—1908 годах).

В дни смерти Ленина газета «Таймс» предрекала быструю гибель его идей и созданной им партии. Только смех могут вызвать сейчас подобные пророчества, отмечает П. Датт (журнал «Лейбор мансли»). «Идеи коммунизма теперь сильнее, чем когда бы то ни было; они все шире распространяются по земному шару».

Эта же мысль является ведущей в статье Уильяма Фостера (американский журнал

«Политикл эфферс»). В суровых испытаниях жизни, пишет Фостер, доказано, что ленинское учение является единственным действенным руководством рабочего класса и международного рабочего движения.

И молодые силы независимой Индии сегодня уверились в том, что В. И. Ленин обогатил марксизм в самых различных сферах теории и политики — в области философии, экономики, тактики революции, в учении о построении социализма, пишет в журнале «Нью эйдж» (Дели) Рэнэдив. Он обращает внимание на то, что сейчас больше всего волнует людей всего земного шара: «Ленинский принцип мирного сосуществования между нациями утверждается в мировой политике, принуждая адвокатов войны отступать, идти на переговоры о разоружении, об отмене атомных испытаний». Рэнэдив пишет о тех положениях ленинского учения, которые ближе всего его народу, — о союзе рабочих с массами трудового крестьянства, о роли рабочего класса в демократической революционной борьбе в условиях столь еще недавнего колониального гнета.

Надежды и чаяния миллионов честных людей разных стран хорошо отразил Пальмиро Тольятти в работе, посвященной влиянию В. И. Ленина на итальянский народ (журнал «Ринашита»): «...Ленин говорил о возможности мирного сосуществования стран социалистических и капиталистических. Настоящее доказывает его правоту... Ныне, через девяносто лет после рождения и тридцать шесть лет после смерти, Ленин находится среди нас как учитель и вождь, более дорогой и близкий, чем когда бы то ни было. Ведь его мысль и деятельность развивались в направлении, которыми шли и продолжают идти как история, так и культура современности».

А. БАЖКОВА,
кандидат исторических наук,
К. КОЗЫРИНА.

★

По ленинскому пути

Среди множества книг, вышедших в нашей стране к девяностолетию со дня рождения В. И. Ленина, свое место займет книга, рассказывающая о всесторонних успехах Украинской ССР, претворившей в жизнь гениальные ленинские идеи. Книга так и называется «По ленинскому пути» и представляет собой сборник статей, опубликованный Госполитиздатом УССР и подготовленный коллективом научных работников Института истории партии ЦК КП Украины и Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Киевском государственном университете.

Хронологические рамки исследования, каким является эта коллективная монография, весьма широки: со времени создания на Украине первых большевистских организаций вплоть до сегодняшних дней.

Сборник открывается статьей «Всепобеждающая сила ленинских идей». Она носит общерегиональный характер и является вводной, отправной для всего дальнейшего изложения, включающего исследование отдельных сторон как партийно-политической, так и хозяйственно-культурной работы, проводимой на Украине на основе непосредственных, прямых указаний В. И. Ленина.

По содержанию сборник можно разбить на две части. К первой следует отнести статьи о развитии революционного движения на Украине, о создании и укреплении большевистских организаций. Вторую часть составляют статьи, посвященные практическому осуществлению ленинских идей социалистической индустриализации, кооперирования сельскохозяйственного производства, осуществлению культурной революции и триумфу ленинской политики дружбы народов.

Такая структура книги придает ей целенаправленность и органически связывает воедино различные этапы борьбы и мирного труда украинского народа.

В статьях А. Юрченко, Ф. Лося, Г. Мултыха, А. Лихолата и У. Рядниной расска-

зывается о ленинском руководстве революционным движением на Украине в годы трех русских революций, о роли Ленина в формировании марксистских кадров, в образовании Украинского социалистического государства, в борьбе украинского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции. Статья А. Ярошенко знакомит с распространением ленинских идей в Западной Украине. Изложение ведется на основе обширного документального, архивного материала. Уже в 1894—1896 годах на Украине издавались и распространялись отдельные работы В. И. Ленина. «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», ленинская «Искра» вызвали настолько большой интерес среди передовой части рабочих, что его не всегда можно было удовлетворить. К лету 1903 года ленинско-искровские организации на Украине пользовались огромным влиянием в рабочем движении.

Среди трудящихся Украины проводили работу такие выдающиеся деятели партии, как Д. И. Ульянов, М. И. Ульянова, А. И. Елизарова-Ульянова, Р. С. Землячка, А. Д. Цюрупа, Ф. В. Ленгник, Г. М. Кржижановский, К. Е. Ворошилов, Ф. А. Сергеев (Артем), Г. И. Петровский и многие другие.

Авторы сборника показывают, как идеи Ленина все более широко овладевали умами украинских рабочих, крестьян и солдат. Большевистские организации активно действовали в таких крупных центрах, как Екатеринослав, Одесса, Николаев, Киев, Харьков, на Донбассе, в Приднепровском промышленном районе и так далее.

В статье Г. Мултыха прослежена роль В. И. Ленина в руководстве большевистскими организациями Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Исключительно важное значение в объединении большевистских организаций имел I съезд КП(б) Украины, работа которого проходила под непосредственным влиянием В. И. Ленина. Владимир Ильич совместно с рядом руководящих партийных работников Украины рассмотрел важнейшие вопросы партийного и государственного строительства.

Ленинським шляхом. Збірник статей. Редаційна колегія (Керівник І. Д. Назаренко). 428 стор. Державне видавництво політичної літератури УРСР. Київ. 1960 (По ленинскому пути. Сборник статей. Руководитель редакционной коллегии И. Д. Назаренко. 428 стр. Госполитиздат УССР. Киев. 1960).

Вторая часть сборника состоит из статей И. Коломыйченко «Торжество ленинских идей социалистической индустриализации на Украине», А. Тимофеева «Осуществление ленинского кооперативного плана на Украине», А. Михайлова «Торжество ленинского плана культурной революции на Украине», И. Воробьева «Триумф ленинской политики дружбы народов на Украине».

Авторы этих статей, используя многочисленные фактические данные, рисуют трудный и благородный путь, пройденный украинским народом за годы Советской власти. За короткий исторический срок Украинская ССР превратилась в мощную индустриально-колхозную державу с развитой тяжелой промышленностью, крупным машиностроением, станкостроением, тракторостроением, приборостроением, добилась исключительных успехов в области сельскохозяйственного производства, в повышении жизненного уровня грядущихся.

Предприятия Украины оснащены передовой техникой, на колхозных полях работают десятки тысяч тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. С каждым днем растет производство металла, увеличивается добыча угля, нефти, выработка электроэнергии, производство зерна, мяса, молока, тканей, обуви.

Пышного расцвета достигла украинская культура.

И. Воробьев в своей статье напоминает о последовательной и решительной борьбе В. И. Ленина против всякого рода националистических устремлений, в том числе и против украинского буржуазного национализма. Различные буржуазные и мелкобуржуазные партии проповедовали реакционную теорию «бесклассовости» и «безбуржуазности» украинской нации и тому подобные взгляды, целью которых было стремление разрушить нерушимую связь украинского народа со всеми народами России и сохранить на Украине буржуазный строй. Автор показывает, как осуществлялось ленинское высказывание о том, что свободная Украина возможна лишь при единстве действий пролетариев великорусских и украинских, как украинский народ, объединившись со всеми народами братских республик, активно участвовал в создании СССР и тем самым добился подлинной независимости и самостоятельности.

Достоинство рецензируемой книги состоит в том, что авторы сумели показать ленинские идеи в действии, в их конкретном воплощении в жизнь.

В. ФИЛИППОВ,

кандидат экономических наук.

★

Новый труд по истории философии

Научное освещение истории философской мысли человечества имеет огромное значение в современной идеологической борьбе. Ведь дело идет о выяснении закономерности возникновения и развития теоретического мышления, о его связи с экономикой и политикой, о его влиянии на развитие общественных отношений. И здесь выступают классовые, партийные соображения историков, проявляющиеся в оценках отдельных мыслителей, целых школ и направлений.

Вполне понятен интерес к предпринятому Институтом философии новому изданию, представляющему собой многотомный труд.

История философии. В шести томах. Под редакцией М. А. Дынина, М. Т. Иовчуна, Б. М. Кедрова, М. Б. Митина, Т. И. Ойзермана, А. Ф. Окулова, О. В. Трахтенберга. Том I. 720 стр. 1957. Том II. 712 стр. 1957. Том III. 815 стр. 1959. Том IV. 672 стр. 1959. Издательство Академии наук СССР.

В вышедших четырех томах рассматриваются все более или менее значительные философские системы всех времен и народов — от учений великих мыслителей древности до философии марксизма. Последующие два тома будут посвящены развитию философской мысли нашего времени. Таким образом настоящее издание «Истории философии» — самое всеобъемлющее, содержащее научное освещение развития философской мысли всего человечества.

Здесь впервые дается анализ процесса развития философии таких огромных стран, как Индия и Китай, народов арабского Востока, Латинской Америки. Уже этот широкий охват выгодно отличает новое издание от предшествующих работ. Документы и материалы по истории философии многих стран Востока наносят сокрушительный удар по «западоцентризму» — концепции, развиваемой реакционными буржуазными историками философии, согласно которой во-

сточные народы будто бы не способны к теоретическому, философскому мышлению.

Читатель, несомненно, с интересом и пользой ознакомится с разделами, посвященными анализу развития философской мысли в древнем Египте, Месопотамии, Индии, Китае. Трудности, неизбежно связанные с первой попыткой отбора, классификации и оценки фактов, всегда очень велики. Это — начало большой работы в новой области. Правда, редакторы оговаривают в предисловии, что им не удалось с достаточной основательностью изложить историю философии всех стран мира, «так как философская мысль ряда стран еще требует научного, марксистского исследования». Однако уже то, что сделано, заслуживает признания.

Правильное освещение нашла и история философии народов СССР.

Опираясь на основополагающие указания Ленина, авторы показывают, что русская материалистическая философия зародилась, выросла, достигла значительных успехов на базе многовековой русской культуры уже в XVIII веке, особенно в философских трудах Ломоносова и Радищева.

В основном верно решается вопрос о взаимодействии передовой русской культуры с культурой западноевропейской. Отвергая ложную мысль меньшевистско-кадетских историков, будто русская литература, русская научная и общественная мысль относилась к западноевропейской как ученик к учителю, авторы обстоятельно и совершенно объективно показывают то огромное влияние, какое испытывала русская общественная мысль со стороны западноевропейской, восточной и всей мировой общественной мысли, оказывая на нее в свою очередь определенное воздействие.

Заслуживает положительной оценки опыт освещения истории марксистской философии, содержащийся в третьем и четвертом томах рецензируемого издания.

Авторы исходят из известных указаний В. И. Ленина о том, что глубокое и детальное изучение всей науки, всей культуры, всех знаний, накопленных человечеством, необходимо для всех людей. Только по этому пути, говорил Ленин, и ждут нас успехи, только обогатив свою память знаниями всей многовековой культуры прошлого, можно успешно строить и развивать современную, новую, социалистическую культуру.

Различные философские школы и течения исследуются авторами в связи с историей

общественных движений, классовой борьбы, с развитием естествознания. Авторы «Истории философии» в основном избежали двух крайностей, допуская иногда в трактовке истории философии, — объективистской, либеральной оценки различных школ и течений философской мысли и модернизации философских концепций прошлого.

В содержательном введении к первому тому и в обстоятельном заключении ко второму тому авторам удалось правильно поставить и научно обосновать целый ряд важнейших методологических вопросов истории философии. К ним относятся предмет и периодизация истории философии, ее отношение к истории естествознания, отношение марксистской истории философии к различным домарксистским, а также современным идеалистическим концепциям истории философии.

Ленинский принцип партийности философии, являющийся основным методологическим принципом марксистского исследования, авторы проводят через все разделы книги. Они не упускают из виду того, что в марксизме принцип партийности не противоречит объективности научного исследования, а совпадает с объективностью.

Поэтому смело можно сказать, что все крупнейшие представители мировой философской мысли — от самых древних школ и течений до непосредственных предшественников марксистской философии, мыслителей XVIII и XIX веков — получили в целом научную марксистскую оценку.

И все же нам хочется высказать некоторые соображения по поводу не вполне удовлетворивших нас разделов издания.

Нам представляется неточным, недостаточно глубоким определение предмета истории философии, данное авторами во введении к первому тому. «Предметом истории философии как науки, — читаем мы, — является история развития философской мысли на различных ступенях развития общества, прежде всего история зарождения, формирования, развития основных философских направлений — материализма и идеализма, их взаимной борьбы».

В этом определении не подчеркивается то коренное марксистское положение, что развитие философской мысли определяется социальными отношениями своего времени.

Правда, в книге предпосылается каждому разделу введение, небольшой исторический

очерк, характеризующий эпоху, в которой протекала деятельность того или иного мыслителя. Однако в этих очерках нередко отсутствует объяснение характера и направления деятельности философа, и они не всегда органически связаны с изложением его идей. Нередко получается так, что содержание введения упускается из виду в дальнейшем, когда нужно объяснить те или иные противоречия мыслителя или целой школы.

Так, например, во введении, предпосланном изложению истории философии в России сороковых—шестидесятых годов XIX века (том II), подъем философской мысли в этот период объясняется тем, что Россия тогда переживала кризис крепостничества и в стране нарастал общий политический кризис. Но вот в ходе изложения философских взглядов потребовалось объяснить слабости, ограниченность русских материалистов — непреодоленный антропологизм, механицизм, идеализм в понимании общественных явлений, — и авторы находят объяснения уже не взлету, не подъему философской мысли, а ее недостаткам, и притом в тех же самых экономических и социальных отношениях, в их неразвитости. Вряд ли такое произвольное оперирование одними и теми же фактами можно назвать научным анализом исторических условий, породивших те или другие идеологические явления.

В главе, посвященной немецкой философии конца XVIII и первой половины XIX века (том II), авторы безуспешно пытаются вскрыть закономерность развития философской мысли от Канта к Фихте, Шеллингу, Гегелю и Фейербаху. Однако социальная основа этого развития при этом не раскрывается, и читатель не получает обоснованного ответа на вопрос, какие же социальные причины обуславливали или по крайней мере способствовали тому, что философия Канта была вытеснена системой Фихте, а эта последняя в свою очередь философией Шеллинга, которая так же была преодолена философской системой Гегеля.

Методология исторического материализма, примененная к анализу истории философской мысли, позволяет более или менее удовлетворительно объяснить, почему, скажем, английские материалисты XVII века делали акцент на проблемах познания, французские материалисты XVIII века — на проблемах этики, на критике феодализма и религии, русские материалисты XIX века, наряду с проблемами материализма и диалектики,

большое внимание уделяли вопросам революционно-демократического преобразования страны.

Мы не можем сказать, что авторы «Истории философии» не пользуются методологией исторического материализма в своих исследованиях. Мы хотим только упрекнуть как их, так и редакторов в том, что они недостаточно последовательно применяют этот принцип при объяснении появления в разных странах и в разные эпохи различных школ и направлений философской мысли в связи с развитием социальных отношений и достижений естествознания.

Нельзя не бросить авторам упрека и в том, что они сами забывают принятое ими же определение истории философии. Это проявляется, во-первых, в том, что предмет философии часто растворяется в общетеоретических вопросах, в анализе их исторического развития, причем анализ философской деятельности мыслителя иногда подменяется описанием его общественно-политической деятельности. Во-вторых, вместо анализа борьбы материализма с идеализмом, как правило, излагается история развития материалистических школ как-то отдельно, вне их борьбы с идеализмом, а идеалистических — вне их борьбы с материализмом.

Многие имена (а их в книге больше тысячи) не раскрыты с достаточной убедительностью как имена философов. Так, например, на странице 247 первого тома назван узбекский ученый — астроном и математик Улугбек, а описание его деятельности занимает всего лишь один абзац. Столько же отведено грузинским мыслителям Бакури, Айэт, Партадзе и другим. Между тем, как требовал Ленин, историк должен выделить то новое, то ценное, что вносит мыслитель в философию, какую добавку он делает к завоеванию теоретической мысли предшествующей ему эпохи, чем он обогатил познавательную деятельность человечества.

Нам представляется, было бы более верным, если бы книга не была перенаселена философами, но зато больше было бы философии.

Авторы подробнее освещают общественно-политические, социальные проблемы и слабее собственно философские. Мы не хотим этим сказать, что всю историю философии нужно свести к истории познания, что не следует анализировать историю материализма или надо вообще отказаться от осве-

щения истории социальных движений. Конечно, нет. Все это весьма важно. Но мы считаем не менее важным выяснение, вычленение в каждой философской системе, в каждой более или менее значительной философской школе ее теоретико-познавательного аспекта, ее вклада в разработку теории познания.

В интересующем нас труде имеются целые разделы, в которых дано изложение взглядов нескольких мыслителей. Однако эти взгляды излагаются часто вне связи со взглядами предшествующих мыслителей и их вклад в общую философскую теорию не конкретизируется; особенно это касается проблем логики, гносеологии.

В этой связи нельзя не упрекнуть авторов и редакторов «Истории философии» и в том, что они не уделили достаточного внимания важнейшему закону диалектического материализма — «отрицанию отрицания». А между тем известное ленинское замечание о «кругах» в истории философии имеет в виду именно применение этого закона. «Отрицание отрицания» обязывает рассматривать каждый этап, каждый новый «круг» в какой-то степени как возврат к старому, отрицание как момент развития, с удержанием всего ценного, завоеванного предшествующей эпохой.

И здесь мы подходим к самому существенному, основному недостатку интересующего нас труда — эмпиризму, описательности.

История философии — как история позна-

ния, как история развития познавательной деятельности, как логика мышления — в книге разработана недостаточно. Мы уже отмечали, что авторы больше внимания уделили выяснению социальных проблем и меньше гносеологических. А многие мыслители, названные в книге, не занимались теоретико-познавательными проблемами, и поэтому о них трудно что-нибудь сказать в этом плане.

В составлении труда приняло участие около ста авторов, и перед редакторами стояла задача придать изданию стройность, цельность, внутреннюю логику. Но в полной мере этого сделать не удалось.

Недостатком первого и второго томов является отсутствие критического разбора антимарксистских концепций и оценок тех мыслителей и школ, о которых идет речь. Так, например, во французской литературе можно встретить различные оценки наследия энциклопедистов, в немецкой все еще имеет место различная немарксистская оценка немецкого просвещения, немецкого идеализма (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель), русские эмигранты и некоторые зарубежные «специалисты по русскому вопросу» подвизаются в фальсификации истории русской философии. Непонятно, почему авторы оставили без внимания эти критические упражнения антимарксистов.

Таковы некоторые недостатки этого большого и в целом полезного труда по истории мировой философской мысли.

М. СИДОРОВ,

кандидат философских наук.

★

Воспоминания советского дипломата

Издательство Института международных отношений выпустило небольшую, но очень интересную книгу академика И. М. Майского «Воспоминания советского посла в Англии». Книга раскрывает перед читателем истинный облик британской дипломатии новейшего времени, ее цели и методы. Автор книги был послом СССР в Англии с 1932 по 1945 год и имел возможность на протяжении ряда лет наблюдать за работой британского дипломатического аппарата, изучить повадки и приемы английских дипломатов.

И. М. Майский. Воспоминания советского посла в Англии. Редактор Л. М. Королук. 144 стр. Издательство Института международных отношений. М. 1960.

Правда, то, о чем рассказывает в своих воспоминаниях И. М. Майский, происходило четверть века назад, в иной международной обстановке. Тем не менее рецензируемая книга полна злободневности. Британская дипломатия не утратила ни одной из свойственных ей реакционных черт. Двадцать пять лет назад Форин Оффис возглавлял реакционер из «либералов», сэр (впоследствии лорд) Джон Саймон. Ныне его возглавляет реакционер из консерваторов, лорд Хьюм, дипломат «мюнхенской» школы. В 1937—1940 годах лорд Хьюм, тогда член палаты общин и секретарь Невилля Чемберлена, участвовал вместе с ним в переговорах с Гитлером и в позорной мюнхенской сделке о расчленении Чехосло-

вакии. Было бы напрасной тратой времени пытаться найти принципиальную разницу между линией Саймона и Хьюма, этих двух крайне правых английских политических деятелей. Времена меняются, меняются условия, но генеральная цель британской реакционной дипломатии была и остается неизменной: борьба против Советского Союза на мировой арене; неизменными остаются методы и средства: собирание и использование для этой борьбы всех реакционных сил в Европе и вне Европы.

Тот, кто внимательно прочитает книгу И. М. Майского, без труда придет к выводу, что существует известная внутренняя связь между антисоветской направленностью внешней политики Великобритании, с одной стороны, и ухудшением ее внешнеполитических позиций, с другой. Читая воспоминания советского посла в Англии о том, как четверть века назад консерваторы и их союзники пытались подорвать экономические позиции СССР и тем самым ослабить его политические позиции, еще лучше постигаешь исторические корни слепой политики роковых ошибок и катастрофических просчетов британской дипломатии за истекшие десятилетия и еще яснее видишь плачевные результаты этой политики — утрату Великобританией своей самостоятельности и фактическое подчинение ее интересам США.

Когда И. М. Майский прибыл в октябре 1932 года в Лондон, чтобы занять пост советского посла, британское правительство «приветствовало» его таким недружественным актом, как одностороннее и внезапное расторжение англо-советского торгового соглашения 1930 года. Британские реакционеры полагали, что, подрывая внешнюю торговлю СССР, они смогут нанести чувствительный удар по планам социалистического строительства в нашей стране, и ради этого сознательно шли на то, чтобы причинить ущерб и английской внешней торговле. Этот шаг английского правительства был продиктован политическими причинами — враждебностью к стране социализма, желанием создать для нее новые трудности — и был рассчитан во времени: учитывалось развертывание японской империалистической агрессии против Китая, в Маньчжурии, на границах Советского Союза.

Тогдашний британский министр иностранных дел Саймон, как и другие английские реакционные деятели, откровенно поддер-

живал японских агрессоров, надеясь на то, что Япония не ограничится разбоем в Китае, а нападет на Советский Союз. В Лондоне царил уверенность, что японо-советская война вспыхнет неизбежно и приведет к поражению СССР и к падению советского строя. Когда надежды, возглавлявшиеся на японских агрессоров, не оправдались, ставка была сделана на гитлеровцев, пришедших к власти в Германии в январе 1933 года. К чему привели эти расчеты — известно. Япония «отблагодарила» Англию тем, что захватила все английские позиции в Китае и на Тихом океане, а гитлеровцы, набравшись сил, нанесли своим благодетелям удар дубиной по черепу.

Впрочем, тогда, в начале 1933 года, ни Джон Саймон, ни его коллеги не думали, что события примут такой нежелательный для Англии оборот. Советского посла, явившегося к нему с визитом, Саймон встретил вежливо, но надменно-холодно. «В Саймоне, — пишет И. М. Майский, — было что-то формальное, холодное, жестокое. Ни тени души. Вдобавок за спиной Саймона стояла длинная вереница речей и дел, которые отталкивали меня от него идеологически и политически». Саймон отрицал, что имел касательство к расторжению торгового соглашения, на самом же деле именно он был одним из наиболее ретивых сторонников разрыва экономических отношений между Англией и СССР, прелюдии к разрыву всяких отношений.

Не лучшее впечатление на советского посла произвел и другой влиятельный (еще более влиятельный, чем Саймон) член кабинета — канцлер казначейства, или министр финансов, Невиль Чемберлен, будущий премьер-министр и главный проводник мюнхенской политики. В первой же беседе с И. М. Майским Невиль Чемберлен, никогда не блиставший дипломатической тонкостью обращения, с грубой откровенностью выложил то, что Саймон скрывал за частоколом из вычурных и лощеных фраз. Почему британское правительство расторгло торговое соглашение? Да потому, что считает его устаревшим и невыгодным для Англии. Англия хочет торговать с СССР, но долгосрочных кредитов, которые способствуют расширению торговли, не даст. Почему? «Что же вы хотите, чтобы мы давали долгосрочные кредиты нашему врагу? Нет, уж лучше мы используем наши деньги в других направлениях!»

Так прямо и ляпнул министр финансов, второй по значению после премьер-министра член кабинета! Для него СССР, с которым Англия находилась в нормальных дипломатических отношениях, был враг. И он считал возможным открыто сказать об этом советскому послу! Дальше, как говорится, идти было некуда. Такова была атмосфера острой враждебности к СССР, царившая в то время в министерских кабинетах в Лондоне. «Первым моим движением после его реплики было встать и уйти,— пишет И. М. Майский,— ибо какие могут быть между нами разговоры, если министр финансов считает СССР врагом?» Советский посол так и ответил Чемберлену. Тот все-таки догадался, что сказал лишнее, и стал замечать следы, уверяя своего собеседника, что не уверен, так ли это на самом деле, и что «был бы счастлив, если бы ошибся... И так далее...»

Советский Союз стремился к расширению торговли с Англией на основе равенства и нормальных условий, исходя не только из экономических соображений, но также желая упрочить англо-советские отношения и тем самым — мир в Европе и во всем мире. СССР был готов сделать разумные уступки. Реакционные капиталистические круги Англии, от имени которых выступал Чемберлен, сам крупный капиталист и бизнесмен, были не против того, чтобы торговать и получать прибыль, но торговать по возможности так, чтобы Советский Союз не получал никаких выгод, а главное, чтобы торговля с СССР не способствовала улучшению англо-советских отношений. Это была безумная, бессмысленная, наконец, просто глупая точка зрения. Но именно эта точка зрения взяла верх в правящих кругах.

На ход переговоров попытались оказать прямое воздействие крупнейшие капиталистические группы, входившие в «Ассоциацию британских торговых палат». 14 января 1933 года исполнительный комитет Ассоциации опубликовал в печати меморандум, практически требовавший запрещения торговли между Англией и СССР и содержащий нечто вроде ультиматума Советскому Союзу. По мысли его составителей, торговля между обеими странами могла производиться только на следующих условиях. Советскому Союзу будет отказано в предоставлении преимуществ, вытекающих из принципа наибольшего благоприятство-

вания. СССР должно быть разрешено продавать в Англии товаров ровно на столько, на сколько он сам будет покупать в Англии. Английские экспортные кредиты не будут предоставлены фирмам, торгующим с СССР. Не меньше половины всех товарных перевозок между Англией и СССР будет производиться на английских судах, независимо от того, нуждается ли СССР в английском тоннаже или нет. Советская торговая делегация (торговое представительство) в Лондоне будет лишена дипломатических привилегий. В СССР будет создана английская торговая делегация, которая сможет непосредственно связаться с советским рынком (иначе говоря, в СССР отменяется монополия внешней торговли!). Советское правительство признает старые долги (царского и Временного правительства) и соглашается возместить британским собственникам «убытки», понесенные ими в результате революции.

Все эти наглые домогательства разбушевавшихся капиталистических баронов, охваченных лютой враждебностью к СССР, явились своего рода публичной директивой правительству — взять в переговорах с СССР о новом торговом соглашении самый крутой тон. Правительство приняло эту директиву к исполнению. Переговоры поэтому натолкнулись на большие трудности. И. М. Майский вспоминает:

«С каждой новой встречей (советских и английских экспертов, которым было поручено разработать проект нового торгового соглашения.— И. Е.) становилось все яснее, что английское правительство собирается установить для советской торговли совершенно исключительный режим, носящий характер явной дискриминации».

Но это была попытка с негодными средствами. Представитель СССР на переговорах решительно заявил, что Советское правительство ни в коем случае не допустит этого, не согласится с нарушением статуса равноправия советской торговли. Представителям английского правительства было ясно дано понять, что на его исключительные меры против советской торговли с Англией Советское правительство ответит такими же контрмерами в отношении английской торговли с СССР.

Британские дипломаты поняли, что подготовленный ими «номер», как говорится, «не пройдет». Но они настаивали на своем и пытались даже обусловить заключение

нового (ухудшенного) торгового соглашения готовностью СССР признать претензии британских капиталистов, которые требовали уплаты «долгов», возмещения «убытков», а также предоставления Советским Союзом британскому посольству в Москве права беспешлиного ввоза в СССР продовольствия и других продуктов для английских дипломатов. Это был грубый шантаж. Особую непримиримость проявлял Джон Саймон, явно старавшийся сорвать переговоры. Способствовал обострению положения и тогдашний британский посол в Москве сэр Эсмонд Овий. Этот господин сыграл прямо-таки зловещую роль в ухудшении англо-советских отношений в 1933—1934 годах. И. М. Майский рассказывает:

«Его (Овия.— И. Е.) доклады британскому правительству, касавшиеся развития ситуации в Советской стране, были один мрачнее другого. По словам Овия выходило, что экономические трудности в СССР становятся непреодолимыми, что голод в стране усиливается с каждым днем, что вновь построенные фабрики и заводы выпускают брак, что финансовые ресурсы правительства на исходе и что не дальше как весной 1933 года можно ждать краха всей советской системы».

Из месяца в месяц Овий слал Саймону подобные донесения; так же он инспирировал и некоторых иностранных «экспертов», приезжавших в это время в Москву. Саймон читал эти донесения Овия с величайшим удовлетворением. И у него и у правящих кругов постепенно сложилось убеждение, что конец ненавистного им советского строя близок, надо только «нажать» на него извне. Этим объяснялось то, что британское правительство искало поводов для конфликта с Советским Союзом.

Конечно, сэр Эсмонд Овий, по его величества в Москве, лгал. Да, просто лгал. Но он знал, что именно таких вестей ждут от него его лондонские шефы. Сэр Эсмонд хорошо понимал, к чему стремится его начальник Джон Саймон и что именно на уме у тех реакционных зубров, из которых состояло правительство. То, что было у них на уме, стало ясно очень скоро. Придравшись к тому, что в СССР было арестовано несколько английских инженеров, разоблаченных как агенты английской разведки, английское правительство сорвало переговоры о торговом соглашении, а посол Овий пригрозил М. М. Литвинову разрывом

дипломатических отношений между Англией и СССР, если арестованные не будут немедленно освобождены. В своих донесениях Овий уверял свое правительство, будто у советских властей нет доказательств виновности арестованных шпионов. Реакционная пресса начала бешеную травлю СССР.

Дальше все пошло по заранее разработанному сценарию. В начале апреля 1933 года английское правительство внесло в парламент проект закона о запрете ввоза советских товаров в Англию, то есть фактически о разрыве экономических отношений между обеими странами. То, к чему стремились британские реакционеры, начало проводиться в жизнь. Проект закона был принят при бешеных криках одобрения сторонников правительства. 6 апреля, за неделю до начала суда над английскими разведчиками, он был опубликован и 26 апреля введен в действие. 22 апреля советские органы приняли соответствующие контрмеры, запретив английским фирмам поставлять товары в СССР. Заказы, ранее выданные английским компаниям, были переданы фирмам других стран. Тем временем состоялся суд. Виновность большинства (пяти из шести) подсудимых была бесспорно доказана.

Английское правительство очутилось перед новым положением. Своей цели — запугать правительство СССР — оно не достигло. Торговая война против СССР явно не удалась. Потеря крупных и выгодных советских заказов вызвала недовольство деловых кругов. Втянуть в торговую войну против СССР другие страны оказалось невозможным. Вдохновители всей этой провокации очень скоро оказались у разбитого корыта. Пришлось бить отбой.

Первого июля английское правительство отменило запрет на ввоз товаров из СССР в Англию, а советские власти отменили свои контрмеры. 3 июля возобновились переговоры о торговом соглашении. Прошло, однако, еще восемь месяцев, прежде чем соглашение, приемлемое для обеих стран, было наконец подписано (16 февраля 1934 года). Остается добавить, что это «временное» торговое соглашение сохраняет силу до сих пор.

Английская реакция потерпела чувствительное поражение. Но свои антинародные планы, губительные для самой Англии, как и для других стран Европы, она продолжала

ла лелеять с неослабным упорством. Вплоть до 1939 года, то есть все пятилетие, прошедшее от ликвидации конфликта с СССР и до начала войны в Европе, правительство консерваторов с настойчивостью, которая отнюдь не делает ему чести, обхаживало гитлеровских агрессоров, помогало им всем, чем только могло,— экономически и политически — в подготовлявшейся ими войне. И Саймон и те, кто пришел ему на смену, особенно лорд Галифакс, верный приспешник Чемберлена в бесславном деле разжигания аппетитов фашистской шайки и подталкивания ее на Восток,— все они несут тяжелую ответственность за те ужасы, которые вскоре обрушились на народы Европы.

И вот спустя столько лет нынешний британский премьер-министр как ни в чем не бывало снова отправился в путь — на этот раз в гости к преемнику Гитлера, западно-германскому канцлеру Аденауэру. В английской внешней политике снова запахло Мюнхеном. Известно, однако, к чему привел Мюнхен.

И когда думаешь обо всем этом, вспоминается то, о чем рассказано в книге советского дипломата, рассказано ярко, сочным языком, с юмором и сарказмом. И веет от этой книги силой советской дипломатии, дипломатии мира, стоящей на страже интересов человечества.

И. ЕРМАШЕВ.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР. Статистический сборник. Госстатиздат. М. 1960. 667 стр. Цена 14 р. 60 к.

Новый статистический сборник «Сельское хозяйство СССР» подготовлен к печати коллективом работников Центрального Статистического Управления. В цифрах и таблицах отражены вчерашний и сегодняшний день нашего сельского хозяйства, те огромные сдвиги, которые произошли в нем за последние годы. Именно эта динамика развития представляет в сборнике наибольший интерес, так как позволяет не только подвести некоторые победные итоги, но и сделать многообещающие прогнозы — сельское хозяйство находится на крутом подъеме.

Материалы сборника весьма разнообразны и охватывают все стороны сельскохозяйственного производства. Мы воочию видим неуклонный рост зернового хозяйства, животноводства, механизации, успехи в освоении целинных и залежных земель, рост материального благосостояния и культурного уровня колхозников и так далее.

По сравнению с доходами трудящихся крестьян дореволюционной России (1913 год) доходы колхозников увеличились в шесть-семь раз. Советская деревня располагает сейчас кадрами, которые способны эффективно использовать наши богатейшие возможности. Достаточно сказать, что на 1 апреля 1959 года половина председателей колхозов имела высшее и среднее специальное образование. До сентябрьского Пленума ЦК партии (1953 год) редко можно было встретить в колхозе агронома или зоотехника. А к концу прошлого года сельское хозяйство насчитывало триста шестьдесят шесть тысяч специалистов.

ТРУД И ТЕХНИКА В СЕМИЛЕТКЕ. Профиздат. М. 1960. 368 стр. Цена 7 р. 20 к.

Осветить эту широкую тему издательство поручило большой группе видных специалистов. В сборник включены статьи академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР, докторов и кандидатов наук, хозяйственных и профсоюзных работников.

Авторы развивают одно из главных положений, выдвинутых XXI съездом КПСС. решающим условием создания материально-технической базы коммунизма является максимальное внедрение новой техники, комплексной механизации и автоматизации

производственных процессов. «Партия добивается,— пишет в своей статье заместитель председателя Госплана СССР М. Лещенко,— чтобы развитие производительных сил страны происходило на высоком техническом уровне, в соответствии с указанием В. И. Ленина о том, что «берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины».

Вместе с тем в книге показываются и те качественные изменения в самом характере труда, которые влечет за собой автоматизация социалистического производства.

Все эти проблемы рассматриваются авторами с позиции различных отраслей нашего хозяйства. Здесь предоставлено слово машиностроению, металлургии и станкостроению, кибернетике, химии и энергетике, легкой промышленности, сельскому хозяйству, транспорту и так далее.

Диаграммы, схемы, рисунки и фотографии иллюстрируют текст.

ЛАТЫШСКИЕ СТРЕЛКИ. Перевод с латышского. Военгиздат. М. 1960. 324 стр. Цена 6 р. 50 к.

В сборник вошли воспоминания бывших латышских стрелков, сражавшихся за становление и упрочение первого в мире социалистического государства, проливавших свою кровь на фронтах гражданской войны, побывавших во вражеском тылу и в партизанских отрядах.

После краха царизма, говорится в предисловии к русскому изданию, написанном Героем Советского Союза генерал-полковником артиллерии Н. Хлебниковым, процесс революционизирования латышских стрелков стал происходить особенно быстрыми темпами. Они легко разобрались в антинародной сущности Временного правительства. В середине мая 1917 года на объединенном съезде латышских стрелков была принята резолюция, требовавшая полного уничтожения остатков старого режима. Она заканчивалась словами: «Вся власть Советам рабочим, крестьянским и солдатских депутатов!» Курс партии большевиков на вооруженное восстание встретил у латышских стрелков горячее одобрение.

Латышские стрелки, как известно, активно участвовали в обороне Петрограда, им было доверено нести охрану Смольного.

В. ГЛАДЫШЕВ. Завод и люди. Очерки по истории Горьковского металлургического завода. Горьковское книжное издательство. 1960. 152 стр. Цена 3 р. 20 к.

В 1915 году, когда немцы оккупировали Латвию, акционерное общество «Отто Эрбе» переправило часть своего инструментального завода из Риги на Волгу, в Нижний Новгород. Здесь, в полуподвальном помещении бывшего шивного склада, и возникло предприятие, превратившееся в дальнейшем в Горьковский металлургический завод. О годах его роста и совершенствования рассказывает в своей книжке мастер В. Н. Гладышев. История завода показана на фоне борьбы русского рабочего класса и роста его политической сознательности.

Неизмеримо вырос завод в советское время. Вместо пятидесяти рабочих, стиснутых в тесном полуподвале, теперь в светлых и просторных корпусах трудятся многотысячный коллектив. Выросли и люди завода. О многих из них узнает читатель из очерков В. Гладышева.

УРХО КАЛЕВА КЕККОНЕН. Финляндия и Советский Союз. Статьи и речи. Перевод с финского. Издательство иностранной литературы. М. 1960. 200 стр. Цена 5 р.

Два года назад советский читатель с интересом встретил книгу бывшего президента Финляндии Юхо Кусти Пааскиви «Линия Пааскиви. Статьи и речи».

Логическим продолжением этой книги служит сборник статей и речей нынешнего президента Финляндии Урхо Кекконена. Сборник содержит интересные данные о том, что дает Финляндии сотрудничество с Советским Союзом. Кекконен пишет о росте занятости населения, о развитии машиностроительной и судостроительной промышленности. Подробное освещение получила и внешняя политика Финляндии, названная «линией Пааскиви—Кекконена» и пользующаяся поддержкой во многих политических партиях страны, а также среди скандинавских государств.

Несмотря на различие социальных систем, между Финляндией и СССР наладилась добрососедские отношения; мысль о том, что они должны укрепляться и развиваться, является основной идеей книги У. Кекконена. Он пишет, что политика, дружественная СССР, «является результатом национальной необходимости и основывается на правильно понятых интересах нации».

Это же подчеркнул в своей речи, произнесенной во время недавнего визита в Финляндию, Н. С. Хрушев. «Мы хотим не только мира в отношениях между нашими странами,— сказал он.— Мы хотим дружбы, а это больше, чем мир».

В. МАШКИН. В стране «длиннобородых». Кубинский репортаж. «Молодая гвардия». М. 1960. 96 стр. Цена 1 р. 35 к.

Куба на протяжении многих веков не принадлежала кубинцам. Бывшая колония Испании, она в конце прошлого столетия была превращена в полуколонию США. Правители, марионетки американских хо-

зяев, вызвали в свободолюбивом народе гнев и возмущение.

Летом 1953 года около сотни молодых, отчаянно смелых революционеров по главе с выпускником Гаванского университета Фиделем Кастро попытались овладеть военной крепостью—казармой Монкада. Штурм окончился неудачей. Фиделя Кастро посадили в тюрьму, но затем под давлением общественного мнения освободили. Он эмигрировал в Мексику, где и развернулась подготовка к вооруженному восстанию на Кубе.

В декабре 1956 года началась борьба кубинских патриотов против кровавой диктатуры Батисты. Повстанческое движение получило широкую народную поддержку. С большой теплотой и сердечностью рассказывает автор очерков В. Машкин о «длиннобородых» (бороду носили все повстанцы).

Мы узнаем из книги и о январской революции 1959 года, свергнувшей ненавистного диктатора, и об аграрной реформе, проводимой революционным правительством Фиделя Кастро. Десятки тысяч крестьян получают безвозмездно землю. Хотя обстановка в стране остается напряженной из-за прощесов США, но на месте пустырей строятся заводские корпуса, в новых районах Гаваны для бывших обитателей хибар возводятся благоустроенные дома. Ликвидируется неграмотность—только за последний год построено школ больше, чем за предыдущие пятьдесят лет.

Одна из глав посвящена растущей дружбе между советским и кубинским народами.

М. БАЙКОВ. В восьми странах мира. «Московский рабочий». 1960. 128 стр. Цена 2 р.

Автор книги, рядовой советский рабочий, наладчик станков завода «Красный пролетарий», рассказывает о своих поездках в качестве сотрудника советских павильонов на международные выставки и ярмарки в Польшу, Румынию, Австрию, Аргентину, Норвегию, Францию, Италию и Грецию.

М. Байков, думающий, наблюдательный человек, сумел передать в своих воспоминаниях впечатления о зарубежных странах—социалистических и капиталистических,—о настроениях и взглядах самых различных посетителей наших стендов. Были среди них и наши друзья и враги. «Но весьма важно,— пишет автор,— что на одного врага приходится десятки, сотни, тысячи друзей, симпатизирующих нам, нашему павильону, Советской стране». С гордостью говорит М. Байков о том, что советский павильон выгодно отличался от других не только своими размерами, разумной планировкой, изяществом отделки, но и широчайшей разнообразностью экспонатов.

Каждый год СССР участвует в десятках международных выставок, показывая свои достижения и демонстрируя свою волю к миру. И каждая новая выставка завоевы-

вает сердца людей, вызывает их восхищение, знакомит с простой, мудрой правдой социализма и открывает новые возможности для широкого развития торговли и мирного сотрудничества.

Книга читается легко, с интересом. Литературная запись А. Кудряева.

КОНСТАНТИН И. ПАРХОН. *Возрастная биология.* Издательство литературы на иностранных языках. Бухарест. 1959. 471 стр. Цена 14 р.

Имя выдающегося румынского ученого и общественного деятеля, почетного президента Академии Румынской Народной Республики и иностранного члена АН СССР Константина Пархона известно далеко за пределами его родины. Он разрабатывает вопросы, относящиеся к проблеме долголетия и борьбы со старостью. Совместно со своими сотрудниками Пархон провел ряд важных экспериментальных исследований и предложил методы предупреждения и лечения старости, получившие мировое признание.

Среди оправдавших себя методов лечения стариков важнейшими являются лечение пивными дрожжами и особенно новоканном. Пархон сообщает о многочисленных случаях, когда в результате лечения новоканном наблюдалась пигментация поседевших волос, появление мышц, до этого атрофированных, возвращение памяти, улучшение деятельности сердца.

В главе «Каким образом рассматривается и изучается в Советском Союзе и странах народной демократии проблема явлений старения и продления жизни» Пархон пишет, что необходимые условия для долголетия возможны лишь в коммунистическом или социалистическом обществе, где человек является самым ценным капиталом.

С. В. ШОСТАКОВИЧ. *Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова.* Соцэкгиз. М. 1960. 296 стр. Цена 8 р. 40 к.

Долгое время в литературе о Грибоедове довольно скупо освещалась дипломатическая деятельность великого русского писателя.

Новая монография о Грибоедове — книга С. В. Шостаковича — показывает Грибоедова как дипломата широкого политического кругозора, стремящегося к упрочению мирных отношений между Россией и восточными странами.

Находясь на посту русского посланника в Тегеране, Грибоедов вел настойчивую борьбу против колонизаторских происков английской дипломатии. Он выступал последовательным сторонником укрепления экономических, политических и культурных связей России со странами Востока.

На большом документальном материале, привлекая неопубликованные архивные и малоизвестные иностранные источники, автор прослеживает многообразную деятельность Грибоедова-дипломата с момента его поступления в Государственную Коллегию иностранных дел в 1817 году до его трагической гибели в Тегеране в 1829 году.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ В СИБИРИ. 1905—1917. Новосибирское книжное издательство. 1960. 138 стр. Цена 4 р. 40 к.

В 1909 году политический заключенный томской тюрьмы Валериан Владимирович Куйбышев, заточенный в одиночную камеру, написал стихотворение «К матери», в котором воспел стойкость революционера, готового перенести любые тяготы ради торжества дела, во имя которого он борется.

Ни окопы, ни стены, ни годы страданья
Не заставят позорной пощады просить,
Не сломить мою гордую стену молчанья.
Не сломить!

Это стихотворение вошло в книгу «Революционная поэзия в Сибири», в которой собраны стихи поэтов и профессиональных революционеров, томившихся в тюрьмах и ссылках Сибири: К. Дубровского, П. Казанского, И. Тачалова, А. Богданова, В. Князева, М. Фрунзе и многих других. Составитель сборника Е. А. Куклина пишет в предисловии: «Это поэзия о революции и для революции, поэзия площадей и улиц, митингов и демонстраций. Песни и стихи поэтов-рабочих распевались на маевках и тайных сходках, отпечатывались в подпольных типографиях как листовки и прокламации, становились маршами на демонстрациях».

Сборник «Революционная поэзия в Сибири» обогащает наши представления об одной из интереснейших страниц русской революционной поэзии предоктябрьской поры.

ТИМОФЕЙ УРАЛОВ. *Путь Алексея Гмырева.* Херсонское книжно-газетное издательство. 1960. 240 стр. Цена 3 р. 35 к.

Повесть Т. Уралова посвящена жизни и творчеству рабочего-поэта первой русской революции Алексея Михайловича Гмырева (1887—1911).

О пламенном революционере, бесстрашном подпольщике-большевике Гмыреве мало кто теперь знает. В 1957 году в Киеве был издан сборник стихотворений и писем Гмырева; сюда были включены следственные и судебные материалы, касающиеся его революционной деятельности. Автору книги после долголетних кропотливых разысканий удалось обнаружить в архивах, частных собраниях и музеях много новых материалов о Гмыреве и произведения поэта. Они легли в основу сюжета повести. Из прожитых Гмыревым двадцати четырех лет он почти половину отдал революционной борьбе против самодержавия и помещичье-буржуазного строя. Долгие годы провел Гмырев в тюрьмах и на каторге. Там он слагал свои вдохновенные стихи, там же и погиб от истязаний и издевательств.

Книге предпосланы предисловия выдающихся деятелей Коммунистической партии, старых большевиков Г. М. Кржижановского и Г. И. Петровского.

В. А. ДИЕВ. *Творчество К. А. Тренева.* Учпедгиз. М. 1960. 172 стр. Цена 3 р. 25 к.
«Старостой советских драматургов» называл Константина Тренева Борис Ромашов. Написанная К. Треневым в 1926 году

героико-революционная драма «Любовь Яровая» обошла в свое время почти все театры нашей страны, а ныне с успехом идет на сцене многих театров стран народной демократии.

В своей книге В. Днев прослеживает творческий путь К. Тренева. Автор рассказывает о первых литературных опытах драматурга, о произведениях, созданных им в предреволюционные годы, о его фельетонах и театральных рецензиях в газетах «Донская речь» и «Донская жизнь». С особым вниманием исследователь анализирует трагедию К. Тренева «Пугачевщина», которую он считает важным этапом в развитии советской исторической драматургии и значительным шагом в приближении драматурга к современности.

Центральная глава книги — глава о драме «Любовь Яровая». Дрaму К. Тренева автор рассматривает на широком историко-литературном фоне, рассказывая об истории ее возникновения, разбирая ее проблематику и образы.

В заключительных главах книги В. Днев исследует художественные особенности драматургии К. А. Тренева и ту роль, которую она сыграла в развитии советского театра.

АЛЕКСАНДР ВЬЮРКОВ. Рассказы о старой Москве. «Московский рабочий». М. 1960. 584 стр. Цена 11 р. 65 к.

А. И. Вьюрков известен как талантливый бытописатель Москвы. Впервые его «Рассказы о старой Москве» были выпущены в свет в 1948 году. Настоящее издание книги является третьим и посмертным (автор умер в 1956 году). По сравнению со вторым изданием она дополнена рассказами «Неразгаданное слово», «Чудо» и «Сад Толстого». Книга содержит двадцать шесть рассказов о далеком прошлом Москвы, о ее выдающихся людях и самых разнообразных слоях московского населения.

Значительное место в книге занимают рассказы о революционных событиях в Москве в 1905 году. В них писатель сумел создать яркие героические образы рабочих. Из числа этих рассказов наиболее сильное впечатление производят: «После Пресни», «Прокламация», «Сердитый прокурор» и «Особые приметы».

А. КУЛЕШОВ. 500.000 километров в пути. Географгиз. М. 1960. 264 стр. Цена 4 р. 15 к.

«В этой книге я хочу рассказать о виденном. Не энциклопедии и справочники помогали мне в работе, а исписанные блокноты, заснятые киноленты и фотографии. И, конечно, память», — пишет А. Кулешов, советский журналист, побывавший за последние несколько лет во многих странах мира.

Жители Лондона и Брюсселя, Токио и Амстердама. Рима и Стамбула, люди, населяющие Париж, Тегеран, Монте-Карло, Мельбурн, Антверпен, Цюрих, Женеву,—

герои этой книги. Автор пишет о своих встречах и беседах с ними, о поразивших его контрастах нищеты и роскоши, изобилия и скудости, о природе различных стран и облике городов, сообщает интересные детали из экономики капиталистического производства, рассказывает об исторических и культурных памятниках, которые ему удалось увидеть.

Из книги читатель ознакомится, например, с чудесным Ботаническим садом Мельбурна, города, «похожего на огромный луг красных цветов», с символической историей знаменитого «Манекен-писса» в Брюсселе, узнает, как делают ковры в Иране («после того как ковер готов, его часто выкладывают на улицу под ноги прохожих, а то и под колеса машины. Когда ковер загрязнится, его моют, чистят и снова кладут на улицу. Так несколько раз. Но дивные краски не тускнеют...»). и сколько гульденов в месяц получают батраки Нидерландов.

Живость изложения, большой фактический материал делают эту книгу интересной для широкого круга читателей.

ТРИ ТАНСКИХ ПОЭТА. Триста стихотворений. Издательство восточной литературы. М. 1960. 494 стр. Цена 7 р. 50 к.

В сборнике даны в переводе А. Гитовича триста стихотворений трех больших китайских поэтов — Ли Бо, Ван Вэй и Ду Фу, творивших в VIII веке, в эпоху Тан. Это время было переломным для Китая: назрел кризис экономической, социальной и политической системы феодализма, тормозившей дальнейшее развитие страны. Все громче звучали голоса, призывавшие к новым порядкам, к освобождению человеческой личности от пут средневекового догматизма.

Ли Бо, Ван Вэй и Ду Фу выражали в стихах, проникнутых духом гуманизма, думы и чаяния своего народа, его любовь к родине.

Свирепый тигр
Страшит не только слабых,
А все же попадает в тенета:
Уже зажаты в крепких путах лапы—
Напрасно угрожает и ревет он...
С людьми бывает и похуже истати:
Да будет это ведомо тиранам!

Автор вступительной статьи к сборнику Н. Конрад приводит слова китайского литератора XVII века Сюй Эр-ань о творчестве трех знаменитых поэтов, очень разных по манере письма и по жизненной судьбе, но стремившихся к одной цели. «...Есть сила Неба, есть сила Земли, есть сила Человека. Силу Неба мы находим в Ли Бо, силу Земли — в Ду Фу, силу Человека — в Ван Вэе», то есть воплощение каждой из этих сил Сюй Эр-ань видел в лирике первого поэта, в философской глубине второго и в ясности и точности третьего.

Кроме обстоятельной вступительной статьи, в книге есть примечания, сделанные составителем сборника Г. Монзелером.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

И. Комзин. Записки советского энергетика. 112 стр. Цена 1 р. 30 к.
По-новому. Из опыта работы партийных организаций вузов. 240 стр. Цена 2 р. 70 к.
Политика Бонна — политика агрессии и войны. Сборник материалов. Перевод с немецкого. 160 стр. Цена 1 р. 65 к.
Пройдемся по лицам... Памфлеты. 112 стр. Цена 1 р. 20 к.
В. Степанов (Секретарь Московского городского комитета КПСС). Новое в пропагандистской работе. 56 стр. Цена 65 к.

СОЦЭКИЗ

М. Г. Диканский. Международные монополии по металлам. 224 стр. Цена 3 р. 70 к.
Л. С. Дубинский. Монополии и экономика Англии. 480 стр. Цена 10 р. 85 к.
П. Б. Жибарев. Ленин и электрификация Советской страны. 232 стр. Цена 3 р. 15 к.
А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической истории России XVI в. 512 стр. Цена 13 р.
Франсуа Кенэ. Избранные экономические произведения. 552 стр. Цена 13 р. 80 к.
Г. Унпелев. Рождение Уралмаша (1928—1933 гг.). 179 стр. Цена 4 р. 75 к.
Х. М. Фаталиев. Естественные науки и материально-производственная база общества. 196 стр. Цена 5 р. 25 к.
С. П. Фигурнов. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. 100 стр. Цена 5 р. 30 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

И. Абдуллин. Соловьиный разезд. Рассказы. Перевод с башкирского. 200 стр. Цена 2 р. 60 к.
А. Адалис. Новый век. Стихотворения и поэмы. 104 стр. Цена 2 р. 70 к.
М. Белкина. Перекрестки. Очерки. 284 стр. Цена 3 р. 25 к.
А. Венцлова. День рождения. Роман. Перевод с литовского. 432 стр. Цена 7 р. 60 к.
Б. Галин. Строитель нового мира. Очерки о Ленине. 322 стр. Цена 3 р.
Л. Гинзбург. Дудка крысолова. Заметки писателя. 1956—1959. 224 стр. Цена 2 р. 35 к.
День поэзии. Сборник. 360 стр. Цена 8 р. 85 к.
Ф. Кнорре. Навсегда. Роман. 520 стр. Цена 8 р. 70 к.
Б. Костелянец. Творческая индивидуальность писателя. Критические очерки и статьи. 548 стр. Цена 13 р. 70 к.
В. Кравченко. Не поле перейти. Рассказы. Перевод с белорусского. 260 стр. Цена 3 р.
К. Курбаннеспесов. Рассказы деда Таймаша. Поэма. Перевод с туркменского. 156 стр. Цена 3 р. 80 к.
Ю. Лаптев. У горы Непокорной. Повесть и рассказы. 340 стр. Цена 6 р. 10 к.
М. Луконин. Признание в любви. Поэма. 208 стр. Цена 5 р. 15 к.

А. Малышко. Полдень века. Новые стихи. Перевод с украинского. 198 стр. Цена 2 р. 80 к.
П. Медведев. В лаборатории писателя. 320 стр. Цена 7 р. 85 к.
Н. Мельников. Школьная знаменитость. Рассказы и очерки. 168 стр. Цена 3 р. 30 к.
Б. Полевой. Близко и далеко. Новые дневники. 336 стр. Цена 4 р. 60 к.
Г. Полянкер. Разбойник Шмая. Повесть. Перевод с еврейского. 244 стр. Цена 3 р.
В. Померанцев. Неумолимый нотариус. Рассказы. 228 стр. Цена 4 р. 20 к.
Рассказы 1959 года. Сборник. 536 стр. Цена 8 р. 90 к.
Русские писатели о переводе XVIII—XX вв. Сборник 696 стр. Цена 19 р. 40 к.
П. Севак. Человек на ладони. Стихи. Перевод с армянского. 124 стр. Цена 1 р. 80 к.
А. Твардовский. Родина и чужбина. Записки. Очерки. Рассказы. 472 стр. Цена 5 р. 55 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

П. В. Анненков. Литературные воспоминания. 687 стр. Цена 11 р. 65 к.
Вэнь И-до. Избранное. Переводы с китайского. 223 стр. Цена 4 р. 39 к.
В. Иванов. Формирование идейного единства советской литературы. 1917—1932. 375 стр. Цена 10 р. 5 к.
Мухамеджан Каратаев. Казахская литература. Сборник статей. 187 стр. Цена 5 р. 60 к.
И. М. Катарский. Диккенс. Критико-биографический очерк. 272 стр. Цена 8 р.
Аркадий Кулешов. Мое свидетельство. Стихотворения и поэмы. Перевод с белорусского. 335 стр. Цена 9 р. 45 к.
Борис Лавренев. Повести и рассказы. 639 стр. Цена 11 р. 60 к.
Василий Лебедев-Кумач. Песни и стихотворения. 267 стр. Цена 4 р. 30 к.
Симо Матавуль. Баконя фра Брне. Роман.— Рассказы. Перевод с сербо-хорватского. 440 стр. Цена 7 р. 10 к.
Ипполито Ньюво. Исповедь итальянца. Роман. Перевод с итальянского. Том I. 453 стр. Цена 7 р. 60 к. Том II. 479 стр. Цена 8 р. 20 к.
Титус Попович. Жажда. Роман. Перевод с румынского. 576 стр. Цена 10 р. 70 к.
Сербский эпос. Том I. 360 стр. Цена 6 р. 80 к. Том 2. 464 стр. Цена 8 р. 30 к.
Владимир Сосюра. Стихотворения и поэмы. Перевод с украинского. 543 стр. Цена 8 р. 35 к.
И. С. Шмелев. Повести и рассказы. 463 стр. Цена 7 р. 65 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Альфа Эридана. Научно-фантастические рассказы. 208 стр. Цена 4 р. 55 к.
Платон Воронько. Дорогие друзья. Стихи и поэма. 110 стр. Цена 3 р. 35 к.
В. Келер. На пороге неведомого. 223 стр. Цена 3 р. 20 к.

А. Коваленко. Практика современного стихосложения. 112 стр. Цена 1 р. 70 к.

Евг. Пермьяк. Твой завтрашний день. 176 стр. Цена 10 р. 40 к.

В. Прибытков. Андрей Рублев. 221 стр. Цена 5 р. 50 к.

Микола Руденко. Последняя сабля. Роман. 496 стр. Цена 10 р. 80 к.

Иван Шамякин. Тревожное счастье. Повесть. 448 стр. Цена 8 р. 20 к.

Юн Се Дюн. Испытание. Роман. Перевод с корейского. 288 стр. Цена 5 р. 70 к.

ДЕТГИЗ

Э. А. Вартаньян. Из жизни слов. 240 стр. Цена 4 р. 45 к.

В. С. Выговский. Огонь юного сердца. Повесть. Перевод с украинского. 160 стр. Цена 3 р. 55 к.

М. Гергей. Элфи. Повесть. Перевод с венгерского. 224 стр. Цена 4 р. 50 к.

Я. Колас. На широкий простор. Рассказы. 328 стр. Цена 6 р. 10 к.

Н. В. Лойно. Ася находит семью. Повесть. 256 стр. Цена 4 р. 50 к.

Б. В. Лунин. По следам вилюйского узника. Повесть. 144 стр. Цена 3 р. 25 к.

С. И. Могилевская. Горы, наш костер! Повесть. 160 стр. Цена 4 р. 15 к.

М. Пашек. Приключения на Безымянной реке. Повесть. Перевод с чешского. 240 стр. Цена 5 р. 30 к.

А. Ф. Попов. Ленин в Петрограде. Апрель—октябрь 1917 года. 88 стр. Цена 5 р. 75 к.

А. Д. Поповский. Пути, которые мы избираем. 480 стр. Цена 8 р. 40 к.

Б. А. Привалов. Нестерко — мужик озорной. Юмористическая повесть. 144 стр. Цена 3 р. 25 к.

А. Юнке. Футбольный клуб «Парни юга». Повесть. Перевод с испанского. 224 стр. Цена 4 р. 15 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

М. В. Белов. Ведущая сила развития советского общества. 404 стр. Цена 17 р. 50 к.

Из истории русского и западноевропейского искусства. Материалы и исследования. 420 стр. Цена 31 р.

Ленин и наука. 427 стр. Цена 15 р.

Е. В. Лобова. Почвы пустынной зоны СССР. 364 стр. Цена 24 р. 50 к.

Очерки истории радиотехники. 448 стр. Цена 28 р.

Луи Пастер. Избранные труды в двух томах. Том 1. 1012 стр. Цена 60 р.

В. Э. Попов, И. С. Шапиро. Черная металлургия Сибири. 118 стр. Цена 3 р.

Развитие производительных сил Восточной Сибири. Энергетика. 416 стр. Цена 24 р. 50 к.

П. А. Расторгуев. Говоры на территории Смоленщины. 208 стр. Цена 12 р.

Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. 544 стр. Цена 30 р.

Л. И. Уварова. Развитие средств передачи механической энергии. 196 стр. Цена 9 р.

Р. И. Цывилев. Социально-экономические последствия технического прогресса в США. 168 стр. Цена 5 р.

ГЕОГРАФИЗ

Г. О. Аллахвердян. Армянская ССР. 96 стр. Цена 1 р. 65 к.

П. А. Гаргасас. Литовская ССР. 128 стр. Цена 2 р. 10 к.

В. Кассис. От Гималаев до Ганга. 136 стр. Цена 2 р. 10 к.

Л. Котлоу. Занзабуку. 240 стр. Цена 4 р. 50 к.

З. М. Маховер. У берсгов Африки. 94 стр. Цена 1 р. 45 к.

Методы географических исследований. 388 стр. Цена 13 р. 65 к.

СЕЛЬХОЗГИЗ

А. А. Аванян. Биология развития сельскохозяйственных растений. 462 стр. Цена 8 р. 75 к.

И. С. Егоров. Кукуруза и животноводство. 126 стр. Цена 1 р. 80 к.

И. Н. Клинген. Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока. Египет, Индия, Цейлон, Китай. 603 стр. Цена 14 р. 90 к.

А. Г. Корягин. Воспроизводство в социалистическом сельском хозяйстве. 174 стр. Цена 2 р. 40 к.

Сады на целине. 142 стр. Цена 1 р. 90 к.

А. П. Турнас, Д. Г. Головкин. Возделывание сельскохозяйственных культур на торфяных почвах. 334 стр. Цена 6 р. 55 к.

И. А. Чижин. Практические занятия по частному животноводству. 373 стр. Цена 7 р. 10 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**

Редакционная коллегия:

Е. Н. Герасимов, С. Н. Голубов, А. Г. Дементьев (зам. главного редактора), **Б. Г. Зак** (ответственный секретарь), **А. М. Марьямов, В. В. Овечкин, К. А. Федин**

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).

Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются.

Сдано в набор 24/IX-1960 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 21/X-1960 г.
А 09271. Формат бумаги 70×108^{1/16}. 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 90.200.
Зак. 1824.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 7 руб.

«Новый мир» в 1961 году

В 1961 году редакция «Нового мира» по предварительной договоренности с авторским активом имеет в виду напечатать на страницах журнала следующие произведения, большая часть которых посвящена существенным темам и проблемам современности:

- С. Антонов — «Любовь» и другие рассказы
- Н. Атаров — повесть «Коротко лето в горах»
- Г. Бакланов — повесть «Июль 1941 года»
- Ольга Берггольц — продолжение книги «Дневные звезды»
- Ю. Бондарев — роман «Тишина»
- П. Вершигора — роман «Дом родной»
- Тихон Журавлев — повесть «Одарка»
- С. Залыгин — роман «На половине пути»
- Любовь Кабо — роман «Борис Бекишев»
- Э. Казакевич — роман «Новые времена»
- В. Некрасов — новая повесть
- Вера Панова — новые произведения
- И. Соколов-Микитов — автобиографические рассказы
- В. Тендряков — новая повесть
- К. Федин — роман «Костер»
- Владимир Фоменко — роман «Жизнь»
- И. Эренбург — «Люди, годы, жизнь», книга вторая.

Новые повести и рассказы М. Ауэзова, Ч. Айтматова, Л. Волинского, Е. Дороша, Е. Драбкиной, Н. Дубова, С. Жураховича, А. Злобина, В. Каверина, В. Липатова, И. Метгера, Ю. Нагибина, В. Овечкина, Л. Первомайского, М. Симашко, Г. Троепольского.

Новые стихи и поэмы М. Алигер, К. Ваншенкина, Р. Гамзатова, М. Исаковского, Р. Казаковой, А. Кулешова, С. Липкина, М. Луконина, А. Прокофьева, Н. Рыленкова, М. Рыльского, Я. Смелякова, А. Твардовского, Назыма Хикмета, С. Щипачева и других.

В журнале будут также публиковаться произведения зарубежных писателей.

Как и прежде, весьма существенную роль в журнале будет играть критика и библиография, очерки, публицистика и статьи научного характера.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

принимается всеми отделами «Союзпечати», отделениями связи и общественными уполномоченными предприятий, учреждений и учебных заведений.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД:

Без переплета — 84 р.

В переплете — 108 р.